ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

РОМАН ЗЛОТНИКОВ, ОЛЕГ МАРКЕЛОВ

КРЫЛО АНГЕЛА

РОМАН ЗЛОТНИКОВ, ОЛЕГ МАРКЕЛОВ

КРЫЛО АНГЕЛА

Eagle1812

Книги Романа Злотникова и Олега Маркелова
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Роман Злотников

СОБОР
РУССКИЕ СКАЗКИ

Цикл
«БЕРСЕРКЕР»
МЯТЕЖ НА ОКРАИНЕ ГАЛАКТИКИ
БОЙЦЫ С ОКРАИНЫ ГАЛАКТИКИ

Цикл
«ГРОН»
ОБРЕЧЕННЫЙ НА БОЙ
СМЕРТЕЛЬНЫЙ УДАР
ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Цикл
«ВЕЧНЫЙ»
ШПАГИ НАД ЗВЕЗДАМИ
ВОССТАВШИЙ ИЗ ПЕПЛА
И ПРИШЕЛ МНОГОЛИКИЙ...
ПОСЛЕДНИЙ РЕЙД

Цикл
«ИМПЕРИЯ»
ВИВАТ ИМПЕРАТОР!
АРМАГЕДДОН

Цикл
«АРВЕНДЕЙЛ»
АРВЕНДЕЙЛ
ГЕРЦОГ АРВЕНДЕЙЛ

В соавторстве
с Александром Воробьевым
РОНИН

В соавторстве
с Антоном Красновым
ЛЕННАР. СКВОЗЬ ТЬМУ И... ТЬМУ
ЛЕННАР. КНИГА БЕЗДН

Роман Злотников, Олег Маркелов
КРЫЛО АНГЕЛА

Олег Маркелов

ИМПЕРСКАЯ МОЗАИКА
ТОКСИМЕРСКИЙ ОСКАЛ
АДЕКВАТНОСТЬ
ЛЮБИМЧИК СУДЬБЫ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

РОМАН ЗЛОТНИКОВ,
ОЛЕГ МАРКЕЛОВ

КРЫЛО АНГЕЛА

РОМАН

Москва, 2007
ЭРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
З-68

Серия основана в 1992 году
Выпуск 491

Художник
И. Воронин

Злотников Р. В., Маркелов О. В.
З-68 Крыло ангела: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2007.— 440 с.: ил.— (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-93556-915-0

Он многое пережил на своем пути, пробиваясь к месту под солнцем. Но чувствовал, что достоин гораздо большего. А неожиданно получив это большее, он вдруг четко осознал: кому много дано, с того много и спросится. Ведь ярл должен отвечать не только за себя и свои поступки, но и за судьбы и жизни тех, кто доверился ему, встав под его руку.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-93556-915-0

© Злотников Р. В., 2007
© Маркелов О. В., 2007
© Художественное оформление, «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2007

Солнце уже скрылось за невысокими горами, но небо пока не сдалось подступающей тьме, хотя и склонилось перед ней. Чистое и все еще светлое, оно уже не освещало раскинувшиеся каменистые холмы, покрытые скупой растительностью, а, напротив, светом своим словно делало растекающийся по земле сумрак еще темнее, как бы говоря: «Не надо гневаться, тьма, я вижу твою силу и даже оттеняю ее, чтобы она была лучше видна». Но, склоняясь перед быстро надвигающейся тьмой, небо все равно стремилось донести в заполняемые этой тьмой долины последние лучи ушедшего светила, как символ надежды и знак непременного, неминуемого возвращения света...

Небольшая, уютная долина, спрятавшаяся между невысоких отрогов близких гор, по большей части уже оказалась захлестнута тенью. И лишь несколько из россыпи маленьких приземистых домиков, будто горсть фасоли брошенных в эту долинку, все еще несли на своих крышах отсветы уходящего дня, а остальные уже уставились на подбирающуюся южную ночь светящимися глазами окон.

Стоящий на крыльце одного из домиков молодой мужчина курил, задумчиво глядя на кромку гор, четко очерченную на фоне неба, словно вырезанную арбатским художником-импровизатором, который вместо профиля взял да и вырезал из черной бумаги эти при-

чудливые пики. Мужчина выпускал струйки сигаретного дыма, перемешивающегося с густым жарким еще воздухом, слушал громкий стрекот цикад и вспоминал свою родину. Хотя какая родина может быть у советского офицера? «Мой адрес не дом и не улица. Мой адрес — Советский Союз». Разве мог представить себе пацан из небольшого провинциального городка, любимым развлечением в котором было нестись во весь дух с друзьями на велосипедах к речке, а потом купаться до посинения, что окажется вскоре на самом краю своей великой Родины, у самых южных ее границ?

Но жизнь непредсказуемая штука. После школы он поступил в военное училище, расположенное в полусотне километров от родного дома. Учеба, свидания с девчонками, смотрящими на бравого курсанта восторженными глазами. Первая сигарета, закуренная скорее для солидности, чтобы казаться взрослее. Первые поцелуи. Бравая небрежность в голосе: «Дальше Кушки не пошлют — меньше взвода не дадут». Но все когда-нибудь кончается. И вот распределение. Потом поезд. Пересадка — и еще один гораздо грязнее и набитее первого. Затем раздолбанный автобус. И как венец — кузов дребезжащего армейского «ЗИЛа» и круглые глаза юной жены в сумраке тента... Оказалось, что на необъятных просторах великой страны есть места, про которые вполне можно было сказать, что они «дальше Кушки». Вот, например, это, где перепад дневной и ночной температуры больше тридцати градусов, где цивилизация в своем развитии остановилась, наверное, пару веков назад и где постоянно надо смотреть под ноги, чтобы не наступить на хвост гюрзе или не напугать скорпиона или фалангу. И только одному Господу известно, когда и куда его переведут отсюда.

Рубиновый огонек сигареты, отправленный во тьму щелчком пальцев, описал короткую дугу и скрылся где-то среди камней. Последний раз полной грудью вдохнув теплый воздух, мужчина шагнул в дом, где молодая офицерская жена укладывала трехмесячного сынишку.

— Он еще не спит? — спросил шепотом мужчина, услышав жалобные всхлипы малыша.

— Наверное, животик болит,— ответила молодая женщина.

Она лежала на краю невысокой кровати-топчана и, протянув руку сквозь решетку стоящей рядом детской кроватки, старалась успокоить ребенка. Однако малыш тревожно ворочался, всхлипывая и словно пытаясь оттолкнуть руку матери. Мужчина выключил свет и лег на свободное место. Он почти тотчас заснул, а женщина все лежала, гладя рукой сына и силясь понять его тревоги.

Страшные твари бежали размеренным шагом, неторопливо, но неотвратимо приближаясь. Он видел их, как и многих-многих других, присутствующих в этом мире. И они тоже знали, что он видит их. Вот только почему-то не боялись... Их сухие тела, больше похожие на обтянутые темной кожей скелеты, двигались легко и четко, словно заведенные автоматы. Длинные ноги с высокой голенью и сгибающимися назад, словно у птиц, коленями, совсем не создавали шума. Лишь по облачкам пыли, взлетающей при каждом стремительном шаге, можно было понять, что это не бестелесные призраки, скользящие во тьме южной ночи. Он пытался подняться, чтобы встретить обнаглевших охотников во всей своей мощи. Мощи чрезмерной для таких ничтожных и презренных падальщиков. Но тело не слушалось. Даже разум был окутан непонятной пеленой, в которой зияли лишь отдельные

частые прорехи. Как будто пятна чистой сини в темном грозовом небе. Он крутился, борясь с непослушным телом и чувствуя себя перевернутым на спину майским жуком, которого вот-вот растопчут. Осознав всю тщетность своих усилий, замер, прислушиваясь и присматриваясь. Рядом был еще кто-то. Мужчина и женщина. Мужчина спал, а женщина касалась рукой его головы и что-то шептала. Она пыталась успокоить его страхи — это было совершенно ясно.

— Уходи, женщина,— попытался сказать он, отталкивая ее руку.— Они идут лишь за мной. Но заберут всех, кто окажется рядом.

Горло дергалось, силясь облечь его мысли в слова, но лишь жалкое мяуканье рождалось в нем. Детский плач? Он с ужасом понял, почему столь беззащитным и жалким чувствует себя сейчас. Он был заключен, словно в прочнейшие кандалы, в крошечное детское тело. Тело маленького, трехмесячного ребенка.

Твари были уже совсем близко. Теперь он чувствовал и их возбуждение, словно у гиен, вышедших на едва живого и уже неспособного сопротивляться льва. Они замедлили бег, приближаясь к дому и в свою очередь прислушиваясь. Со львом, когда тот умирает, все же надо держать ухо востро. Лишь легкое порыкивание, воспринимаемое обитателями этого мира как приступы необъяснимого страха, выдавало их нетерпение. Но в своих действиях они этого нетерпения позволить себе не могли. Слишком хорошо они знали, кто должен стать их жертвой. Осторожно, будто боясь спугнуть удачу, они приблизились вплотную к дому. Одна тварь побежала вокруг, неторопливо проверяя все подходы. Вторая медленно, словно опасаясь удара, заглянула в окно.

— Убери руку, женщина! — взмолился он, напрягаясь изо всех сил, но слышал лишь жалобный детский плач.

Тварь, завершившая круг, скользнула в открытое окно соседней комнаты. Еще секунду назад кажущаяся угловатой на голенастых ногах, она теперь, подобно ящерице, распласталась на полу, плавно переставляя конечности, стелясь, словно клок утреннего тумана. Вторая замерла перед окном в спальню, готовая одним рывком ворваться внутрь, когда начнется потеха.

— Убери руку...— стонал он, пытаясь оттолкнуть теплую ладонь и видя, как неумолимый убийца подползает все ближе.

Что-то внезапно изменилось в окружающем пространстве. Словно прохладный воздух вдруг заструился в неподвижной духоте комнаты. Ветерок легким перышком коснулся его лица. Тварь отшатнулась от окна, жалобно заскулив, когда в комнате замерцало что-то большое и еще более стремительное, чем они. Подползший слишком близко второй убийца уже не мог спастись. Мерцание разрубило его надвое, превратив из ужасного монстра в груду костей и жил. Несколько секунд — и останки исчезли, вернувшись туда, откуда тварь пришла в этот мир.

Женщина встревоженно вскинулась, всматриваясь в темноту комнаты, где почудилось ей неясное движение. Словно мелькнуло что-то — то ли тюль на ветру, то ли крыло огромной белой птицы. Но там ничего не было, и она, решив, что задремала, легла вновь, прислушиваясь к дыханию внезапно успокоившегося малыша.

— Ты пришел,— облегченно вздохнул он, глядя на склонившуюся огромную белую фигуру.

— Разве могло быть иначе? — спросил гость, улыбаясь.— Я был рядом, но до последнего мига надеялся, что они уйдут. Ты ведь под защитой.

— Я почти ничего не помню, — пожаловался он.

— Ты осужден. Поэтому тебя лишили связи с Сутью,— пожал плечами гость.— Это меня не тревожит. Но мне не хотелось бы оставлять тебя одного. Памятуя о том, что только что произошло,— тем более. Но решение бесспорно. Я закрою прорехи, и они больше не придут... Они не найдут...

— Странно... я же почувствовал их. И я помню, кто они. Разве я мог бы сделать это, не имея связи с Сутью?

— Да,— гость грустно усмехнулся,— но это всего лишь тоненькая нить, паутинка, воспоминание... И даже она лишь до тех пор, пока это маленькое тельце не взрастило в себе сознание.

Гость выпрямился. Что-то с шелестом плеснулось за его спиной, заполняя белым снегом всю комнату.

— До встречи через жизнь,— шепнул гость, проводя ладонью над кроваткой с затихшим ребенком.— До встречи...

Струйка свежего воздуха коснулась влажной от пота кожи, и женщина вновь встревоженно приподнялась. Что-то изменилось, казалось, в самом воздухе. Может быть, завтра будет дождь? Женщина поднялась, склонилась над детской кроваткой. Малыш спокойно спал, мерно и тихо посапывая. Его вид мгновенно успокоил женщину, лучше любого снотворного подействовав на состояние матери. Сон легким покрывалом коснулся ее, и через минуту весь дом был охвачен мирным безмолвием.

Зима нынче в Подмосковье выдалась великолепной. Много снега, мороз, частые солнечные дни. А вечером, когда ночь вступала в свои права, всем, кто, выйдя на улицу, поднимал взгляд вверх, открывалась почти чарующая картина ярких, крупных звезд, ясно видимых сквозь хрусталь зимнего воздуха.

Восьмидесятые перевалили на вторую половину, и мир вокруг выглядел таким же прозрачным, как этот чистый морозный воздух. Сегодня вечером во многих квартирах небольшого подмосковного городка люди садились гадать, как и много лет назад их предки. Близилось Рождество, и многие, ставя зеркала, соединяя свои руки на донышках блюдец или как-то еще, пытались нагадать себе счастья если не на всю жизнь, то хотя бы на следующий год. Человек всегда верит во что-то таинственное, немного страшное и непонятное, но тем как раз и притягивающее к себе. Такова его суть. И неважно, где он родился, вырос и живет — будь то знойная саванна Африки или прохладная Скандинавия, острова в Индийском, Тихом океанах или еще где на этой такой маленькой Земле, затерянной в необъятных просторах Вселенной.

— Прикольно, конечно, но пускай он мне ответит на какой-нибудь вопрос,— скептически усмехнулся юноша, наблюдая, как несколько его родственников с благоговейным ужасом читают буквы, указываемые скользящим под их руками блюдцем.— Давайте я спрошу, и сразу станет ясно, что это никакой не дух.

— Леша, успокойся,— одернули его.— Это не цирк. С духами нельзя шутить.

— Ну да. И кто же из вас дух? — вскинул брови юноша.— Почему вы не хотите, чтобы я спросил? Просто играетесь и понимаете, что ни на один серьезный вопрос ответить не сможете?

Он язвил лишь потому, что ничто не принимал на веру без веских доказательств. И пусть кому-то это могло показаться цинизмом или грубостью, но Леха ничего с этим поделать не мог. Хотя в глубине души ему безумно хотелось, чтобы это блюдце действительно оказалось замочной скважиной в иной, невидимый и неведомый, мир. Мир огромный и сложный, где нашли свое место под солнцем сонмы предков и где найдет со временем место и он сам. Ему очень хотелось поверить во все это, но сдаться, не получив подтверждений, ему просто не позволял характер.

— Если сам не веришь, иди, не мешай нам,— укоризненно покачала головой мама.— Не злобствуй. Просто дай нам спокойно этим заниматься. Ведь тебя-то никто не заставляет садиться в круг.

— Ну... я бы поверил, если вы позволите мне задать несколько вопросов,— упрямо качнул головой Леха, с детства продемонстрировавший, что он не привык сдаваться и не шибко признает авторитеты.— Что, вам слишком сложно дать мне возможность задать несколько вопросов?

Но тут блюдце под руками гадающих быстро задвигалось, мечась по листу ватмана с начертанными буквами и цифрами. Все оживились, моментально забыв о споре.

— Кто ты? — с чувством спросили сразу несколько голосов.

Блюдце продолжало метаться, совершая хаотичные движения.

— Тебе что-то мешает? — спросил отец.

Блюдце замерло над написанным ответом «Да».

— Что? — подхватили остальные.

Блюдце вновь заскользило по ватману, перебегая от буквы к букве. Все словно завороженные смотрели на его бег, повторяя хором указанные буквы.

— А... Эл... Е... Ка... Эс... Е... Й...— звучало хором.— Алексей?!

Блюдце метнулось к ответу — «Да».

— Леха! Прекращай! — зашумели все, обращая взоры на юношу.— Ты нам все гадание портишь!

— Чем я порчу?! — взвился юноша, гневно сверкнув глазами.— В прошлый раз кошка вам мешала, теперь я. Кому-то из вас, кто блюдце крутит, просто не нравится, что я могу его подловить.

— Прекращай уже. Нам что теперь, бросить все из-за твоего упрямства?

— Да ну вас всех! — обозлился Леха.— Сидите как дураки над этим блюдцем. Нашли себе игрушку...

Он быстро оделся и вышел из квартиры, хлопнув дверью. Он действительно здорово злился, лишившись даже надежды на то, чтобы поверить. Яркие звезды на черном бархате неба выглядели колдовскими и чарующими. Совершенно неожиданно Леха почувствовал, что пространство вокруг него как-то изменилось. Словно стоит сделать какое-то движение, раскинуть руки — и взлетишь, поднимаясь к далеким звездам. Раздражение и злость сменились ощущением, что его слышат. Неизвестно кто, но слышит. Леха встал, глядя на звезды.

— Если вы действительно существуете, проучите их,— вдруг попросил он, сам не зная, к кому сейчас обращается. Уж не к Господу, совершенно точно — в Советском Союзе середины восьмидесятых молодежь не говорила с Господом.

Ничего не произошло. Все так же смотрели сверху холодные звезды. Все так же кружились в медленном хороводе редкие кружевные снежинки. Тряхнув головой и подумав о собственной глупости, Леха зашагал дальше, слушая, как хрустит под ботинками снег.

Дома было тепло и уютно. Родители еще не вернулись от родни, скорее всего продолжая увлеченно гадать. Немного почитав, Леха забрался в постель и быстро уснул.

Родители вернулись далеко за полночь, усталые и невеселые. Проснувшись, Леха вышел их встретить.

— Нехило вы погадали,— удивился он, бросив взгляд на часы.

— Да уж, погадали...— поморщившись, покачала головой мама.— Вымотались все ужас как.

— А чего сидели-то? — спросил Леха.

— Ты знаешь... Дух хулиганил. Представился Есениным и хулиганил. Ругался матом, насмехался над нами,— начала объяснять мама.

— Так плюнули бы да ушли.

— Нельзя уходить, пока дух не простился и не ушел сам,— пояснила мама.— Иначе этот канал останется открытым.

— Да, тяжелый случай,— пожал плечами Леха.— Ладно, родители, спокойного утра. Пойду досыпать.

Он вернулся в постель, но сон больше не шел. Лехе вдруг стало не по себе от воспоминания об испытанном под звездами ощущении. Он лежал в теплой постели, скрытый от звезд толстыми бетонными перекрытиями современной многоэтажки. Но по спине бежали мурашки от вновь возникшего ощущения чьего-то присутствия. Было тепло, но Леха натянул одеяло до самой макушки, словно ребенок, прячущийся от своих страхов. И опять что-то изменилось. Как будто кто-то аккуратно коснулся его плеча. Коснулся по-дружески, сразу принеся спокойствие и открыв ворота сну.

В спортзале почти не было народу — середина праздничного дня, весьма удачное время для ежедневной

тренировки. Трое юношей, работающих вместе, да пара мужиков, тренирующихся поодиночке.

— Ты что, поступать никуда не будешь больше? — спросил массивный, выглядящий старше своего возраста парень, держащий старые, потрепанные «лапы», по которым остервенело молотил второй, сухой и жилистый.

— Я раз попробовал — не вышло. Значит, не судьба сейчас,— ответил тот, останавливаясь и переводя дыхание.

— Не судьба? А армия? — удивился массивный, стаскивая «лапы» и протягивая их третьему, невысокому и коренастому: — Подержи. Ты что, Леха, в армейку собрался?

— А хоть бы и так,— пожал плечами сухой, отходя чуть в сторону и присаживаясь на облезлую лавку.— Ты, Миха, чего в этом плохого видишь? Главное — в войска нормальные попасть.

— Ты серьезно? — подал голос коренастый, морщась от тяжелых ударов по «лапам» того, которого звали Михой.— И в какие войска ты хочешь?

Словам Лехи друзья поверили безоговорочно — он всегда слишком всерьез относился к своим словам. Но решение идти в армию, даже не попытавшись откосить, было совершенно непонятным. Терять два года непонятно зачем? Ну не идиотизм ли?! Тем более Лехе... Каждый, кто хоть раз разговаривал с Лехой, ощущал его энергетику, внутреннюю силу и волю. Он явно должен был добиться в жизни многого. И вот человек, обладающий такими качествами, вдруг решает пойти в армию, где, по мнению обывателей, служат только дебилы да неудачники...

— Да фиг его знает,— пожал плечами Леха.— Морпех, десантура, погранцы. Остальные лажа полная. Из этих вернешься, так хоть чувствовать себя нормальным

будешь. Достойные войска. Правда, морпех на три года. Это, пожалуй, многовато. А вообще, Серега, не всем же такими умными быть.— Он усмехнулся и от души врезал по груше, так что она аж загудела.— Кто-то и Родину защищать должен.

Довольный последней фразой и — слегка — тем, что друзья смотрят на него как на полного отморозка, Леха пошел к турнику. На самом деле он даже самого себя удивлял своим спокойным решением «сходить в армейку» и испытать себя. Конечно, на турнике он многим в спортзале фору даст, в спарринге ребят постарше попотеть заставит, да и вообще по жизни он не робкого десятка, но ведь про армию чего только не рассказывают.

— Леха, завязывай крутиться, в глазах рябит,— забасил подошедший Миха, которому вследствие комплекции и веса тяжелоатлета турник давался много хуже, чем спарринг или работа с утяжелениями.— Ты чего сегодня на вечер планируешь? Выходной как-никак.

— Есть предложения? — выдавил Леха, назло товарищу подтягиваясь на одной руке.

— Давай на дискач съездим? — Миха нахмурился, с явной завистью наблюдая за действиями друга.— Я с девчонкой одной познакомился. У нее и подружки есть, я узнавал. Одна прямо в твоем вкусе.

— В моем вкусе? — переспросил Леха, спрыгивая с турника.— И одинокая, и желает познакомиться?

— Что не сделаешь ради подруги,— ухмыльнулся Миха, радуясь выпавшей возможности отомстить за турник.— Она, конечно, думает, что у меня друзья такие же, как и я, серьезные. Но для своей подруги она готова и с таким тощеньким юношей скоротать вечер. Тем более на дискаче темно, а после и подавно. Идешь?

— А Серега идет? — спросил Леха, бросая взгляд на молотящего по груше в углу Серегу.

— Да он же без помощи вообще с девчонкой познакомиться не может. Ты думаешь, он упустит такой случай? А тебе и подавно надо, раз уж ты в армейку собрался. Надо нагуляться и накуролеситься на два года.

— Только пусть она еще подружку найдет...

— Расслабься, это только ты у нас любитель маленьких и худеньких,— успокоил товарища Миха.— Для Сереги там такая деваха есть... Хохлушка, наверное.

— Ладно,— согласился Леха.— А где дискотека-то?

— Тихое место. ДК «Хроматрон», слышал? Вот там.

— А чего на нашу не сходить? Сегодня праздник, так и у нас будет. И девок сюда притащим.

— У тебя что, родаки отдыхать уехали? — язвительно спросил Миха.

— При чем тут мои родаки? — не понял Леха.

— А при том. На дискач сюда девок выдернуть, конечно, можно. Но у Ленки, с которой я познакомился, шнурки в Сочи свалили. Если все будет путем, с дискача к ней метнемся. Там и зависнем. На их территории мы их по-любому раскрутим. А тут, кроме потанцевать, нам вряд ли что обломится. Или ты хочешь с ними по подъездам обжиматься?

— Убедительно глаголишь, отрок,— сдался Леха, почувствовав легкий укол зависти к другу, которому просто необычайно везло на подружек. Девки на него буквально вешались.

Впрочем, ему самому подсознательно казалось, что и у него, буде он нацелен на быстрые знакомства, все бы было не хуже. Во всяком случае, девчонки его всегда замечали. Просто... он относился к этому гораздо спокойнее Михи. Коль сладится — так сладится,

а нет — и не надо. Как будто знал, что его главные встречи ждут его где там, далеко...

— Тогда давай разбегаться,— скомандовал Миха деловым тоном.— Времени в обрез. По домам, переодеваться. Сбор у меня через два часа.

Темный зал ДК «Хроматрон» содрогался от рева огромных потертых деревянных колонок, изрыгающих из себя очередной мотив «Модерн токинг» в интерпретации Сергея Минаева. Спрятанные за разноцветными светофорными стеклами фонари оставляли множество неосвещенных мест в зале, создавая тем не менее цветной калейдоскоп в глазах скачущей по грязному полу толпы. Дискотека была в самом разгаре.

— Ну как тебе она?! — заорал Миха в самое ухо Лехе, с трудом перекрикивая какофонию.

Леха только показал поднятый вверх большой палец — ему и вправду понравилась миниатюрная, как Дюймовочка, брюнеточка. Настолько, что он даже решил отойти от своей обычной манеры и, так сказать, приударить.

— Я же тебе говорил! — оскалился Миха.— Вон и Серега уже слюни пускает!

Серега слюни не пускал, он вовсю обжимался со своей новой подружкой, постоянно путая быстрые танцы с медленными. Похоже, что эта парочка уже сейчас была готова продолжить вечеринку в какой-нибудь квартире без родительской опеки.

Неожиданно Леха напрягся. Он совершенно ясно почувствовал что-то враждебное рядом — недобрый взгляд или жест, но явно это относилось к нему. Мельком оглядевшись, он заметил небольшую группу ребят, примерно такого же возраста, косо поглядывающих в их сторону.

— Нам с девчонками надо отойти на пять минут,— предупредила маленькая брюнеточка, обхватывая Леху за шею.— Мы быстро. Там Ленка бутылку притащила. Мы по глотку — и обратно.

— Давай,— пожал плечами Леха, расслабляясь от прикосновения хрупкого, гибкого тела.— Возвращайся быстрее, скоро медляк будет.

Девчонки упорхнули, и тотчас, словно это было сигналом к действию, окружающие расступились, образуя вокруг троих друзей плотное кольцо недобрых лиц. Вперед выдвинулся здоровенный парень с модно взлохмаченными патлами. Он зло зыркнул на троих стоящих в живом кругу ребят и, осклабившись, лениво ткнул пальцем в Леху и Миху:

— Ты и ты, можете сваливать. К вам вопросов нет.

Леха окинул его и остальных оценивающим взглядом и спросил, кивком указав на Серегу:

— А он?

— Он останется,— сплюнул патлатый.— И ты, если время тянуть будешь, тоже. Тебе что, больше всех надо?

— Мне — надо,— тихо ответил Леха. И отчего-то, несмотря на то что сейчас на них неминуемо обрушатся кулаки доброй дюжины противников, он почувствовал себя совершенно спокойно и даже безмятежно. Так, как чувствует себя человек, поступающий не просто правильно (то есть в соответствии с какими-то *установленными* кем-то правилами), а верно и точно. Так, как и должно поступать ЧЕЛОВЕКУ.

Впрочем, надо было все-таки попытаться выйти из ситуации с минимальными потерями.

— Парни, проблем нет. Мы вместе пришли и вместе уйдем. Давайте разойдемся мирно,— ответил Леха.

Миха покосился на него. Он понимал, что они трое лезут в петлю. Но если даже Леха не думает от-

ступать, то что оставалось ему, самому могучему из их тройки?

— Ладно, хватит болтать.— Патлатый вновь сплюнул, пытаясь попасть в Леху.— Кто хотел, тот ушел.— И скорчил свирепую рожу, привычно собираясь запугать, сбить с толку противников. Но на этот раз его гримасничанье не сработало.

— Ишь какой ты самоуверенный.— Леха улыбнулся почти весело.— Ты не знаешь, кто мы и на что способны. Ты уверен, что все держишь под контролем?

Смех и выкрики вокруг смолкли, но патлатый, глядя Лехе в глаза, махнул рукой:

— Ату их, пацаны!

Круг сжался. Миха, чудом увернувшись от первого удара какого-то дылды, накатил в ответ. Его хлесткий прямой в челюсть унес нападавшего в ряды последователей. Леха, понимая, что никакая тактика вроде «спина к спине» в ситуации, когда против троих стоит человек пятнадцать, а то и больше, не сработает, прыгнул вперед. Его рывок оказался для всех столь неожиданным, что патлатый не успел даже вскинуть руки, когда на него обрушился град жестких ударов. Короткий левой в печень с поворотом кулака, правой вдогонку в «солнышко» и той же правой крюк в челюсть. Патлатый рухнул будто подкошенный, а Леха еще успел достать падающего на лету ногой в голову. Град ударов обрушился со всех сторон. Леха крутился, но получалось едва-едва отмахиваться от наседавших, совсем не отвечая на удары. Товарищей он сразу потерял из виду. Чей-то ботинок врезался под ребра, заставив его согнуться. Леха ухватил первого попавшегося за лацканы мешковатой куртки и, пытаясь вдохнуть, все же сумел ударить головой в лицо. Не слишком удачно, почти макушкой, но достаточно сильно, чтобы увидеть брызнувшую из разбитых носа и губ кровь. Кто-то

лупил его по спине кулаком. Отпустив сникшую мешковатую куртку, Леха, не поворачиваясь, лягнул ногой, смачно попадая в мягкое каблуком. Надеясь вырваться, он продирался к выходу из зала, уже перестав считать и чувствовать сыпавшиеся на него удары и желая только одного — не упасть. Чье-то лицо оказалось совсем близко, и Леха тяжело и коротко ударил локтем. Лицо упало, и Леха, споткнувшись о его обладателя, рухнул следом. Чудом он не упал совсем, а, пробежав насколько шагов на четвереньках и удивительным образом избежав направленных в него пинков, сумел подняться. Выход был совсем рядом. Но в тот миг, когда Леха уже поверил в близость спасения, кто-то достал-таки его ногой в солнечное сплетение. Захлебнувшись застрявшим в горле воздухом, Леха еще успел заметить приближающийся тяжелый рабочий ботинок с усиленным носком. В виске взорвалось ярким светом, как будто прямо в глаза ударила ослепительная вспышка. Тело в последний раз тряхнуло, словно от удара током. А в следующий миг все погрузилось в спасительную тьму.

В ушах стоял непонятный глухой гул. Казалось, будто с обеих сторон прислонили огромные раковины, которые вместо приятного шелеста моря выдают этот болезненный, надрывный звук. Возможно, именно так звучит огромный трансформатор, если залезть вопреки предупреждающим табличкам в трансформаторную будку. Только потом вряд ли поделишься впечатлениями от его звука.

Перед лицом что-то двигалось, но Леха никак не мог разобрать, что это. Наконец зрение кое-как удалось сфокусировать: перед лицом двигался пол. Леха

с трудом поднял голову и увидел двух милиционеров, тащивших его за руки.

— А, оклемался, дебошир,— заметил один из них, пожилой, почти отеческим тоном.— Здесь посиди.

С этими словами они усадили Леху на лавку у стены. Только теперь Леха понял, что оказался в коридоре, ведущем в танцевальный зал. Там, в зале, все так же играла музыка. Только доносилась она, как и слова милиционеров, сквозь толстые, невидимые подушки из ваты. Да еще этот мешающий «внутренний» гул...

— Что же ты хулиганишь? — спросил, подсаживаясь рядом, второй милиционер.— В своем районе, поди, так не ведешь себя. Ты откуда?

Леха вдруг забыл, как называется его городок, лишь неопределенно шевельнув разбитой рукой.

— Ясно. Я и говорю — неместный. Нет чтобы к себе на танцы, ты к нам за приключениями,— пожурил милиционер, доставая пачку «Дуката».— Сигарету хочешь?

— Не курю,— выдавил Леха, чувствуя, как с трудом шевелятся губы.

— Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет,— сострил первый милиционер, окидывая Леху насмешливым взглядом.— Ладно. Забирать мы тебя не будем, хоть по-доброму в отделение бы тебя до утра. Да черт с тобой. Праздник все ж таки. Отдышись и вали домой. Понял намек?

Леха согласно кивнул, желая только одного — чтобы его оставили сейчас в покое. Удовлетворенные такой сговорчивостью, милиционеры побрели в сторону выхода. Леха закрыл глаза и откинулся на стенку, ощущая полное отупение, сродни тому, что испытывает явно перебравший человек.

— Ну наконец-то я тебя нашла! — Маленькая брюнеточка появилась неожиданно, совершенно искренне

ужасаясь: — Кошмар. Что эти гады с тобой сделали... Бедненький.

— За что нас? — поинтересовался Леха почти безразлично.

— Да Ленка раньше с одним тут у нас крутила. А сейчас они расстались, а он ей жизни так и не дает,— пояснила брюнетка.— Мы хотели предложить вам свалить с дискотеки, да не успели.

— Ну да.— Леха попытался усмехнуться, но подсохшая губа снова лопнула, брызнув кровью, и он оставил попытки съязвить.— А где Миха с Серегой?

— Они вроде там, в холле, были.— Брюнетка вскочила с лавки.— Я сейчас приведу.

Леха уже начал приходить в себя, как ему показалось. По крайней мере, он не чувствовал ни особой боли, ни каких-либо других серьезных неудобств. Силы возвращались к нему, неся ощущение, что не все так плохо в жизни. Зато эта брюнеточка уже готова и пожалеть, и позаботиться. Похоже, родителям не видать сына сегодня. Леха поднялся и поплелся за упорхнувшей брюнеткой.

— Леха! — окликнул его довольно бодрый голос друга.— Ну ты красавчик! Этого волосатого, с которым ты схлестнулся, первым на «скорой» увезли. Ты ему челюсть сломал, кажется, а то и чего похлеще. Ты, кстати, себя еще не видел? Девчонки, дайте ему зеркало.

Леха обернулся на голос и опешил. Миха действительно выглядел весьма живописно — явно сломанная переносица, справа и слева от которой уже начали набухать отеки, гематомы по всей морде, запекшаяся кровь на губах, разорванная рубашка и разбитые в кровь кулаки. Гладиатор после битвы, да и только.

— Ты на себя посмотри,— выдавив все же улыбку, парировал Леха.— Идущие на смерть приветствуют тебя. А Серега как?

— Он-то легче всех отделался. Его почему-то практически не били,— кивнул на сидящего рядом друга Миха.

— Надо быстрее соображать,— возразил Сергей.— Ты ведь, Леха, тоже прорваться пытался?

— Пытался,— кивнул Леха.— Вы мне лучше не про то, что было, расскажите. Об этом мы завтра поболтаем. Вы мне скажите, что дальше делать будем. Все кончилось или нас отсюда не выпустят? И где твоя Ленка?

— Да никому мы больше не нужны,— набычился Миха.— Ленка где, не знаю, но, как понимаю — нам сейчас ее искать не резон. Убьют, на фиг, вообще. Надо потом с пацанами сюда подъехать, перетереть. А сейчас валить домой.

— Вот так всегда,— завелся Леха, ощущая нездоровое возбуждение, близкое к куражу.— Собрались отдыхать, а чуть что не так пошло, сразу по домам.

— Хорош тебе, Леха, кончай прикалываться,— одернул друга Миха.— Ты действительно на себя посмотри. У тебя глаз-то целый? А то я его вообще не вижу.

— Главное, чтобы я видел,— хорохорился Леха, неожиданно почувствовавший приступ головокружения и тошноты.— Один момент.

Он попытался найти поблизости туалет, но не успел, и его вырвало прямо в коридоре Дома культуры.

— Ну ты, блин, даешь,— потянул его за руку Миха.— Да у тебя сотряс конкретный. Тебе сейчас отлежаться малек надо. Поехали потихоньку домой.

Кураж закончился, и Леха покорно последовал за заботливым другом.

Прощаясь у ближайшей остановки трамвая, брюнеточка поцеловала Леху в щеку:

— Отлежишься — заглядывай в гости. Вот мой телефон,— сказала девушка, засовывая Лехе оторванную от сигаретной пачки фольгу с написанным на бумажной стороне телефоном и именем — Катя.

— На днях позвоню,— заверил Леха, ни на миг не сомневаясь в своих словах.

Дорога до дома была довольно долгой: шум дискотеки, подружки, кураж — все это осталось позади, уступив место появившейся боли. Дома родители испуганно суетились вокруг сына. А утром Леху увезла «скорая».

— Я понимаю, что он физически здоров. Но ведь вы сами должны понимать, что одна только контузия — это уже диагноз еще тот. А у него еще всего прочего на целый лист. Зрение едва восстановили. Нарушение работы нервной системы наверняка последствия даст. И хорошо, если только пониженный порог чувствительности. Я должен передать выписку в поликлинику по месту жительства,— объяснял заведующий отделением родителям одного из недавно выписанных из стационара пациентов.— Сколько ему времени потребуется, чтобы полностью восстановиться? А ведь еще не факт, что последствия некоторых травм можно вообще полностью ликвидировать.

— Мы все это прекрасно понимаем. Но и вы поймите — он собрался в армию идти.

— Куда? — вытаращил глаза завотделением.

Женщина насупилась, бросила злой взгляд на мужа, будто говоря ему: смотри, мол, как умные люди реагируют,— но тот только досадливо поморщился. И она, вздохнув, пояснила:

— В армию. Так уперся, что ни в какую. И что на него нашло!..

Врач удивленно покачал головой. Люди платят бешеные бабки, только бы откосить. У парня самый что ни на есть объективный повод, а он на тебе... Чудной какой-то. Впрочем, это не его дело.

— Может, оно и к лучшему, что диагноз такой? Будет где-нибудь в спокойном месте служить.— Врач пожал плечами, с интересом рассматривая посетителей, которые не искали возможности слепить диагноз, а, напротив, просили помощи в ликвидации истории болезни. И внезапно для себя решил, что денег с них, как первоначально собирался, он брать не будет (а что, и то и другое — должностной, так сказать, подлог, а потому плата «за риск» вполне допустима).

— Он не хочет в спокойном месте. Он хочет в такие войска, куда с вашими диагнозами путь заказан,— хмурясь, пояснил мужчина.— Так и сказал: «Идти туда, только чтобы «отбыть», смысла не вижу».— И хотя на лице его было скорбное выражение, врач почувствовал в голосе собеседника нотку мужской гордости.

— Может быть, мы как-то все же решим этот вопрос? — вторила мужу женщина.

— Ну хорошо,— после непродолжительного раздумья сдался заведующий отделением.— Только идя навстречу Виктору Сергеевичу, который попросил меня с вами встретиться. Давайте сделаем так. Вы сейчас напишете заявление о том, что вы просите выдать вам на руки историю болезни сына для передачи в поликлинику по месту жительства нарочным в связи с необходимостью срочно формировать медицинскую книжку призывника. Я оставлю это заявление у себя, а историю болезни отдам вам. Мы ведь, в конце концов, не в состоянии проверять, передали ли вы документы или они где-то затерялись. Но, надеюсь, за-

просов из военкомата к нам не будет. И напомню вам еще одно — последствия этой контузии, да и кое-каких других строчек из нашей истории болезни, еще проявятся. И каковы будут эти проявления, я не возьмусь предсказать. Просто не забывайте об этом.

Нахичеванский пограничный отряд встретил молодых бойцов температурой далеко за тридцать и беспощадным солнцем, от которого дорожки превращались в текучие потеки жидкого асфальта. Пыльный «ГАЗ-66» вкатил в ворота отряда, отделившие всю прошлую Лехину жизнь от настоящего и будущего.

Учебка пронеслась как один кошмарный сон — тренировки, усталость, постоянное желание есть и спать... А потом появились «покупатели» и соблазнили Леху, как одного из самых подготовленных курсантов учебки, подготовкой в школе сержантского состава. С предвкушением интересного и неведомого Леха уехал с небольшой командой таких же, как и он сам, в Октемберян. И только оказавшись в школе сержантского состава, понял, что такое настоящие «тяготы и лишения». Учебка вспоминалась как отдых в летнем пионерском лагере. Но помимо трудностей Леха совершенно неожиданно обнаружил, что умеет... говорить с окружающими его людьми. Конечно, говорить умеют все, но Леха говорил так, что к нему прислушивались. Он редко ссорился, но шел при этом до конца. Его уважали даже сержанты учебных застав, призванные прессовать и вызывать всем своим существованием ненависть, которая часто и помогает людям преодолеть трудности. И еще Леха с удивлением чувствовал, будто все, чему его здесь учат, он уже откуда-то знает и умеет. Нет, не стрелять из автомата или навертывать портянки. А... управлять людьми и

принимать решения. И брать на себя ответственность за них. То есть он не мог сформулировать этого, но инстинктивно чувствовал, что все это у него получается и что это то, что он умеет, и потому — должен делать.

Возвращаясь в Нахичевань, теперь уже на одну из застав Нахичеванского погранотряда, Леха гордо нес на плечах лычки сержанта. Они действительно были наградой. Потому что «сержантов» по окончании учебки присваивают только тем, кто оканчивает учебку на «отлично». Остальные из учебки выходят младшими сержантами. А вместе с лычками в его душе поселилось ощущение, что вопреки некоторым проблемам и даже гордому нраву, чего в армии никогда особенно не любили, здесь ему легко. Но хотелось чего-то большего. И потому Леха выдержал жесткий прессинг командира учебной заставы, пытавшегося убедить курсанта-отличника остаться сержантом в учебке, и вернулся в свой погранотряд.

Юг покорил Леху, несмотря на внезапно вспыхнувшую под воздействием сотрясающих страну перемен неприязнь живущих там людей. Но чего стоил весь внечеловеческий мир юга! Огромные звезды, висящие в черном чистом небе так близко, что, казалось, протяни руку и коснешься. Громадная южная луна, наполняющая тело странной ликующей энергией. Тихие раздумья о вечности мира и бездонных глубинах времени при виде кровавого заката над черными зубцами гор. Писк фаланги и боевая стойка скорпиона, чьи предки бегали по этой земле еще в пору расцвета древних, давно исчезнувших цивилизаций. Сны о странном мире, населенном помимо людей множеством необычных созданий...

Вечерами, сидя в курилке или лежа в кровати, Леха размышлял обо всем, что увидел и узнал. И все больше

склонялся к мысли, что контузия действительно не прошла даром. Только вопреки прогнозам доктора принесла не проблемы, а новые ощущения этого мира и людей, в нем живущих. Дни бежали стремительной чередой, наполненные службой, размышлениями и наслаждением миром. Лычки на его плечах сначала размножились, затем слились в одну широкую, а под конец службы и вовсе залили весь погон, развернувшись широкой продольной полосой.

— Ты что собираешься на гражданке делать? — поинтересовался капитан Кравцов, заместитель начальника заставы по боевой подготовке.— Там ведь теперь неспокойно. Союза практически уже нет. Кругом кооператоры, бандиты...

— А еще свобода, девчонки, буйство жизни,— продолжил Леха, весело улыбаясь. История учебки повторялась. Разговор о том, чтобы остаться на сверхсрочную, с ним затевали уже не в первый раз.

— Ты просто не представляешь, что там сейчас творится,— продолжал нагнетать Кравцов.— А тут у тебя все перспективы. Ты отличный спортсмен и лучший стрелок. Отличник боевой и политической подготовки... Словом, я тебя еще раз прошу подумать о возможности остаться на сверхсрочную. Я дам рекомендации. У нас как раз на заставе старшина собрался переводиться в отряд. Что скажешь?

— Я подумаю, товарищ капитан, но, если честно, мне хочется попробовать этой новой жизни,— честно ответил Леха.

— Это ничего,— не сдавался зампобою.— Можешь съездить домой, посмотреть, попробовать, а потом вернуться.

Поезд неторопливо тронулся, нехотя прощаясь с небольшим, утопающим в зелени вокзалом.

На вокзале южанки в слезах
Говорят: оставайся солдат.
Но ответит солдат:
Пусть на ваших плечах
«Молодых» наших руки лежат.

Дембель из компании теперь уже бывших солдат Советской армии хрипло пел глуповатую и не слишком складную песню:

Уезжают в родные края
Дембеля, дембеля, дембеля.
И, куда ни взгляни,
В эти майские дни
Всюду пьяные ходят они...

Дни были уже совсем не майские. Те, кому посчастливилось дембельнуться в мае, давно с головой окунулись в гражданскую жизнь, потихоньку отвыкая от дурдома армии.

За окном поезда, на удивление чистым, колыхался жаркий июльский вечер. Что ни говори, а и дембеля-шурупы, как презрительно называли служащих Советской армии пограничники, и стоящий в коридоре у окна старшина-пограничник, прилично задержались с возвращением домой.

Вокзал исчез в темноте за хвостом зеленой змеи поезда, а пограничник все стоял, задумчиво глядя в окно. Когда-то, двадцать лет назад, он уже был в этих краях. Правда, тогда всего лишь грудничком. Тем страннее было то, что он сохранил какие-то смутные и странные пятна детских воспоминаний. Отдал два года жизни этому дикому и прекрасному краю сейчас. Краю, где иногда при виде ночного неба или багряного

заката в горах наваливался на него сонм смутных видений. Видений непонятных и неясных, как отголоски многих прочих жизней, как те сны, которые в последнее время очень часто ему снились. Хоть книги пиши. Правда, вполне логичное объяснение всему этому у Лехи было — последствия травм, полученных до армии. Хорошо хоть, что вопреки прогнозам доктора ни во что, кроме этих видений, последствия тех травм не вылились.

Удивительная все-таки штука жизнь, сплетающаяся из ниточек событий — то разбегающихся прочь, словно навсегда, то вновь соединяющихся в тугой косе бытия.

За окном стало совсем темно. Это поезд добрался до приграничной зоны и мчался теперь вдоль узкой реки Аракс, несущей в Каспий свои грязно-бурые, непрозрачные воды.

Со стороны тамбура хлопнула дверь, и Леха обернулся на звук. Двое погранцов с короткими «калашами» обходили состав. Обычный наряд сопровождения поездов.

— Привет, брателло! — кивнул один из них, с лычками младшего сержанта на камуфляже.— Домой?

— Привет! — ответил Леха.— Домой.

— Пошли в шестой вагон? Там еще чеки домой едут,— предложил второй.— Чего тебе тут с шурупами маяться. С Нахичевани едешь?

— С Нахичевани,— подтвердил Леха, подхватывая свой «дипломат» и двигаясь вслед за нарядом.— С «Речника».

— Есть на свете три дыры — Кушка, Пришиб и Мегры. Бог собрал всю эту дрянь и назвал Нахичевань,— продекламировал младший сержант, переходя в следующий вагон.

— Скоро твою заставу проезжать будем,— не то спросил, не то констатировал второй.— Провожать будут?

— Не знаю,— пожал плечами Леха, хотя в душе немного боялся, что застава с мирным названием «Речник» проводит его темнотой.

Он ведь сумел позвонить из отряда и передать через дежурного связиста о том, что едет на этом поезде сегодня.

В тамбуре стояли трое пограничников, чей вид явно говорил о том, что под этими старательно натянутыми и выгнутыми фуражками едут уже гражданские люди. Служба для них осталась где-то в прошлом, как и для Лехи. С каждым перестуком колес то, что было для них важным, нужным и дорогим в последние два года, отступало все дальше, чтобы всплывать лишь в памяти да в бурных празднованиях Дня пограничника, отмечаемого ежегодно 28 мая в парках культуры, скверах и просто на улицах разных городов.

— Здорово, братуха! — Один из них, уже порядком захмелевший, поднял руки в приветственном жесте.— Ты откуда и куда?

— В Москву,— коротко ответил Леха, которому сейчас совсем не хотелось ни компании, ни «душевных» разговоров.

Ему отчего-то хотелось грустить и смотреть в окно на те места, в которые он уже вряд ли когда-нибудь вернется. Поэтому, даже когда они вместе забурились в их купе, он почти не говорил, все больше слушая, вернее, вспоминая про себя. Лишь однажды глотнул водки из поданного новыми спутниками пластикового стаканчика и сразу показал жестом — мне больше не наливать. К нему особо и не приставали, возможно понимая и чувствуя что-то аналогичное, а может, просто решив — захочет, нальет сам.

— Брателло, твой «Речник» по ходу должен близко быть,— заглянул в купе младший сержант из наряда сопровождения поездов.— Тамбур открываем?

— Давай,— согласился Леха, с замиранием сердца ожидая последнего короткого свидания с заставой.

— О! Так ты с Нахичевани? — оживился невысокий круглолицый дембель.— А мы с Ленкоранского отряда.

— А чего через Ереван? — удивился Леха.— Баку-то ближе намного.

— Да мы там должны с двумя зёмами встретиться. Призывались вместе в Октемберян, а потом их в Ленинакан распределили, а нас в Ленкорань. Айда, братки, в тамбур! Пыхнем заодно.

Следом за Лехой и пограничником из наряда вся троица вывалилась в тамбур. В распахнутую дверь ворвался кажущийся густым воздух. Он еще не нес ночной свежести, но уже не был сухим и горячим, как несколько часов назад. Леха всматривался в освещенные окнами поезда и громадной южной луной окрестности. Погранец из наряда посторонился, пропуская его к самым поручням дверного проема. Он одновременно узнал начало охраняемого его заставой участка и увидел далеко впереди по направлению движения поезда луч установленного на платформу «ЗИЛ-130» мощного прожектора.

Т-образные столбы системы, лента «стиральной доски» профиля контрольно-следовой полосы, укатанная дорога перед зарослями камыша — все это день за днем Леха видел на протяжении полутора лет. Сколько сил, сколько мыслей и эмоций остались здесь... Леха мог совершенно уверенно сказать, что в этих диких местах остался навсегда маленький кусочек его сердца. И это не было бы пафосным, пустым изречением.

— Вон они! — ткнул пальцем пограничник из наряда, первым заметивший вышедший на дорогу вдоль контрольно-следовой полосы наряд.

И тотчас, словно ожидая этого жеста, к небу взмыла осветительная ракета. Леха замахал рукой, радостно заорав. Позади него клич подхватили трое дембелей. Шарящий по земле луч прожектора замер, притаившись, как будто услышав этот клич. А через секунду качнулся, разворачиваясь и поднимаясь вверх. Возможно, вернувшись на заставу, наряды и получат нагоняй от беснующегося начальника заставы — капитана, не намного старше их самих. Но сейчас они провожали своего товарища. Сейчас им плевать на злобного капитана и правила светомаскировки. Ведь пройдет еще немного времени, и наступит и их час. Кто-то уже им отсалютует осветительной ракетой, а экипаж прожектора в их честь «поставит свечку», вздыбив без малого десять километров света к далеким звездам. А светомаскировка... Да иранцы и без этих проводов отлично знают, что и как на нашей границе — где какие наряды службу несут, где какие укрепления и постройки...

— Ух ты! — охнул круглолицый, не в силах оторвать взгляд от уходящего вертикально вверх четко очерченного луча на фоне черноты чистого ночного неба.— Вот вышел срок! Пришла пора! И дембеля кричат — ура!

— В последнее время реже стали это делать,— констатировал со знающим видом пограничник из наряда сопровождения поездов.

— Просто в последнее время дерут за это больше,— поддержал его один из дембелей.— Такая демаскировка начальнику заставы как серпом по яйцам.

— За такие проводы грех не выпить,— подвел итог круглолицый.— Пошли, земеля, по пять капель накатим. Чтобы нас Москва хорошо встретила.

Леха никак не мог заснуть, мучась с головной болью. Вернее, он было заснул, но какой-то бред, приснившийся уже в который раз, выбросил его из теплых объятий сна. Все вокруг крепко спали, как и весь небольшой провинциальный городок, в который приехали они целым табором проведать бабушек-дедушек, не видевших внука два долгих армейских года.

А приснился Лехе странный мир, где переплелись причудливо разные времена и события. Там шла какая-то война, там были друзья и враги, там был его дом... Именно этот мир с завидным постоянством снился Лехе в армии. И вот теперь он опять снился настолько четко, что хоть бери бумагу да описывай все. Еще бы умение складно излагать, и тогда только поспевай эти сны в книжки превращать.

Леха аккуратно прокрался мимо спящих кто где родных на балкон и, плотно затворив дверь, закурил. В небе, совсем близком, висела огромная желтая луна. Воздух, совсем теплый и густой, не нарушал ни единым дуновением ветерок. Почему-то вспомнилась армия, где все делилось на «свой — чужой». Много проще даже, чем в том мире, из которого он уходил в армию. А уж с тем миром, в который он вернулся, сложно было даже сравнивать. Все изменилось в корне. Былая могучая и несокрушимая империя рухнула, уступив свои территории стране, кажущейся полной анархией.

Сигарета истлела, обжигая пальцы. Леха отпустил ее в недолгий полет до земли, провожая рубиновую искорку взглядом. Постоял, размышляя, не раскурить ли еще одну, но, передумав, вернулся в квартиру. Ста-

раясь двигаться бесшумно, он пробрался туда, где между двумя стоящими у противоположных стен кроватями уместилась его раскладушка. На одной кровати едва слышно похрапывал дед, на другой, свернувшись калачиком, крепко спала сестра-погодок. Проклиная скрипучую раскладушку, Леха устроился на своем ложе. Вздрогнув от скрипа, сестра проснулась.

— Мне страшный сон приснился,— прошептала она испуганно.

— Это только сон,— успокоил ее Леха.— Все хорошо. Все спокойно. И ночь чудесная сегодня. Как на юге, тепло. И луна.

— Все равно мне как-то не по себе,— ответила девушка, передернув, будто бы от холода, плечами.— Дай мне руку.

Леха лег на спину, протянув руку к кровати сестры. Ухватив его за пальцы, девушка успокоилась.

На этот раз сон не заставил себя ждать. Но не успел он полностью вступить в свои права, как толчок ужаса вновь прогнал его прочь. Только теперь Леха не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Лежа на спине, он чувствовал только, как кто-то, цепко ухватив его за затылок, вытаскивает...

Паника захлестнула Леху словно девятый вал. Он ощущал себя совершенно беспомощным перед тем, кто вытаскивал сейчас его из собственного тела, как попавшуюся в зубы хищника черепаху из панциря. Он даже дышать больше не мог, замерев на вдохе. Только цеплялся, сам не понимая как, за свое тело, осознавая с отчаянием, что противник значительно сильнее. Он уже перестал видеть окружающее, несмотря на широко открытые глаза. Не зная того, кто схватил его, Леха только совершенно ясно понимал, что это враг. Страшный для него сейчас враг.

Внезапно, когда уже все чувства, связывающие его с этим миром, исчезли, уступив место абсолютной тьме, хватка ослабла. Какой-то звук коснулся его сознания. Невнятный и едва различимый, но придающий ему силы бороться. И — словно крик о помощи, привлекающий чье-то внимание. Требующий чьего-то присутствия и защиты. А то, что вцепилось в Леху, вдруг метнулось прочь, сразу разжав свои объятия. Леха упал назад в свое тело. Толчок был такой, что ему показалось, что падал он свысока.

— Алексей! Что с тобой?! Алексей! — Голос сестры ворвался в его сознание, будто вода через рухнувшую плотину.

И в ту же секунду Леха услышал свой жадный, судорожный вдох, как вдох ныряльщика, достигшего поверхности воды из последних сил, на самой грани, за которой уже не всплыть.

— О господи! — захрипел Леха, пытаясь приподняться и чувствуя, как не слушается еще его тело, словно затекшая в неудобной позе рука.

Зрение медленно вернулось, и он увидел испуганное лицо склонившейся над ним сестры и замершую на пороге маму.

— Ты что так нас пугаешь? — В голосе мамы сквозило беспокойство.— Тебе плохо было?

— Плохо...— ответил Леха.— Забыл, как дышать.

Он пытался шутить, но страх все еще холодил грудь, заставляя предательски обливаться потом. Да и как может быть иначе, когда тебя, уверенного в своих силах, хорошо тренированного и умеющего постоять за себя в любых условиях, вытаскивают, словно рыбу, попавшуюся на крючок?

— Ну ты меня и напугал,— пожаловалась сестра, возвращаясь в свою кровать и с опаской глядя на брата.— Я за руку тебя держала, а рука вдруг тяжелой

стала, словно ты умер. И дышать перестал. Мне так страшно стало. Я думала... думала, что ты умер.

— Все кончилось,— успокоил ее Леха.— Все хорошо. Давайте спать. Завтра, если не забуду, все расскажу. Наверное, такой сон дурной был.

Мама ушла, погасив свет. Сестра вздохнула, устраиваясь в постели. Только дед продолжал мирно и тихо похрапывать, так и не оставив своего уютного сна.

— Лен! Ты спишь? — зашептал Леха спустя несколько минут.

— Нет еще,— ответила сестра.

— Слушай, Лен...— Леха замялся, но потом, решившись, протянул руку к кровати сестры,— возьми меня за руку. Мне как-то не по себе сейчас.

МКАД, совершенно пустая в этот поздний час, послушно стелилась под колеса черного массивного «ауди» с наглухо тонированными стеклами. Алексей не спешил воспользоваться отсутствием оживленного движения и прижать педаль акселератора. Напротив, он катился размеренно и неторопливо — так пристало бы ехать водителю «баржи», как в народе прозвали детище дряхлого, но бессмертного ГАЗа. Он не хотел спешить, наслаждаясь комфортом машины и отдыхая от трудного плодотворного дня. Дела шли в гору с непоколебимостью товарного состава, и даже разразившийся недавно кризис не смог пошатнуть его рожденный еще на «Спуманнтэ», дольчиках и «Распутине» бизнес. Сейчас он не торгует водкой и колготками, как когда-то. Теперь у него пара небольших по численности персонала фирм, занимается он, как и раньше, «всем на свете». Только теперь в это понятие входят строительство, игра с акциями и ценными бумагами, игровые автоматы, услуги населению...

Ему многие завидуют, считая свободным и независимым, умеющим почувствовать и ухватить лакомый денежный куш. Но разве может быть свободным и независимым человек, занимающийся в Москве бизнесом? У него отличная машина. Неплохая квартира и планы на загородный домик. Любимая красивая девушка Надя, мечтающая получить от него предложение руки и сердца... Только иногда вдруг оживает что-то в душе, словно память о том, чего никогда не было. И появляется едва преодолимое желание направить автомобиль в сторону от Москвы. Куда-то неведомо далеко, где ждет его совсем другой мир. Мир, живущий в его снах, в бредовых фантазиях его отбитой в драках юности головы, в видениях, которые навевает ему вид полной луны.

Вот и развязка с Ленинским проспектом, а он, вместо того чтобы свернуть к центру, понесся дальше, в сторону Варшавки, словно завороженный видом огромного диска луны, заглядывающего в лобовое стекло.

Темно-красная подсветка приборов, опустевшая дорога, полная луна...

— Где-то в родне цыган затесался,— буркнул Алексей, нащупывая в нише плавно раскрывшегося на центральной панели бардачка пачку «Парламента».

Зипповская зажигалка сочно клацнула, почти как затвор легкого оружия. И пусть кто-то считает ее глупыми понтами. Плевать. Они не чувствуют спрятанной в ее простом стальном корпусе энергии бродяжьей судьбы, пользуясь пластиковыми технологичными зажигалками, не имеющими души. Огонек облизнул кончик сигареты, родив пурпурный уголек, почти повторяющий цвет приборной панели.

С правой стороны раскинулась тьма Битцевского парка. Руки словно самовольно повернули руль, за-

ставляя «ауди» прижаться к обочине. Не глуша мотор, Алексей вышел. Выпускаемый струйкой дым завивался причудливыми кружевами, освещаемый светом луны. Что-то не позволяло Алексею вернуться в машину и продолжить путь. Щелчком пальцев он отправил недокуренную сигарету в сторону близкой тьмы парка. Какой-то неясный отсвет в том месте, где исчезла искорка летящего окурка, привлек его внимание.

— Это еще что такое? — пробормотал Алексей, перешагивая через низкий металлический парапет.

Ему показалось, что в темноте стоит огромное зеркало, тускло отражающее свет луны и фар проезжающих редких автомобилей или что-то еще. Он решился посмотреть поближе, тем более что свет луны всегда действовал на него успокаивающе.

Тускло мерцающий прямоугольник размером с хорошую квартирную дверь приближался, сбивая Алексея с толку. Теперь уже было совершенно ясно, что это вовсе не отсвет луны и не свет фар. Зеркало светилось само по себе, спокойно и завораживающе. Впрочем, вблизи оно уже не выглядело зеркалом. Больше всего прямоугольник напоминал кусочек бездонного бассейна с подернутой рябью поверхностью воды, в глубинах которой неясно мерцала подсветка. Алексей приблизился на расстояние одного небольшого шага к прямоугольнику и осторожно заглянул за него. Там не было ничего. И даже больше...

Едва линия его взгляда оказалась позади мерцающей поверхности, как ее не стало. Темнота, освещенная лента МКАД, мирно стоящая у обочины «А8».

— Что за черт? — буркнул Алексей, отклоняясь и замирая перед мерцающим прямоугольником.— Похоже, я переработал.

Но вместо того чтобы отшатнутся и от греха подальше вернуться к дороге, как поступило бы большинство людей, он насупился и шагнул вперед, вплотную.

Юрий Николаевич, один из его замов на той фирме, которая занималась акциями, бывший историк, кандидат наук, называл это «комплексом ярла».

— Викинги говорили: «Ярл всегда садится за первое весло»,— посмеиваясь, как-то сказал он на одной из корпоративных посиделок, когда основная масса народу уже набралась и разбрелась по темным углам с весьма прозрачными целями,— вот и вы всегда стараетесь первым сунуть голову в петлю. А зря. Сейчас уже не светлое Средневековье и никакому князю не требуется перед лицом дружины подтверждать доблестью свое право крови. Будьте проще...

Алексей покосился на него. Юрий Николаевич усмехнулся:

— Ну да, понимаю. Иначе не можете... А впрочем, может, на самом деле так и надо. Вон смотрите...— Он кивнул в сторону веселых коллег.— Я ведь к вам из «Розы ветров» пришел. Так там народ как наберется, лезет к начальству целоваться или, наоборот, жизни учить. А у вас вон никто особо не набрался, все прилично, а кто набрался — так тихонько в дальний угол отполз, дабы не мешаться. Чуют разницу.

— Какую? — не понял Алексей.

— В статусе,— пожал плечами Юрий Николаевич.

— В каком статусе? — развеселился Алексей.— Тоже мне князя нашли. Отец — офицер, мать...

— А неважно,— усмехнулся Юрий Николаевич, тоже переходя на полушутливый тон.— Первый Бернадот, например, тоже был сыном адвоката, а военную карьеру вообще начал рядовым. И ничего. Стал королем Швеции. Династию основал, которая там и доныне правит. И неплохо, прямо скажем, правит. Ком-

мунисты вон на закате своей власти в Швеции истинный социализм отыскали...

Алексей тогда, помнится, плавно закруглил разговор, сочтя его пьяной болтовней выпившего интеллигента. Но потом задумался. И понял, что во многом Юрий Николаевич прав. Уж комплекс это или нет, но он действительно всегда первым, так сказать, лез в пекло. Может, потому и получилось у него выжить и выстоять в то буйное время...

Пытаясь рассмотреть что-то в танце света и тьмы, Алексей некоторое время неподвижно стоял перед прямоугольником. Затем осторожно протянул руку и коснулся ряби пальцами. Ощущение было такое, словно пальцы действительно коснулись холодной воды. Даже круги по поверхности прямоугольника побежали от того места, где спокойствие поверхности нарушили пальцы.

— Вроде и не читал ничего такого...— проворчал Алексей, осматривая свои пальцы.— Точно переработал. А может, это наши разработки? Малдера бы сюда...

Он даже сделал шаг назад, вытягивая шею и глядя в ту сторону, где у ясеневской развязки начиналась территория какого-то до сих пор секретного предприятия то ли гэрэушников, то ли фээсбэшников, то ли еще какой конторы, коих, несмотря на развал СССР, в достатке осталось в отечестве.

— Нет, нашим слабо...

Он постоял некоторое время, пялясь в прямоугольник. Где-то в глубине мелькнула мыслишка, что это не его дело. Что лучше позвонить в, как говорится, компетентные органы — и пусть те сами разбираются. Но мелькнула очень глубоко. И не задержалась. Как это бывает с *правильными* мыслями, которые возникают под влиянием неких внушенных тебе правил,

которые ты вроде как принял и стараешься соблюдать, но инстинктивно чувствуешь, что это НЕ ТВОИ правила. А затем ШАГНУЛ...

Падение было коротким и безболезненным. Будто, выходя из дома, ты оступился на невысоком крыльце и упал на утоптанную землю двора. Вокруг не было видно ни зги. Алексей похлопал руками вокруг себя, пытаясь понять, что с ним только что произошло. Глаза постепенно привыкли, и оказалось, что тьма вовсе не кромешная. Алексей начал различать тяжелые стволы корявых деревьев, высящихся вокруг. Только не было ни звезд, ни луны, ни иных источников света. Не было рядом МКАД и верного «ауди». Не было мерцающего прямоугольника, через который можно было бы вернуться обратно.

— Ну наконец-то,— раздался ворчливый голос, и Алексей буквально подпрыгнул от неожиданности.— Я уж думал, что ты никогда не решишься, господин.

— Кто здесь? — спросил Алексей, озираясь в поисках обладателя этого недовольного голоса.— Где вы?

— Мы? — удивился голос.— Никого, кроме меня, здесь нет. Уж я бы заметил, если бы кто еще тут оказался. Никого больше. Только я да ты, господин.

— А ты кто? — спросил Алексей, вдруг увидев неподалеку от себя невысокий, но широкий силуэт.

— Значит, ты действительно ничего не помнишь, господин? — проскрипел невысокий незнакомец, подходя ближе.— Я Оторок, твой слуга, господин. Твой верный слуга, господин. Возможно, даже самый верный...

— Ты уверен, что ни с кем меня не путаешь? — напрягся Алексей, подумав, что в этом темном лесу,

похоже, встретил полоумного, тем более что разглядел в руках коротышки то ли большой топор, то ли секиру.

— Эта дверь была открыта только для тебя, господин,— с непоколебимой убежденностью ответил незнакомец. И продолжил, отчего-то противореча себе: — *Мы* звали и ждали только тебя. Жаль, что ты пока не помнишь ничего. Но *мы* все верим, что ты найдешь свою Суть. Ты должен вернуться и помочь *нам*.

— Хорошо.— Алексей примирительно поднял руки. Спорить с сумасшедшим, у которого к тому же топор в руках, явно себе дороже.— Я помогу. Только сначала мне надо найти мою машину.

— Ты не найдешь ее здесь,— усмехнулся незнакомец.— Она слишком далеко от нас.

— Я отошел от нее всего на несколько шагов,— возразил Алексей.

— Ты оставил ее в другом мире, господин,— терпеливо объяснил коротышка.

— В другом мире? — переспросил Алексей, панически соображая и боясь, что слова незнакомца могут оказаться нереальной реальностью.— И как мне вновь попасть в мой мир?

— Сейчас никак, господин,— покачал тяжелой головой незнакомец.— Портал закрылся. Амулетов для открытия нового у меня больше нет. Такого сильного колдуна, чтобы наворожить портал в тот мир, я нигде поблизости не найду.

— Мы что, не на Земле уже? — растерялся Алексей, вспоминая бесконечный сериал «Звездные врата», где герои перемещались по планетам через порталы и тоннели.

— На Земле? — невидимо улыбнулся в темноте его собеседник.— Если говорить о том, что имеют в виду там, где ты был последние тридцать лет... И да и нет...

Я не знаю. Ведь я не мудрец Лабиринта. И хоть я довольно много учился, но устройство мира не мой конек. Твоя машина может быть в двух шагах от тебя, но путь к ней длиннее кругосветного путешествия по той Земле, что ты имеешь в виду.

— Я уже ничего не понимаю,— обобщил свое состояние Алексей и, бросив настороженный взгляд на незнакомца, решился-таки: — Ты не мог бы объяснить подробнее?

— Я? Помилуй, господин! — воскликнул незнакомец.— Какой из меня учитель? Да и как можно здесь говорить об этих долгих и заумных темах? Не ровен час, кто-то из твоих врагов к нам пожалует. Я, конечно, побывал с тобой во многих переделках и даже битвах, но одних нас тут раздавят как комаров.

— Что будем делать? — спросил Алексей и, криво усмехнувшись, предложил: — Заскочим в ближайший «Макдоналдс»?

По его глубокому убеждению, все, кто ходит в эту *глобальную забегаловку*, уж точно далеко не в своем уме, так почему бы не присоединиться к собратьям по несчастью?

— Нам слишком много нужно сделать, господин,— ответил его собеседник, нисколько не обидевшись.— Ты ничего не помнишь и не вернул себе Суть и Форму. Пойдем найдем твой меч и соберем друзей. А я буду по пути рассказывать тебе все и обо всех, что буду вправе рассказать.

— Меч?..— едва не поперхнулся Алексей и, бросив взгляд на топор в руках коротышки, замер, пораженный внезапно пришедшей в голову мыслью, а затем медленно кивнул: — Хорошо, идем. Если уж я куда-то попал и пока не могу отсюда выбраться, значит, у меня есть время спокойно во всем разобраться.

— Отлично, господин,— обрадовался коротышка, поворачиваясь.— Следуй за мной.

— Хорошо, веди. Да... Извини, но я забыл, как тебя зовут.

— Ничего, господин, это меньшее из того, что тебе предстоит вспомнить. Меня зовут Оторок.

Костер нехотя разгорался, нещадно дымя и плюясь искрами. Два человека устало сидели возле него, не обращая никакого внимания на этот дым и искры. И хотя на первый взгляд оба принадлежали к одному виду, в их внешности невооруженным глазом видна была разница между породившими их народами. Один, высокий и широкоплечий, был отлично развит и буквально излучал силу и уверенность. Второй, почти столь же широкий в груди и плечах, казался непропорциональным уродцем из-за небольшого, а вернее было бы сказать, очень маленького роста, короткой шеи и мускулистых, жилистых рук с толстыми пальцами.

— Не пойму я тебя,— ворчал высокий.— То гнал меня, словно за нами стая волков охотится, то теперь сидим у костра, словно победители конкурса на самый заметный столб дыма.

— А ты не ломай голову, господин,— усмехнулся без тени издевки Оторок.— Мы ушли из плохого места и теперь находимся в хорошем. Тут нам можно и отдохнуть немного. А самое главное — мы ждем Зура. И это его охотничьи угодья сегодня. Оборотень, хоть и чует за версту, но вдруг да и нет его сейчас поблизости. А на такой сигнал он просто не может не отозваться.

— Ты сказал — оборотень? — переспросил Алексей, изо всех сил стараясь не удивляться.— У нас на заставе одного Гоблином звали...

— Это не имя, господин. Он прирожденный оборотень, хоть и молодой еще. А зовут его Зуром.

Алексей изумленно воззрился на карлика.

— Так что, оборотни существуют? Ты это хочешь сказать?

— Оборотни? Существует практически все, о чем рассказывают легенды и сказки твоего последнего мира. Хотя все совсем не так мистично и фантастично. Люди твоего мира, которых на самом деле не так уж и много, тоже живут в симбиозе с целой кучей различных существ. О некоторых знают, о некоторых нет. Но никто из них не задумывается о том, что их тело — дом для множества самых разных организмов. А у тех же вампиров симбиоз с микроорганизмами, обладающими мощнейшим иммунитетом, способностью к регенерации и восстановлению клеток хозяина. Поэтому вампиры практически никогда не болеют и, по меркам людей, бессмертны.

— Но они пьют кровь...

— Это по большей части выдумка писателей и молвы. Вампиры инфицируют укусом. Но при этом укушенный не умирает, а становится таким же. Это лишь способ сохранить свой вид.

— А серебро? Серебра они действительно боятся?

— Серебра боятся многие виды микроорганизмов. Попадая в кровь, серебро становится катализатором для реакций, ведущих к гибели живущих в теле вампира колоний симбионтов. И тогда вампир остается без защиты. Его собственная иммунная система совершенно недееспособна, он больше не в состоянии регенерировать и менять стареющие клетки. Но старость ему нестрашна. Его уничтожат простейшие ви-

русы и микробы, для которых он превратился в сытный шведский стол.— Оторок поморщился.

— А солнце? — не унимался Алексей.

— Ты спрашиваешь, боятся ли они солнца? Нет. Это чистый вымысел. Хотя я допускаю, что среди них, как и среди других, есть особи с нарушенной пигментацией. Они вполне могут бояться солнечных лучей.

— Что, все так просто? — Алексей был даже разочарован.

— Просто? По-твоему, сложнейшие метаболизмы слишком просты по сравнению со сказками и легендами?

— Для чего же вампиры кусают, если им ничто не угрожает?

— Любому живущему всегда что-то угрожает. Разве ты не понял это на своем опыте? Ты не имел связи со своим реальным «я» и тем не менее был желанной целью для многих. Вампиры выживают. Их генофонд, в отличие от их иммунитета, постоянно слабеет, требуя новой крови извне. Чтобы не исчезнуть, они должны обращать в свои ряды новых воинов. Этого требует их симбионт.

Алексей задумался. И даже не столько над информацией о вампирах, сколько над тем, что имел в виду карлик, говоря о его собственном опыте. Что он имел в виду? Уж явно не разборки с бандитами или наезды конкурентов. Тогда что? Сны? Он тряхнул головой. Нет, размышлять об этом рано, и так вокруг много такого, от чего можно тронуться. Так что всякому овощу свой срок — пока надо просто тупо собирать информацию, а вот когда он узнает побольше...

— А оборотни? Что с ними?

— Все очень просто.— Оторок иронически усмехнулся.— Они обладают мощным механизмом физиологической мимикрии. И поверь мне, в отличие от

того, что утверждается в легендах, их способности не передаются с укусом, как у вампиров. Оборотнем можно только родиться.

— Мимикрия? Как у хамелеона?

— Примерно. Только хамелеон меняет лишь цвет, а оборотень способен в кратчайшие сроки перестраивать организм, изменяя его биологические и физиологические способности и возможности.

Алексей наморщил лоб. Ничего себе, тупо собирать информацию... так, глядишь, выяснится, что маги и колдуны — это тоже не сказки и не бред психически не уравновешенных людей, да и эти, как их бишь, эльфы и гномы, также обитают где-то поблизости...

— У меня в голове сейчас полный хаос,— вздохнув, констатировал он.

Карлик усмехнулся:

— Ты хочешь услышать ответы на сложные вопросы. Но не все можно объяснить ребенку в двух словах. Я надеюсь, к тебе вернутся память и понимание, иначе процесс обучения и познания может стать бесконечно долгим и бесполезным.

Алексей вздохнул:

— Ты не представляешь, как я сам этого хочу.

— Спеши не торопясь. Я постараюсь рассказать тебе все, что знаю. Но не все сразу.

— Постой! — Алексей замер. Все время ему казалось, что в этом разговоре есть какое-то несоответствие. Нестыковка. И только сейчас он осознал, как складно, почти по-учительски Оторок прочел эту небольшую лекцию о новых для него видах жизни, о новом мире, который он всегда считал детскими сказками.— Симбионт, пигментация, мимикрия... Что это такое?

— Тебе неизвестны эти термины? — изумился в свою очередь карлик.

— Мне они известны,— нахмурился Алексей.— Только я универ закончил. И телевизор смотрю, газеты-журналы читаю. Но ты-то... э-э...— Он запнулся, подыскивая определение, которое не должно было обидеть этого ненор... не совсем обычного товарища,— невысокий воин с огромной секирой, откуда можешь это знать?

— Ох, господин,— покачал головой Оторок,— как же много ты забыл... Неужели ты думаешь, что в наших университетах учат только смешивать желчь летучих мышей с первой кровью девственницы и варить ее три дня на дровах из засохшего дуба с заброшенного кладбища?

— Ну... да,— растерянно отозвался Алексей.

— Да уж...— сокрушенно вздохнул коротышка,— впрочем, ты прав, этому тоже учат. Взаимодействие тонких полей в такой формуле довольно интересно. А если получившуюся субстанцию обработать переменным магнитным полем второго порядка мощностью... м-м... не помню точно, кажется, в вашем мире единица измерения магнитной индукции называется гауссом... Так вот, если обработать субстанцию переменным магнитным полем с величиной магнитной индукции где-то два миллиона гауссов, или двести тесла, то получится кожный эликсир Крыгхата. В Балдуре такой стоит почти сотню золотых...— В глазах карлика мелькнули мечтательные огоньки.

Задать следующий вопрос Алексей не успел. Что-то мелькнуло в недалеких зарослях, и Алексею показалось, что у него дыбом встает шерсть на холке. Видимо, разговоры о вампирах и оборотнях подействовали на психику. В голове мелькнуло подозрение, что Оторок рассказывал все это специально, чтобы запугать его.

— Не переживай, господин,— успокоил его Оторок, заметив, что Алексей передернул плечами.— Зур при-

шел и видит нас. Поэтому и показался. Иначе бы мы его даже не заметили. Ведь сейчас ты совершенно глух и слеп.

— А почему не выходит? — настороженно спросил Алексей, пропустив мимо ушей наезд на собственную глухоту. Два года на границе приучили его обращать внимание не только на следы на контрольно-следовой полосе, но и, скажем, на такие на первый взгляд незаметные и неосязаемые вещи, как примятая трава, птичий гвалт, жужжание мух или тон журчания ручья, протекавшего неподалеку. Но к настоящему времени он уже прочно забыл, как это делается. Хотя, может, этот карлик имел в виду и что-то иное...

— Скоро выйдет. Он совсем молодой, поэтому многого не видит или не понимает. Его насторожил твой вид, вот он и ходит вокруг. Присматривается.

— Ходит вокруг? Значит, он не только что подошел? — удивился Алексей.

— Нет, господин,— печально улыбнулся Оторок.— Пускай его. И сам убедится, да и какой-никакой опыт наблюдения.

Ветки хрустнули, и на поляну выбрался молодой парень. Был он тяжел с виду, мускулист и лохмат. Даже высокий рост не облегчал визуально его мощную фигуру. А черной гриве толстых, словно в конском хвосте, волос позавидовал бы любой зверь. Достающие до середины лопаток, они дыбились львиной гривой, непокорно разметываясь в стороны. Распирающие кожаную рубаху узловатые мускулы вполне могли принадлежать привыкшему к тяжелой работе кузнецу. Черные глаза, темная кожа, крупные скулы делали незнакомца, по мнению Алексея, похожим на татарина. Только на очень большого татарина.

— Привет тебе, Зур! — кивнул Оторок, не поднимаясь со своего места у костра.

— Святыни оборотней! — воскликнул, забыв о приветствии, темноволосый.— Это ведь правда он? Что мы будем делать, Оторок?

— Господин не в форме. Но он не потерял слух и зрение,— строго нахмурился Оторок.

— Прости, господин, за неучтивость,— подобрался Зур, почти испуганно взглянув на Алексея.— Я забылся на мгновение. Будь здоров и обласкан судьбой, господин.

— Здравствуй,— кивнул Алексей, поняв, что это было приветствие.

— Спокойно ли вокруг? — уже не так грозно спросил Оторок, продолжая, однако, хмуриться.

— Все спокойно до неприличия. И это тоже плохо. Лес затихает, когда по нему опасность идет,— смиренно ответил Зур.

— И то верно. Нас еще никто не побеспокоил, а это странно,— согласился Оторок.— Нужно идти дальше. Мы должны выбраться отсюда как можно быстрее. Ты достаточно отдохнул, господин?

— Послушай, Оторок, отдохнул-то я достаточно,— сказал Алексей, поднимаясь от костра,— и грибы были очень вкусными. У меня только один вопрос. Вернее, просьба.

— Любую просьбу, господин,— ответил Оторок, чуть наклоняя голову.

— Знаешь, меня всю жизнь звали Лехой, Алексеем или Алексеем Борисовичем. Не мог бы ты выбрать одно из этих имен и перестать называть меня господином?

Зур усмехнулся, взглянув на невысокого крепыша, но тот ответил таким взглядом, что Зур мгновенно стер улыбку и отошел в сторону.

— Прости, господин,— Оторок улыбался, но по тону было понятно, что обсуждать эту тему он больше

не собирается,— ты позже поймешь значение выражения «всю жизнь». И увидишь, что я не могу звать тебя иначе. Поэтому не настаивай, а просто прими как должное.

— Ну что ж,— Алексей пожал плечами,— еще один повод с нетерпением ждать этого возвращения памяти, на которое ты надеешься. Мы идем?

— Идем,— кивнул Оторок и, повернувшись к оборотню, приказал: — Иди вперед.

Зур кивнул:

— Хорошо, гном.

После чего оба сделали первый шаг, не заметив, как у того, кого они назвали господином, едва не отвалилась челюсть. Гном?!!

Тревога повисла в воздухе. Тьма ночи еще не обрела власти над землей, но и солнце уже скрылось где-то за невидимой в лесу линией горизонта. Поэтому вместо пестрого камуфляжа солнечных зайчиков лес заполнился длинными вечерними тенями, сплетающимися в густой сумрак.

За долгий день путники несколько раз останавливались. Дважды делали привал, чтобы подкрепиться грибами, ягодами да вяленым мясом и сыром, которые были заботливо уложены в котомке Оторока, а потом снова пускались в путь. Они шли и шли, а Оторок то ли не хотел говорить, то ли и сам не вполне знал, куда они идут. К исходу дня Алексей почувствовал себя выжатым как лимон, несмотря на свою, как он считал, весьма приличную физическую форму. К тому же его дорогие ботинки фирмы «Ллойд» здорово сдали за этот день пути по лесным тропам. Спутники его выглядели значительно лучше, а черноволосый и вовсе продолжал все так же легко нарезать большие круги,

выполняя функции боевого охранения. И вот в один из таких заходов Зур учуял что-то тревожное.

— Что ты чуешь? — прямо спросил Оторок, заметив беспокойство оборотня.

— Не знаю пока,— ответил тот севшим вдруг голосом.— Кто-то идет впереди нас. Похоже на неприкаянных...

— Пусть бы,— нахмурился Оторок, отметив изменившийся голос, что было первым признаком готовности оборотня начать трансформацию.— Уж не неприкаянные ли тебя так взволновали?

— Вампира, кажется, чую,— пояснил Зур, беспокойно озираясь.— И еще что-то. На колдуна похоже.— Он замер и как-то совершенно по-волчьи втянул воздух широкими ноздрями.— Они приближаются. Наверное, нас уже заметили.

— Плохо,— коротко подытожил Оторок.— Что колдуну и вампиру делать с неприкаянными? Не по нашу ли они душу?

— Ничего, что я тут стою? — съязвил Алексей.— Может, начнете попроще изъясняться?

— Поздно...— захрипел Зур, торопливым рывком сбрасывая рубаху.

— Будет бой, господин, готовься,— забормотал Оторок, оттаскивая Алексея за дерево и скрывая его от невидимого пока наблюдателя.

Слыша краем уха слова своего проводника, Алексей не мог отвести взгляд от Зура. Уже сейчас он меньше всего напоминал того могучего черноволосого человека, каким был минуту назад. Впрочем, в мощи он не потерял. Наоборот, его, казалось, что-то распирает изнутри, меняя облик. Мускулы еще больше набухли. Череп деформировался, являя взору огромные клыки, достойные саблезубого тигра. Пальцы укоротились, выбросив мощные, крючковатые лезвия когтей. Сам

Зур пригнулся, опершись на толстые, как колонны, руки и втянув голову в тяжелые плечи.

— Черт! Вот это компьютерные эффекты! — пробормотал Алексей.

— Не поминай...— одернул его Оторок, забыв даже добавить «господин».

— А что, он тоже может подскочить на вечеринку? — изумился Алексей.— Ты не шутишь?

— Вперед! Мы не сможем миновать их, господин, особенно если они охотятся на нас! — крикнул Оторок вместо ответа.— Единственный шанс победить и прорваться — это ударить, пока они не напали первыми!

И гном метнулся из-за дерева, вращая над головой своей секирой, как вертолет лопастями. Одновременно с ним прыгнул вперед и Зур. Испугавшись, что подведет спутников своей заминкой, Алексей устремился следом, с одной стороны понимая, что безоружный и, несмотря на то что регулярно, пару раз в неделю, посещал довольно дорогой фитнес-центр, уже давно разнеженный достатком, он будет не слишком большим подспорьем своих неожиданных соратников, а с другой — все равно ощущая некий знакомый по прежним поединкам азарт предстоящей схватки.

Алексей пробежал около сотни метров, прежде чем достиг поляны, на которой уже вовсю шел бой. Жуткий зверь, в которого превратился Зур, катался клубком, сцепившись с кем-то, судя по всему не уступающим ему в силе. Коротышка вяло размахивал секирой, отбиваясь от троих наседающих на него людей, вооруженных мечами. Нападающие подбирались все ближе и ближе, уже предвкушая скорую победу. А Оторок двигался будто вареный, едва шевеля своим грозным оружием. Он лишь кое-как успевал прикрываться широким лезвием, чудом отражая удары. В следующий миг Алексей догадался о причине этой медлительно-

сти. Чуть поодаль от места боя, всего в нескольких шагах от Алексея, стоял среднего роста худощавый человек в потрепанном грязно-белом громоздком балахоне. Одеяние с глубоким капюшоном скрывало его от макушки до пят. Даже кисти рук прятались в просторных рукавах. Этот человек не торопился присоединиться к сражающимся. Он стоял, повернувшись в сторону Оторока, и делал руками сложные пассы, словно плетя паутину. Колдун?!! Алексей на мгновение замер. Но в отличие от оторопи, обрушившейся на него вследствие осознания того, что он идет куда-то вместе с гномом, эта прошла гораздо быстрее. Тем более что в крови бурлил и пенился адреналин. А также от того, что, если дело обстояло именно так, как ему представлялось, именно этот колдун и был, похоже, самым опасным участником схватки. Поддавшись порыву, Алексей несколькими быстрыми, но бесшумными шагами преодолел разделяющее их расстояние и, привычным движением сжав пальцы, коротко ударил в капюшон, целя в то место, где должен был скрываться затылок. Ощущения в кулаке подтвердили точное попадание. Балахон будто подкошенный рухнул в траву. И тотчас, сбросив невидимые путы, коротышка буквально взорвался каскадом стремительных ударов. С троими нападавшими на него было покончено за несколько секунд...

Оторок стоял над трупами, опершись обеими руками на окровавленную рукоять секиры, достигающую его груди. А поодаль, возле поверженного врага, потягивался, расслабляя мускулы, Зур. С огромных клыков стекала кровавая пена.

— Ты успел вовремя, господин,— поблагодарил Оторок, с шумом переводя дыхание.— Еще бы чуть-чуть — и меня изрубили бы на мелкие куски. Колдун, похоже, видел нас давно и скрывался в зарослях.

— Что же это за колдун, если так легко достался? — спросил Алексей, осторожно сдвигая капюшон с головы распластавшегося у его ног колдуна.— Мне почти не пришлось ничего делать. Один удар — и все.

— Это сложно объяснить, господин,— пожал плечами Оторок.— Может, он совсем молодой и еще недавно был учеником. Недостаток опыта. А может, он тебя, так же как и Зур, просто не рассмотрел. В тебе ведь сейчас ни крупицы Силы. И потому для внутреннего зрения многих ты невидимка. А значит, чего тебя бояться... Неужели ты думаешь, что в нашем мире найдется много людей, готовых без оружия, защиты и навыков напасть на колдуна?

Капюшон сполз, открывая взору копну черных, как вороново крыло, волос, обрамляющих красивое, немного восточное лицо девушки.

— Святыни оборотней! — подал голос подошедший оборотень, который уже вернулся в свое человеческое обличье.— Да это же колдунья.

— Да уж,— нахмурился Алексей.— Не ожидал я, что придется так вот красивую девушку кулаком в голову...

— Вряд ли она испытала бы сожаление, прикончив всех нас,— возразил Оторок.— Колдуньи еще опаснее колдунов, господин. Им доступны некоторые заклинания, которые недоступны мужчинам.

Алексей метнул на Оторока неприязненный взгляд. По его правилам, женщин бить нельзя. Никогда.

— Она жива?

— К сожалению, да,— ответил коротышка, прослушав пульс.— Теперь надо что-то делать...

— Может, прикончить? — ощерился оборотень.— Одна только беда от нее нам будет. Помяните мое слово.

— Что думаешь, господин? — спросил Оторок, внимательно глядя на Алексея.

Алексей смотрел на спокойное и даже по-детски наивное в беспамятстве лицо красивой девушки и размышлял над тем, как такая юная и очаровательная женщина может быть злобной и страшной колдуньей, даже в бессознательном состоянии пугавшей его могучих и отважных спутников.

— Пусть живет,— решительно ответил он.— Мне кажется, что она не причинит нам больше зла.

— Дело твое, господин,— согласился Оторок, но по выражению его лица было совершенно ясно, что он сторонник варианта, предложенного Зуром.— Только с ней надо держать ухо востро. Мне кажется, что я ее раньше где-то видел.

— Мы ведь не знаем, кто они и что тут делают. Совершенно необязательно, что они охотились за нами,— уточнил Алексей.— А я так не знаю, какого черта сам тут делаю.

— Не поминай, господин...— начал опять Оторок, но Алексей бесцеремонно прервал его:

— А то что? Придет и утащит нас в свою преисподнюю? А мы где сейчас? Я большего бреда не видел. Я бесцельно иду куда-то по лесу с двумя спутниками, один из которых, как выяснилось, оборотень, а второй гном. Ты делаешь многозначительное лицо и при этом не объясняешь мне ничего, кроме какой-то ереси о вампирах и оборотнях. Похоже, ты и сам не знаешь, куда нам идти. А теперь мы еще и людей поубивали. И только потому опять, что тебе вдруг показалось, что они за нами охотятся. Да тебе, братец, в Кащенко надо. Там таких, с манией преследования, целая колонна. Дать тебе в руки барабан — возглавишь...

Алексей шумно выдохнул и замолчал, раздраженно смотря на стоящих перед ним спутников, готовый, если потребуется, отбиваться. После только что завершившейся схватки он был почти уверен, что с ко-

ротышкой справится. Вот только второй, превращение которого оказалось совершенно реальным... Это тебе не пастушьи псы, которых как-то на Алексея, когда он служил в армии, натравили дикие азербайджанские чабаны. Тогда Алексей убил одного, а остальные не решились разделить его судьбу. Зур, превратившись, пожалуй, сможет славно поужинать Алексеем...

Но, к его удивлению (которое он, правда, постарался не показать), столь суровая отповедь подействовала на его спутников совершенно противоположным образом. Глаза гнома обрадованно сверкнули, а оборотень, наоборот, втянул голову в плечи и даже инстинктивно попытался отшатнуться, но, преодолев усилием воли этот порыв (Алексею показалось, что он даже услышал, как заскрипели мышцы), все-таки остался на месте.

— Прости, господин,— все так же обрадованно сверкая глазами и отчего-то изо всех сил стараясь казаться при этом виноватым, развел руками гном.— Я смиренно прошу у тебя снисхождения. Ты прав, мы не знаем наверняка, кто это такие. Но рисковать до поры, когда ты обретешь утраченную связь с Сутью, было бы большей виной, чем напасть на невиновных. Я не знаю, куда идти, и знаю в то же время. Я иду, ведомый чутьем. Но куда приду и каковы будут двери, не ведаю. Знаю только одно: этот лес лишь малая прихожая в анфиладе залов, что нам дано пройти. И если мы не поторопимся, то тонкие нити, что потянутся к тебе от твоей Сути, станут слишком ярким следом для охотников. А воинство твое, хоть и осталось преданным своему господину, все же вряд ли ждет тебя так скоро. К тому же оно рассеяно по бескрайности миров. Поэтому у тебя, господин, нет сейчас иного пути, как довериться мне.

— Выбор есть всегда,— отрезал Алексей и замолчал, обведя строгим взглядом умолкнувшего гнома, отступившего в сторону оборотня и лежащую возле его ног молодую девушку в бесформенном балахоне.

Ему срочно надо было хоть немного упорядочить тот хаос в голове, в который превратился окружающий мир, с тех пор как он сделал шаг в сторону от цитадели, коей представлялся ему сейчас «ауди». От цитадели, олицетворяющей всю его прошлую спокойную и понятную жизнь (каковую он когда-то считал, наоборот, крайне напряженной и беспокойной — о святая наивность...). И хотелось Алексею сейчас только одного — найти путь назад, в свой привычным мир, прочь из этого, где что-то может быть «большей виной, чем напасть на невиновных».

— Выбор есть всегда,— согласился Оторок.— Но иногда это выбор между тупиком и единственно верным путем. Путей всегда множество. И почти все они твои. И почти все они правильные. Но какой из них ты выберешь? Стоит сделать шаг — и выбранный путь станет твоей правдой. Но покуда этот шаг не сделан, ты в силах выбрать иной путь и иную правду. Мы в лабиринте, все коридоры которого ведут куда-то к истине...

— Блин, вот только проповеди мне не хватало! — не выдержав напряжения всего этого длинного и с ума сводящего дня, выругался Алексей. Но тут же взял себя в руки и, сделав глубокий вдох, покосился на лежащее у его ног тело.— Все, закончили дискуссию. Я уже нашел путь, немного отличный от того, которым идешь ты. Ты сам сказал, что у тебя нет ни амулетов, ни колдуна для открытия портала.— Он сжал кулаки и чуть согнул руки в локтях, стараясь проделать это незаметно.— А у меня есть...— Алексей примерился, как будет лучше отбить атаку, если гном надумает

зарубить лежащую на земле девушку. Гнома он сейчас опасался больше, чем оборотня.— Вот она. Тем более что ей доступны заклинания, недоступные мужчинам. Я сохраню ей жизнь и дам свободу, а она откроет мне портал назад.

— Она обманет, господин,— сказал Оторок совершенно спокойно, не делая даже попытки физически воспротивиться Алексею. Более того, в глазах его мелькнул страх.— Прошу, не делай этого.

Алексей замер, вглядываясь в гнома. Странно... он мог поклясться, что Оторок боится вовсе не за себя. Ибо этот страх в глазах был именно таким, какой возникает у взрослых при виде бегущего к дороге малыша.

— Зачем ей обманывать? — продолжал Алексей, всматриваясь в лицо Оторока.— Ее выгода от этой сделки очевидна. А вот твой интерес мне непонятен. Или ты все же знаешь, кто она?

— Я твой слуга, господин, такой же как и Зур,— покачал головой гном.— Я не ищу выгоды для себя. Я лишь вновь могу повторить, что воинство твое осталось верным своему господину. И мы тоже крошечная часть твоего воинства. Многие не смирились с поражением, господин. Ждут, чтобы ты вновь возвысился и занял достойное тебя место. Они уповают на твое возвращение.

— Так расскажи мне! — воскликнул Алексей, который почему-то вдруг поверил, что за шорами его памяти ждут своего часа совсем иные события в ином, сказочном мире.

— Я не могу, господин,— тяжело вздохнул гном.— Это ведь не амнезия от удара палицей. Это твой крест. Ты должен выбраться сам.

Алексей хотел было вновь в сердцах сказать «черт!», но почему-то удержал себя и вместо этого витиевато выматерился.

— Пути ты не знаешь. И что же мы будем делать? — сдался Алексей.— Кажется, ты говорил про лабиринт без тупиков? А мир этот? Здесь просто лес. Без жителей, без городов, без чего-либо вообще. И это не тупик?

— Да, господин.— Оторок позволил себе ухмыльнуться.— Ты помнишь вращающиеся барабаны дверей в супермаркетах твоего последнего мира? В жизни часто бывает так же. Ты стоишь на одном месте, но это не тупик. Просто ты ждешь, когда появится дверь, через которую ты пойдешь дальше.

Костер весело трещал, щедро даря тепло и обманчивое ощущение уюта и защищенности. Алексей сидел возле заботливо перенесенной к костру и укрытой теплым шерстяным одеялом девушки, которая все еще не пришла в себя. Не то чтобы он не доверял гному, хотя оставить пленницу наедине ни с ним, ни с оборотнем не решился бы. Скорее Алексей чувствовал жгучие угрызения совести из-за того, что, сам не понимая причины, стал участником вероломного нападения. И не просто нападения — убийства спутников этой девушки, которая могла вовсе и не быть такой опасной колдуньей, как пугал его гном. В конце концов, именно они напали первыми, а девушка со спутниками всего лишь защищались... Поэтому Алексей неотрывно смотрел на ее прекрасное лицо с восточными чарующими чертами и мысленно разговаривал с ней, рассказывая о себе и прося прощения.

— Ужин готов, господин! — подал голос Оторок.

— Я не голоден. Спасибо,— сказал Алексей, отрывая взор от пленницы.

Он скользнул взглядом по начавшей скрываться в сумраке поляне и вдруг заметил исчезновение тел погибших в недавнем бою противников. Вскочив, он осмотрелся внимательнее, но ничего указывающего на трупы или свежее захоронение не обнаружил.

— Оторок! Вы похоронили погибших? — спросил Алексей, подскакивая к гному.— Они ведь совсем недавно были вон там...

Жуткая картина — пожирающий трупы оборотень и гном, жарящий на костре вырезку из убитых недавно путников,— неожиданно предстала перед его взором. И взгляд Алексея при этом был таким, что гном испуганно отшатнулся, поднимая руки с двумя длинными прутьями с насаженными на них кусками сыра, солонины и какими-то листьями.

— Что ты, господин! — обиженно заговорил Оторок, как видно поняв, ЧТО пришло в голову господину.— Совсем, видать, ничего, кроме своего последнего мира, не помнишь. Лучше уж сгинуть в бесплодных рудниках, чем попасть в такой мир. Зур по округе рыщет. Охраняет. А эти... Здесь не бывает гниющих трупов, воронов, выклевывающих у павших на полях сражения глаза... Здесь все иное... Другое.

— Где они?

— Тьфу ты! — в сердцах сплюнул гном, ставя прутья на воткнутые у костра рогатки.— Они в другом мире... Я не смогу объяснить... В этом лесу, умерев, ты вернешься в какой-то иной мир. Не знаю, в какой, но совсем в другой. Будет больно... И свое предназначение ты в этот раз не выполнишь. Но твое тело не останется гнить тут, среди деревьев, а твоя душа начнет свой новый путь. Когда это произойдет, не заметишь. Лежал убиенный тут, а в следующий миг уже нет тебя.

Но самого этого мига никогда не углядишь — то отвлечешься чем-то, то моргнешь просто...

— Ты тоже умирал? — спросил Алексей, размышляя о том, стоит ли и этот рассказ гнома принять на веру.

— Так — да,— ответил гном, совсем успокаиваясь.— И не раз.

— А почему там по-другому? — спросил Алексей, нисколько не сомневаясь, что гном поймет, про какое «там» он спросил.

— Там многое кажется иным,— пояснил Оторок, передернув плечами то ли от воспоминаний о «наезде» Алексея, то ли от знания на своем опыте того, как здесь умирают.— Только там ты, родившись, не помнишь ничего и, умерев, не можешь вернуться вновь тем же, кем был, и к тем, с кем был.

— И вновь ты не сумеешь объяснить этот свой бред? — спросил без особой надежды Алексей.

Оторок кивнул.

— Прости, господин.

— Сам разберусь,— махнул рукой Алексей, возвращаясь к пленнице.

Успокоенный тем, что полоумный его спутник, по которому Кащенко плачет, не является, ко всему прочему, еще и каннибалом, он собирался вновь усесться на свое место, когда вдруг обнаружил, что девушки нет.

— Оторок!

Изумление и тревога в голосе бросили гнома к зовущему.

— Беда! — запричитал гном, поднимая шерстяное одеяло, словно под ним могла спрятаться пленница.— И путы не помогли! Беда!

— Ты же забрал ее сумку,— уточнил Алексей.

— Колдунья это, не колдун! — сетовал гном.— Она и без своих талисманов да снадобий опасна. У нее своей энергии вдосталь. Беда!

— А Зур? Он не найдет? — спросил Алексей, почему-то совсем не испытывая ничего похожего на страх гнома.

Оторок покачал головой.

— Она ведь теперь прячется. Ее нам не увидеть. Даже если она не ушла совсем. А то, может, уже на помощь зовет. Беда! Уходить надо.

— Куда? Дверь-то в барабане супермаркета еще не открылась,— вдруг усмехнулся Алексей.— Так куда ты бежать собрался? Партизанить в этом лесу? Зови Зура ужинать. Нечего нам бояться боя, раз уж наши трупы не останутся гнить среди деревьев.

Гном с сожалением покосился на него как на несмышленыша.

— Ох, господин, разве смерть — самое страшное?

Заросли расступились, выпуская Алексея на широкую поляну. И едва только он шагнул из глуши зарослей, как увидел высокое ночное небо. Именно высокое, несмотря на глубокую ночь. Над его головой огромным светящимся кругом сыра висела яркая, полная луна. Ее свет делал видимыми и облачка, редкими клочками бегущие по небу, и верхушки деревьев, крепостной стеной окружающих поляну. На мгновение все замерло у него внутри, а затем волна эмоций, обрывков воспоминаний и несвязных образов обрушилась на Алексея, словно студеная вода, зачерпнутая в зимний день из колодца. Он остановился, отдаваясь этому чувству тайны полной луны. Неожиданно захотелось, как много раз раньше, расправить плечи еще

больше, вдохнуть еще глубже, впустить в себя это волшебство лунного света и свободы ночного неба.

— Я оборотень,— с ужасом прошептал Алексей, чувствуя, как лунный свет уже струится по венам, наполняя тело силой и возбуждением.— Или вампир...

Тихий смех за его спиной, похожий на звук морозного ветерка, если бы ветер мог смеяться, не нес в себе ни капли насмешки или злой иронии. В нем было что-то столь же возбуждающее, как и в свете луны. Только смех этот не был бесполым. И звучал совершенно по-доброму.

— Так это все-таки ты. А я-то ломала голову, почему контракт был столь дорогим...

Голос не спрашивал, он утверждал, звучал так, что Алексей хотел бы его слышать снова и снова.

— Ты не оборотень и не вампир.

Она опять засмеялась, и Алексей про себя отметил, что, несмотря на неожиданность, даже не вздрогнул и не испугался.

— Так странно, я не чувствую ни крупицы твоей силы...— продолжала невидимая женщина бархатистым, волнующим голосом.— И, похоже, ты меня действительно не помнишь? Жаль. Хотя,— она шаловливо рассмеялась,— в этом есть и свои плюсы...

Голос приблизился, лунный свет выхватил из тьмы точеную фигуру женщины. Она была невысока, тонка, но при этом мускулиста. Алексей был уверен, что именно так должна выглядеть богиня или жрица какого-то древнего культа. Совершенно нагая, она, облитая лунным светом, была настолько прекрасна, что Алексей не задумываясь пошел бы сейчас за ней куда угодно.

— Кто ты? — зашептал Алексей, протягивая руку и боясь, что прекрасное ночное видение вдруг исчезнет.

— Я? — Колокольчик смеха зазвенел совсем рядом.— Раньше ты знал много моих имен. Зови меня Эльви сегодня.

Лицо и плечи таинственной незнакомки были скрыты искрящимся в лунном свете водопаде волос, но все остальное лунный свет бесстыдно и провоцирующе освещал, добавляя еще больше возбуждения к тому состоянию, в котором Алексей пребывал.

— Ты все так же теряешь голову от лунного света.

— Ты лучше лунного света,— прошептал Алексей, чувствуя, как неожиданно пересохло в горле.

— Красиво говорить ты разучился.— Эльви усмехнулась, одним движением преодолевая разделяющее их расстояние.— Надеюсь, в остальном ты остался прежним?

Ее волосы и кожа пахли чем-то прохладным и легким, словно кора незнакомого дерева или неведомая трава. Этот запах Алексей ощутил одновременно с прикосновением, буквально взорвавшим его напряженные до звона нервы. Он больше не контролировал себя, чувствуя все так остро, почти болезненно, словно с него содрали кожу. Под холодным светом огромной луны они были похожи на двух диких зверей, сплетающихся в яростном буйстве желания. Эльви «победила», оказавшись верхом на распластанном Алексее, и, почувствовав, что он близок к финалу, ускорила движения, все сильнее прижимаясь к нему и выгибаясь. Водопад волос схлынул на спину, открывая лицо с огромными глазами и восточными чертами. Захлебываясь в коротких мгновениях оргазма, Алексей увидел лицо недавней пленницы, которая таинственно исчезла от костра. Это открытие нисколько не повлияло на его эмоции, на которые, впрочем, сейчас не смогла бы воздействовать и сама смерть.

Расплющенный пережитым, Алексей лежал в душистой примятой траве, не понимая, где он находится и что происходит вокруг. Когда опустошение отступило, вновь впуская в его тело и душу звуки и свет окружающего мира, Алексей шевельнулся, словно проверяя, жив ли он еще и цело ли его бренное тело.

— Это был, наверное, лучший секс в моей жизни,— прохрипел он, с трудом выдавливая из себя слова.— Ты великолепна. Я отдал бы...— Неожиданно Алексей ощутил себя в одиночестве на этой лунной поляне.— Эльви! — поднимаясь на ноги, позвал он сначала шепотом, а потом все громче.— Эльви! Эльви!

Рядом хрустнула ветка, и в лунном свете появилась могучая фигура Зура. Оборотень был еще в человеческом обличье, хотя по его движениям чувствовалось, что он нервничает и готов к трансформации. Он лишь бросил короткий взгляд на Алексея, метнувшись в сторону, словно охотничий пес, идущий по следу зверя. Ветви затрещали громче, и на поляну выбрался, тихо ругаясь, гном.

— Рудники преисподней! — ворчал Оторок.— Что ты тут делаешь, господин?

Алексей молча стоял под лунным светом, прислушиваясь. Но прислушивался он вовсе не к тому, что происходило на поляне. Он ни на миг не сомневался, что ни оборотень, ни тем более гном не сумеют найти ночную гостью. Он прислушивался к своим ощущениям, новым для него и пока не совсем понятным. Он знал, что никогда до этого момента не видел этой таинственной колдуньи. Но в то же самое время все его существо утверждало, что это не первый их раз. Вопреки логике, вопреки здравому смыслу он чувствовал, что когда-то и где-то они уже были вместе. Что-то шевельнулось в его памяти, словно светлое пятно, еще далеко, на самой границе восприятия...

— Что там? — спросил гном у вернувшегося оборотня, хотя и так все было совершенно ясно.

— Я не могу ее найти.— Зур пожал могучими плечами.— Она словно растворилась.

— Ничего,— успокаивал сам себя гном.— Она не звала на помощь и не сделала ничего враждебного.— Он покосился на Алексея и вздохнул.— Только вот силы получила большое множество. А вдруг она все же враг? Вдруг она попытается эту силу использовать против нас? Пойдем.

Оборотень сразу скрылся в зарослях. Оторок еще пару секунд помедлил, обернувшись к Алексею.

— Мы у костра, господин,— сказал он негромко, прежде чем последовать за оборотнем.— Возможно, это и есть предвестие открывающей двери. Может, мы все-таки попадем в супермаркет.

Серая прохлада лесного утра заставляла кутаться в походные шерстяные одеяла, цепляясь за теплые остатки сна. Костер едва тлел, уже не давая тепла. Тьма отступила, сменяясь утренним туманным сумраком.

Неожиданно заворчал Зур, словно встревоженный сторожевой пес, поднимаясь и прислушиваясь к окружающему миру. Оторок, в отличие от Алексея, мгновенно стряхнул сон, оказавшись рядом с оборотнем.

— Что ты чуешь? — зашептал гном, согревая ладонями рукоять своей верной секиры.

— Ведьма близко! — рыкнул Зур, топорща гриву волос.— Очень близко.

— Она что, не скрывается? — удивился Оторок.

— Нет. Она совершенно открыта,— подтвердил оборотень.— Что мне делать, Оторок?

— Ничего! — неожиданно подал голос Алексей, который, проснувшись, слышал беседу.— Она же сама хочет, чтобы ее заметили. Неужели вы думаете, что, желая перебить нас, она пойдет открыто? Ты же говорил, Оторок, что у нее теперь много силы.

— Да, господин,— согласился гном.— Заставив тебя заняться с ней любовью, она получила очень много силы для ворожбы. Это одно из отличий колдуний от колдунов.

— Значит, она не хочет причинять нам вред. По крайней мере, сейчас,— продолжал Алексей, неожиданно представив, как какая-нибудь дряхлая ведьма, собравшись поколдовать, устраивает охоту на здоровых юношей.— Мы должны ее принять.

— Твоя воля, господин,— склонил голову гном, не находя повода возражать, но и не решаясь безропотно согласиться с тем, чтобы допустить ведьму так близко.

Словно слыша всю эту беседу, из туманной полутьмы появилась колдунья. Теперь она уже не была обнажена, как на лунной поляне прошлой ночью. Просторный балахон с глубоким капюшоном опять скрывал ее, не позволяя увидеть ни фигуры, ни лица. Но Алексей ни на мгновение не сомневался, что перед ним именно Эльви.

— Мир вам! — приветствовала она их чистым, сильным голосом, в котором не было и тени вражды.

— Здравствуй, Эльви,— ответил Алексей, чувствуя непреодолимое желание вновь увидеть ее лицо.

— И тебе мир,— эхом отозвались гном и оборотень без всякого энтузиазма.

— Я принесла тебе и дурную, и добрую вести, господин,— продолжила колдунья, не удостоив спутников Алексея даже взгляда и обращаясь только к нему.— С какой мне начать?

— Твое появление уже само по себе лучшая весть,— улыбнулся Алексей.

Словно прочитав его мысли, колдунья скинула капюшон, открывая прекрасное лицо и собранные в толстый, тугой хвост волосы.

— Ты начинаешь говорить значительно лучше,— улыбнулась гостья.— Верно, прогулка под луной пошла тебе на пользу. Так какую новость ты хочешь услышать первой?

— Тебе так важно мое желание? — спросил Алексей, любуясь собеседницей.— Начни с плохой. Увидев тебя вновь, я легко приму любую дурную весть.

— Узнаю тебя былого,— вновь рассмеялась девушка.— Даже в преддверии смертного боя ты все так же готов быть отважно несерьезным. Но довольно прелюдий. Надеюсь, на них у нас еще будет время и место. Охотники идут по твоему следу. И они совсем близко. Их скрывают большие силы, но они уже в паре шагов от нас.

— Святыни оборотней! — воскликнул Зур.— Вот что не дает мне спать уже давно. Я чую их, только не могу разобрать. Все думал, пустые тревоги.

— Плохо дело! — поддакнул оборотню гном, вскидывая секиру на плечо.— Это для нас теперешних может быть последним боем.

— Ты ведь говорил, что смерти у вас тут нет,— повернулся к гному Алексей.

— А разве смерть самое страшное? — повторила Эльви вечернюю фразу гнома, только ее голос звучал почти нежно.— К тому же смерть здесь вполне возможна. Твой слуга просто многого не в силах рассказать, а еще большего не знает. Да и ты пока не поймешь. Здесь все не так, как в твоем последнем мире, и к тому же не столь однозначно.

— Это все философия,— нахмурился Алексей.— Так смерть здесь тоже есть? Такая или другая. Понятная мне или нет. Есть?

— Да, господин,— склонил голову Оторок.— Но мы будем биться!

Гном действительно выглядел сейчас весьма воинственно — с блеском обреченности в глазах, с готовой слететь с плеча секирой. Да и замерший рядом оборотень был уже в одном шаге от трансформации. Мускулы и вены его вздулись. Даже грудь раздалась еще больше, едва не разрывая кожаную рубаху. И хоть он пока был больше похож на человека, но уши уже позвериному шевелились, ловя звук приближающейся опасности, а в уголке рта замерла капля слюны, предвещающая начало боевого безумия.

— Твои слуги отважны и полны готовности умереть за своего господина,— промурлыкала колдунья.— Но они не сумеют тебе помочь в бою с таким количеством охотников.

— Так что, мы умрем? — спросил Алексей, удивляясь, что эта мысль сейчас его не слишком сильно взволновала.

— Все мы умрем,— улыбнулась Эльви.— Кто-то навечно, кто-то вновь и вновь. И ты умрешь, возлюбленный, только не сегодня.

— Возлюбленный? — опешил Алексей.

— Не придавай моим словам значения твоего последнего мира,— посоветовала девушка,— иначе ты не на той фразе сконцентрируешь свое внимание. Я хотела сказать, что в силах открыть тебе... дверь в супермаркет.

— В супермаркет? — вновь удивился Алексей.

— Она слышала каждое наше слово,— пояснил мрачно Оторок.— Она все время была рядом.

— Время истекает,— отрезала колдунья, и голос ее из мяуканья кошки превратился в уверенный, чистый голос, каким было произнесено приветствие.— Или мы уходим сейчас, или вы принимаете последний бой.

Говоря, колдунья вскинула руку, сотворяя причудливые пассы. Второй рукой она бросила небольшой камешек, совершенно обычный с виду. Долетев до земли, камешек не отлетел, ударившись о поверхность, а канул, словно в воду. И тотчас, будто по воде, побежали по поверхности земли круги. А там, где эта круговая волна пробегала, оставалась абсолютно гладкая поверхность, непрозрачно-черная, как лужа густой нефти. Только лужа эта имела совершенно правильную форму круга, и поверхность ее не нарушалась ни единой проплешиной ряби.

— Мы уходим! — скомандовал Алексей, приняв решение.— Что мы должны делать?

— Что делать? — удивилась было Эльви, но спохватилась, вспомнила о потере памяти Алексеем и сказала: — Просто уходить. Вот портал.

Она сделала рукой приглашающий жест, указывая на блестящий круг на земле.

— И куда мы попадем? — очнувшись от изумления, спросил гном.

— Туда, куда он должен попасть.— Ее голос стал жестче.— Мне нарисовать для тебя карту? Впрочем, потеря одного гнома не нанесет никакого урона общему делу. Ты, Оторок, можешь остаться. Пойдем, господин.

И это «господин» прозвучало так чарующе, что Алексей без раздумий шагнул к кругу, еще не вполне представляя, как он это проделает.

— Просто прыгай, господин,— подсказал Оторок, беспрекословно следуя за ним.

Алексей прыгнул, словно в бассейн, солдатиком, устремляясь в черный круг. Он ожидал удара земли по ногам, но вместо этого провалился действительно как в воду. Вернее, это было больше похоже на падение с одного этажа на другой сквозь отверстие, закрытое упругой мембраной. Легкое сопротивление, толчок, короткое падение с высоты пары метров. Алексей даже удержался на ногах, упав на мягкий золотистый песок. Опасаясь попасть под падающих товарищей, он отбежал в сторону. И вовремя. Прямо в воздухе вдруг появился Оторок. Держа секиру обеими руками, гном рухнул в песок, подняв целый фонтан пыли и приложившись при падении лбом о рукоять своего оружия. Кубарем откатившись в сторону, он вскочил на ноги, почти испуганно озираясь.

— Ох, молот подземной кузницы, где мы? — крякнул гном, потирая лоб.— Горячий песок, как в преисподней.

— Подожди стенать,— оборвал Оторока Алексей.— Шишки потрем, когда другие нас догонят.

— И то верно,— согласился гном.— Что-то задерживаются.

— Может, не успели уже? И помочь ведь ничем не сможем,— занервничал Алексей.— Что же так долго?

Словно в ответ на его слова в воздухе появились друг за другом сразу два тела. Сначала оборотень, совсем уже не похожий на человека, перемазанный в крови и ревущий, как раненый тигр. И сразу же за ним вывалилась из ниоткуда колдунья и приземлилась верхом на упавшего на четыре лапы Зура. Она была под стать оборотню — со стоящими дыбом волосами, вырвавшимися из хвоста, горящими яростью глазами и распластавшимся на ветру, словно крылья, балахоном. Да еще оседлав жутковатого монстра, в которого

превратился оборотень, она казалась истинным олицетворением ярости неистовства боя.

— Слава богу! — воскликнул Алексей, замечая, как гном вдруг втянул голову в плечи.— Что?! Что опять не так, Оторок?!

— Не упоминай имен их! — рявкнул гном.— Радуйся и гневайся как-то иначе, господин! Мы не в том положении сейчас, чтобы призывать кого-то из сильнейших.

Алексей хотел было возразить, но увидел, что Эльви жестом поддержала гнома, и осекся.

— Твою мать! — в сердцах плюнув под ноги, выругался он.— И что мне теперь делать? Я не люблю мата, а невинные ругательства из того мира тут просто неприемлемы. Что делать?

— Учиться! — усмехнулась колдунья, сбросив наконец маску ярости.— А на первый случай... в твоем мате нет ничего плохого, особенно если использовать его к месту.

— Вы так долго не появлялись, что мы успели здорово перетрусить,— сказал Алексей, глядя на колдунью.— Что случилось?

— Охотники оказались гораздо ближе, чем даже я чувствовала,— пояснила Эльви, поправляя волосы и отряхиваясь.— А Зур просто одержимый. Он первым понял, что враги уже пришли, и так быстро начал бой, что я не успела столкнуть его в портал.

— Так вы победили? — удивился Алексей, осматривая возвращающегося в человеческое обличье оборотня.

— Их нельзя было одолеть,— весело ответила Эльви.— Но очень сложно было заставить Зура отказаться от битвы и прыгнуть в портал. Я даже собиралась оставить его там, но стало жалко такого достойного воина.

Было заметно, что Зур горд столь лестным отзывом. Он стоял молча, немного смущаясь заинтересованных взглядов своих спутников.

— И что, он успел кого-нибудь достать? — с некоторой ревностью в голосе поинтересовался гном, поглаживая рукоять секиры.

— Он устроил там такую мясорубку, что я смогла спокойно наложить запирающее портал заклятие, которое сработало сразу же после нашего ухода,— кивнула колдунья.

Зур, казалось, даже покраснел от похвалы.

— Хватит смущать парня,— вступил в разговор Алексей.— Ты молодец, Зур. Спасибо.

— Не за что, господин,— еще больше смутился оборотень.— Я рад, что удалось выжить.

— Я тоже рад, друг,— улыбнулся Алексей.— А где твоя рубаха?

Оборотень действительно был без рубахи и в обрывках своих кожаных штанов.

— Не успел снять, господин,— вздохнул огорченно Зур.

— Нам стоит продолжить путь,— предложила Эльви.— Цель близка, но еще не достигнута. Идем.

И она зашагала по песку. Алексей собрался было спросить, какую цель она имеет в виду, но, увидев, что Зур и Оторок спешат за колдуньей, оставил свой вопрос на потом.

— Ты... мм... волшебница,— ему отчего-то расхотелось называть ее колдуньей,— но тем не менее нам приходится жариться в этой духовке и месить песок на пути к какому-то оазису,— хрипел Алексей, в очередной раз поднимаясь после падения в сухой, горячий

песок.— Почему бы тебе просто не перенести нас туда, куда мы должны попасть?

— Если бы я могла щелчком пальцев избавить нас от нескольких часов пути, поверь, я давно сделала бы это,— фыркнула колдунья.— Магия — это не возможность делать все, что тебе ни пожелается. Это возможность делать *нечто*, что без магии сделать либо гораздо сложнее, да и то только с помощью многолетней работы тысяч и тысяч людей и с использованием каких-нибудь сложных, дорогих и громоздких устройств, либо вообще нельзя. Но у магии есть свои законы и свои ограничения.

— Я вижу! — возопил неожиданно оборотень, который и теперь чувствовал себя лучше остальных.— Или это всего лишь мираж?

Он стоял на гребне высокого бархана, указывая куда-то рукой. Кое-как забравшись наверх, Алексей увидел то, что взволновало Зура. Довольно далеко еще от них, дрожащий в горячем воздухе, виднелся зеленый остров в океане песка. Но не оазис зеленой свежести взволновал Алексея и не искрящиеся пятна воды, заключенной в стены то ли бассейнов, то ли фонтанов. Множество построек, в основном каменных, словно кости домино были причудливо раскиданы там и здесь. Но лишь одно строение сейчас притягивало к себе все внимание. Над зеленью садов, над бассейнами и домами высилось величественно и весомо гигантское строение, почти равное по размерам египетским пирамидам. Среди окружающих построек было немало больших зданий, но все они лишь подчеркивали величие этого основного.

— Ух ты! — вырвалось у Алексея.— Это они у наших египтян научились строить?

— У ваших египтян? — переспросила Эльви, вновь не сразу поняв смысл сказанного.— Нет. Это не ко-

пирование. Перед нами одно из самых милых в прошлом твоему сердцу мест. Перед нами славный и священный город Абидос. Именно сюда я и должна была тебя доставить, господин.

— Должна была доставить? — переспросил Алексей, пытаясь вспомнить, где слышал название Абидос.— Кому должна?

— Тебе должна,— лаконично ответила колдунья.— Там, на поляне, ночью, я увидела отсвет твоих видений, прежде чем вышла к тебе.

— И что же это были за видения? — удивился Алексей, забыв про Абидос и пытаясь теперь вспомнить свои мысли и ощущения в ту волшебную ночь.

— Это было не то, что ты сейчас пытаешься вспомнить,— улыбнулась девушка, легонько касаясь тонким пальчиком его виска.— Этого ты не вспомнишь, это всего лишь отсвет... Я узнала только потому, что много раз была здесь с тобой.

— И что мне теперь делать? — задумался Алексей.

— Оставить свои мучительные попытки вспомнить все сейчас и сразу, господин. Ты должен просто плыть по течению и ждать. И тогда единство с Сутью само придет,— пояснила Эльви.— Пойдем. В Абидосе тебя наверняка еще не забыли.

Они двинулись в сторону зеленого оазиса. Притихшие гном и оборотень торопились следом. Солнце щедро заливало все вокруг ярким светом. И залитый этим светом оазис с величественными зданиями, утопающими в буйной зелени, казался сказкой. Словно бы и не было вокруг бескрайних безжалостных песков, способных разделаться с заплутавшим путником. Воистину сказочный цветущий оазис в пустыне, все более прекрасный, чем ближе они к нему подходили.

Неожиданно с неба послышался тихий, но быстро нарастающий звук. Словно посвистывали огромные лопасти, рассекая воздух.

— Осторожно! — воскликнула колдунья, предупреждающе указывая на что-то высоко вверху.— Не делайте резких движений. Страж прилетел. Пока один. Но и один он много сильнее, чем мы сейчас. Оторок, поверь, сейчас не время махать секирой.

Путники задрали головы, пытаясь хоть что-то рассмотреть сквозь слепящие лучи стоящего в зените солнца. Поначалу ничего увидеть не удалось, но внезапно гигантская тень заслонила пылающий диск светила. В следующую секунду прямо перед путниками, вздыбив целый фонтан сухого песка, опустился огромный зверь.

— Это же... это же...— опешил Алексей, рассматривая зверя.

— Грифон, господин,— кивнула Эльви.

Это, несомненно, был грифон, только немного не такой, каким представлял грифона Алексей, видевший красивый рисунок еще в детстве, на бабушкиной старинной швейной машинке «Зингер». У приземлившегося на вершину бархана зверя было четыре мощных лапы, вооруженных острыми саблями когтей, и огромные крылья на здоровенной холке. Еще, в полном соответствии с той старой картинкой, настоящий грифон щеголял массивным, тяжелым клювом. Но этим сходство и исчерпывалось. Живой грифон не обладал телом льва с крыльями и головой орла. Он выглядел совершенно цельным и органичным зверем. Золотисто-песочная шкура, лоснящаяся и сверкающая в лучах солнца, покрывала зверя с ног до головы. И никаких перьев. Даже крылья состояли из гибких, перепончатых секторов, отдаленно напоминавших крылья гигантской летучей мыши, весьма отдаленно впрочем...

Длинная шея бугрилась мускулами, как и все тело летающего монстра. Тяжелый хвост, более всего похожий на крысиный, имел толщину в руку взрослого мужчины. Сейчас он извивался из стороны в сторону подобно хвосту нервничающего кота. Но Алексей с интересом рассматривал туловище зверя только до тех пор, пока не увидел глаза. Большие, наполненные разумом, они смотрели на путников так пронзительно, словно осматривали каждый потаенный уголок их рассудка.

— Почему он так смотрит? — заволновался гном, боясь отвести взгляд от глаз огромного зверя.— Что ему от нас надо?

Оборотень стоял неподвижно и безмолвно, лишь пригнувшись и набычившись, будто в ожидании нападения. Колдунья смотрела на грифона с легкой, похожей на дуновение ветерка улыбкой, как на старого знакомого, который исполняет необходимый ритуал. Впрочем, для нее это именно так, скорее всего, и было.

— Не трясись, Оторок, он не причинит тебе никакого вреда, если только ты сам не несешь опасности,— ответила колдунья, даже не взглянув на гнома.

— А откуда он узнает, что я не несу опасности? — не унимался гном.

— Он узнает,— заверила Эльви.— Он видит сейчас много больше, чем можем увидеть мы сами.

Грифон остановил свой взгляд на Алексее. Тому показалось, будто что-то зашевелилось в голове. Перед мысленным взором поплыли неясные образы. В ушах зазвучали звуки. Мерцание огней, дворцы и земли, звон оружия и крики людей, хор, более всего похожий на церковное песнопение. Образы неясные, словно скрытые полупрозрачной пеленой. Алексей даже закрыл глаза, пытаясь разглядеть, понять, запомнить...

Или вспомнить то, что видимо было грифону в его голове, но не видимо ему самому.

Неожиданно калейдоскоп видений прервался, пыль заклубилась вокруг путников, и, открыв глаза, Алексей успел заметить лишь быструю тень, скрывшуюся в пронизанной солнцем выси.

— Фу! — облегченно выдохнул гном.— Я здорово перенервничал, пока этот монстр размышлял, не отобедать ли нами сегодня.

— Видимо, в твоей душе много темных пятен, Оторок, раз ты так трепетал под взором грифона,— усмехнулась колдунья.— Прямо скажем, если это так, этот мир не для тебя.

— Это почему же? — обиделся гном.

— Здесь многое реагирует на то, что ты скрываешь. Даже если ты прячешь это и от самого себя,— пояснила Эльви, с любопытством глядя на Алексея.— Ты ведь что-то увидел, господин?

— Почему ты стала называть меня господином? — вопросом на вопрос ответил Алексей.— Мне казалось, что ты говорила об иной роли в наших прошлых посещениях этих мест.

— Нет, господин,— девушка улыбнулась,— в моих словах нет никаких расхождений. Ничто не мешает тебе быть для меня и возлюбленным, и господином. А в этом мире именно так было. Зачем мне говорить неправду, если ты стремишься объединиться со своей Сутью? Ты все равно все вспомнишь.

— Надеюсь, это все же произойдет,— согласился Алексей, размышляя над тем, что теперь воспринимает происходящее на удивление спокойно, хотя каким-то кусочком сознания все еще надеется очнуться рядом с сыто урчащим «ауди».

— Пойдем, господин,— предложила колдунья.— Грифон пропускает нас в священный Абидос. Мы под-

нимемся на одну ступень в твоих воспоминаниях. Мне очень интересно, что влечет тебя сюда.

— Может, нам попытаться спросить у грифона? — пошутил Алексей.— Мне показалось, его взгляд что-то взбаламутил в моей голове.

— Хорошая идея,— поддержала шутку Эльви.— Ты мог бы отправить Оторока к логову грифона. Пусть поговорят по душам.

Гном, шагавший позади всех, только неопределенно фыркнул. Он необычайно серьезно воспринял слова Эльви об этом мире, где никогда раньше не бывал. Теперь он монотонно шагал, пытаясь отыскать в своем прошлом те самые темные пятна, за которые его могла постичь здесь страшная кара. И оттого, что ничего не находилось, спокойнее Ороку не становилось. Ведь не напрасно колдунья сказала: даже если прячешь это от самого себя...

Свежесть открыла путникам свои объятия, едва они миновали невысокую каменную стену, символически олицетворяющую собой границу города-оазиса. Сады среди пустыни. Царство воды — журчащей в искусственных ручьях; играющей солнечными бликами во множестве бассейнов, отличающихся друг от друга формой, глубиной и размерами; потоками низвергающейся с искусно выложенных маленьких и больших уступов. Выложенные плиткой дорожки, стены построек, отделанные розовым порфиром, светлыми сортами гранита и отполированным и расписанным камнем. На улицах практически не было людей, а те немногие, кто по каким-то неотложным делам был вынужден выйти под палящее солнце, не обращали никакого внимания на измученных и грязных путников. Видимо, в этом городе полностью доверяли про-

зорливости стражи, охраняющей все подступы от дурных людей. Лишь один человек, облаченный в длинные белые одежды, скрывшись под сенью пальм, явно ожидал именно их. Это было ясно и по взгляду, которым встречают долгожданных гостей, и по улыбке, одновременно почтительной и радушной.

— Пусть благословенны будут ваши дни,— обратился он к Алексею со сдержанным поклоном.— Вы вновь удостоили нас чести своим пребыванием на священной земле Абидоса, господин. Вижу, дорога не была легкой.

— Спасибо.— Алексей растерялся, не зная, как следует отвечать.

— Господин потерял частично связь с Сутью,— вступила в разговор Эльви.— Будь благословенен ты, как и ваш священный город. Нам нужна помощь Абидоса. Впрочем, мы не в первый раз приходим сюда за Силой.

— Мы все будем счастливы, если сумеем вновь помочь. Сейчас вам нужно немного отдыхнуть своим телам, прежде чем искать источник пополнения Силы. Следуйте за мной.— Вновь поклонившись, встречающий поспешил в сторону центра города.

— Почему он нас ждал? Откуда знал, что мы войдем в город? — спросил Алексей у Эльви, стараясь говорить как можно тише.— И как он узнал, кто я? — Понять бы это мне самому! — Мне говорили, что я... это... как бы неузнаваем для окружающих.

— Это просто, господин,— пояснила с улыбкой девушка.— Во-первых, мы слишком много шумели. Портал хоть и был открыт довольно далеко, но зато без всяких маскирующих заклятий. Во-вторых, мы сами, поверь, пока отчетливо видны для тех, кто умеет видеть. А тот, у кого есть подобные сопровождающие, уж точно заслуживает внимания. Ну и от взгляда стра-

жа твое истинное лицо не укроется даже отсутствием связи с Сутью.

— Может, я был здесь королем или этим... фараоном? — спросил Алексей, ломая голову над своей ролью во всей этой сказке.

— Нет, господин,— рассмеялась девушка.— Фараонов здесь своих хватает. Хотя ты здесь в почете. Но вовсе не как владыка, а как добрый друг и надежный союзник.

— Послушай,— не унимался Алексей,— мне казалось, что Абидос — это из Древнего Египта. Ну плато Гиза, Луксор, что там еще... Мне в агентстве туристическом предлагали.

— Древнего? — Не удержавшись, Эльви прыснула в кулачок, чуть ли не насмешливо глядя на Алексея.— Это опять знания твоего последнего мира. Если говорить его языком... Луксор примерно в... ста восьмидесяти километрах к югу отсюда. А плато Гиза, где есть большой источник Силы в храме долины, отделяет от Абидоса немногим более того. Что же касается древности... Если ты закопаешь сегодня монету в этом прекрасном саду, возможно, ее найдут в твоем времени твоего последнего мира и причислят к древности, отстающей от них почти на тридцать пять веков. Кто знает. Забудь о том, что ты знал в последнем мире о времени, жизни и смерти. Забудь как можно больше, иначе тебе будет сложно отыскать связь со своей Сутью.

— Я так и не понял одного,— вспомнив свой вопрос, повторил Алексей.— Оторок говорил, что я невидим для многих, и даже ты не сразу узнала меня. Почему здесь меня узнали и встречают?

— Ты можешь быть невидимым для Оторока, неузнаваемым для Зура или для меня. Но, как я уже сказала, грифон видит то, что не видит никто из нас.

А этот помощник хранителя просто получил знание о твоем приходе от стража. Хранители должны знать, поэтому грифон и открыл им того, кого увидел.

Алексей хотел было спросить еще что-то, но в этот момент их гид остановился, предлагая жестом войти в одно из больших, богато украшенных строений.

— Вам необходим отдых, вода, дабы привести себя в порядок, и пища, дабы утолить голод. Здесь вы найдете все. А когда ваши физические силы будут восстановлены, мы поговорим о том, как помочь вам в остальном.

Алексей лежал в отделанной мрамором ванне, куда красивая бронзовокожая девушка время от времени подливала горячую воду. Вернее, это была даже не вода, а какой-то восхитительный по аромату тонизирующий состав с плавающими в нем лепестками цветов. Вторая девушка, столь же очаровательная и юная, сидела в данный момент в ванне позади Алексея. Совершенно обнаженная, она старательно разминала каждый мускул на спине Алексея.

— Да-а-а...— блаженно протянул он.— Много я пробовал всяких вещей вроде тайского или турецкого пенного массажа, но это просто восхитительно.

Когда она только появилась, Алексей, уже успевший забраться в ванну, едва не выпрыгнул обратно и не помчался к ониксовой лавке, на которой лежало что-то вроде банной простыни. Но девушка никак не отреагировала ни на его смущение, ни на его суматошные порывы. Она просто подошла и молча принялась за дело. И он потихоньку успокоился. Иной мир — иные нравы...

— Ты очень напряжен и скован, господин. Твой разум не дает твоему телу по-настоящему расслабиться

и отдохнуть,— не прекращая массаж, посетовала девушка.— И ты, наверное, очень долго путешествовал.

— Почему ты так думаешь? — удивился Алексей.

— Твое тело давно не знало должного почитания,— пояснила девушка, перебираясь вперед и начиная делать массаж ног.

От ее движений и вида юного, сильного тела Алексей неожиданно возбудился — вопреки всем своим попыткам держать себя в руках. Заметившая это девушка отреагировала не так, как опасался Алексей. В ее глазах появились озорные искорки, и она начала все более откровенно касаться его уже не только сильными пальцами.

— Что значит — не знало должного почитания? — спросил Алексей для того лишь, чтобы поддержать разговор, и понимая, что еще пара-другая касаний юной девушки — и он просто накинется на нее в этой же ванне. Тем более что она явно была не против.

— Это значит, что ты, господин, волосат, вонюч и обладаешь неухоженной кожей,— раздался насмешливый голос за спиной Алексея.

Он улыбнулся, понимая, кому принадлежит этот голос. И тотчас, подчиняясь полученному от вошедшей знаку, девушка выскользнула из ванны. Алексей уловил легкий шелест ткани за спиной, звук упавшей на пол заколки, а в следующую секунду тонкие пальчики, не уступающие по силе пальцам юной массажистки, коснулись его плеч.

— Ты можешь владеть любой женщиной, мой возлюбленный господин,— зашептала ему в ухо Эльви.— Если захочешь, я верну эту хорошенькую девочку. Но если ты мне позволишь, я не разочарую тебя.

Гибкое тело змеей скользнуло из-за спины Алексея вперед, ни на секунду не разрывая связи с его телом. И вновь, как недавно на лунной поляне, Алексей по-

чувствовал, что совершенно теряет голову от ее вида, ее прикосновений, ее голоса...

— Ты колдунья,— прошептал он хрипло, сжимая Эльви в объятиях в готовности буквально разорвать.

— Колдунья,— согласилась она, смеясь.— Но не отваром твое желание крепнет.

Он почти грубо взял ее, ощущая, как она отдается ему каждой своей клеточкой. Вода хлынула за края ванны, расплесканная бьющимися в яростной страсти телами. Весь мир сжался, уместившись для Алексея в этой женщине. Весь мир, владыкой которого он сейчас был. Возлюбленным господином...

Проснувшись, едва забрезжил рассвет, Алексей открыл глаза и повернулся, поудобнее устраиваясь на роскошном ложе. Он чувствовал себя великолепно — выспавшимся и отдохнувшим. Вчерашний ли массаж и ванна были тому причиной (а также то, что за ними последовало), либо что-то иное, но голова была ясной и светлой, а мысли четкими и прозрачными как никогда прежде.

Некоторое время он лежал, размышляя надо всем, что с ним произошло. Что же это за мир, в который он попал? Мир, из которого Москва, Россия, да и вся Земля представлялась всего лишь маленьким захолустным уголком. Где гномы оканчивали университеты, в которых учили смешивать желчь с кровью девственниц и обрабатывать их мощным переменным магнитным полем. Где существа, разбирающиеся в природе вампиров, в особенностях генетического кода и механизме трансмутации оборотней, оперируя терминами, которые считались в мире Алексея вполне научными, при этом вполне серьезно предостерегали его

от даже всего лишь упоминания всуе имен Господа и противника Его.

И еще здесь была Эльви...

Алексей сладко потянулся. Эльви. Он еще не знал женщин, подобных ей. Среди множества женщин, которые встречались на его пути, были разные. Добрые и стервы. Независимые и прилипчивые. Знающие себе цену и согласные на все. Большинство из них хотело от него только одного... в разных вариациях, конечно. Жить за его счет. Некоторые прямо заявляли: я, мол, девушка современная, продвинутая, поэтому «запереть себя на кухне» не позволю, стирка-глажка также не для меня, да и о пеленках-погремушках я думать пока не хочу. И вообще, главное — самореализация и «духовная общность». Так что все, на что он, Алексей, может рассчитывать, это глубокое внутреннее удовлетворение от того, что он является бойфрендом (а лучше мужем), столь современной и продвинутой девушки, ну и на секс время от времени. При этом пресловутая «духовная общность» в их исполнении, как правило, подразумевала, что он будет безропотно сносить их истерики, восхищаться тем, что нравится им (и ими самими), и столь же безропотно оплачивать их развлечения. От таких он довольно быстро избавлялся, считая, что в крайнем случае проститутки обходятся всяко дешевле и уж тем более не доставляют особой головной боли. Другие все-таки готовы были давать что-то взамен, но зато сразу заявляли свои права на него в общем и целом, считая, что он должен стать именно таким, каким они хотят его видеть. Третьи были просто дурами...

Он замотал головой, будто вытряхивая из нее эти свои столь несвоевременные мысли. Нашел занятие! Застрял неизвестно где, с неизвестно какими, но явно

опасными врагами, идущими по пятам, а мысли все о том же — о бабах...

Намотав на бедра покрывало, Алексей решил сделать зарядку. Но едва он начал упражнение, в комнату скользнула вчерашняя девушка, неся бронзовый кувшин с водой и полотенца, словно только и ждала первых звуков пробуждения из комнаты гостя.

— Благословенного дня тебе, господин,— поприветствовала она удивленного Алексея.— Я приберусь, а ты скажи, когда будешь готов к омовению.

— Я готов,— ответил Алексей, подумав, что не хочет делать зарядку при этой юной девушке, хотя после вчерашнего долгого общения с Эльви он уже не чувствовал того жгучего возбуждения, какое испытал от ее прикосновений во время мытья. Но одно дело относиться спокойно к заботе юной, красивой девушки, и совсем другое — заниматься при ней спортом. Впрочем, Алексей множество раз тренировался и в тренажерных залах бок о бок с самыми различными женщинами. И это было вполне нормально — там и тогда. Но сейчас ему почему-то было неловко.

Девушка умело поливала водой, пока Алексей умывался, наклонившись над небольшой нишей с песчаным полом. Она подставляла ладошку, останавливая струйки воды, пытающиеся сбегать по бокам и спине Алексея. Алексей бросил на нее взгляд и увидел улыбку и искрящиеся глаза.

— Спасибо,— улыбнулся Алексей в ответ.

— На все твоя воля, господин,— ответила девушка.

— На все воля богов, красавица,— отозвался Алексей.— А ты чем вообще занимаешься?

— Жду твоих желаний, господин.— Девушка вновь провоцирующе улыбнулась.

— Славно,— кивнул Алексей, окидывая взглядом упругое тело.— А где сейчас мои спутники?

— Твоя спутница еще в опочивальне,— ответила служанка.— Низенький человек тоже спит в своих покоях. А высокий черноволосый уже проснулся и гуляет.

— Понятно. Спасибо. Ты иди пока,— сказал он, легонько касаясь плеча девушки и ощущая крепкие мускулы под легкой тканью одежды.— Мои желания пусть пока останутся при мне.

Девушка, не задерживаясь, вышла из комнаты, захватив с собой пустой кувшин и влажные полотенца. Алексей хотел было продолжить тренировку, но настроение было уже совсем не то. Он подошел к небольшой мраморной скамье, на которой лежала чистая одежда. Все, что с него сняли вчера, теперь, бережно выстиранное и высушенное, было аккуратно сложено. Туфли «Ллойд» окончательно потеряли свою функциональность, полностью развалившись. Хозяева не решились самовольно выбросить их, поставив, однако, рядом с ними кожаные сандалии. Брюки и рубашка выглядели вполне сносно, но вот пиджак был достоин места на свалке вместе с туфлями. Надев все, что уцелело, Алексей осмотрел себя в большом листе золота, отполированном до состояния зеркала. Он и служил в этой комнате чем-то вроде трюмо. Вид оказался вполне презентабельным, особенно если вспомнить, что выпало на долю этой современной и когда-то добротной одежды.

На улице ярко светило солнце. Словно бы не изменилось ничего со дня вчерашнего, только было пока намного прохладнее. И улицы города из-за этого не были пустынны, как вчера. То здесь, то там люди куда-то шли или стояли, неспешно общаясь друг с другом. Осмотревшись, Алексей зашагал к расположенному неподалеку парку с причудливо пересекающимися мощеными дорожками среди буйства разнообразной зелени. Он шел, не имея какой-то опреде-

ленной цели или желания. В центре парка Алексей увидел Зура. Оборотень давно почувствовал его приближение и просто молча стоял, глядя на подходящего.

— Отличная погода,— улыбнулся Алексей.

— Здесь спокойно и тревожно, господин,— качнул лохматой головой оборотень.— Не могу спать.

— Почему? — удивился Алексей, которому спалось в эту ночь особенно легко и сладко.

— Не знаю,— пожал плечами Зур.— Я ощущаю защищенность от всего на свете, что находится вовне, но здесь много своих тревог.

— Тревоги и опасности есть везде,— возразил Алексей.— Просто для тебя это незнакомый мир, не твой мир. Хотя мне здесь очень комфортно.

— Ты здесь был, господин, просто забыл. Нам надо идти. Оторок нас ищет.

— Пойдем. Нам уже давно надо нанести визит хозяевам. Я должен найти путь,— согласился Алексей, поворачивая назад.— Откуда ты знаешь, что Оторок нас ищет?

— Я его просто чую,— пояснил оборотень.— Наверное, так же как звери чуют друг друга.

Самое большое строение Абидоса — возводимый храм фараона. Фараон еще благоденствовал, не собираясь уходить из этого мира, но здание, которое станет его погребальным храмом, строил со всем возможным размахом и великолепием. Сейчас огромный храм был почти завершен, лишь мастерам росписи предстояло еще долго трудиться над внутренними стенами.

— Ты хочешь встретиться с фараоном? — удивленно спросила Эльви, оказавшаяся неожиданно за плечом Алексея, который стоял на пороге храма.

— Я не знаю,— растерялся Алексей.— Мне кажется, что я должен что-то сделать. Может быть, что-то найти. Меня словно тянет куда-то.

— Но фараон тебе точно не нужен. Здесь не потеряна связь с другими слоями мироздания и нет отрыва от своей Сути, как в твоем мире, но фараон Сети всего лишь обычный правитель. Он не имеет никакого отношения ни к нам, ни к твоей войне,— покачала головой Эльви.

— К моей войне? — нахмурился Алексей.— Ты не хочешь мне пояснить?

— А ты думаешь, что тебя ни за что ни про что упекли в тот, забытый мир?

— Ты говорила про войну,— упрямо настаивал Алексей.

— Нам стоит наведаться в Осирион,— улыбнулась колдунья, и Алексей понял, что никакого пояснения от нее, как ранее и от остальных своих спутников, не дождется.

— Что нам там делать? — поинтересовался он.

— Это мне неведомо, возлюбленный господин,— промурлыкала девушка, и Алексей даже подумал, не вернуться ли с ней в его комнату.— Ты ведь не посвящал меня в эти тайны. Но сам именно там был в последний раз, перед самым пленением.

— Что же вы все загадками говорите? — укорил Алексей.— А где этот Осирион находится?

— Вон там, сразу за новым храмом фараона Сети. Все уверены, что в нем усыпальница самого Осириса и Источник энергии великой Силы.— Эльви указала узкой ладошкой на угол возводимого фараоном храма.— Именно поэтому Сети приказал построить свой храм около Осириона. Он хоть и знает, что смерть его физического тела лишь начало нового цикла жизни в другом мире, но надеется, что, устроив свою усы-

пальницу около Источника, сумеет получить немного божественной силы. Он простой человек, поэтому не хочет верить, что богом, так же как и простым оборотнем, надо родиться.

— Какой бред, мама моя,— покачал головой Алексей, побаиваясь ругаться и только сейчас вспоминая о гноме и оборотне, стоящих чуть в стороне от них и внимательно слушающих разговор.— Уж лучше бы вы мне вообще ничего не рассказывали. Пошли посмотрим на этот Осирион.

— Я представляю, каким тебе все это кажется,— усмехнулась девушка.— Ты словно слепой. Но в этом есть и свои плюсы.

— Я чувствую себя не слепым. Я чувствую себя олигофреном, попавшим в академгородок. Хотя у олигофрена с академиками будет побольше общего,— фыркнул Алексей, осматривая огромный строящийся храм.— Какие же плюсы могут быть в беспамятстве?

— К сожалению, только один,— ответила Эльви, сгоняя улыбку с лица.— Благодаря этому нас еще не нашли.

— Как он строит это? — изумился Алексей, разглядывая стены храма Сети, сложенные из огромных каменных блоков, еще не скрытых отделочными плитами, росписью и прочей внешней шелухой.

— Много проще, чем ты сейчас мог бы предположить. Им помогают... Здесь многое достойно удивления и восхищения даже для меня. Многие знания доступны далеко не всем...

— Извини, господин,— подал голос гном.— К нам гость.

С той стороны, куда недавно указывала Эльви, предлагая посетить Осирион, неторопливо шел закутанный в красные одеяния человек. Подойдя ближе, он откинул капюшон. На вид ему было много лет,

хотя держался он гордо и прямо, словно правитель. Голова, абсолютно безволосая, покоилась на длинной жилистой шее. Высокий, скошенный назад лоб. Массивная, выдающаяся вперед челюсть с гладким, словно отлитым из золота абрисом. Прямой, красивый нос и большие глаза. Сходство с отлитой из темного золота статуей придавал и цвет кожи.

— Приветствую тебя, господин, сияющий и могущественный,— громко произнес подошедший, почтительно склонив голову.— Тебя так долго не было, что я усомнился, что дождусь. Я счастлив.

— Ты знаешь меня? — удивился Алексей.

— Господин потерял память,— пояснила Эльви, заметив удивленный взгляд старика.— Сила и память возвращаются, но еще не все открыто ему.

— Возможно, господину надо отдохнуть, прежде чем он войдет в Осирион? — спросил старик, с сомнением глядя на Алексея.— Несколько дней покоя и удовольствия не слишком большая расточительность для живущего вечно.

— Я достаточно отдохнул,— поднял руку Алексей, подумав, что кое о чем стоит позже расспросить колдунью, например о «живущем вечно».

— Твоя воля, господин,— сказал старик, вновь поклонившись.— Я напомню тебе, владыка. Я жрец Осириса, оставленный тобой следить за Источником. Ты сам вручил мне амулет Силы.

При этих словах старик распахнул просторные одежды, открыв взорам висящее на шее причудливое украшение — покрытый вязью надписей и орнаментом символов золотой треугольник с крупным «глубоким» багровым камнем в центре. Алексей заметил, как при виде амулета у колдуньи загорелись глаза.

— Хорошо,— кивнул Алексей, жестом успокаивая жреца.— Мы пойдем в Осирион?

— Помилуй, господин,— ответил жрец, поклонившись еще ниже.— Я последую за тобой, если такова будет воля твоя. Но лишь тебе открыты недра Осириона. Всех остальных, осмелившихся осквернить храм, пока в нем покоится святыня, ждут неминуемые страдания, ужас и страшная погибель.

— А как же ты следил? — удивился Алексей.— Снаружи?

— Конечно, мой господин,— согласился старик, не поднимая головы.— Никто не переступал порог храма...— Последние слова почему-то прозвучали неуверенно, словно жрец что-то хотел сказать, но не решился.

Гном и оборотень молчали. Но колдунья не удержалась от замечания.

— Ты что-то скрываешь, жрец,— проворчала она, хмурясь.— Ты пытался войти в храм?

— Что ты! — всплеснул руками старик.— Я не шел бы сейчас рядом с вами, если бы только...

— Что — только? — оборвал его Алексей.

— Прости, господин! — всхлипнул, неожиданно упав на колени, жрец.— Я стар уже. Слишком стар, чтобы быть хранителем. Сети положил глаз на Осирион. Даже свой храм возводит едва ли не стена к стене. Ради того пренебрег всеми правилами направлений...

— Чего он хочет? — поинтересовался Алексей, для которого все эти «правила» и «направления» звучали как очередные ребусы.

— Он засылал уже нескольких своих слуг на верную погибель. Ни один из них не вернулся. Могущество Святыни и Источника ему неподвластны, но тем сильнее он жаждет начертать свое имя на стенах Осириона.

— Чего он хочет? — повторил Алексей.

— Он хочет занять Осирион, сделать его своим храмом,— просто объяснила Эльви.— Так часто делают. Особенно если сам не можешь построить желаемое.

— Я понял теперь,— кивнул Алексей.— У нас тоже так делают. Только не пойму, что в этом странного? Он ведь местный. К тому же фараон. А он действительно не может построить такое?

Алексей невольно окинул взглядом строящийся храм Сети, массивный и мрачный, без росписи и отделки. Все строение говорило о явном могуществе строителей. И тем более странно звучало утверждение, что они чего-то не могут.

Тем временем компания миновала строящийся храм и оказалась перед другим зданием. Тяжелое, огромное, оно словно вырывалось из-под земли и на первый взгляд казалось цельным монолитом, напоминая обтесанную со всех сторон скалу. Не видно было ни окон, ни дверей, лишь темно-красный монолит всюду. Но, приглядевшись, Алексей заметил отдельные огромные плиты, из которых состояли стены и перекрытия крыши. Ни порталов, ни арок, ни иных украшений, которые Алексей рассчитывал увидеть, здесь не было. Только тяжелая надежность и непоколебимость камня.

— Это он? — спросил Алексей, чувствуя вновь что-то непонятное, словно при встрече с грифоном, только много слабее, вроде мелодии, звучащей на самой грани восприятия.— Это храм?

— Это Осирион, господин,— подтвердил жрец.— Храм, хранящий Источник и Святыню.

— Не очень-то он похож на храм,— покачал головой Алексей, все еще прислушиваясь к своим ощущениям.

— Разве имеет значение внешний вид? — подала голос колдунья, подходя сзади к Алексею и закрывая

ладошками его глаза.— А сейчас тебе все еще кажется, что Осирион непохож на храм?

Алексей чувствовал непонятную энергию, которая спокойным и мощным приливом накатывала от громады храма. Алексей мог бы сейчас поспорить, что с закрытыми глазами легко сумел бы указать на него, если бы его раскрутили, как в детской игре. А еще он совершенно точно знал, что хочет быть еще ближе. Словно что-то тянет его вперед. Словно звучит в ушах чарующая, влекущая мелодия. Мелодия, с притяжением которой он бороться не хочет.

Огромный красный прямоугольный параллелепипед скрывал свои тайны за глухими стенами без окон и дверей. Он был слишком высоким, чтобы можно было заглянуть на тяжеловесную плоскую крышу, сложенную из двух слоев гигантских каменных брусьев. Но Алексею казалось, что от строящегося храма Сети, находящегося уровнем намного выше, он заметил узкий проем в плоскости крыши.

Обойдя здание и миновав проход в толстой стене забора, вся компания оказалась у противоположной от строящегося храма стороны Осириона. И здесь наконец обнаружился вход. Ворота, достаточно просторные для того, чтобы впустить одновременно четверых человек, вели в полутьму, за которой виднелся сумрак более светлого помещения. Алексей окинул взглядом своих спутников и удивился. По их виду можно было бы предположить, что они подавлены. Оборотень бычился, как перед грифоном, чувствуя опасность, но понимая бесполезность своей трансформации. Гном старался не выдавать эмоций, но по тому, как побелели костяшки вцепившихся в секиру пальцев, и по болезненному блеску в глазах не составляло труда понять,

что он здорово напуган. Колдунья смотрела в темнеющий проем ворот храма широко открытыми глазами, нервно покусывая губу. Она выглядела самой спокойной из всех и таковой, скорее всего, и являлась, если принять во внимание ее слова о том, что в Абидосе она бывала раньше. Впрочем, был в этой компании и тот, кто не испытывал ни тени страха или тревоги. Только странное возбуждение предвкушения. И этим человеком, на удивление самому себе, был Алексей.

— Дальше мы не пойдем с тобой, господин, если ты позволишь нам остаться в живых,— пробормотал жрец, стоя перед входом в храм на коленях.— Мы будем молиться богам, чтобы они вновь приняли тебя в свои ряды.

— Как хотите,— ответил Алексей, делая шаг к воротам.

— Святыни оборотней! — подал голос Зур, невольно скаля вытягивающиеся зубы.— Может, нам уйти, господин? Не надо тебе идти туда. Там есть кто-то страшный. И не один. Я чую.

— Ждите меня здесь,— приказал Алексей, чувствуя, что ничего плохого с ним сейчас не случится.

Он решительно направился в ворота храма. Полутемное помещение позволило глазам отвыкнуть от дневного света снаружи, поэтому следующий зал предстал перед Алексеем во всей красе, скудно освещенный через узкую прорезь в потолочном перекрытии. По сильно наклонному полу без ступеней и какой бы то ни было отделки он прошел в большой зал, одновременно спускаясь все ниже и ниже. Алексей как бы оказался в коридоре шириной около трех метров, вместо потолка которого на высоте два человеческих роста расширялся главный зал Осириона. А из этого темного коридора наверх, к уровню пола верхнего зала, вела лестница, вырезанная из камня, составляющего пол.

Алексей шагнул к лестнице, оставив изучение темного коридора на потом.

Внезапно он почувствовал на себе пристальный взгляд. Не осознав это ощущение до конца, он резко обернулся, следуя инстинкту. Он никого не успел увидеть, лишь заметил движение боковым зрением. Будто кто-то выглядывающий из темноты ниши во внешней стене отшатнулся обратно. А идти к нише и любопытствовать по поводу того, кто был ее обитателем, совсем не хотелось. Алексей отвернулся и шагнул на лестницу. После темного коридора зал теперь выглядел совсем светлым. Два ряда гигантских колонн из монолитного розового гранита, по пять колонн в каждом ряду. Но не гигантская колоннада привлекла сейчас внимание Алексея. Едва он поднялся по лестнице до уровня, когда его голова оказалась выше пола, взгляд приковала к себе чернеющая на противоположной стене здания ниша. Что-то шевельнулось во тьме, и вновь Алексей почти физически ощутил на себе пристальный взгляд. Медленно поднимаясь, он не сводил глаз с темноты ниши, ожидая чего угодно. Неведомая песня, которую он начал слышать еще перед храмом, зазвучала громче, хотя слова и не стали пока разборчивее. Но теперь Алексей уже воспринимал ее не как далекую, возбуждающую мелодию, а как зов. И зов этот обращался именно к нему.

В дальней нише вновь что-то шевельнулось, и ощущение взгляда пропало. Алексей поднялся на последнюю ступень и шагнул на каменный пол зала. И вновь движение в секторе бокового зрения заставило его обернуться. В боковой стене, точно между колоннами, темнела еще одна ниша. Алексей быстро повернулся в другую сторону — на второй боковой стене виднелось то же самое. Алексей живо представил себе, как со всех сторон на вошедшего незваного гостя броса-

ются жуткие вечные и безжалостные твари, охраняющие неприкосновенность храма. Тут действительно не нужен больше никакой надзиратель. Но ему отчего-то совсем не было страшно.

Он сделал шаг, другой и двинулся вперед, больше не обращая внимания на ощущение взгляда или неясное движение, поскольку зов с непреодолимой силой влек его, одновременно даря ощущение безопасности. Дойдя до середины зала, Алексей осторожно обошел вырезанный в полу прямоугольный бассейн, в котором не было ничего, кроме пустоты. Этот резервуар не таил видимой угрозы, но какое-то предчувствие не позволило ему ступить на сухое дно. Через пару метров располагался еще один бассейн, но значительно меньший и имеющий форму квадрата. Алексей обошел и его, всматриваясь в ведущую вниз лестницу. Она была подобна той, по которой он поднялся сюда. Разве что несколько более узкая, лестница эта не вела к выходу. Напротив, если не считать трех темнеющих ниш, стена позади лестницы оказалась совершенно глухой. Но музыка, звучащая в голове Алексея, звала именно туда. Поэтому, больше не задерживаясь и не сомневаясь, он начал спускаться. Каково же было его удивление, когда, спустившись до находящегося на глубине двух человеческих ростов пола, он обнаружил вместо ровного земляного дна коридора два пандуса, расходящиеся в противоположные стороны с большим углом наклона. Алексей остановился, прислушиваясь к своим ощущениям.

Песня, уже чуть более различимая, явно звучала из правого коридора, который, судя по темноте в том месте, где пандус пересекал линию стены, уходил далеко вбок и вниз. Осторожно ступая по крутому спуску, Алексей углубился во тьму...

Теперь свет виднелся совершенно явно, и Алексей прибавил шаг. Вначале коридор был абсолютно темным, постепенно загибающимся. Алексей шел, касаясь стены пальцами правой руки. Сначала ему показалось, что из-за темноты в глазах появилось призрачное пятно. Но затем он действительно начал различать стены и пол, свои пальцы, руки, ноги... Свет был странного желтого цвета, словно солнце пробивалось на эту глубину сквозь толщу земли и камня. Алексей понял, что конец пути совсем близок, по тому, что песня, радостная и величественная, звучала уже совсем отчетливо. Но в то же время, внятно слыша и мелодию и слова, Алексей не мог разобрать ни одного из них — язык, тягучий и мягкий, был совершенно ему незнаком. Свет все усиливался. Внезапно коридор закончился, расступившись невысоким залом, имеющим форму цилиндра. Все помещение было наполнено мягким, приглушенным светом, хотя ни одного видимого светильника на стенах не было. Их роль выполняли отполированные золотые зеркала, через хитросплетения световодов получающие свет с поверхности. Свет, едва мерцающий на зеркальных плитах, оказался вполне достаточным для привыкших к темноте коридора глаз, чтобы отлично видеть все находящееся в зале. Стены от пола до потолка покрывал красный отполированный мрамор, перемежающийся покрытыми золотом полуколоннами. В нишах между полуколоннами располагались странные статуи, выполненные из монолита черного камня. Скульптуры изображали одного и того же человека с различными выражениями лица. Вернее, не совсем человека. У статуй за плечами громоздились сложенные крылья.

Гнев, радость, ужас, высокомерие, злорадство...

Черный камень, тускло освещенный золотым светом, только дополнял искусство скульптора-резчика.

На статуях было множество массивных украшений из золота, покрытых вязью, такой же как в орнаменте, украшающем амулет жреца-хранителя. На мгновение Алексею показалось, что сейчас статуи оживут, расправив крылья и выплескивая свои эмоции на того, кто бесцеремонно нарушил их покой.

На стенах отсутствовали какие бы то ни было украшения, лишь сверху вниз точно по центру золотых полуколонн шла линия из причудливых символов. Все это отложилось в сознании одним фоном для того главного, что находилось в центре зала. Массивный, около двух метров длиной и около метра высотой и шириной, брус темно-шоколадного гранита всем своим видом олицетворял несокрушимую мощь. В его верхней плоскости, тщательно отполированной, так же как и боковые, было вырезано сложное ложе. И в этом узком ложе покоился... меч!

В первый миг Алексей даже не увидел его. Просто искусно выполненная прорезь в темном камне, наполненная чернеющей пустотой. Но, приглядевшись, Алексей понял, что это вовсе не чернеющая пустота. Меч не был сверкающим или каким угодно еще куском металла. Алексей даже предположить не мог, из чего он был сделан. Словно стал плотным кусок чистого бездонного ночного неба, освещенного призрачным светом звезд. Алексей шагнул к саркофагу. Протянул руку. Песня уже ревела бушующим, неодолимым штормом, заставляя кровь восторженно вскипать. Пальцы еще не успели преодолеть последние сантиметры до вырезанного ложа, как клинок сам метнулся в ладонь. Мощный разряд тока взорвался внутри Алексея, шокирующей встряской едва не свалив его с ног. В голове полыхнул калейдоскоп звуков и образов великих походов и битв. Голоса друзей и врагов слились в неразличимую какофонию, оглушая и ошарашивая.

Алексей совершенно потерялся в ударившей волне эмоций и чувств.

Когда он очнулся от охватившего его сознание паралича, музыка больше не играла. Меч исчез.

Но, сам не понимая причин, Алексей нисколько не удивился. Он знал — каким-то образом меч теперь в нем. И они неразделимы. Бросив последний взгляд на зал, он шагнул во тьму коридора, ощущая одновременно и жуткую усталость, и счастье. Теперь он даже не касался стены коридора, отлично чувствуя пространство вокруг себя. Когда рассеянный свет верхнего зала Осириона вновь окружил его, а под ноги легли ступени ведущей наверх лестницы, за спиной кто-то почти жалобно заворчал. Алексей обернулся, привычно уже находя глазами темный проем ниши. Там виднелась прежде едва различимая, зато теперь отчетливо, в деталях видимая склоненная фигура, еще более темная, чем темнота окружающего сумрака. А за спиной темного силуэта чудился горб сложенных крыльев.

— Вы хорошо служили,— произнес Алексей неожиданно для самого себя. — Теперь вы свободны. Я даю вам волю.

Темная фигура еще больше склонилась, становясь ниже, и так же молчаливо отступила в глубь ниши. А Алексей, больше не задерживаясь, направился к противоположному концу зала, к призрачному свету выхода. Ему здесь больше не было интересно. И ему здесь больше ничего не было нужно.

Когда Алексей появился из полутьмы ворот, все как по команде облегченно вздохнули. Гном, будто загипнотизированный, не мог отвести взгляд от пустых рук Алексея. Оборотень с деланым равнодушием от-

вернулся, но исподтишка бросал восхищенные взгляды. Жрец вновь упал на колени, с гулким стуком ткнувшись лбом в утоптанную землю. Колдунья рассмеялась и, казалось, вовсе готова была, как маленькая девочка, запрыгать и захлопать в ладоши.

— Долго же ты там был, господин,— первой подала голос Эльви.— Мы уже третий раз уходим вечером и приходим утром следующего дня в ожидании тебя.

Алексей изумленно завертел головой, почему-то сразу поверив, что этот ураган эмоций, который настиг его где-то далеко под землей, и вправду мог занять больше времени, чем ему казалось. Видя его растерянность, девушка весело рассмеялась:

— Я шучу, мой возлюбленный господин.

Шутка немного отвлекла всех, и даже жрец поднялся с колен и замер, ожидая реакции господина.

— Но несколько часов тебя и впрямь не было.

— А что во втором коридоре? — спросил вдруг Алексей, обращаясь к старому жрецу.

— Я ни разу там не был, мой господин,— заговорил жрец, поднимаясь с колен.— Но по рассказам судя, там просто подземная река и система сообщающихся воздуховодов и каналов, которые не позволяют воде подняться и затопить подземную часть Осириона. Здесь ведь вода подходит очень близко к поверхности. Благословенная, цветущая земля.

— По чьим рассказам? — уточнил Алексей, вспомнив тяжелые взгляды, которыми встретили его обитатели ниш.

Что стало бы с ним, не узнай они его? А в том, что его узнали, Алексей ни секунду не сомневался. Что стало с теми несчастными посланниками фараона Сети, которые попытались проникнуть в охраняемые стражами пределы и от которых не осталось даже костей на ровных плитах пола?

— По твоим, господин,— ответил старик, пожав плечами.— Мне выпала честь знать лишь тебя из тех, кто допущен в святое место.

— Я освободил их,— бросил Алексей и зашагал прочь от Осириона, уходя той же дорогой, которой они пришли сюда.

Он буквально почувствовал, как испуганно напрягся жрец, торопливо семеня следом и оборачиваясь на храм. Остальным, похоже, передалось настроение старика. Все шли молча, словно ожидая нападения. А Алексей не пытался успокоить их. Не то чтобы он разделял их тревогу. Нет. Им ничто сейчас не угрожало — ни снаружи, ни внутри храма Осириона. Святыня покинула место своего погребения, и храм больше не нуждался в страже. Не успокаивал своих спутников Алексей потому, что просто не мог сейчас говорить. Он чувствовал себя опустошенным, слишком опустошенным для бесед. И еще он чувствовал себя счастливым, словно после встречи с очень старым, надежным и дорогим другом, почти частью самого себя. А быть может, совсем и не почти. Может быть, он действительно вновь обрел часть себя самого. Что-то изменилось внутри Алексея. Он не вспомнил всего. Он не вспомнил почти ничего. Но что-то изменилось. Состояние, ощущение окружающего мира, чувство собирающейся собственной силы. Так, молча, они вернулись к современному, просторному жилому зданию, украшенному, как и все современные здания здесь, яркой и красивой росписью и искусной резьбой. Сейчас Алексей вдруг подумал о том, насколько они разные — древнейшее здание, построенное, возможно, самими богами этого мира, и все эти новые постройки, включая величественный храм Сети.

В первом нет надписей, резьбы и украшений. Лишь подавляющая мощь монолитного камня, многосоттон-

ных «кирпичиков», из которых сложено хранилище. Строение, где простой гладкий камень несет в себе больше энергии, полученной от строителей, чем все окружающие постройки со всей их роскошью и великолепием.

— Почему я никогда не интересовался Египтом? — спросил скорее сам у себя Алексей.— Я и не знал, что он столь таинственен и великолепен.

— Это другой мир,— ответила ему колдунья.— Это другое время. Но и в твоем мире в Египте множество тайн и даже святынь скрыты от глаз и разума непосвященных. Они не знают, какие великие тайны погребены совсем рядом, считая великими открытиями найденные усыпальницы простых фараонов с ничего не стоящими побрякушками.

— Откуда ты знаешь про мой последний мир? — удивился Алексей, останавливаясь перед зданием, где они гостили по воле и распоряжению старого жреца.

— Я служительница Солнца, каким именем его ни назови,— усмехнулась девушка.— Ты не раз использовал это, мой возлюбленный господин. Я просто знаю будущее этого мира. Не все, только отдельные ветви. Я вижу, что произойдет в ответ на наши действия.

— Ты видишь, что будет с нами? Когда я обрету память?

— Это мне невидимо, мой господин,— ответила она, но Алексею вдруг почудилась печаль и неискренность в этих словах.— Время жестоко. Оно не знает жалости ни к чему. Осирион только что потерял силу. Ты отпустил его стражей, и Сети возьмет храм себе, начертав свое имя на девственных стенах этого храма. Ил и песок начнут победное наступление на храм, когда строители, перенося внешнюю стену вокруг Осириона, перекроют некоторые тайные подземные воздуховоды, сами не ведая того. Вода поднимется,

погребя все нижние коридоры. Лишь верхний зал останется неподвластным времени и донесет до далеких потомков не Суть, но могущество тех, кто создал его. Потомков, не понимающих и не берегущих...

— Ты жестока,— прервал ее Алексей.

— Это не я,— качнула головой Эльви.— Время много более жестоко и неумолимо, чем любой тиран. Ведь даже приходя сюда многие века спустя, я, да и ты теперь, как и ранее, будем чувствовать тоску по этому миру, зная, что гибель его слишком близка и абсолютно неминуема. Я никогда не понимала твоей любви к жизни среди погибших народов.

— Давай прекратим на сегодня.— Алексей устало поднял руку.— Я больше не могу испытывать эмоции и сопереживать. Мне нужно остаться одному, а еще лучше лечь спать.

Он обернулся и неожиданно обнаружил, что и гном, и оборотень, и даже старый жрец незаметно покинули их, уйдя в свои покои.

— Как тебе будет угодно, господин,— согласилась Эльви, склоняя в легком поклоне свою изящную головку.— Пусть ночь подарит тебе новые силы.

— Господин желает омыться? — спросила юная прислужница, заметив, что вернувшийся господин очевидно утомлен.

— Нет,— жестом остановил ее Алексей.— Я просто немного прилягу. А омыться и поесть потом.

Алексей пребывал в таком состоянии, что не чувствовал ни голода, ни желания спать. Просто опустошенность. Опустошенность, граничащую с полным бессилием. Поэтому он буквально рухнул на ложе.

— Я помогу снять напряжение и усталость.— Бесшумно подойдя к ложу, девушка скользнула своими

сильными пальцами по спине лежащего на животе Алексея.

Он хотел было отмахнуться, отослав ее прочь. Но движение рук, начинающих массаж, было приятно, и Алексей промолчал. Девушка разминала ему руки и плечи, разогревая и расслабляя напряженное тело и мускулы. Пройдясь легкими движениями по спине, прислужница помогла скинуть рубаху. Словно по мановению волшебной палочки, в ее руках появился небольшой кувшинчик.

— Что это? — насторожился Алексей, присматриваясь к сосуду.

— Не волнуйтесь, господин,— улыбнулась девушка.— Это специальный состав для массажа.

Алексей успокоился, расслабляясь. Прислужница вылила немного жидкости, похожей на слегка зеленоватое масло, на ладошку. Растерев его в своих руках, она вновь принялась за массаж. Руки девушки, сильные и умелые, порхали над Алексеем, снимая усталость. В смеси, наверное, присутствовали неведомые Алексею растительные стимуляторы. Потому что он действительно ощутил прилив сил. Повинуясь беззвучным командам девушки, Алексей перевернулся на спину. Начав с массажа пальцев рук и ног, прислужница неторопливо разминала каждый сантиметр его тела. Добравшись наконец до груди и плеч, она, выбирая удобное положение, забралась на Алексея верхом. Ее гибкое, сильное тело, пахнущее неведомыми травяными ароматами, было так близко и волнующе, что Алексей вместо уходящей усталости почувствовал возбуждение. Ощутив его настрой, девушка еще плотнее прижалась всем телом, с улыбкой заглядывая в его глаза. Он хотел отстранить ее, но девушка, словно быстрая ящерка, выскользнула из своих легких одеяний, умудрившись при этом не разорвать плотного

контакта с его телом. «А почему бы и нет?» — подумал Алексей, уже обхватывая ее за тонкую талию и опрокидывая на просторное ложе...

Еще не проснувшись, Алексей почувствовал приближение кого-то постороннего. Не размышляя и ничего не вспоминая, он вдруг ощутил в своей ладони рукоять тяжелого меча — теплую, живую, пульсирующую энергией. Ощущение длилось лишь пару мгновений, но оказалось столь реальным и осязаемым, что сон как рукой сняло. Алексей вскинул ладонь к глазам, но она была абсолютно пуста. Переведя взгляд на дверь, Алексей увидел сгорбленного в почтительном поклоне старого жреца.

— Господин, прости за дерзость,— посетовал старый жрец, страдая от необходимости тревожить сон своего господина.— Тебя желает видеть кое-кто.

— Кто? — спросил Алексей отупело, пытаясь вызвать чувство пульсирующей энергии, сосредоточивающейся в ладони.

Однако ощущение не возвращалось, и Алексей поднял глаза на жреца.

— Мне не хотелось бы произносить вслух его имя,— замялся старик, склоняясь еще ниже.— Но в прошлые свои визиты сюда ты высоко ценил общение с ним.

— Хорошо. Мы пойдем одни? — уточнил Алексей, поднимаясь и быстро облачаясь в свою изрядно потрепанную, хоть и вычищенную одежду.

— Твоя охрана не отстанет,— улыбнулся наконец жрец, немного выпрямляясь.— Да и чутье у него такое, что я даже тайным ходом незаметно тебя вывести не смогу. Страшный он. Одно слово — нелюдь.

— Он ведь никого не обидел,— возразил Алексей, надевая сандалии.— Он не хуже многих людей.

— Он твой слуга, господин,— согласился жрец.— Значит, он лучше многих других, людей или нет, но лучше...

— Ладно, идем,— оборвал его Алексей, бросая взгляд на свое отражение в золотом зеркале.

Оттуда на него глянул небритый, хмурый мужик с короткой стрижкой, в основательно потрепанных брюках и рубахе и в сандалиях на босу ногу.

— Надо какую-нибудь одежду нормальную присмотреть,— буркнул он, заметив, как при этих словах жрец кивнул сидящей на ложе прислужнице.

Та немедленно вскочила, бросаясь исполнять пожелание господина. Оставив ее хлопотать по хозяйству, Алексей следом за старым жрецом вышел на улицу. Неподалеку от входа, как и предполагал жрец, маячил Зур, с видимым безразличием наблюдая за стараниями жука-скарабея. Алексей приветливо кивнул оборотню, не приглашая за собой, но и не пытаясь запретить. Краем глаза он заметил, как могучий страж двинулся следом. Жрец сразу свернул на узкую, мощенную грубым камнем дорожку, совсем заросшую буйной зеленью. Местами идущим приходилось буквально продираться сквозь живую преграду. Казалось, будто этой дорожкой уже очень давно никто не пользовался. Однако жрец шел так уверенно, словно много раз бывал тут. По представлению Алексея, сейчас они удалялись от обжитой части Абидоса, двигаясь сквозь заброшенный огромный сад. Алексей уже много раз ловил себя на удивленной мысли о том, насколько отличается это место от представлений, сложившихся у него ранее о Древнем Египте. Он всегда представлял бескрайнюю пустыню, в которой помимо песка есть лишь пирамиды и храмы. Но здесь он видел песок, только вывалившись из портала. Эти пески доходили до Абидоса с одной стороны. Повсюду же с остальных

сторон разливалось море зелени, напоенной обильными дождями. Судя по Абидосу и его окрестностям, Египет цвел как плодородная долина, не испытывающая недостатка в воде и солнце.

Тем временем они достигли небольшого строения, совершенно спрятанного в буйной зелени. Приземистое и мрачное, это строение казалось бесконечно древним. За спиной Алексея глухо заворчал оборотень, уловив своим звериным чутьем какую-то энергию или чью-то силу, много большую, чем его.

— Тебя ждут там, господин,— проговорил жрец тихо, словно нехотя нарушая покой этого места.— Тебе лучше пойти туда одному, без нас.

— Хорошо,— кивнул Алексей, совершенно не ощущая тревоги, как будто шел к старому доброму знакомому. Да и начал он уже привыкать к таким фразам.

Он шагнул через порог во тьму жилища, и тотчас мир вокруг него стал маленьким, словно сомкнувшись до размеров небольшой комнаты, в которую он попал. Не стало звуков и света извне. Не стало двери за спиной, окон и грубых каменных стен. Черное ничто, имеющее, однако, пределы и даже ощутимую форму комнаты. А посередине этой комнаты из тьмы стояли обращенные друг к другу два массивных кресла, вытесанные, как показалось Алексею, из массива красного, будто кровоточащего багровыми отсветами камня. Ближнее кресло оказалось пустым, а на втором восседал высокий седовласый и седобородый старец. Впрочем, возможно, он вовсе и не был высок. Просто сидел гордо выпрямившись, словно владыка на троне.

— Пусть вернется к тебе понимание,— сказал старик вместо приветствия сильным, густым голосом.— Присаживайся. Я рад тебя видеть, хоть и предпочел бы нашу встречу в более позднее время.

— Вам не нравится сегодняшнее утро? — спросил Алексей, усаживаясь в свободное кресло.— Но вы же сами меня позвали. Или жрец что-то напутал?

— Не об утре сегодняшнем я сейчас говорю.— В голосе старика послышалась улыбка.— О многих годах, которые ты должен минуть там, откуда бежал. О понимании, которое должен обрести. Об опыте, осознании и изменении себя самого.

— Я не бежал,— возразил Алексей.— Я не искал, не просил, не знал. Мне было слишком хорошо там, чтобы пытаться бежать. Тем более сюда, где даже понять ничего невозможно, а не то что осмысленно жить.

— Это только оттого, что ты не ведаешь настоящей величины мира и своей жизни. А про то, что не искал... С первого дня твоего пребывания там что-то нарушилось. Ты иногда становился слишком видимым для многих. Нечасто равные тебе попадали в Забытый мир. Ты ведь тоже помнишь странные видения и образы того, что с тобой не могло произойти там?

— Помню,— согласился Алексей.— И сны вижу, после которых не хочется просыпаться. Или, наоборот, такие, проснувшись после которых радуешься самому этому факту...

— Ты звал, сам того не понимая. А кто-то недостаточно хорошо защитил тебя от себя самого.

— Вы говорите почти так же, как Оторок или Эльви. Это что, заговор? Или соревнуетесь, кто из вас произнесет больше слов, ничего при этом, по сути, не сказав?

— Они боятся,— улыбнулся старец.— Одно дело быть рядом с господином, надеясь на его возвращение. И умереть за него, если того долг потребует. И совсем другое — самим это возвращение спровоцировать вопреки Закону. Оторок и без того уже заслужил серьезную кару.

— Тем, что затащил меня сюда? Но что в этом преступного?

— Не ему решать, когда и кому срок наказания изойдет,— ответил старец, нахмурившись.— Много на себя взял. Хотя у него есть свой большой интерес в этом и своя цель, ради которой он и рискует.

— Можно я не стану сейчас отвечать, продолжая этот бредовый диалог? Может, вы мне для начала просто расскажете, что происходит? Как и зачем я провалился сначала в лес, а потом в это далекое прошлое? Что мы тут забыли?

— Забыл только ты. И это вовсе не прошлое...

— Опять! Вы с простым человеком разговариваете. Хорошо? Может, за это зацепимся? Я в Египте?

— Да.

— В Абидосе? В том Абидосе, что стоит недалеко от реки Нил и других городов типа Луксора или...

— Да.

— А мое время настанет только через... через много-много веков после этого времени? — спрашивал Алексей, чувствуя себя полным идиотом.

— Ты здесь,— старец улыбнулся без тени издевки,— в этом городе, в это время. А тот мир, про который ты говоришь, остался для тебя во вчера. Хотя он может быть и в завтра. Время не та река, в которую нельзя войти дважды, вопреки поговоркам Забытого мира. Лишь время и бремя твоих поступков в *твоей жизни* имеет это свойство реки. Совершив поступок, ты навсегда обрекаешь себя нести его свет или тень. Или искупать. Но это только *твоя* река.

— Но ведь мир движется из поколения в поколение,— возразил Алексей.— Моя река жизни началась из рек жизни моих родителей. Она течет и, прежде чем иссякнет, даст жизнь реке моего ребенка. Здесь, в Египте или где-то еще в это время, жили мои пра-

прародители. И много веков спустя после меня капли реки моей жизни будут течь в реках жизни моих потомков.

— А где ты видишь себя в это время, когда эти капли будут бежать в реках твоих потомков? — уточнил старец.

— Где? Не знаю. На кладбище? — Алексей пожал плечами.— А мои потомки будут приходить туда пообщаться со мной.

— Кладбища всего лишь место захоронения тел,— покачал головой старец.— Никакого иного предназначения они не имеют. Именно поэтому умершим совершенно безразлично, по чьим обычаям их тело будет погребено. Умершему это безразлично, потому что чаще всего смерть дает освобождение от оков жизни в Забытом мире в разрыве с Сутью своей.

— Чаще всего? — переспросил Алексей, стараясь понять все, что говорит ему старец.

— Да. Именно чаще всего. Самоубийца не найдет освобождения, ибо самоубийство сродни попытке побега. И наказание последует более тяжелое. Да и умершие от старости не всегда исчерпывают чашу искупления за грехи свои. Им тоже нет до поры дороги к Сути.

— И кто же их удержит? — спросил Алексей с легким сарказмом.

— Ты ведь не о стариках подумал, а о себе... Есть стражи. Во всем большом мире есть много различных стражей. Стражи Абидоса, всевидящие грифоны, сторожат и иные города, где покоятся святыни или сама земля несет тайную энергию. Даже у Осириона было много могучих стражей. Но все эти стражи стерегут что-то от незваных гостей. Есть в мире и другие стражи, в обязанности которых входит охота на преступивших Закон. И ты лишь до времени их избегаешь. Пока

невидим сам. Почти невидим. Пока с Сутью своей не объединился. Но недолго уже. Порядок все еще остается незыблемым. Так должно быть, так есть и так будет.

— Хочу еще спросить,— не унимался Алексей, сам не понимая, почему спрашивает все о том мире, который оказался лишь частью великого.— Ты говоришь, что кладбища лишь место захоронения тел. А как же общение с умершими?

— Общение? Где? — спросил старец с доброй улыбкой.— На кладбище? Это лишь желание видеть то, чего нет, и верить в несуществующее. Есть места, где вас слышно. Но они совсем не там. Они там же, где и во всем остальном мире,— в храмах и около святынь. И неважно, где прозвучит твой духовный крик — в православном храме, в мусульманской мечети или, скажем, в Стоунхендже. Тебя услышат. Вот только удостоят ли помощи...

— А как же гадания и прочие способы общения с духами умерших? — Алексей вдруг совершенно отчетливо вспомнил странный морозный вечер перед Рождеством, имевший место в его жизни чуть больше десяти лет назад.— С кем тогда общаются во время гаданий?

— Это как повезет. Бывает, что это кто-то из других миров от небольшого ума тешится. А бывает и так, что всякие паразиты, коими полон тот мир, питаются от общающихся. Как им еще пищу себе завлечь? Да и стоит ли искать новые пути, когда есть верный? Надо лишь залезть в подсознание и говорить о том, чего эти «доноры» хотят. Именно поэтому и не сбывается по-настоящему ничего из того, что предсказано. Чтобы тебя услышали, не в зеркало смотреть надо и не блюдце крутить. Истово желать надо быть услышанным. А еще лучше только на себя уповать. Ведь

кто услышит — это тоже большой вопрос. И зла от услышавшего может быть много больше, чем добра, на которое рассчитывают. Только в месте с источником силы можно надеяться на доброго собеседника.

И тут Алексею отчего-то припомнился анекдот про заблудившегося гражданина. Ну про то, как он начал орать — и тут вдруг кто-то трогает его за плечо. Гражданин оборачивается — медведь. «Ты чего орешь?» — спрашивает. А у гражданина от страха поджилки трясутся, но нашел в себе силы, проблеял: «Заблудился я...» — «И чего?» — «Ну-у вдруг кто-нибудь услышит».— «Ну я услышал,— отвечает медведь,— что, тебе легче стало?» Как точно этот анекдот ложился на слова старца! И как точно слова старца соотносились с неосознанными представлениями самого Алексея, считавшего, что и оккультизм, и всякие секты, и всяческие проповедники, вещающие в арендованных концертных залах и на стадионах, не имеют ничего общего с тем, о чем осмеливаются говорить...

— И могут помочь? — поинтересовался он, возвращаясь к разговору.

— Ты можешь помочь тем, кто много слабее тебя, кто мечтает о малом и, возможно, даже не видит тебя? Ты подставлял в детстве палец упавшему в воду паучку?

— И всего-то? Просто помощь упавшему в воду пауку?

— Можно ли говорить в двух словах о целом мире? Тебе сейчас тоже пытаются помочь. И причина иная. Ты для них не паук, а хозяин, попавший в беду. Но ты почти так же слеп, как угодивший в воду паучок.

— Может быть, мы поговорим о той беде, в которую я попал?

— Это табу даже для меня. Ты уже здесь, но ты еще не обрел себя, оставаясь в путах того мира. Поэтому я не могу ничем тебе помочь. Ты должен пройти

сам все, что тебе предначертано. И измениться. Именно это для тебя сейчас главное — измениться так, чтобы быть готовым принять всю меру ответственности за свои дела и за тех, кто тебе верен. Это страшное бремя. Но только ты сумеешь его вынести. А для этого ты должен искать и брать на себя то, что кажется неподъемным. Только тогда ты найдешь свою Суть и сумеешь стать самим собой. Возможно, к сожалению, не найдешь. И также возможно, что я буду сожалеть, что не указал на тебя стражам сейчас... И помни еще одно. Из повиновения и смирения рождаются все другие добродетели. Из умствования же родятся лишь греховные помыслы. А теперь уходи. Я и без того говорил с тобой вопреки Закону. А тебе нужно бежать отсюда. Ищущие близко.

— Разреши мне последний вопрос? Он не про меня, он про тот мир,— попросил Алексей.

— Последний,— эхом отозвался старец.

— Если следовать твоей логике, нам реально никто не хочет помогать. Но если мы не умираем, а становимся только могущественнее, почему же не помочь любимым и родным, которые остались после моего ухода в том мире?

— Это простой и сложный вопрос,— ответил старец, став вдруг безразличным.— Освободившись из того мира и обретя свою Суть, ты обретешь, вернее, вернешь все свои знания. И, осознав и увидев все с высоты своей Сути, ты можешь вдруг обнаружить, что эти близкие и родные вовсе не так тебе близки. И счастье еще, если они не окажутся твоими врагами... Впрочем, независимо от того, друзья или враги будут в их телах, у тебя есть возможность дождаться их, не нарушая Закона, не вмешиваясь в жизнь Забытого мира. Ведь их жизнь там будет для тебя лишь коротким

часом. А теперь уходи. И не теряй времени, его у тебя сейчас нет.

— Найди Оторока! — скомандовал Алексей оборотню, едва только они отошли от жилища старца.— И Эльви! Пусть немедленно собираются. Мы уходим!

Зур, не говоря ни слова, стремительно обогнал Алексея и жреца и скрылся в зарослях. Алексей шел молча, размышляя о том, что говорил ему странный старец. Ничего вразумительного и сенсационного. Но у Алексея было ощущение, что общение их было много более серьезным и глубоким. Словно, отвечая на его глупые вопросы, старец отвечал на какие-то свои, глядя в самые заброшенные и, возможно, неведомые даже самому Алексею уголки его сознания. Будто тот самый паразит, которых якобы много в мире Алексея. Нет, в последнем мире Алексея. В Забытом мире. Он давал крохи информации, получая то, что ему было нужно, то, из-за чего он Алексея призывал.

Жрец тоже молчал всю дорогу. Но он молчал лишь потому, что не решался нарушить течение мыслей господина. Он терпел, хоть это было очень трудно, потому что у него все буквально свербело от желания узнать, о чем же говорили в доме, где живет почти бог...

Когда они подошли к месту последних двух ночлегов Алексея, все уже были готовы. Оторок опять нервничал, лаская в руках тяжелую секиру. Эльви спокойно стояла в сторонке, но тревожный взгляд, которым она окинула Алексея, яснее всяких жестов говорил о том, как неспокойно и у нее на душе. Лишь Зур, словно изваяние, громоздился неподалеку от гнома, сидя на постаменте уличной статуи. У этого парня действительно были стальные канаты нервов. Или полностью отсутствовали мозги.

— Что-то случилось? — первым спросил Оторок.— Зур сказал, что мы уходим?

— Да,— кивнул Алексей.— Я не знаю, кто тот старец, с которым мне довелось встретиться. Жрец говорит, что он один из богов, только очень скромный и не любящий внимания и почестей.

— Это Игор,— пояснила Эльви.— Он один из отшельников, живущий в этом мире слишком долго, чтобы не прослыть богом. На самом деле он мыслитель, который неплохо видит всю ситуацию. И ко всему, что он говорит, стоит очень внимательно прислушаться. Так ты сам раньше мне говорил.

— Да? — удивился Алексей.— Он вел себя не слишком похоже на моего старого друга.

— Здесь редко бывают друзья навек,— криво усмехнулся Оторок.— Мы слишком долго живем, чтобы сохранить дружбу или вражду навсегда.

— Все это неважно сейчас,— оборвал диспут Алексей.— Он совершенно недвусмысленно сказал, что времени у нас больше нет и нужно срочно валить отсюда. Какие-то стражи уже близко.

— Скажи куда, и я проложу портал. Я набрала достаточно энергии и нашла тут еще кое-что,— предложила колдунья.

— Я не знаю,— растерялся Алексей.— У меня не добавилось ни миллиграмма знаний.

— Да пусть бы все эти знания провалились во тьму бездонной штольни! — воскликнул гном, пристукнув верхушкой секиры по брусчатке.— Надо уходить хоть куда-то, господин. Иначе мы можем никуда уже не уйти.

— Он прав, мой возлюбленный господин,— подтвердила Эльви.— Если ты доверишь мне выбор, я знаю, где нас найдут не так быстро.

— Я не стал бы ей доверять, господин,— набычился Оторок.

— Я согласен, Эльви,— кивнул Алексей, пропустив замечание гнома мимо ушей.— Прокладывай портал, девочка.

— Ты точно ничего не вспомнил? — тихонько спросила она.— Ты раньше часто так называл меня.

— Я ничего не вспомнил,— мотнул головой Алексей, глядя, как колдунья начала творить пассы руками, что-то приговаривая.

— Там большая птица?! — неожиданно подал голос оборотень, указывая пальцем куда-то в даль.— Или это грифон летит?

Все, кроме Эльви, повернулись в указанную оборотнем сторону. Там, в чистом синем небе, виднелась уже не одна, а три темные точки. Они быстро росли и множились. Четыре, пять, семь...

— Готово! — закричала колдунья, отвлекая всех от тревожного созерцания приближающейся неизвестности.— Не будем медлить.

Прямо на брусчатке мостовой спокойно мерцало круглое озерцо около двух метров в диаметре.

— Ты опять ее послушаешь, господин?! — возмутился гном.

— Если ты ей не доверяешь, оставайся тут. Смерти нет, а значит, мы когда-нибудь встретимся,— усмехнулся Алексей, решительно шагнув к кругу портала.— Ты сможешь рассказать, кто это к нам пожаловал.

Не теряя больше времени, Алексей солдатиком прыгнул в мерцающую глубину. Лопнула невидимая диафрагма, искры полыхнули в мгновении тьмы, а в следующий миг Алексей оказался в другом мире. Помня прошлый опыт перехода через портал, он сгруппировался. Поэтому полет от расположенного на высоте около трех метров портала до поверхности земли

был уже не падением, как в прошлый раз, а именно прыжком. В голову почему-то пришло армейское воспоминание о первом прыжке с «шестьдесят шестого» на ходу. Страшно, но выбора не было. Просто бездумно бросил себя с машины, и все. А потом было просто. Тело само знало, как нужно себя вести. Вот и теперь он приземлился на ноги. Правда, несколько быстрее, чем хотелось бы. Поэтому Алексей перекувыркнулся, смягчая приземление и ощущая под собой мягкое покрывало снега. Обутые в легкие сандалии ноги обожгло холодными иглами. Алексей поднялся, отряхивая снег с одежды и радуясь, что не успел сменить потрепанные брюки и рубашку на легкие одеяния жаркой страны. Падать голым задом в снег было бы намного хуже, чем ходить в сандалиях. Размышления об изысках одежды были прерваны рухнувшим с грохотом и отчаянной руганью гномом. Оторок приземлился на пятую точку, громко ухнув и вдобавок вновь здорово приложив себя по лбу рукоятью секиры.

— Проклятье бесплодных рудников! — ругался гном, ощупывая себя и потирая лоб.— Чтоб ей самой под зад земля пинка дала!

— Отползай, а то еще на голову Зур свалится! — крикнул Алексей, но запоздал.

Однако гном больше не получил пинков от судьбы. Видимо, на сегодня лимит неприятностей для него был исчерпан. Выпавший из портала оборотень, чудом миновав голову гнома, приземлился на ноги рядом. Он как будто сразу врос в землю, даже не покачнувшись, как хороший гимнаст по завершении программы. Сообразив, что голова важнее сожалений об ушибленном заде, Оторок на четвереньках отполз в сторону. И весьма своевременно, потому что в следующую секунду появилась Эльви. Изогнувшись в воз-

духе, словно кошка, колдунья тоже спружинила на ноги, лишь коснувшись земли пальцами правой руки.

— Дорогуша, неужели ты не в состоянии наколдовать нормальный портал? Чтобы не приходилось падать невесть откуда, ломая себе руки и ноги? — переключился на прибывшую Оторок.— Или ты специально это делаешь, чтобы поиздеваться над нами?

— А ты можешь сделать лучше? — усмехнулась Эльви.— Это очень быстрое заклинание, которое подходит для любых условий. Для другого нужно больше времени. Да и врагов, падающих, как только что свалился ты, гораздо легче встречать, чем заходящих с комфортом.

— А где жрец? — спросил Алексей, видя, что портал больше не выпускает никого.

— Он остался,— пояснила колдунья.— Ему ничто не грозит. Он ведь только слуга, честно исполняющий свой долг.

— Здесь холодно,— выразил Алексей свои ощущения.— Ты хочешь, чтобы мы остались здесь надолго?

— Нам недалеко идти,— заверила девушка, устремляясь в сторону близкого леса.— Выбора не было. Мудрец не обманул, это действительно была охота за нами.

— Мне показалось, что я разглядел людей с крыльями,— сказал, не то спрашивая, не то утверждая, Алексей.— По крайней мере, первый был именно таким.

— Первый,— бросила колдунья негромко, странно взглянув на Алексея.— Это ангел возмездия со своими слугами.

Все уже бежали трусцой за девушкой, поэтому Алексей замолчал, сберегая дыхание. Он ощущал приятный морозец безветренного солнечного дня. Не более пяти градусов. Они точно не замерзнут, пока будут бежать. Вот смогут ли бежать достаточно долго, чтобы не за-

мерзнуть? Алексей бежал по следам колдуньи и умчавшегося вперед оборотня. Зуру, казалось, даже нравилось нестись по белоснежному неглубокому снегу. Позади топотал гном, бормоча проклятия и поминая то святыни, то различные бедствия. Алексей не обращал больше внимания ни на снег, ни на холод. Он размышлял только над последними словами Эльви об ангеле возмездия. Сейчас он не усмехался над этими словами, как сделал бы это непременно несколько дней назад. Он видел уже чудеса Древнего Египта, видел в бою вампира, бежал сейчас рядом с оборотнем, гномом и колдуньей. А десять минут назад он свалился прямо из оазиса Древнего Египта в сугроб какого-то северного края. Мог ли Алексей после столь насыщенных событиями последних дней с усмешкой относиться к словам колдуньи об ангеле возмездия? Смущало только одно: гномы, оборотни, вампиры, колдуны, грифоны и ангелы — все они были из, так сказать, области сказок и легенд, а вот ангелы — это совершенно другое дело...

Лес оказался не настолько густым, чтобы быть непроходимым или темным. К тому же засыпанные снегом корявые деревья выглядели очень живописно. То тут, то там среди них высились хвойные великаны, добавляя лесу высоту. Создавалось двоякое ощущение — защищенность стеной леса, сквозь которую больше не видно было белой равнины, и одновременно ощущение простора и свободы, несколько необычное для леса вообще. Беглецы словно оказались в уютном, добром, светлом и немного редком лесу из хорошей сказки.

— Слишком тихо,— отметил негромко гном, встревоженно озираясь.— Не к добру все это.

— К добру,— возразила Эльви.— Здесь есть добрые хозяева, которые зло не пустят. Не волнуйтесь.

— Ну-ну,— продолжал ворчать Оторок, немного отставая.— Не угробила в портале, так в лес завела. Не удивлюсь, если волков каких-то натравят.

— А мне здесь нравится,— заявил Алексей.— Здесь очень спокойно.

Тонкий свист прервался гулким ударом врезавшейся в ствол дерева длинной стрелы.

— Черт! — невольно воскликнул Алексей, которому, как идущему первым вместе с колдуньей, стрела преградила путь.

Девушка ухватила его за плечо, останавливая. Гном закрутился на месте, перехватив поудобнее секиру так, чтобы широкое лезвие прикрывало грудь и шею от стрелы. Оборотень, бросив взгляд на Алексея, тоже замер, не принимая никаких действий, но готовый в любой миг сорваться с места.

— Не бойтесь,— сказала Эльви негромко, но слышимо для всех.— Это друг. Он не сделает вреда.

— Да, я тоже в гостя в виде приветствия секиру метаю,— огрызнулся гном.

— Если бы он не хотел этого, то не промахнулся бы,— возразила колдунья.

Все неподвижно стояли, ожидая продолжения. Алексей понимал, что хозяева леса сейчас просто присматриваются к незваным гостям. Он только сожалел, что не может ответить им взаимностью и рассмотреть невидимых стрелков. Словно в ответ на его мысли, на расстоянии пятидесяти шагов появился высокий и худощавый человек, облаченный в костюм и длинный плащ маскировочного цвета. Он медленно шел к ним, внимательно присматриваясь и неся в руке лук. Шел спокойно и почти расслабленно, но Алексей заметил, что левая рука, несущая лук, удерживает и

длинную стрелу, уже наложенную на тетиву. Чтобы выстрелить, ему необходимо лишь вскинуть лук, одновременно натягивая тетиву. Хотя это кажется совсем непростым делом, учитывая, что в длину лук больше среднего роста мужчины, но скорость и точность полета тяжелой стрелы вполне компенсируют потери времени при подготовке к выстрелу.

— Это Робин Гуд или эльф? — поинтересовался у колдуньи Алексей.— Гном у нас уже есть. Не хватает только эльфа и гоблинов.

— Скорее это эльф, если говорить о том, что пишут в Забытом мире,— усмехнулась Эльви.— Он живет в понимании и согласии с окружающим миром и народом, совсем как эльфы из сказок Забытого мира. Впрочем, по тому, как они уходят от реальной жизни, оставаясь в естественной природе, они больше похожи на языческих общинников разных верований.

— Он не боится так открыто к нам подходить? — поинтересовался Алексей, прикидывая, сколько прыжков понадобится Зуру для того, чтобы достичь этого беспечного стрелка.

Оборотень, почувствовав настроение Алексея, тихо заворчал, готовясь к броску.

— Едва кто-то из нас сделает опасное движение, нас сразу превратят в ежей. Он не один, и все мы наверняка у них под прицелом. Не делай глупостей!

Последние слова Эльви были обращены к Зуру, и тот сразу расслабился, понимая, что сейчас не время для атаки. Хозяин леса тем временем подошел уже на расстояние десятка шагов. Теперь он больше не смотрел на гнома, оборотня или колдунью. Все его внимание было приковано к Алексею. Притом смотрел он так пристально, что Алексею стало не по себе.

— Чего он вылупился? — поинтересовался Алексей у Эльви.

— Остальных он понял и не видит потаек, а вот ты ему непонятен. Он ведь не грифон, чтобы в голову влезть. Он чувствует, что с тобой что-то не так, но не понимает, в чем дело. Он не понимает, кто ты.

— Ты его знаешь? — уточнил Алексей.

— Встречались. И ты тоже.

— Я? Встречался с ним? Тогда почему он не узнаёт меня?

— Ты был другим. Совсем другим...

Стрелок подошел еще ближе, остановившись в пяти шагах. Ладонь левой руки ослабила хватку, и стрела соскочила с тетивы. Мужчина был высок и красив. Наверное, даже слишком красив для лесного охотника, да и вообще для мужчины. Светлые волосы, схваченные на затылке в длинный хвост. Поджарая, но широкоплечая фигура. Прямой, жесткий взгляд огромных глаз с радужкой изумрудного цвета. Даже тонкий шрам на скуле только красил его, подчеркивая мужественные черты лица. Помимо огромного лука и объемного колчана стрел, висящего между лопаток, хозяин леса был вооружен охотничьим ножом, больше похожим на короткий меч, покоящимся в набедренных ножнах.

— Хорошей охоты вам, путники,— сказал он легким, словно звон весенней капели, но твердым голосом.— Какой попутный ветер занес вас в наши края?

— И тебе хорошей охоты,— ответил Алексей, кивнув.— Мы бежим от тех, кто охотится за нами. И надеялись ненадолго укрыться здесь... Если вы, как хозяева, не будете против.

— Мы никогда не отказывали в крове и помощи тем, кто приходит с добром,— ответил светловолосый, все еще рассматривая Алексея.

Но в следующую секунду, словно спохватившись, он сделал приглашающий жест и пошел первым, показывая путь. Беглецы последовали за ним, тем более

что, постояв, успели всерьез замерзнуть. Алексей уже почти не чувствовал ног, а Эльви громко стучала зубами. Гном побелел от холода и ежился, становясь еще меньше. Только оборотню, похоже, все было нипочем. По крайней мере, по его виду было совершенно незаметно, чтобы холод доставлял ему хоть какие-то неудобства.

Шли недолго, не более пятнадцати минут. Внезапно лес, и без того свободный, вовсе раздался, открывая взорам путников огромную низину, по всей площади которой росли огромные многовековые деревья, гордо вздымающие густые кроны. Солнце, пробивая своими лучами этот кров, плело причудливые кружева из света и тени.

— Здесь необычайно красиво! — восхитился Алексей, вдыхая полной грудью кажущийся живительным воздух.

— Добро пожаловать в Лиирс — город свободного лесного народа,— сказал светловолосый, указывая рукой в сторону низины.

Алексей проследил глазами за его рукой и от неожиданности вздрогнул. Посреди светлого и высокого леса в низине раскинулся целый небольшой город. Причудливые дома располагались просторно, на приличном расстоянии друг от друга. Словно сосны в лесу, то тут, то там высились стройные шпили и тяжелые башни. А между всеми этими строениями сплетались, будто вьюны, украшенные растениями дорожки, беседки, кажущиеся переплетением солнечных лучей, небольшие водоемы, соединенный лесными ручьями. Город был прекрасен, но ведь всего мгновение назад, когда Алексей осматривал открывшуюся взгляду низину, никаких домов там не было.

— Что за...— буркнул Алексей, уже привычно сдержав окончание фразы.

— Если бы мы шли одни, то могли бы спокойно пройти по этому лесу, даже не догадываясь, что идем по городу,— шепнула Эльви, видя изумление на лице Алексея.— Лиирс скрывает древняя и могущественная магия, поэтому тут вполне безопасно.

— Надеюсь, я действительно все вспомню и начну понимать то, что происходит вокруг,— проворчал Алексей, спускаясь за гостеприимным хозяином к городу.

Впрочем, как ни настораживало Алексея присутствие рядом с ним какого-то источника магии, в который он никогда бы не поверил, находясь в Забытом мире, сейчас его больше радовало, что он вот-вот окажется в тепле и уюте жилища. Сможет отогреться и надеть что-нибудь теплое, что наверняка подарят путникам хлебосольные хозяева.

— Надеюсь, вы не противники убийства деревьев и в ваших домах есть теплые печи,— пробормотал Алексей, торопливо следуя за хозяином леса.

Огонь лениво облизывал недавно подброшенное полено, потрескивающее и еще не готовое отдаться полностью пламени. Они сидели за массивным столом, сделанным искусным резчиком из темного жесткого дерева. Вокруг этого стола стояли деревянные же стулья, больше похожие на небольшие резные троны. Стол, не покрытый ничем, был заполнен разнокалиберными блюдами и глубокими мисками. Сейчас вся эта посуда уже не содержала того количества яств, как еще двадцать минут назад. Однако оставшегося хватило бы, чтобы накормить еще одну такую же компанию. Мясо холодное, засоленное и подсушенное соседствовало с мясом, запеченным в больших листьях растений со множеством специй и даже ягод. Зелень,

заботливо выращенная в теплое время, теперь лежала в мисках, залитая рассолами. Свежий хлеб и пара кувшинов горячего ягодного вина. Яства, возможно, для кого-то простые и грубые, казались сейчас отогревающимся путникам божественным угощением. А вино одновременно с теплом открытого огня массивной каменной печи пьянило, неся ощущение уюта и расслабленности. Гостеприимный хозяин, не затевая никаких расспросов и разговоров, прежде всего накрыл на стол и сидел за тем же столом, терпеливо дожидаясь, когда гости утолят голод.

Зур все еще с аппетитом обгладывал большую сочную кость с хрящами, хоть и не так жадно уже, как в начале трапезы, но довольно урча. Оторок сыто отвалился в кресле, глядя осоловелыми глазами на танец огня. Эльви, поев совсем немного, тихонько отошла к широкому ложу, устроенному в углу этой же комнаты, и, свернувшись калачиком, уснула.

— Извини за нескромный вопрос,— сказал хозяин леса, которого звали Чолон,— но мне простительно, потому что я отвечаю за многих живущих в этих местах.

— Спрашивай, не стесняйся,— кивнул Алексей, наклоняясь ближе к собеседнику.

— Я знаю твоих спутников,— начал Чолон, глядя в глаза Алексею.— Не всех лично, но встречался с другими из их рода. Однако тебя я не знаю. На вид ты вполне обычен, однако оборотень, колдунья и гном признают тебя за старшего. Не просветишь ли меня почему?

Алексей, которого слегка разморило после сытной еды и от тепла, добродушно усмехнулся:

— Я и сам удивляюсь... Ты лучше у них спроси.

Чолон молчал пару мгновений, сверля его недоверчивым взглядом, а затем кивнул:

— Хорошо... хотя я бы предпочел, чтобы ты объяснил мне.

Алексей вздохнул.

— Я с удовольствием объяснил бы тебе все,— он покачал головой,— но сам никак не разберу, что за хрень творится вокруг меня. Я жил себе и никого не трогал в своем маленьком и славном мире, где все просто и понятно. У меня было свое дело, свои друзья, своя жизнь. Но вдруг я сделал шаг в сторону и очутился совершенно в другом мире. И здесь оказалось, что все не так, и я ничего не помню из того, что со мной происходило раньше...

Чолон, слушая рассказ, все больше хмурился, бросая взгляды то на клюющего носом в кресле гнома, то на спящую колдунью. Словно он искал подтверждение тому, что слышал.

— И теперь кто-то гонится за мной, но я не знаю, кто и почему. Может, мне нужно остановиться и встретить их. Это даст ясность, а возможно, и решит все вопросы,— продолжал Алексей.— Я хотел бы вернуться в свой мир, но, зная то, что знаю сейчас, и не получив ответов на появившиеся вопросы, я не смогу там жить спокойно. А здесь мне постоянно твердят про Закон и про то, что я почти беглый каторжник.

Чолон, который слушал его, покусывая губу, внезапно замер, затем его глаза расширились, и он внезапно поднялся со стула и прошел к лежанке, на которой спала Эльви. Бесцеремонно растолкав девушку, он задал ей короткий вопрос:

— Это правда он?

— Что? — переспросила колдунья, спросонья не понимая, что он от нее хочет.— А, вы уже поговорили... Да, Чолон, это он. Но он ничего не помнит, а потому ничего и не может.

— А ты уверена, что он найдет свою Суть? Ты знаешь хоть один случай, когда, до срока покинув Забытый мир, кто-нибудь успевал найти свою Суть и избежать встречи со стражами? Я никогда о таком не слышал. А ты? И нужна ли всем сторонам такая попытка все переиграть?

— Он не кто-нибудь,— возразила девушка, с которой сон слетел окончательно,— поэтому у нас есть шанс. Ты ведь тоже страдал, что мы проиграли битву.

— Битву, которую мы проиграли, не выиграть,— покачал головой Чолон, присаживаясь рядом с Эльви.— И войско былое не собрать. Да и надо ли?

— Битву, которую проиграли, не выиграть, но битва проиграна только тогда, когда проигравший сдался. Мы не проиграли, это только отсрочка,— не согласилась девушка.

— Это бесплодные мечты солдата проигравшей стороны,— вновь покачал головой стрелок.— Но я готов. Если ты хочешь, мы попытаемся.

— Я хочу! — Во взоре Эльви мелькнули отсветы фанатизма.— Даже несмотря на то что не я вытащила его из Забытого мира и не я решила попытаться начать все сначала.

— Хорошо,— сдался Чолон.— Только завтра, когда все отдохнут и позавтракают, мы уйдем отсюда. Остальные жители этого леса не виноваты в том, что наша война не кончилась.

— Пусть будет так! — обрадовалась Эльви и поманила пальчиком одиноко сидящего за столом Алексея.— Иди ко мне, мой возлюбленный господин. Нам надо хорошенько выспаться перед дальней дорогой.

Погода совсем не изменилась. Все то же солнце, легкий морозец и полное отсутствие ветра. Алексей

шел, наслаждаясь погодой и восхитительными видами леса. Теперь он мог получать удовольствие от всего этого окружающего великолепия. Его потрепанные брюки и рубаха, а тем более мягкие сандалии были оставлены где-то в Лиирсе. Облачение Алексея сейчас состояло из кожаных штанов, холщовой рубахи и кожаной куртки. Ноги чувствовали себя великолепно в удобных, мягких сапогах. Поверх одежды на Алексее был наброшен толстый теплый шерстяной плащ до самых пят с просторным капюшоном. Гном и колдунья тоже пополнили свой гардероб теплыми вещами. Только оборотень не захотел брать ничего, кроме просторной рубахи из толстого, грубого материала. Он не мерз и чувствовал себя совершенно комфортно.

Чолон легко шагал впереди, одетый так же, как и Алексей. Только за спиной его висел огромный колчан с длинными, тяжелыми стрелами. Колчан на этот раз был двойной, и во втором его подсумке покоились короткий лук и легкие стрелы. Длинный лук Чолон привычно нес в руке. Не для быстроты стрельбы, хотя это было и важно. Просто двухметровый лук не приспособить так же просто, как короткий. А прилаженный за спиной, он стал бы цепляться за все кусты и деревья. С обеих сторон бесшумно двигались несколько стрелков из города Чолона. Еще пара замыкала отряд. Всего в конвое был десяток лучников.

— От кого они тут так защищаются? — тихонько буркнул Оторок, нагоняя Алексея.— Дома укреплены. Башни какие-то по всему городу. А зачем столько лучников с нами?

— Для охраны, понятное дело,— отмахнулся Алексей, вдыхая полной грудью свежий воздух.— Что странного в том, что нас провожают его воины? Это может быть простой данью уважения.

— Данью уважения? Сомневаюсь. А охранять тут от кого? — не унимался гном, семеня рядом с Алексеем.— Я не видел еще никого, от кого бы стоило отбиваться с помощью таких луков. Они не меньше чем шагов на триста бьют.

— Надеюсь, этого мы так и не увидим,— ответил Алексей, после слов гнома начавший озираться по сторонам.— Ты давай-ка прекращай сам себя запугивать.

— Пусть бы так,— согласился Оторок, отставая от Алексея на несколько шагов, но продолжая что-то бормотать под нос.

А Алексей уже забыл и о гноме, и о красотах природы. Он вдруг заметил, как к Чолону подскочил один из замыкающих отряд бойцов. Он что-то сказал своему командиру, и тот начал беспокойно озираться. Вскоре тревожное возбуждение передалось всем, включая охраняемых путников.

— Что случилось, друг? — спросил Алексей, не видящий никакой опасности.

— Ничего опасного по-настоящему, господин,— пожал плечами Чолон.— Один из дозорных видел вдали летуна-двухвостку.

— Он опасен? — опять заволновался гном, услышавший разговор.— Я про таких не слышал.

— Ты много про что не слышал в мире,— усмехнулась Эльви, совершенно не волнуясь из-за какого-то летуна.

— В одиночку летуны не опасны,— пояснил Чолон.— Все гнездовья местных летунов мы давно уничтожили. Так что это залетный охотник из далеких земель.

— Чего же они так напряглись? — спросил Оторок, показывая подбородком на всматривающихся в даль лучников.

— Летуны никогда не охотятся поодиночке. И если ты заметил летуна, значит, где-то рядом вся стая. А вот стая уже может быть опасна.

— Это от них вы построили башни в своих городах? — догадался Алексей.

— И от них тоже,— кивнул лесной воин.— У нас райский мир. Но кто сказал, что в раю должна быть только карамель скуки да патока благоденствия? Кто-то многое готов отдать за то, чтобы услышать звон тетивы боевого лука.

— Зачем тогда гнездовья своих летунов разорили? — съязвил гном.— Было бы намного веселее.

— Они детей и скот режут,— ответил совершенно серьезно Чолон.— А это уже совсем другой разговор.

Гном не нашелся что сказать и наконец замолк, с сопением топая чуть позади Алексея.

— Летуны! — закричали сразу несколько лучников охранения.

— Ну вот и началось,— нахмурился Чолон, быстро проверяя, легко ли выходят стрелы из заплечного колчана.— Сейчас вы увидите, что такое летуны-двухвостки.

Путники без напоминания уже смекнули, что пришло время готовиться к бою. Они сейчас оказались в центре кольца, в которое перестроились лесные воины. Первые стрелы уже легли на тетивы. Оставалось лишь полностью натянуть их и отпустить посланцев смерти в полет.

Алексей крутил головой, чувствуя, как именно вокруг него складываются линии обороны. Его спутники были совсем рядом, окружив со всех сторон и готовые отдать жизнь за своего господина. Впрочем, Алексей так и не сумел пока разобраться, есть ли смерть в этом мире. Оторок, положивший тяжелое лезвие секиры на плечо; Зур, сбросивший одежды и уже пол-

ностью превратившийся в огромного монстра; Эльви, прямая и напряженная, как тетива, замершая со своим коротким точеным посохом в руках. Алексей не знал, что в этой ситуации делать ему, человеку из Москвы, попавшему невесть куда, безоружному среди готовящихся к бою спутников. И как он не догадался попросить в Лиирсе хоть какой-то меч? И почему, интересно, ни один из спутников не предложил ему его?

Он увидел летунов, наверное, последним из всех. Словно журавлиный клин стремительно приближался к отряду. Только журавли были черными и слишком большими. Через минуту Алексей уже мог рассмотреть приближающихся монстров. Тела, больше всего похожие на морских мант, с гигантскими крыльями, оканчивающимися подобием когтистой лапы, длинные и толстые двойные хвосты, увенчанные покрытыми шипами утолщениями.

— Берегитесь челюстей! — крикнул Чолон, обернувшись к путникам.— Но пуще их берегитесь хвостов! Иглы их яд источают!

Клин тем временем начал складываться, выстраиваясь в колонну летящих в хвост друг другу тварей. Передние начали снижение, заходя для атаки. Лучники действовали четко и совершенно безмолвно. Лишь заскрипели натягиваемые луки. Несколько секунд Чолон выжидал, удерживая тугую тетиву натянутой, а затем со звоном спустил ее. Ожидая его выстрела как команды, лесные воины дали дружный залп. Рой тяжелых длинных стрел метнулся навстречу приближающимся хищникам, а воины уже вновь натягивали тетивы своих луков. Теперь команды никто не ждал, стреляя настолько быстро, насколько был способен. Алексею пришла в голову бредовая мысль, что пара опытных стрелков из этого отряда, так же как и сам Чолон, вообще бьют очередями,— столь стремительно одну

за другой они пускали стрелы. Пущенная стрела еще не успевала достичь цели, а Чолон уже делал следующий выстрел.

Так и не достигнув обороняющихся и понеся значительные потери, стая летунов сломала строй, рассыпаясь в беспорядочную свору. Однако хищники еще не потеряли надежду получить сытную добычу. Расстояние стремительно сокращалось, и лесные воины, побросав свои огромные луки, выдергивали из-за спины небольшие и легкие. Стая налетела, хлопая крыльями, стегая страшными хвостами, пытаясь ухватить мощными челюстями.

Колдунья махнула посохом, с конца которого вдруг сорвался тонкий багровый бич, рассекший одного из ближайших летунов буквально пополам. Зур неожиданно высоко прыгнул, перехватывая устремившегося в сторону Алексея летуна. Он всадил в него свои жуткие когти, ломая и топча рухнувшее под его весом тело. Словно заговоренный, оборотень умудрялся увертываться от хлещущих в предсмертной ярости хвостов, продолжая крушить врага.

— Берегись! — завопил гном, сильно толкая Алексея в спину и падая сверху с выставленной вверх секирой.

Летун ударился о широкое лезвие, распарывая по инерции свое брюхо. Заливая все темной кровью, он тем не менее умудрился подняться выше, пытаясь улететь от ухватившей его смерти. Но страшная рана не оставила ему никаких шансов, и зверь рухнул, умерев еще в воздухе.

Алексей быстро вскочил, испугавшись за гнома, но поднимающийся с кряхтением и привычными ругательствами Оторок был совершенно невредим. Вскинув глаза, Алексей увидел несущегося прямо на него огромного летуна с разинутой зубастой пастью. Стол-

кновение было неминуемым. Алексей пригнулся, готовясь к удару, и ощутил вдруг в ладони пульсирующую тяжесть. Словно что-то зарождалось в самой плоти руки, выбираясь на волю, формируясь, наливаясь энергией. От этого неожиданного ощущения Алексей замер. Перед глазами замелькали видения, в ушах тоскливо зазвучала далекая, едва различимая музыка.

— Берегись! — Крик Оторока, словно пощечина, привел Алексея в чувство, сметая охватившие его образы.

Алексей прыгнул в сторону, кувырком уходя от падающей на него туши. Откатываясь, он заметил, как в крылатого монстра злобными шершнями впились сразу несколько стрел, а одно из крыльев в клочья разорвал светящийся шар, похожий на шаровую молнию.

— Святыни оборотней! — прорычал Зур.— Они улетают!

Алексей поднялся, осматриваясь вокруг. Повсюду валялись трупы крылатых монстров, целые или разорванные, разрубленные, опаленные. А среди этого обильного посева стояли, осматривая друг друга, воины. Алексей не верил своим глазам, но все его спутники и воины Чолона были живы. По крайней мере, все стояли на ногах и ран ни у кого видно не было. Убедившись, что уцелевшие хищники действительно улетели восвояси, лесные воины отправились собирать стрелы. Зур, вернувшись в свой человеческий облик, старательно счищал снегом кровь со своего тела, прежде чем одеться. Оторок так же тщательно вычищал свою секиру.

— Они вернутся? — спросил Алексей.

— Если ты спрашиваешь, вернутся ли они к нам, то нет,— отозвался Чолон.— Они не улетели вовсе. Будут кружить поодаль, пока мы не уйдем. Потом устроят

себе пир. Они не брезгуют погибшими сородичами. А тут им пищи на несколько сытных дней хватит.

— Значит, мы в безопасности? — подал голос Оторок, внимательно осматривая вычищенную секиру.

— Летуны нам больше не страшны. Но это не единственная угроза в нашем мире.— Чолон повернулся к Алексею и тихо добавил: — И тем более это не единственная угроза для нас после нашей встречи.

Чолон напрасно запугивал всех — до самого конца пути ничто не нарушило спокойствия окружающего их мира. Алексей с изумлением увидел в центре открывшейся его взору уютной долины сооружение, более всего походящее на земной Стоунхендж. Огромные валуны, удивительным образом вздыбившиеся в каменном хороводе. Вокруг кольца одинаковых гигантских камней покоилось кольцо из камней поменьше. Алексею показалось, что он различает тихую, заунывную песню — едва слышную, как в его странных видениях. Но в следующий миг он понял, что это всего лишь песня вольного ветра в высоких камнях.

— Там кто-то есть! — заволновался оборотень, указывая Чолону на нечто вдали, привлекшее его внимание.

Всмотревшись, лесной воин заторопился:

— Нам надо спешить!

Теперь в его поведении явно чувствовалась тревога, быстро передавшаяся его подчиненным.

— Это за тобой идут,— негромко пояснил он Алексею.— Слишком быстро нашли. Очень странно. Ты действительно ничего не вспомнил?

— Ничего.

— Непонятно это. Но делать нечего. Бегом!

Подчиняясь окрику, все устремились к кольцам из камней. На бегу Алексей то и дело оборачивался в указанную Зуром сторону, пытаясь разглядеть надвигающуюся опасность. Но его глаза пока ничего не находили.

Тем временем беглецы достигли сооружения из огромных валунов. Чолон раздавал команды стрелкам, и те занимали позиции в кольце малых камней.

Преследователи появились совсем близко, вынырнув из-за пологой спины высотки. Первыми неслись размерными прыжками жуткие твари, похожие на обтянутые темной кожей, уродливые скелеты. Они двигались стремительно, но при этом легко, со сквозящей в каждом движении нечеловеческой силой. Позади скачущих скелетов шла основная группа, ядром которой являлся зверь, в точности напоминающий дракона из сказок. Несмотря на массивность, его движения были столь стремительными и плавными, что казалось, будто он просто перетекает ртутью, держась над самой землей непостижимым образом. Но вовсе не этот дракон с белоснежными мечами клыков в огромной пасти и переливающейся, словно полированная сталь, шкурой был центром приближающегося отряда. Центром был тот, кто восседал в седле на спине дракона,— человек, закутанный в просторные черные одеяния, полностью скрывающие его фигуру. Именно рядом с ним и над ним, размеренно махая крыльями, летели четким строем крылатые монстры, подобные тем, что жуткими статуями украшают порталы готических храмов.

— Быстрее! Мои воины не сумеют задержать их надолго! — крикнул Чолон, жестами приглашая беглецов в центр каменного сооружения.— У нас только несколько минут!

Алексей не слышал окрика. Он во все глаза смотрел на приближающуюся погоню. Он видел тварей, мчащихся первыми, раньше. И память эта была достоянием его последней жизни в Забытом мире.

— Быстрее, мой господин! — Ухватив за локоть, Эльви увлекла его в центр круга.— Ты не готов к этой встрече.

Очнувшись, Алексей последовал за своими спутниками, уже занявшими место в самом центре круга. Лучники тем временем начали свой последний, неравный бой.

Убедившись, что все на месте, Чолон воздел руки и закричал что-то на незнакомом мягком и тягучем языке. Он плел узор из непонятных фраз в начавшем уплотняться воздухе. Сумерки неожиданно накрыли их. Небо стало вращаться все быстрее, преобразуясь в смазанный темный купол, скрывший и начавшуюся битву, и сам окружающий мир. Лишь незыблемые громады камней вопреки всем законам физики и разума остались на месте, расцветая огнями святого Эльба. Но в следующий миг и камни смазались, слились в хоровод ярких линий.

Кружение остановилось так резко, что Алексей едва не упал. Зрение вернулось не сразу, словно после сна, когда не удается быстро сфокусироваться на окружающем мире. Наконец Алексей рассмотрел пики строевого леса внизу, чистое синее небо над головой и огромную монолитную плиту под ногами, испещренную вырезанными рунами.

— Рудники преисподней! — рявкнул Оторок.— Куда занесло нас на этот раз?

— Надеюсь, что к друзьям,— ответил Чолон, не спеша разъяснять большего.— Если ему нужно вернуть

единство с Сутью, то это место подойдет как нельзя лучше. Это мир таров.

— Святыни оборотней!

— Рудники преисподней!

— Но ведь таров нет больше! — подала голос молчавшая уже давно колдунья.

— Таров нет, возможно,— Чолон усмехнулся,— но этого наверняка никто не знает. Разве можно уничтожить Суть живущего? А если таров разметали по бескрайности миров, даже лишив единства с Сутью, то они все одно когда-то вернутся в свой дом.

— Я прошу прощения,— нахмурился Алексей, вновь чувствуя себя не знающим языка иностранцем в чужой стране.— Может, мне кто-нибудь пояснит, кто такие тары?

— Тары — исчезнувший народ магов и волшебников, почти равные богам, но отрицающие гордыню и жажду власти,— ответила Эльви.— Они сами создали этот мир и жили здесь в одиночестве. Они никого не пускали в свой мир, хоть сами и путешествовали везде и всюду, стремясь познать весь мир.

— Никого не пускали? — переспросил Алексей, оглядываясь по сторонам.

— Здесь больше нет таров,— ответила колдунья.— Иначе мы не смогли бы попасть сюда так просто.

— Что нам тогда тут делать, если самих магов нет дома?

— Мир их живет даже без хозяев. В этом мире плещется океан энергии. В этом мире россыпи тотемов и талисманов Силы. Повсюду здесь спрятаны порталы, которыми тары пользовались для познания мира. Нам бесконечно далеко до них, но их энергия поможет нам объединить тебя с твоей Сутью. Возможно, поможет. Выбор Чолона очень хорош.

— Возможно, поможет? — переспросил Алексей.

— Никто из нас не знает этого наверняка.

— Нам пора идти,— напомнил лесной воин.— Я почти не знаю этого мира. Но неподалеку есть кое-кто, неплохо тут ориентирующийся.

Не задерживаясь более, путники устремились за Чолоном, который бодро шагал по каменистой тропе, ведущей с гигантской плиты вниз, к подножиям стройных высоких деревьев. Шли молча, растянувшись в цепь и рассматривая таинственный мир таров. Чолон уверенно вел отряд знакомой тропой, словно отлично знал дорогу.

— Послушай, Эльви, а если хозяевам этого мира не понравится, что мы влезли в их дом без разрешения? Раз уж вы все не верите, что с тарами можно было что-то сделать. И кто мог загнать их в неведомое далеко, если они почти равны богам? — не унимался Алексей, озираясь.— Кто мог так поступить с целым народом?

— Ты, возлюбленный господин,— мрачно улыбнулась в ответ девушка.— Ты один из тех, кто вполне мог это сделать. Тем более что народ этот совсем не так многочислен, как ты себе представил. Тары — вымирающий народ, хоть это и не умаляет его могущества.

— Отличная новость,— ужаснулся Алексей.— Я, возможно, тот враг, которого ненавидит каждая травинка в этом мире. И вы, едва сумев отбиться от тупых летающих скатов, ведете меня, словно быка, на убой. Это что, шутка?

— Нет, не шутка, мой возлюбленный господин,— покачала головой колдунья.— Но ненависти нет в этом мире. И даже если ты был причастен к их изгнанию, не твоя воля на то была. Можно ли таить обиду на боевой топор за решения его хозяина?

— И в чьих руках я был боевым топором?

— Нет, господин, я не сказала, что ты был,— пошла на попятную Эльви.— Ты вполне *мог быть* одним из тех, кто исполнял эту волю.

— Волю или приговор? — не отставал Алексей.

— Есть законы, и есть наказание за их несоблюдение, мой возлюбленный господин,— начала объяснять девушка.— Тот, кто нарушает эти заповеди, знает, что его ждет.

— И все равно заповеди нарушают,— прервал ее Алексей.— Значит, надеются избежать наказания. А если надеются, значит, есть возможность избежать.

— Разве только надежда на безнаказанность толкает на нарушение законов? — подал вдруг голос топающий позади гном.— Алчность, жажда власти, страсть, гордыня... Да мало ли что еще может толкнуть живущего на то, чтобы перешагнуть грань дозволенного! И это лишь низменные, примитивные позывы. А ведь есть еще долг — истинный или вымышленный, надуманный, заставляющий почувствовать себя тем, кто вправе обходить заповеди.

— А есть и такие? — удивился Алексей.

— Конечно. Есть те, кто живет вне основных заповедей для того, чтобы живущие блюли их, чтобы они знали, что есть в мире и возмездие, и месть, и многое иное, что не даст преступившему остаться безнаказанным.

— А кто контролирует тех, кто живет вне заповедей и законов? — уточнил Алексей.

— Не вне законов,— поправил его Оторок.— А вне законов для живущих. Свод законов велик и многогранен, как миры. Простые живущие не увидят в них ничего, что им видеть не следует. И лишь те, кто стоит на страже, увидит много больше. В том числе и главы заповедей для себя.

— Просто «Секретные материалы»,— усмехнулся Алексей.— И какой уровень допуска был у меня?

— Ты был...— начала Эльви.

— Каким бы ни был твой уровень, господин,— прервал ее гном,— но ты презрел те грани, в которых должен был находиться. Или кто-то так посчитал. Именно поэтому ты оказался в отрыве от своей Сути там, откуда мы тебя вытащили.

— То есть я все же был осужден? — сделал вывод Алексей.

— Это так,— коротко подтвердил Оторок.

— За что? Ты ведь знаешь, раз уж именно ты был тем, кто вытащил меня из того мира.

— Я не могу этого рассказать, господин. Ты должен все вспомнить сам. А я просто один из тех, кто преданно служил тебе, выполняя свой долг.

— Не настолько, чтобы быть наказанным вместе со своим господином! — вдруг зло бросила Эльви.— Все, кто был тебе действительно близок, сейчас так же отрезан от своей Сути в Забытом мире.

Гном оскалил зубы, злобно зыркнув на колдунью, но ответить не решился и, громко сопя, отстал, вновь замыкая цепь идущих.

— Я что-то упустил? — негромко спросил Алексей у девушки, размышляя о всплеске эмоций, свидетелем которого только что стал.— Что сейчас между вами было?

— Господин мой возлюбленный, наши дрязги недостойны твоего внимания. Я только хочу, чтобы никто не пытался использовать то, что ты сейчас без памяти. Хотя я уверена, что, обретя единство со своей Сутью, ты все и всех расставишь по своим местам. Он не тот, кто раньше действительно был рядом с тобой, хотя, бесспорно, принадлежал к твоему воинству.

— А ты? — прямо спросил Алексей.— Ты была рядом? Ведь сейчас ты тоже не отделена от своей Сути и не в Забытом мире.

— Я была рядом, мой возлюбленный господин,— улыбка Эльви стала веселой,— но я не была твоей соратницей. Лишь любящей служанкой, готовой ловить каждый взгляд своего господина.

— Чувствую чужого! — рыкнул Зур, раздувая ноздри и по-звериному шевеля ушами.— За нами следят!

Он дернул шнурок рубахи, готовясь к трансформации, но Чолон остановил его.

— Это друзья,— пояснил стрелок, всматриваясь в стену стройных, высоких стволов.— Пока нам здесь ничто не угрожает... Если для нас есть вообще безопасное место, после того как мы пошли против Закона.

— Против приговора,— поправил его Оторок.— Приговор и Закон не всегда едины.

— Вон там,— вновь заворчал оборотень,— за деревом.

— Это Эйра,— кивнул стрелок, у которого зрение было не хуже, чем у Зура.

— Что я вижу! — Словно в подтверждение его слов из-за огромного ствола выступила молодая женщина, с первого взгляда воспринимающаяся как воин.— Чолон, зачем ты привел эту...

— Рад видеть тебя в добром здравии и настроении,— прервал ее Чолон, не позволив высказать, кого именно, по ее мнению, он сюда привел.— Ты все так же прекрасна и опасна.

— Вот так встреча,— удивилась Эльви, рассматривая вышедшую из-за деревьев женщину.— Ее-то я никак не ожидала тут увидеть.

— Я тоже должен ее знать? — шепотом поинтересовался Алексей.

— Уж ты-то лучше других,— ответила колдунья с усмешкой.

Вышедшая навстречу девушка была невысока, стройна и мускулиста, напоминая фигурой Эльви. Только волосы ее, коротко остриженные, имели цвет потемневшего золота. Одежда состояла из сшитых в юбку кожаных лент разной длины, короткой кожаной куртки и длинного тканого плаща цвета гнилой листвы. Из-за спины торчали рукояти двух покоящихся в заплечных ножнах мечей, а на поясе висело несколько ножей и пара кожаных подсумков. Обувь больше всего походила на высокие кожаные чулки чуть выше колена, ибо была мягкой и вовсе не имела подошв.

— Ты все так же плохо умеешь говорить комплименты, Чолон,— покачала головой девушка.— Кто остальные твои спутники и зачем ты привел сюда ту, которую я не хочу видеть?

— Ты очень гостеприимна, Эйра,— рассмеялся лесной воин.— А ведь могла бы спокойно принять всех пришедших со мной. Ты не думаешь, что я мог привести к тебе недругов?

— Я даже не достала мечей,— усмехнулась в ответ девушка.— А ведь могла бы встретить вас стрелой.

— Давай прекратим это пикетирование, тем более мы уже поняли, как ты рада нас видеть,— сдался Чолон, подходя к Эйре вплотную.— Ты даже не знаешь, кто пришел вместе со мной, а разбрасываешь столь бравые реплики.

— Ну отчего же,— не согласилась Эйра, переводя взгляд с одного путника на другого.— Этого гнома видела раньше издали. Он был умником. Тот оборотень состоял, кажется, в группе боевого охранения. Или что-то в этом роде. Подруге Эльви при удачном стечении обстоятельств еще верну долги. Впрочем...

Ее взгляд остановился на Алексее. Взгляд оценивающий, внимательный и пристальный, несмотря на делано безразличное выражение лица.

— Этого человека я не могу вспомнить, хотя мне кажется, что в нем есть что-то знакомое. А это актуально?

— Да,— кивнул лесной воин, тоже глядя на Алексея.— Именно из-за него мы здесь.

— Вот как? — хмыкнула девушка, подходя еще ближе и теперь в упор бесцеремонно рассматривая незнакомого ей мужчину.

— Странно, что ты не провела параллелей присутствия здесь столь разношерстной компании,— съязвила Эльви.— Видимо, это и не позволило тебе в свое время победить.

— Кто он? — прямо спросила Эйра, проигнорировав Эльви и сверкнув на Чолона взглядом, не предвещавшим ничего хорошего.

— Господин наш,— ответил стрелок, прекратив игру.— Наш господин, досрочно возвращенный в наш мир, но не обретший связи со своей Сутью и своей прежней формы.

— Не может быть! — охнула Эйра, и мгновенно узнавание мелькнуло в ее взгляде.— Как я могла...

Она упала на одно колено, преклонив перед Алексеем голову:

— Прости меня, мой господин, за то, что не признала тебя в этом странном обличье.

— Я еще совсем не тот, о ком все рассказывают,— растерялся Алексей, поднимая девушку за плечи.— Я ничего не помню и даже не знаю, как себя вести.

— Мой дом — твой дом! — воскликнула Эйра, касаясь ладонью груди, а затем простирая ее в сторону Алексея.— Моя жизнь принадлежит тебе.

— Нам лучше уйти от портала,— напомнил Чолон.— Хотя, если они придут за нами в этот мир, нам и чаща лесная не поможет. За нами идут охотники.

— Следуйте за мной! — скомандовала девушка-воин, вмиг став серьезной и сосредоточенной.— А ты, Чолон, напрасно недооцениваешь мир таров. Попав сюда, охотники потеряют все свое преимущество. Во многом за это тары и поплатились. И именно поэтому я здесь живу. А теперь хватит болтать. Шире шаг!

— Я в этом мире уже долгое время, но ни одного тара в глаза не видела,— рассказывала Эйра, наблюдая, как путники уничтожают выставленную на стол нехитрую снедь.— Сначала я обживалась тут, не пытаясь никуда лезть. Но потом мне ничего не оставалось, кроме как начать исследовать этот мир.

Дом Эйры прятался глубоко в лесу, представляя собой скорее крепость, сложенную из толстых бревен. Вокруг громоздилось еще десятка полтора таких же домов, обнесенных общей высокой стеной. Тяжелые створы ворот, лишь немного приоткрытые для прохода человека, охранялись двоими рослыми воинами. К удивлению Алексея, воины носили почти в точности такую же одежду, что и Эйра,— просторные юбки, кожаные куртки и свободные тканые плащи. Только на ногах их были толстые, грубые сапоги да кожаные шлемы защищали головы. Часовые беспрекословно пропустили путников, ведомых девушкой-воином, лишь едва заметно кивнув тяжелыми, бычьими головами. И вот теперь вся компания утоляла голод в просторном деревянном доме Эйры.

— У меня навязчивый вопрос,— сказал Алексей, сделав пару глотков кисловатого легкого травяного вина.— После того как я вывалился из своего послед-

него мира, меня перебрасывали с одного места на другое, отделенное от предыдущего, возможно, бесконечностью. И везде я видел примерно одно и то же. Вернее, наоборот, нигде я еще не видел того, что предполагал увидеть.

— Попроще, господин,— взмолилась Эйра,— иначе я не вспомню начало вопроса.

— Попроще? Хорошо,— согласился Алексей.— Где здесь системы домашнего климат-контроля, где телевизоры и программы новостей, где автомобили и летательные аппараты? Почему Чолон отбивается от летунов стрелами, а Оторок бегает с секирой, в то время как только китайцы в нашем мире делают столько автоматов Калашникова, что хватит на весь ваш мир?

— Ну с оружием все довольно сложно и просто в то же время...— начала девушка.

— От кого-то я примерно такие объяснения уже слышал,— прервал ее Алексей.— Только не говори, что нельзя протащить оружие сюда. Меня-то не голышом Оторок выдернул, а вместе с одеждой. Был бы портал побольше, так и на машине въехать можно было бы. Да и сами по себе знания стоят не меньше технологий. Зная о компьютере там, неужели я не смогу выдумать что-то аналогичное здесь?

— То оружие, к которому ты привык в своем мире, здесь бесполезно.

— Бесполезно?

— Да,— кивнула Эйра,— или опасно. Для тебя самого.

Алексей непонимающе покосился на остальных. Оторок молча кивнул, Эльви улыбнулась как бы виновато, а Зур насупился.

— Это почему?

— Понимаешь, господин, секира, меч, копье, лук — это честное оружие, его очень сложно зачаровать

твоему недругу, заставить изменить тебе, даже напасть на тебя, взорваться в твоих руках...— начала Эльви, но, заметив, что Алексей пялится на нее все так же непонимающе, осеклась и беспомощно покосилась на Чолона. Тот вздохнул:

— Прости, господин, мы не знаем, как все правильно объяснить. Поверь, как только ты все вспомнишь, у тебя исчезнут все вопросы. А сейчас просто прими как есть...

— Ну хорошо,— Алексей тяжело мотнул головой,— а как же компьютеры?

— Компьютеры и иные информационные системы не нужны, когда у тебя есть Суть и информационная связь со всем миром. Телевизоры... Они не приживаются у нас. А прочие прелести комфорта... Ты не задумывался, почему тебя тащат именно по этим мирам?

— Именно по этим? А как я могу задуматься об этом, если я не знаю ни этих, ни других миров?

— Просто мне нравится жить именно так и именно тут. Чолон счастлив, бродя по своим лесам с длинным луком. Эльви с удовольствием роется в артефактах и местах сосредоточения сил. Каждому свое. Именно поэтому, если ты обратил внимание, нас тут совсем мало. Есть миры, где велико значение технократического развития. Там ты сможешь увидеть восхитительный контраст неведомых в твоем последнем мире технологий, оружия Средневековья и разнообразной магии.

— Представляю... встретиться на станции метро с Зуром,— ухмыльнулся Алексей.

— Есть и совершенно иные миры. К примеру, этот мир таров. Ты посидел за моим столом и подумал, что это и есть мир таров. Пойдем,— позвала девушка, увлекая Алексея за собой на улицу.— Ты воспринимаешь все слишком просто — только так, как видишь.

Теперь я понимаю, насколько серьезно наказание ссылки в Забытый мир. Быть оторванным от Сути, не знать ничего о прошлом, не видеть будущего, не понимать настоящего...

— Ты не боишься, как другие, говорить мне все эти вещи? — удивился Алексей, послушно шагая за девушкой.

— Мы в мире таров, и вряд ли кто-то, кроме нас двоих, узнает об этой беседе. А ты никогда не сваливал вину за происходящее на других. Так чего мне бояться?

Тем временем они пересекли весь поселок и выбрались за его периметр через небольшую, но прочную калитку. Некоторое время спустя за стеной строевого леса вдруг появились ясные, светлые просветы, словно само небо вдруг показалось на уровне поверхности земли. Алексей замолчал, прекратив расспросы и неотрывно всматриваясь в приближающиеся и ширящиеся пятна света. После происшедшего с ним за последние дни Алексей был готов к самым неожиданным проявлениям невинных по своей первоначальной сути событий. Вернее, думал, что готов. Поэтому опять, как и при встрече с Лиирсом, растерялся, едва удержавшись на ногах от распахнувшейся перед ним картины. Невысокая поросль, поднявшаяся там, где свет оказался в состоянии пробиться в обход густых крон, до последнего момента закрывала возможность увидеть то, что располагалось за границей оборвавшегося внезапно леса. Эйра вывела Алексея к прогалине в молодой поросли, и у самых ног их разверзлась бездонная пропасть. Вернее, лишь на первый взгляд она казалась бездонной. В голове Алексея неожиданно мелькнула мысль о долгом прыжке в эту бездну. Безумно, едва преодолимо захотелось оттолкнуться ногами и полететь. Любой бейсджампер многое отдал бы за такую великолепную возможность. Но Алексей

никогда не прыгал с парашютом. В следующий миг он забыл о красоте бездны, увидев то, что занимало центральную часть долины, раскинувшейся на дне этой пропасти.

Там, вздымаясь пиками к чистому небу, сверкая, словно рассыпанная на зеленом ковре горсть бриллиантов, покоился город. Именно покоился, потому что ни малейшего движения не было заметно в его пределах.

— Это город таров,— пояснила Эйра, с усмешкой наблюдая за изумлением спутника.— Он, думаю, полностью отвечает тем твоим представлениям о мире будущего, который ты сформулировал. Таров нет, но город живет, постоянно поддерживая себя в рабочем состоянии. Там есть и телевизоры, и системы климат-контроля, и транспортные системы, и всякое другое, от чего многие из нас давно ушли. Тары владеют поразительными тайнами, они колдуны и исследователи, но при этом они придают слишком большое значение своему удобству и комфорту. Однако такое объединение встречается крайне редко. Обычно живущие идут каким-то одним путем. А выбор делать просто необходимо. Миры редко принимают к себе чужаков надолго. Поэтому, погибнув и попав неведомо куда, нам приходится вырастать и долго искать путь к своему миру. Кто-то этого пути так и не находит.

— А умереть совсем мы можем? — вспомнил Алексей свой оставшийся без ответа вопрос.

— Конечно. Нет ничего абсолютно вечного. Хотя, для того чтобы заслужить полное уничтожение Сути, надо сделать очень много действительно плохих вещей.

— А кто решает, заслужил ты полной смерти или нет? Кто решает, заслужил ты заключение или нет? Кто приводит в исполнение эти приговоры и следит

за соблюдением всех законов? — высыпал Алексей сразу серию вопросов.

— Ты очень торопишься,— усмехнулась девушка.— Стоит чуть подождать, и ты, объединившись со своей Сутью, будешь знать все, что знаю я, и много больше. Ты немедленно сможешь получить почти любую информацию.

— Так мне все говорят,— нахмурился Алексей.— Ты не хочешь или не можешь отвечать на вопросы?

— На них нет простых и быстрых вопросов, только и всего. Решают многие. Есть боги, есть ангелы, есть еще кое-кто, кого сложно к кому-то определенному причислить. Много есть обладающих силой в той или иной мере. И много есть простых живущих — не людей, нелюдей, всякой нежити, что подчиняется решениям первых. Первые властны решать судьбы вторых, опять же в той или иной мере.

— Понятно. Спасибо, я удовлетворен ответами,— прервал ее Алексей, поняв, что ничего толкового он и от Эйры не услышит.— Я хочу побывать в городе.

— Это легко устроить,— отозвалась девушка с некоторым облегчением.— Сомневаюсь, что твои спутники отпустят тебя одного. Поэтому осмелюсь посоветовать отдохнуть перед посещением города.

— Хорошо. Сегодня отдохнем, а завтра отправимся в дорогу. Утро вечера мудренее.

— Просыпайся, господин,— зашептала Эйра, слегка касаясь плеча Алексея.— Хочу показать тебе самый красивый город таров. Нам надо выходить.

Алексей, и без того уже проснувшийся от ощущения чьего-то приближения, бодро вскочил. Быт кажущейся совершенно первобытной деревни оказался не так уж плох. По крайней мере, принять душ тут можно было

в любую минуту. Этим он и воспользовался, с наслаждением постояв под холодными, бодрящими струями чистой воды. К тому времени как Алексей вышел из просторной душевой, вся команда уже сидела за массивным обеденным столом, подкрепляясь перед дорогой холодным мясом, хлебом и чаем из душистых лесных трав.

Сегодня утром, шагая за Эйрой, путники казались непривычно молчаливыми и задумчивыми. Даже гном не ворчал неведомых проклятий под нос, сетуя на что-нибудь вроде раннего подъема или недостаточно сытного завтрака. Действительно, утро едва разогнало тьму ночи серым сумраком, готовясь раскрыться близкому потоку солнечных лучей и тепла. Алексей шагал сразу за девушкой-воином, вдыхая полной грудью эту утреннюю прохладу с запахом росы.

Однако, как и накануне, путь не продлился достаточно долго, чтобы ощущения успели притупиться, и окружающий мир начал восприниматься как обыденность. Эйра остановилась, не дойдя нескольких шагов до прогалины в кустарнике, сквозь которую виднелся лишь серый утренний свет. Не говоря ни слова, девушка жестом пригласила всех занять места вдоль близкой линии обрыва. Алексей шагнул вперед, ожидая увидеть все, что угодно, кроме того, что увидел в действительности.

Тьма еще не сдала своих позиций там, внизу. И город, который видел Алексей вчера, пока прятался в сумраке и утреннем тумане и казался лишь мрачным нагромождением высоких скал, более темных, чем окружающая их полутьма.

— Восхитительно,— подал наконец голос язвительный Оторок, не выдержав столь долгого для него молчания.— Если так выглядит город, представляю, сколь уродливы его обитатели.

— Немного терпения, старый брюзга,— шикнула на гнома Эйра.— Ты портишь всю красоту преображения своими стенаниями.

Оторок обиженно засопел, но заткнулся, положив косматую голову на покоящиеся на рукояти секиры руки.

Неожиданно далекий горный склон, обнимавший долину подобно тому, на котором они сейчас стояли, полыхнул солнечным светом. Словно кто-то переключил черно-белое изображение на цветной режим. Граница света стремительно побежала по склону, оттесняя сумрак, кажущийся из-за контраста со светом еще более темным. Все замерли, дожидаясь, когда солнечный свет коснется покоящейся внизу долины. Но вновь все произошло немного иначе, чем ожидалось. Яркая искра полыхнула в центре мрачного нагромождения «скал» города, словно отраженный зеркальцем солнечный зайчик. Искорка не погасла, а, напротив, разрастаясь, потянулась к земле сверкающим шпилем. И тотчас то там, то тут начали загораться все новые и новые искры. Город открывался им сверху вниз, совершенно фантастическим образом перерождаясь. И вот уже великолепными сверкающими сталагмитами вздымаются башни, россыпью бриллиантов среди них сверкают строения поменьше, а причудливая паутина коммуникаций сплетает все это в единое целое.

— Святыни оборотней! — ахнул Зур, не скрывая своего почти детского восхищения открывающейся картиной.

Алексей, считавший до сих пор оборотня почти бездумной боевой машиной, взглянул на гиганта с удивлением. На лице Зура отражалось столько эмоций, что это вызвало у большинства невольную улыбку.

— Ну что ж, я показала вам то, что хотела,— сказала Эйра.— Теперь можно спускаться в сам город. Дорога не так коротка, как кажется с высоты.

С каждым пройденным километром город вырастал. Он вновь преображался, как на рассвете, когда из серых, мрачных глыб родилась россыпь драгоценных камней. Только теперь преображение это было иным и не столь стремительным. Искрящиеся далекие кружева хрустальной пены при приближении превратились в величественные огромные сооружения, вершин которых уже не было видно. Для находящихся у его подножия город словно уносился ввысь. Не было никакого пригорода или хотя бы выбравшихся за город промышленных зон — только прозрачная стена не менее пятнадцати метров высотой, словно вылитая из стекла, отгораживающая не испорченную цивилизацией природу от городских стен. Эйра вывела путников точно к черному квадрату, начертанному, казалось, прямо на стекле матовой краской. Однако, подойдя ближе, Алексей понял, что это вовсе не краска, а нечто на вид похожее на те порталы, которые создавала Эльви.

— Это портал? — спросила колдунья, словно услышав мысли Алексея.

— Нет. Это лишь шторы, закрывающие вход дикому зверю и непрошеным спорам растений,— ответила девушка-воин, даже не взглянув на Эльви.— В этом городе сейчас нет угрозы, господин. Нам нечего бояться.

Алексей и без этих слов не мог отделаться от ощущения, что этот город много безопаснее тех мест, где ему довелось побывать. Может быть, лишь потому, что для жителя Москвы мегаполис является более при-

вычной средой обитания, каким бы фантастическим он ни был.

— Следуй за мной, господин,— позвала Эйра, решительно шагнув к квадрату.

В следующую секунду черная поверхность поглотила ее. Ни ряби, ни звука, словно и не было никакой преграды. Не раздумывая, Алексей поспешил следом. Несколько дней пребывания в этих мирах не слишком хорошо повлияли на его психику, начисто лишив страха перед шагом в неведомое. Но ничего подобного прохождению через портал действительно не произошло. Алексей просто оказался по ту сторону, рядом с ухмыляющейся Эйрой. Будто играя в детскую игру «кто последний — тот дурак», из черноты квадрата посыпались остальные путники.

— Они не на шутку боятся за тебя, господин,— озвучила свою усмешку девушка-воин.— Даже зная, что я иду впереди.

В нескольких шагах от черного квадрата располагалась причудливая раковина приземистого здания из стекла, от стен которого разлетались в разные стороны полтора десятка зеркальных рукавов, более всего походящих на трубопроводы сплюснутых труб диаметром около тридцати метров. Убедившись, что все минули черный квадрат, Эйра вновь приглашающе поманила рукой, увлекая путников именно к этому строению.

— Многое нам неведомо в этом городе,— поясняла она, шагая радом с Алексеем.— Да, признаться, мы стараемся не лезть в жилище таров со своими исследованиями. Кто знает, когда тары решат вернуться.

Точно такой же квадрат, как на внешней городской стене, пропустил весь отряд внутрь причудливого здания. Алексей крутил головой по сторонам, стараясь не упустить ничего. Непрозрачно-зеркальная снаружи стена здания изнутри оказалась совершенно прозрач-

ной. Казалось, будто внешних стен нет вовсе, как и потолка. Только монолитный пол — упругий и отполированный одновременно. Странное покрытие совершенно глушило звуки, подобно резиновому мату. Внутреннее пространство зала, в котором оказались путники, наводило на мысли о вокзале или аэропорте, хоть и было несоизмеримо меньше их. Несколько небольших зон с причудливыми стульями, кое-где перемежающимися даже столиками, непонятное оборудование и зеленые кольца в местах примыкания трубопроводов к стенам здания.

— Это вокзал? — высказал предположение Алексей.

— Скорее просто станция городского общественного транспорта,— пояснила Эйра.— В мире таров нет вокзалов. Тут слишком много порталов для перемещения почти куда угодно. Но в городе действует значительно более простая система коммуникаций. Ты увидишь, господин, как она удобна.

— На чем мы поедем? — спросил Алексей, озираясь и не замечая ничего похожего на общественный транспорт.

Эйра только улыбнулась, подводя отряд к одному из зеленых колец, чья нижняя кромка шла вровень со сверкающим полом. При их приближении зеленое кольцо, опоясывающее устье трубы, матово засветилось. Только теперь Алексей заметил тонкие серебристые нити, пронизывающие стенки трубы. Нити эти, нисколько не мешая видеть сквозь прозрачные стены, делали все же сами трубы видимыми.

— Смотри! — сказала Эйра, делая шаг через зеленую границу кольца.

Девушка неожиданно скользнула, даже не коснувшись ногами поверхности трубы. Она просто плавно полетела, держась совершенно вертикально. Выгляде-

ло это так, словно ее понес невидимый эскалатор. Эйра повернулась, замедляясь и смещаясь при этом вниз и к центру трубы. Еще миг — и она зависла неподвижно метрах в пятнадцати от устья трубы.

— Иди ко мне, господин,— позвала она, как к ребенку протягивая к нему руки.

Алексей решительно перешагнул зеленое кольцо, ощущая, что нога не находит опоры. Но он не провалился, а полетел к ожидающей его девушке. Именно полетел, потому что ничто не касалось его тела. Захватывающее ощущение полета...

— Осторожно, господин! — одернула его Эйра, и Алексей увидел ее совсем рядом.

Но стоило ему испугаться столкновения, как полет закончился и Алексей завис, словно в невесомости, в прозрачной трубе. Он видел все вокруг — город, землю, небо, стоящих с разинутыми ртами спутников. Мысленно потянувшись к ним, он стремительно заскользил обратно, да так быстро, что, перепрыгнув зеленую линию, пробежал несколько шагов по залу.

— Круто! — выразил Алексей свои эмоции, оборачиваясь и наблюдая, как Эйра, плавно остановившись, делает шаг на твердь пола станции.

— Ты отлично справился,— похвалила его девушка.— Видел бы ты, как вела себя я, когда впервые попала в эту трубу. Хотя нет, очень славно, что ты этого не видел. Хороша я была...

Алексей, желая проверить свои ощущения, вновь шагнул в трубу. Стремительное ускорение, полет в окружении серебряной паутины нитей, плавная остановка. Полет действительно управлялся простым желанием, высказанным мысленно. Примерно как на машине, когда маневр почти подсознательно мгновенно формируется в твоей голове, а уже затем твое тело в симбиозе с машиной исполняет волю мозга.

Только вместо машины, да и твоего тела, здесь была эта волшебная труба.

— Куда она ведет?! — спросил Алексей.

— Там можно потеряться! — ответила Эйра, подлетая к нему.— А нам пора перекусить. Я покажу еще кое-что. Думаю, это тоже будет тебе интересно. Да и вполне подойдет твоим представлениям о достижениях технического прогресса.

Эйра медленно двинулась по трубе прочь от станции. Алексей последовал за ней, наблюдая, как Эльви, Чолон и даже Зур бесстрашно бросились в горловину трубы. Только Оторок заметался перед зеленой полосой, сыпля проклятия на голову Эйры и таров. Наконец он решился и, зажмурившись, словно через костер, прыгнул за зеленую линию. В результате гном, как снаряд из катапульты, пронесся мимо товарищей. Только всеобщие крики заставили Оторока наконец открыть глаза. Он панически задергал руками и ногами, едва не выпустив свою секиру и стремительно останавливаясь. Он завис посередине трубы, шевеля конечностями, как перевернутый жук, и крутя по сторонам головой.

— Оторок, перестань паниковать,— строго одернула его девушка-воин.— Система тебя не понимает. Просто подумай, куда и как быстро ты хочешь попасть.

Гном перестал дергаться и в следующий миг, вновь напоминая снаряд, понесся назад, к станции. Не долетев до спасительной зеленой линии всего пару метров, Оторок остановился, смущенно глядя на наблюдающих за ним спутников.

— Проклятье бесплодных рудников! А пешком мы не могли бы туда дойти?! — завопил гном, заискивающе глядя на Алексея.— Полезно пройтись, да и город лучше рассмотрим.

— Ты боишься? — прямо спросил Алексей, стараясь не рассмеяться от того комичного зрелища, которое сейчас представлял собой гном.

— Я ничего не боюсь, господин,— ответил Оторок, пытаясь принять гордую и мужественную позу.— Я просто не люблю все эти технические изыски. И никогда не жил в крупных городах.

— Не поздно начать. Ты же сам говорил о своей образованности. Разве может умный и образованный гном бояться простого современного города? — Алексей покачал головой.— Впрочем, ты можешь вернуться в поселок.

Последние слова окончательно наполнили гнома решительностью, и он поплыл за ними, стараясь не смотреть по сторонам и тем более вниз.

— Попытайтесь просто следовать за мной, не забивая себе голову мыслями о дороге,— посоветовала Эйра, плавно ускоряясь.

Вопреки предположениям Алексея для всех без исключения это перемещение уже через пять минут перестало быть сложным и непонятным процессом. Взаимодействие с трубой происходило легко, на уровне подсознания, и вскоре все уже вовсю таращились на проносящийся снаружи пейзаж мегаполиса. Тем более что труба то взвивалась к самым верхним этажам, то обрушивалась с небес к поверхности уличных покрытий. Алексей теперь не замечал своих спутников. Он не мог оторвать взгляд от проносящегося вокруг него величественного города. Эйра была совершенно права, говоря, что город этот отвечает представлениям Алексея о городе будущего. Действительно, именно таким и видел Алексей в своих фантазиях мир будущего.

Тем временем Эйра скользнула в боковой рукав, протыкающий серебристую гладь одного из зданий.

На путников стремительно побежало зеленое кольцо — точно такое же, как на оставшейся далеко позади станции.

— Осторожно! — предупредила Эйра, лихо замедляясь и делая шаг в зал.

Алексею удалось повторить ее маневр если и не столь же грациозно, то хотя бы сохранив на лице выражение достоинства. Как, впрочем, и большинству остальных. Только гном вновь умудрился отличиться. Он, вместо того чтобы тормозить, пригнулся и, долетев до зеленой линии, помчался по залу, пытаясь удержать равновесие. Это ему не удалось, и Оторок с лязгом и грохотом закувыркался по сверкающему чистотой полу.

— Проклятье ложной жилы! — выдал гном новое ругательство, с кряхтеньем поднимаясь.

— Думаю, нам пора подкрепиться,— предложила Эйра, стараясь не рассмеяться.— Это то немногое, что я здесь освоила.

Жестом пригласив всех следовать за ней, она направилась в соседнее с «залом прилета» просторное помещение, отделенное небольшой аркой. Едва путники приблизились к арке, как в полутемном помещении плавно разгорелся мягкий свет. Предназначение этого помещения не вызывало сомнений ни у кого. Небольшие столы, окруженные стульями из странного, похожего на складчатую кожу материала. Массивные сооружения, отдаленно похожие на громоздкие барные стойки. Недоставало лишь самих барменов или официантов.

— Что нам тут делать? — спросил Оторок, в котором вновь зашевелился червь подозрительности.— Свои припасы мы могли бы съесть в любом месте. И намного лучше было бы перекусить на свежем воздухе.

— Здесь воздух всегда свеж,— возразила Эйра с мирной улыбкой.— Свои припасы мы могли бы съесть где угодно. Но мы будем есть не свои припасы.

Девушка, подавая пример остальным, уселась на один из стульев. Алексей мог поклясться, что заметил, как за миг до касания стул потянулся ей навстречу, раскрываясь и едва заметно меняя форму, чтобы садящейся на него было комфортнее. Желая проверить это наблюдение, Алексей не задумываясь плюхнулся на соседний стул. Он совершенно ясно почувствовал, как подался стул, принимая его и словно обволакивая мягкими, упругими объятиями.

— Как это происходит? — спросил он у Эйры.

Девушка пожала плечами:

— Я не знаю всего, господин, но весь город живой. Он просто спит, пока нет никого, о ком можно заботиться. Только механизмы, следящие за чистотой да свежестью воздуха в помещениях, живут своей отдельной жизнью. Но стоит кому-то оказаться рядом с тем же стулом, и он, подобно транспортной трубе, оживает, делая все для комфорта этого существа. Если ты покинешь его, он вновь уснет, дожидаясь следующего гостя.

— Изумительно! — восхитился Алексей совершенно искренне.— Город ждет своих жителей в полной готовности. Именно поэтому, чистый и ухоженный, он производит впечатление обжитого.

— Совершенно верно. И через несколько веков он будет так же чист и жив. И когда бы хозяева ни вернулись, они вернутся в свой обжитой ими дом, словно лишь вчера покинули его.

Слушая разговор, остальные путники расселись на приглянувшиеся места. И тут появился официант. Вернее, официантом в прямом смысле это создание, конечно, не было. Гном вскочил, вскидывая на плечо

секиру, оборотень набычился, косясь на Алексея и готовый в любой миг, не тратя времени на трансформацию, пустить в ход свои огромные кулаки и мускулы. Даже Чолон положил ладонь на рукоять ножа. Эльви осталась внешне невозмутимой. Алексей же, видя, как спокойно отнеслась к появившемуся Эйра, даже бровью не повел. То, что выскользнуло из-за ближайшей стойки, больше всего походило на матово-черного приземистого осьминога, посаженного на большую кастрюлю того же цвета. Эта кастрюля плыла в полуметре от пола. Достигнув замершего в ожидании отряда, осьминог замер, чуть заметно шевеля щупальцами.

— Заказывайте,— рассмеялась Эйра, обводя спутников взглядом.

— Что заказывать? — уточнил Алексей.

— Все, что только захочешь,— ответила девушка, поворачиваясь к осьминогу.— Все, что тебе хотелось бы сейчас съесть или выпить.

— Я не знаю, как это готовится,— нахмурился Алексей.

— Ты слишком сложным путем идешь, господин,— качнула головой Эйра.— Просто представь то, что хочешь. Остальное неважно. Он найдет это в Сути. Все будет совершенно правильным.

На несколько мгновений воцарилась тишина. Потом, так же неожиданно как появился, осьминог на кастрюле исчез, улетев за стойку.

— Это такой же механизм, как и уборщики. Он считал наши пожелания и ушел готовить,— пояснила Эйра.— Я много наблюдала за тем, как город поддерживает свою жизнедеятельность.

— Ты уже делала это? — поинтересовалась Эльви, с интересом глядя на Эйру.

— Что ты имеешь в виду, дорогая? — переспросила та ехидно.

— Ты ела здесь что-нибудь? — уточнила колдунья, не обращая внимания на насмешку.

— Да. И, как видишь, жива и здорова,— успокоила ее Эйра, заметив заинтересованные взгляды остальных.

— Жаль,— буркнула Эльви, теряя к собеседнице интерес.

Осьминог вновь возник из-за стойки, заставив всех повторно напрячься. Правда, на этот раз гном не вскакивал, размахивая секирой. Кастрюля все так же бесшумно скользила над полом, но теперь щупальца существа были заняты разнокалиберными блюдами с едой. Осьминог заложил лихой вираж вокруг сидящих, умудрившись аккуратно расставить блюда на столы. Алексей проводил удивленным взглядом улетающего официанта и вновь повернулся к своей тарелке. Вернее, перед ним стоял небольшой поднос с двумя тарелками и высоким стаканом. Краем глаза Алексей заметил насмешливый взгляд колдуньи, брошенный на его блюдо. И Алексей вполне понимал причину этой улыбки. Дело в том, что на одной его тарелке высилась гора янтарной соломки картофеля фри, на второй топорщился сочной зеленью и потеками сыра огромный гамбургер, а в высоком стакане с соломинкой конечно же боролась со льдом кола.

— Выглядит совершенно натурально,— заключил Алексей, внимательно разглядывая бутерброд.— С такой скоростью этому таракану в «Макдоналдсе» работать надо. Очередей бы не было вовсе.

— Да, пахнет тоже изумительно,— впервые за долгое время подал голос Зур.

Алексей повернулся к оборотню и с изумлением увидел перед ним огромное продолговатое блюдо с

покрытым хрустящей корочкой и специями дымящимся шматом мяса, сравнимого по размерам с ногой тираннозавра. Мясо, вне всякого сомнения, выглядело великолепно, и оборотень невольно уронил несколько капель слюны. К удивлению Алексея, у колдуньи и Эйры заказанные блюда оказались на удивление схожими — овощи, заправленные какими-то соусами, печеные и свежие фрукты. Чолон рассматривал окруженную овощами румяную тушку неведомой птицы. Оторок подобно оборотню не проявил сдержанности при заказе, только вместо шмата мяса перед гномом оказалась огромная фаршированная рыбина. Все сидели, посматривая друг на друга и не решаясь прикоснуться к поданным блюдам. Только Эйра, которой такая трапеза, по-видимому, была не впервой, бесстрашно принялась за еду. Алексей осторожно взял ломтик картофеля и отправил в рот. Горячий, хорошо обжаренный и подсоленный картофель был в точности таким, как в московских фастфудах. Вернее, не таким. Наоборот, он был совершенно другим, таким, каким в том, старом мире он мог быть только в одном-единственном месте. В рекламном ролике... Не раздумывая более, Алексей принялся за еду всерьез.

— Это здесь.— Эйра остановилась перед широкими дверями в торце длинного зала, куда привела сеть транспортных тоннелей.— Я несколько раз была в этом зале, но ни разу не решилась воспользоваться порталами. Мне, конечно, не впервой это делать. Но тары бывали в самых неведомых мирах, и необдуманный шаг в портал может забросить неизвестно куда.

— Ты правильно поступила,— поддержал ее Чолон,— неосмотрительный шаг любому воину не делает чести.

— Я просто боялась,— призналась девушка, не принимая его подыгрывание.— Но ведь иного пути узнать, куда ведет постоянный портал, кроме как войти в него, не существует.

— Если только нам кто-нибудь не подскажет,— пробурчал Алексей, рассматривая матово-черные круги, почти полностью покрывающие пол зала.

Света в зале было совсем мало, но круги виднелись совершенно отчетливо. Ни теней, ни пятен света. Только так же ровно мерцающие багровым причудливые иероглифы в центрах кругов. Иероглифы не повторялись, видимо обозначая совершенно разные пункты назначения.

— Ты видел кого-то, кто мог бы нам подсказать, господин? — расслышав последнюю фразу, удивился настороженно озирающийся Оторок.

— Я не имел в виду хозяев города,— пожал плечами Алексей.— Но здесь наверняка, как и в любом другом городе, есть библиотеки, центры управления, наконец, киоски, в которых продаются карты и путеводители.

— Это долгий путь исследования,— возразил Чолон, забыв, что совсем недавно хвалил Эйру за осмотрительность и осторожность.— Много лет можно просидеть за книгами, даже если нам и удастся найти библиотеку.

— Я знал, что вы все меня поддержите,— ухмыльнулся Алексей и, стремительно преодолев несколько метров, шагнул в центр одного из кругов.

Никто не успел глазом моргнуть, а там, где только что был Алексей, лишь опадало маленькое мерцающее облачко...

По черным камням, образующим под ногами ровную, гладкую поверхность, причудливыми разводами перетекал черный же песок. Крупные песчинки шелестели по камням, подпевая ветру, который исполнял

органную симфонию во вздыбившихся черных скалах. Небо, совершенно чистое и ясное, могло бы принадлежать совершенно иному миру — так контрастно сочеталась синь с чернотой поверхности. Но, несмотря на прозрачное небо, пекла не было. Солнце, в отличие от неба довольно тусклое, давало лишь столько тепла, чтобы не было холодно. Даже глаз не слепило, когда Алексей посмотрел на него. Но было во всем окружающем нечто непонятное, от чего у Алексея вдруг защемило сердце.

За спиной хрустнул под тяжелым телом песок, обиженно царапая гладь камня. Алексей обернулся, убеждаясь, что, оправдывая его ожидания, первым последовал в неизвестный мир Зур. Сейчас оборотень крутил головой, высматривая потенциальную угрозу и бычась. Спустя мгновение, словно дружные сестры, появились Эйра и Эльви. И уже следом, как горох из прохудившегося мешка, просыпались остальные.

— Бесплодные рудники! — ругался вечно недовольный Оторок.— Этот мир похож на преисподнюю. Ни воды, ни растений. Хорошенький портал мы выбрали.

— На все воля Господа,— почему-то возразил Алексей, вызвав изумленные взгляды спутников.— Этот мир наверняка не весь таков, как это место. Для чего, интересно, тарам этот мир понадобился? И почему мы попали сюда первыми?

— Не поминай...— отозвался гном.

— Таров сложно понять,— пожала плечами Эйра.— Они могли просто наслаждаться его красотой, как любуются красотой творений художников. А очутились мы здесь потому, что к тебе, господин, этот портал оказался самым близким.

Только сейчас, после слов девушки, Алексей подумал, что окружающий мир и правда необычайно

красив. Именно необычайно — той красотой, какой могут быть красивы бескрайние нагромождения ледяных торосов или опаленные солнцем огромные барханы. Небольшое поле, вымощенное огромными плоскими каменными плитами, больше всего напоминало заброшенный горный аэродром. Со всех сторон это поле окружали валуны, едва достигающие в высоту колена, перемежающиеся башнями причудливых скал, в которых играл ветер. За ними вдали, освещенные тусклым солнцем, громоздились пики черных гор — огромные и величавые. И даже не подходя к очерченному валунами краю, Алексей почувствовал, что эта площадка венчает собою одну из таких гор. Подойдя же к самому краю, он убедился, что сразу за оградой из камней распростерлась прозрачная пустота. Отвесные стены уходили вниз, в бездну, на дне которой ничего не удавалось рассмотреть. Оборотень обошел площадку по периметру и, не найдя никакого намека на спуск, покачал лохматой головой.

— Отсюда нет пути вниз,— пояснил он.— С этой площадки можно лишь наблюдать.

По периметру поля, разбросанные на равных интервалах, виднелись круги порталов, очерченные причудливыми знаками. Лишь в центре, словно древний обелиск, громоздилась каменная плита в два человеческих роста.

— Смотрите! — воскликнула Эльви, останавливаясь около этой плиты.— Здесь древние руны. Еще с тех времен, когда не было многих миров. Лишь Создатель со своим народом.

— Ты знаешь эти руны? — поинтересовалась Эйра, почти завистливо глядя на колдунью.

— Многие, но далеко не все,— покачала головой Эльви.— Однако общий смысл я понимаю.

— И чем там? — поинтересовался Алексей.

— Здесь написано, что именно в этом мире первоначально жили... жили...

— Кто? — подстегнул нетерпеливо Алексей.

— Я же говорила, что не все тут понимаю,— огрызнулась Эльви.— Этот символ, древний как мир, обозначает не то что-то священное, не то кого-то почти столь же древнего, как сам Господь.

— Не самым близким,— подал неожиданно голос Чолон.

— Что? — удивилась колдунья, чьи размышления нарушила непонятная фраза лесного стрелка.

— Не самым близким,— повторил Чолон.— Этот портал был не самым близким к господину. Я, следуя за ним, обогнул по крайней мере три более близких портала.

— Мой возлюбленный господин,— продолжила Эльви, словно вспомнив что-то,— это твой народ вышел из этого мира. Мы попали в колыбель твоих предков. Здесь они жили до тех пор, пока Создатель не призвал их.

— Если это так, где они? — усомнился Алексей.— Мы все бессмертны, так ведь? Значит, кто-то должен непременно здесь остаться.

— Немногие остались из твоего народа, господин,— проворчал Оторок.— Сомневаюсь, что с ними могли поступить так же, как с тарами. Скорее всего, они сами ушли в бесконечно далекие миры. Сеют Жизнь, Закон и Веру. Теперь я понимаю, почему тут нет лестниц.

— Так я здесь могу узнать, кто я, даже без вашей помощи? — догадался Алексей, пропуская мимо ушей слова о лестницах.— Раз уж этот мир принадлежал мне?

Он вновь осмотрелся, все так же чувствуя щемящую тоску от созерцания окружающего мира. И еще он

чувствовал, что вовсе не желает быть археологом в этом мире. Да и стоит ли, коли все его знания в единстве с Сутью? Неожиданно он принял решение совершенно противоположное его словам: пройдя отделяющее его от порталов расстояние, он, вновь никого не позвав, шагнул в круг.

— Господин, прошу тебя, не делай так больше,— попросил Оторок, выкладывая из котомок захваченную с собой нехитрую снедь.— А то однажды мы можем не успеть за тобой. Или попросту портал затворится, или еще что случится, о чем даже подумать страшно.

Все неторопливо занимались подготовкой к ночлегу, устраивая лежанки вокруг разгорающегося костра, таская дрова и хворост, собирая ужин. От портала далеко не уходили, несмотря на то что он оказался односторонним — Эльви прочла это по рунам. Теперь вокруг путников уносились ввысь стройные стволы вековых деревьев, почти таких же как у города таров, но много больших по размеру. Алексей почувствовал себя лилипутом у подножия этих исполинов. С одной стороны деревья выходили к берегу большого на вид озера с чистой, подпитываемой родниками водой. От портала до озера оказалось не более пятидесяти шагов. Поэтому именно на берегу путники и решили встать на ночлег.

— Я уверена, что мы опять в мире таров,— повторила Эйра свои первые после выхода из портала слова, присаживаясь рядом с Алексеем у костра.— Все то же самое. И главное — я чувствую здесь ту же защиту от внешнего мира.

С другой стороны, коснувшись бока Алексея, уселась колдунья.

— Что происходит, мой господин? — зашептала она ему на ухо.— Ты действуешь очень странно. И притом совершенно нелогично, с моей точки зрения.

Алексей насмешливо покосился на нее:

— А почему ты спрашиваешь господина, почему он поступил так, а не иначе?

Эльви испуганно вздрогнула, но, заметив его усмешку, расслабилась:

— Я бы не посмела, мой господин, если бы ты уже стал тем, кем должен стать. Но ты же сам знаешь, что ты пока еще как слепой котенок в нашем мире.

Алексей задумчиво кивнул:

— Не знаю, почему я так поступил. Будто что-то толкнуло. Я даже не размышлял...

— Это плохо! — всполошилась Эльви.— Думаю, кто-то тебя нашел и теперь ведет куда-то, возможно в западню.

— Куда? — усмехнулся Алексей, размышляя о том, что из всех страхов его спутников в реальной жизни не воплотилось еще ничего действительно опасного.

— Это знает только ведущий,— ответила колдунья совершенно серьезно.— Но скоро мы все это узнаем. Вряд ли нас будут водить слишком долго.

— Рудники преисподней! Что ты говоришь, ведьма?! — возмутился оказавшийся рядом Оторок.— Ты своим ведьминским языком обязательно хочешь накликать беду на наши бедные головы! Господин просто ищет свою Суть, поэтому и скитается, неприкаянный между мирами, пытаясь найти верную дорогу. И никто не направляет его.

Эльви насмешливо хмыкнула и отвернулась, всем своим видом показывая, что в присутствии трусливого гнома не собирается продолжать этот разговор.

Тем временем довольно быстро темнело. Лес наполнялся ночными звуками подобно любому здоро-

вому лесу любого из множества существующих миров. Из ближайших зарослей подлеска, не сломав ни веточки, совершенно бесшумно выскользнул Зур. Оборотень совершал свой караульный обход, безропотно исполняя роль бессменного часового. Почувствовав на себе взгляд Алексея, Зур кивнул: все нормально,— прежде чем исчезнуть в зарослях с другой стороны поляны.

— Мы вернулись в мир таров,— сказала Эйра.— Здесь мы в безопасности. Не стоит раньше времени кликать беду, в этом Оторок сегодня прав.

Фыркнув как кошка, Эльви ушла помогать Чолону собирать хворост.

— Она недоговаривает что-то, господин,— предположила девушка-воин почти безразличным тоном.— Не стоит верить всему, что она говорит.

— Где-то я это уже слышал,— усмехнулся Алексей, глядя вслед удаляющейся колдунье.

Ему вдруг пришло в голову, что стоит пойти помочь Эльви «собирать хворост». Память услужливо подбросила воспоминания про ночь под луной.

— Кто такие нелюди? Вампиры и оборотни? — спросил Алексей, вместо того чтобы потакать своим желаниям.

— Да,— ответила Эйра.— И еще другие. Людей не так уж и много.

— А нежить?

— Нежити бесчисленное множество. Правда, название это совсем неправильное. Это ведь не мертвецы какие. Такой нежити нет. Нежить — это всякие паразиты, разные создания, и не звери и не разумные... А многих создали с определенной целью. Часто нежить охотится за кем-то или охраняет что-то. И живет столько, сколько создавший ее хозяин запланировал. Ча-

сто нехорошие дела именно с помощью нежити делаются.

— Ты знаешь, я вот одного понять не могу... — начал высказывать свои размышления Алексей.— Все перепутано и непонятно. Смерти нет, но за тяжелые прегрешения ее можно получить. Все практически бессмертны, но над всеми есть Закон. Кто-то Закон охраняет, но Забытый мир наполнен теми, кто им пренебрег. И какие-то войны. А в то же время боги и ангелы...

— Это был вопрос? — усомнилась Эйра, не дождавшись продолжения.

— В Забытом мире все религии говорят о загробной жизни. И, как я уже понял, это совершенная правда — смерть там, есть освобождение...

— Не всегда,— возразила девушка.

— Да, помню, самоубийцы, неискупившие и так далее... Но ведь здесь нет ни рая, ни ада. И свет и тьма перемешаны еще больше, чем в Забытом мире.

— Здесь все проще и сложнее. Этого никогда не рассказать, ты просто сам все увидишь, обретя Суть. Здесь не проще и не тяжелее. Здесь жизнь, просто она иная.

— Здесь надо есть, спать и заниматься сексом так же, как и там.

— Что из перечисленного тебе не нравится? — усмехнулась девушка.— Кто-то должен есть, для того чтобы поддерживать энергию своих тел. Ведь у нас эти тела невечны. Просто мы, родившись вновь, помним свое прошлое. А кто-то не нуждается в пище физической, обладая большей мощью. Их тела могут принимать разные формы, они почти бессмертны, они не просто тело с руками и ногами. Но есть и много большее, чему я даже для себя не знаю определений. Суть его весь мир, а могущество безгранично. И по-

нимание всех точек зрения, как и возможность найти пути их разрешения.

— Но если так велико могущество, то почему бы не сделать мир совершеннее?

— Этого я не знаю,— пожала плечами Эйра.— Спроси об этом Оторока. Он очень умный, ученый гном, хоть и трусоват. Или свою Эльви... Я просто наслаждаюсь жизнью, понимая, что имею право на глупости и ошибки.

— Ну что ж,— Алексей вздохнул, поднимаясь,— ты пытаешься рассказать мне много больше, чем остальные. Спасибо. Пожалуй, я лягу спать.

Что-то разбудило Алексея, словно толкнувшись в его ладони. Будто небольшой теплый зверек пытался выбраться из пальцев. Алексей посмотрел на руку, но никакого зверька не увидел. Тем не менее сон прошел, словно и не было его. Алексей поднялся и, разминая затекшие суставы, подошел к озеру. Неожиданно над гладью воды вспыхнул голубой, почти ультрафиолетовый огонек. Алексей присмотрелся, и ему вдруг показалось, что далеко, почти над серединой озера, открылась дверь, впустив в ночь немного света с другой стороны. В следующий миг огонек исчез. «Почудилось»,— отмахнулся от своих видений Алексей. Он вернулся к костру, размышляя о том, сколько еще непонятного ему надо понять, прежде чем он сможет жить здесь так же, как жил до этого в Забытом мире.

— Не спится, господин? — спросил подкладывающий ветки в костер Зур.

— Мысли всякие,— пожал плечами Алексей.— Я вот думаю...

— Тихо! — напрягся неожиданно оборотень, шевельнув ушами и раздув ноздри.

Видимо проснувшиеся раньше, но не подающие виду, у костра приподнялись Эйра и Оторок, подобно Зуру вслушиваясь в окружающее. Алексею почудился какой-то всплеск. Не такой, как плещет мелкая озерная вода о кромку берега. Словно что-то живое, пытаясь выбраться, разрушило спокойную гладь воды. Алексей, опередив всех, скользнул к берегу, не говоря ни слова. Он лишь почувствовал, как, словно волк на охоте, сорвался с места оборотень. Первым достигнув берега, Алексей сразу наткнулся на что-то живое. Не было сказано ни слова, но он почувствовал, что этому живому нужна помощь. Ни мгновения не раздумывая, Алексей подхватил небольшое тело, ощущая на руках кого-то похожего на ребенка. Когда он уже шагнул прочь от воды, все вокруг озарилось фиолетовым светом. Обернувшись, Алексей опешил. Совсем близко к берегу, над самой гладью озера, прямо в ночном воздухе висела открытая дверь. Именно из нее и лился этот неестественный сине-фиолетовый свет. Но самым удивительным было то, что в этом открытом дверном проеме стоял то ли маленький, скрюченный старичок, то ли уродливый карлик в длинных одеждах и скрытой огромным капюшоном головой. Единственное, что почувствовал Алексей наверняка,— взгляд в упор, злой и жесткий, которым пробуравил его стоящий на пороге неведомой двери.

— Беги, господин, беги! — закричала оказавшаяся рядом Эльви.— Это гнор!

— Я нашел кого-то в воде,— забормотал Алексей, отступая и неотрывно глядя на стоящего в проеме двери.— Ему нужна помощь.

— Рудники преисподней! Это же тар! — заорал заметивший ношу Оторок, который выбрался из ближайших зарослей со своей секирой.— Бежим!

— Гнор появился! — не унималась колдунья.— Мы не готовы!

Ближе всех к отступающему Алексею жался Зур. Но это вовсе не было проявлением страха. Напротив, он, уже полностью трансформировавшийся, сейчас находился на линии между своим господином и неведомой ему опасностью, которая так напугала всех.

— Не может быть! — опешила Эйра, понимая, кто лежит на руках Алексея, и не веря своим глазам.— Значит, мы не можем бежать и обречены.

— Мы должны бежать и спасти тара,— подал голос молчавший до сих пор Чолон.— Гнору нужен тар. Пусть Зур, как самый сильный, несет его отсюда. Пусть бежит со всех ног.

— Зур! — крикнул Алексей уже на бегу, и оборотень, поняв желание господина, выдернул безвольное тело из его рук и в несколько скачков скрылся в зарослях.

Все бросились прочь от озера, уже не скрывая своего страха. Алексею передалось общее состояние, и он улепетывал во все лопатки, слыша вокруг топот и хруст ветвей. Правда, уже через несколько секунд он понял, что им не уйти. Существо, что все называли гнором, в мгновение ока оказалось на берегу, даже не коснувшись водной глади. Капюшон длинного балахона вспух, вырастая в три человеческих роста и превращаясь в подобие огромной, колышущейся змеи. Поняв всю бесплодность своих попыток убежать, Алексей вдруг принял совершенно неоправданное решение. Он остановился, подхватив попавшуюся под ноги палку размером с бейсбольную биту. Развернувшись к врагу, он поднял над головой это свое оружие, ожидая встречи с совсем не страшным с виду противником. Алексей почти не сомневался, что его и по местным меркам крепкая фигура, и нависшая тяжелая палица одним

своим видом остановят этого недоразвитого карлика. Но произошло все совершенно иначе. Трепещущая змея обрушилась на него. И ее прикосновение не было прикосновением легкой материи, отпущенной играющей с ней ветерком. То, что ударило Алексея, просто отшвырнуло его с пути, как рассекающий воду нос лодки отбрасывает водомерку. Перевернувшись в воздухе, Алексей больно грохнулся о толстый ствол векового дерева, выпустив палку из рук. Злобно ворча то ли проклятия, то ли неведомые, недобрые молитвы, карлик шагнул дальше, но на его пути снова возник человек. Капюшон начал вспухать, опять поднимаясь огромной змеей. Однако теперь Алексей не стал наивно ждать, как в первый раз. Он прыгнул на карлика, рассчитывая на успех в рукопашном бою. До врага оставалось меньше шага, когда превратившееся в множество языков струящегося пламени полотнище капюшона рухнуло на него, оплетая холодными объятиями, вознося вверх. Алексей не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, как ни старался. А объятия сжимались все сильнее, грозя расплющить, сломать, смять...

И тут из зарослей ударила тяжелая стрела. За ней вторая, третья. С другой стороны полетели легкие стрелы, пытаясь найти брешь в защите гнора. Однако эти стрелы не наносили ему никакого вреда. Полы балахона закружились, отражая летящие жала, словно невесомые птичьи перья. Алексей вдруг почувствовал, что путы ослабли, одновременно замечая стоящую в прогалине среди деревьев точеную женскую фигурку, озаренную светом луны. Девушка плела руками паутину, словно ловя тонкими пальцами сам лунный свет, превращающийся в серебряные, почти осязаемые нити. Алексея отлично помнил, что это значило. Из ближайших зарослей с яростным боевым кличем выскочил гном, вскинув над головой тяжелое лезвие се-

киры. Карлик лишь едва заметно повел плечом, и Оторок, подобно Алексею, отлетел в сторону, гулко ударившись о ствол дерева.

И тут Алексей вновь почувствовал шевеление в руке. Только теперь это уже не был мягкий, теплый зверек, робко толкающийся в ладони. Вместе с его яростью, клокочущей в груди, сила, холодная и безжалостная еще больше, чем острая сталь, рвалась неудержимо наружу. Холод этого спокойствия захлестнул Алексея, перемешавшись с яростью и дав понимание своей новой мощи. Перестав бороться с путами, он как сквозь воду скользнул сквозь них вниз, словно в воронку водоворота, проваливаясь в круговерть пламени. Черный меч, полностью сформировавшийся и опущенный сейчас параллельно телу, рассекал материю. Материю, превратившуюся под его напором из живой тверди в кружащуюся на ветру ткань. Алексей влился в это падение, превратившись с мечом в единое орудие и в глубине души успевая удивляться, как ему теперь легко и понятно все в этом бою. И когда карлик вскинул вверх лицо, вернее, темное пятно со светящимися пятнами глаз, он был уже обречен. Он еще успел удивленно вскрикнуть, словно увидел нечто для себя совершенно неожиданное, прежде чем меч рассек его надвое. На землю упали лишь распавшиеся лохмотья балахона. А Алексей так и замер — присев после падения на одно колено и уперев меч в землю, над которой мгновение назад шел странный бой. Сейчас он боялся любым движением спугнуть это ощущение, которое нахлынуло на него. Его меч пел. Пел, будто живой, песню — то тоскливую, то грустную. И эта песня, льющаяся на древнем, никому не ведомом языке, была слышна только ему. Он слышал ветер над вольными степями и гомон давно ушедших народов. Он слышал, как скатываются песчинки по бокам то-

скующих о своей молодости пирамид. Он слышал счастливый вскрик родившегося мира и тихое дыхание старости.

— Века мне работать на бесплодных рудниках, если он не прикончил только что гнора! — заорал Оторок, даже не успев отыскать отлетевшую в кусты секиру.— Он прикончил гнора! Господин вспомнил, кто он такой!

Песня оборвалась, и Алексей рухнул на землю, пораженный не напряжением минувшей битвы, а тем бесконечным нечто, что приоткрыл ему меч.

— Рад, что оказался в такой миг рядом, мой господин.— Чолон, вышедший из зарослей с опустевшим колчаном, поклонился.

— Нет,— ответил обоим Алексей, осматривая свои пустые ладони.— Я ничего не вспомнил. Я даже не знаю, как это произошло. Я просто...

— Просто захотел, и свершилось,— подсказала Эльви, внимательно глядя на Алексея.— Тогда пойдем. Нам надо отыскать Зура. Ведь ты не только убил гнора. Ты еще и тара нашел.

Совсем не так представлял Алексей тех, кто бесстрашно «бороздит» бесконечные просторы миров, исследуя, собирая знания, познавая. Тех, кто, по словам его спутников, бросил вызов богам и не склонил головы пред гневом их. Тех, кого боялись все спутники Алексея, за исключением Зура, который, казалось, вообще ни перед кем не испытывал страха. Тех, в конце концов, кто умеет строить великолепные совершенные города. Алексей мог бы представить их красивыми гигантами... ну хотя бы ужасающими, давящими своей мощью и видимым преимуществом. Сейчас Алексей сидел у костра, рассматривая все еще находящегося

без сознания тара. Тщедушное тельце последнего было укрыто шерстяным походным одеялом. Непропорционально большая голова с маленькими носиком и ротиком и огромными закрытыми сейчас глазами. Примерно так в Забытом мире представляют большинство пришельцев, прилетающих на тарелках и других НЛО.

— Ты уверен, что хочешь дождаться его пробуждения? — спросила Эльви едва слышным шепотом, подойдя к одиноко сидящему Алексею.

Все остальные путники разложили еще один костер поодаль, словно боялись оставаться в непосредственной близости от ужасного тара.

— Я много нового для себя открыл, вывалившись из Забытого мира, и много кого увидел. Мне кажется, что этот тар, измученный и страдающий, не представляет сейчас для меня угрозы. Мы можем ему помочь,— значит, надо попытаться это сделать, только и всего. Не волнуйся за меня, все в порядке.

— Ну как знаешь,— пожала плечами девушка.— Если передумаешь или станет скучно, приходи к нам, мы всегда ждем.

— Спасибо,— улыбнулся Алексей, провожая взглядом уходящую колдунью.

Все еще улыбаясь, он повернулся к своему костру и замер — в упор на него смотрели огромные, бездонно-черные глаза тара.

— Ты уже очнулся,— пробормотал Алексей, просто чтобы нарушить затянувшуюся паузу.— Надеюсь, тебе лучше?

— Я не представляю для тебя угрозы,— заверил большеголовый тонким, тихим голосом, неотрывно глядя Алексею в глаза.— Кто ты? Я не вижу...

Алексей вновь, как уже много раз за время своего пребывания в этих мирах, почувствовал, как что-то буквально шевелится в его голове под пристальным

взглядом тара. Тар пытался проникнуть в сознание Алексея, чтобы понять, кто перед ним.

— Меня зовут Алексей. Правда, рассказать тебе больше я вряд ли сумею. Я оказался здесь нечаянно, попав сюда из Забытого мира,— ответил Алексей, даже не подумав сообщить своим спутникам о том, что тар пришел в себя.— Как твое имя?

— Мое имя Лийни,— представился большеголовый.— Я чувствую, что знаю тебя. Или знал... Но не могу понять... Не сейчас...

— Лийни? У меня много вопросов, и, если ты не возражаешь, я буду задавать их, отвечая взаимностью,— предложил Алексей.— Я не могу найти себя, хотя все говорят, что в этих мирах я жил.

— Спрашивай,— кивнул тар, все еще не отводя взгляда.

— Не знаю даже, с чего начать,— замялся неожиданно Алексей.— За тобой гнался гнор. Почему? Где все тары? Почему ваш мир пуст?

— Много вопросов, на которые непросто дать быстрые ответы.— Крошечный ротик изогнулся в подобии улыбки.— Но ты ведь хотел узнать что-то про себя. Я сбежал, поэтому гнор и гнался за мной. Тары в большинстве своем пленены колдунами Черного круга. Остальные, кто успел, разбежались по мирам столь далеким, что другие члены братства колдунов не смогут дотянуться до них. Отвечать обстоятельнее слишком долго и сложно.

— Но почему же ты бежал именно сюда? Почему не скрылся в тех бесконечно далеких мирах? — удивился Алексей.

— Я искал тебя в нашем мире,— серьезно ответил тар.

— Меня? — переспросил Алексей, размышляя о том, насмехается сейчас над ним большеголовый или

просто говорит иносказательно.— Когда ты собирался бежать, меня еще не было в этом твоем мире.

— Ты именно тот Потерявшийся, который, по предсказанию, сможет вернуть народ таров домой.

— Вернуть народ таров? Из плена? А я слышал, что таров осудили за то, что вы себя к богам приравняли,— возразил Алексей, отвечая столь же прямым и пристальным взглядом глаза в глаза.— И как же я смогу вернуть твой народ, если я не в состоянии ни вернуть себя в Забытый мир, ни вернуть связь со своей Сутью в этом мире?

— Ты победил гнора, и теперь ему придется заново расти и строить себя, искать свои пути назад и набираться силы,— пояснил большеголовый.— Я не знаю еще, кто ты, но все сходится. Предсказание не обманывает, хоть и может быть неверно истолковано. Если ты готов испытать судьбу и, возможно, найти себя в этом мире, ты должен попытаться спасти мой народ.

— Ты сам-то понимаешь, о чем и кого просишь? — Алексей невесело усмехнулся.— Я не знаю ничего о самом себе и больше всего похож на беспомощного иностранца, который, оказавшись в чужой стране, ко всему прочему, попал под машину и получил обширную амнезию. Чем в моем положении я могу помочь целому народу?

Говоря все это, Алексей ничуть не лукавил. Тоже нашли спасителя народов. Хотя... Да он до сих пор с некоторой тоской вспоминал свою понятную и управляемую жизнь в том мире, который здесь все называют не иначе как Забытым. Но и самого себя обманывать Алексей не мог — помимо растерянности, которая совсем недавно полновластно хозяйничала в его душе, появился целый сонм новых ощущений. И теперь Алексей знал наверняка, что, приди вот сию минуту некто могущественный к нему и раскрой портал к

стоящему у Битцевского парка «ауди», он не вернется до тех пор, пока не поймет все, что должен понять. И в дополнение к этим мыслям из закоулков памяти зазвучали эхом слова мудрого Игора: «Ты должен пройти сам все, что тебе предначертано. И измениться. Именно это главное для тебя сейчас — измениться так, чтобы быть готовым принять всю меру ответственности за свои дела и за тех, кто тебе верен. Это страшное бремя. Но только ты сумеешь его вынести. А для этого ты должен искать и брать на себя то, что кажется неподъемным. Только тогда ты найдешь свою Суть и сумеешь стать самим собой...»

— Я совершенно уверен, что не ошибаюсь, обращаясь с этой просьбой именно к тебе,— возразил терпеливо тар.— Ты Потерявшийся и сам должен найти свою Суть в бесконечности мира. Ты пойдешь в этом поиске своей дорогой, но она очень близка к дороге таров, потерявших свой мир. Ты сейчас слаб и сам нуждаешься в помощи. И, идя рука об руку в поисках нужного каждому из нас, мы и найдем то, к чему стремимся. И при этом оказанная друг другу помощь не превратится ни для кого из нас в неоплатный и непосильный долг.

Некоторое время Алексей размышлял над словами тара. Сначала ему показалось полным идиотизмом просить помощи у утопающего, который с задачей спасти себя и то неважно справляется. Но с другой стороны... В таких делах вряд ли стоит обращаться к тому, кто может оказать тебе помощь, едва пошевелив пальцем. Даже не вряд ли, а просто нельзя. Ибо, выбравшись из одного рабства, ты сразу же попадешь в другое. И пусть даже это новое рабство окажется более благожелательным. Ведь, получив жизненно необходимую тебе помощь от такого владыки, ты просто не сможешь вернуть свой долг иначе, кроме как распла-

тившись всей своей жизнью. А в ситуации с союзом таров и Алексея можно выскользнуть из этой ловушки, расставленной Судьбой. То есть просить помощи у того, для кого ответная помощь окажется столь же значимой. А он, Алексей, как раз и есть тот, кто так же отчаянно нуждается в помощи, хотя и не столь срочной. Впрочем, кто знает...

— Так что же произошло с твоим народом? — перевел разговор на интересующую его тему Алексей.— Мне было бы интересно услышать твою версию. Ты зовешь меня на помощь, а сути своей проблемы не рассказываешь. Разве я похож на бычка, которого без объяснения можно за веревочку на бойню завести?

— Предсказание...

— Что случилось с тарами? — оборвал его Алексей, поднимаясь.— Или ты сейчас отвечаешь на мои вопросы, или мы расходимся по своим тропкам. Мы проводим тебя до города и — аста ла виста, беби.

— Хорошо,— согласился после непродолжительного раздумья Лийни.— Ты можешь поступать, как сочтешь нужным и правильным, господин. Я не вправе требовать. Но я не смогу тебе рассказать всей истории, как народ таров заслужил свою кару. Мы совершили ошибку. Постыдную, ужасную. Возгордились... Говорить об этом не стану, потому что мне больно и стыдно за свой народ. И за содеянное мы и понесли эту страшную кару. В наказание нас объявили изгоями. Для тех, кто преступал в отношении нас законы и установленные границы, наказание перестало быть неотвратимым. И тогда начались все беды таров. Казалось, весь мир, как голодная стая стервятников, набросился на нас. И мы, считавшие себя до той поры сильными, гордыми и независимыми, пали на самое дно.

Тар умолк, словно погрузившись в свои воспоминания, где чистое небо над его счастливым миром

вдруг заволокло черными тучами нескончаемых бед. Алексей вернулся на свое место, заметив, что у соседнего костра заметили их общение. Теперь, не покидая своих мест вокруг костра, его спутники превратились в слух, стараясь не упустить ни единого слова, сказанного страшным таром. Но и Алексей сейчас пытался разобраться в собственных мыслях и эмоциях, поэтому он не отвлекал тара от воспоминаний. Однако через несколько минут Лийни очнулся от созерцания прошлого и неожиданно твердым голосом продолжил:

— Сегодня все законы в отношении таров опять действуют. Но все плохое, что могло произойти, уже свершилось. Из сложившейся для нас теперь ситуации,— нам уже не выкрутиться самим. Мир устроен справедливо. Поэтому мы понесли страшное наказание. И именно по той же причине, пройдя через предначертанные нам беды и осознав и искупив свои ошибки, тары получили право на помощь. И об этой помощи я прошу сейчас тебя, господин. А ты волен поступить только так, как велят тебе твое сердце и твоя голова.

Утро выдалось прохладным. Почти осенняя бодрящая свежесть неумолимо одолевала теплые объятия сна. Но проснулся Алексей вовсе не от холода, а от ощущения, что кто-то аккуратно и заботливо укутывает его походным одеялом. Алексей открыл глаза и увидел склонившуюся над ним Эльви.

— Ты уже не спишь, мой возлюбленный господин? — прошептала колдунья, и Алексею показалось, что она укрывала его одеялом в надежде на то, что он проснется. Не иначе девушка хотела о чем-то поговорить, пока остальные еще видят сладкие сны.

— Уже не сплю,— подтвердил он с улыбкой, приподнимаясь на локте.

От девушки приятно пахло какими-то терпкими травами, и вся она была так красива, что в Алексее неожиданно шевельнулось острое желание. Память услужливо подбросила воспоминание о последних страстных минутах, случившихся еще в Абидосе. Бросив взгляд по сторонам, Алексей убедился, что все еще во власти сна. Только скупая подстилка Зура уже пустовала — оборотень носился по лесу, наслаждаясь свободой и охотясь за дичью к завтраку. Алексей мягко вскочил на ноги и пошел за Эльви, уже заскользившей в сторону от костра.

— Да, я хотела переговорить с тобой с глазу на глаз,— кивнула Эльви, останавливаясь.— Если ты не возражаешь.

— Конечно.

Желание так же стремительно отступило, вспугнутое мыслями о таре и необходимостью принять решение.

— Послушай меня, мой возлюбленный господин... — зашептала колдунья, прижимаясь к плечу Алексея.— Твой вчерашний разговор с таром... Мы не готовы сейчас к ответственности за целый народ. Мы не можем найти во тьме свой путь, тычась во все стороны словно слепые щенки. А он просит тебя о слишком большом одолжении. О смертельно опасном для тебя одолжении.— Девушка шептала торопливо, боясь, что Алексей прервет ее, не позволив высказать все тревожащие ее мысли.— Не сомневайся в моей преданности, мой возлюбленный господин. Я пойду с тобой на край света и за его край. Я умру, если тебе понадобится моя жизнь, но я не хочу, чтобы ты, не осознав величины опасности, понес кару за свое благородство и желание помочь несчастным тарам...

Она замолчала, не отрываясь от его плеча, и Алексей почувствовал, что она ждет его реакции.

— Что же ты предлагаешь? — спросил он, не найдя других слов.

— Всего лишь немного обождать,— ответила она по-прежнему шепотом.— Надо идти своей дорогой и найти свою Суть. А уж потом, с высоты возвращенных мощи и знаний, ты сумеешь и верно оценить положение таров, и наиболее эффективно помочь им, если таковым будет твое осознанное решение.

Неподалеку хрустнули ветки — из зарослей появился Зур, легко тащивший на плече тушу молодой косули. Алексей ни на миг не сомневался, что оборотень не выдал бы себя ни единым звуком, если бы не посчитал это необходимым. С его уникальными способностями он мог бесшумно проскользнуть сквозь густой бурелом, а не то что пройти сквозь редкие заросли, окружающие поляну. Не иначе Зур еще издали и увидел, и услышал разговаривающих и не хотел, чтобы его приняли за подслушивающего.

— Я принес для нас завтрак, господин,— негромко пояснил оборотень, и Алексею даже показалось, что на его лице проскользнула тень самодовольной улыбки.

— Мы договорим позже, если ты не возражаешь, мой возлюбленный господин.— Эльви улыбнулась, но вот в ее улыбке как раз ни удовольствия, ни радости не было.

— Только если ты хочешь поговорить еще о чем-то,— качнул головой Алексей.— Потому что эта тема исчерпана. Я подумаю надо всем, что ты сказала, но обсуждать тут больше нечего.

Он направился к ожившему лагерю. Настроение отчего-то испортилось, и в голове даже мелькнула мысль, что не стоило ходить с Эльви на этот разговор.

Ведь все сказанное ею и без того занозой сидит в его голове. Лучше бы он пошел на поводу у своих животных желаний и не дал девушке начать этот разговор, заняв ее более приятным делом. Как раз успели бы до пробуждения всего лагеря...

Зур на пару с Отороком вовсю колдовали у костра, споро разделав тушу косули и теперь поджаривая сдобренные лесными травами ломти нежного мяса над углями притушенного костра. Мясо только начало румяниться, но аромат над поляной стоял такой, что было странно, отчего это все охотники, рыщущие в поисках беглецов, не примчались сюда, ведомые столь чудным запахом.

Пока завтракали, солнце выбралось на видимую часть небосвода, вступив в непримиримую схватку с утренней прохладой. Конечно, силы оказались неравны, и вскоре утренняя свежесть отступила, сдавшись теплу зреющего дня. С аппетитом съев пару кусков сочного мяса, а затем, уже без оного, еще один, Алексей вновь задумался. На него с новой силой накатило желание крепко зажмуриться и очнуться в Москве, возле своей машины. Калейдоскоп мелькающих событий развенчивал все надежды на такое возвращение, убеждал в нереальности происходящего, но ведь надежда умирает последней...

— Ты не возражаешь, если я присяду возле тебя, господин? — пробасил над ухом Алексея голос Оторока.

— Садись, не стесняйся,— кивнул Алексей, чувствуя, что настроение продолжает катиться под откос.

— Прости, если я отвлекаю тебя от важных мыслей, господин,— начал гном, едва коснулся пятой точкой бревна,— но я не могу не поделиться с тобой своими тревогами.

— Делись,— пожал плечами Алексей, понимая, что и на этот раз не сумеет правильно поступить, уйдя от разговора, как совсем недавно с Эльви.

— Я нечаянно слышал твой вчерашний разговор с таром, господин. Потом долго думал, не мог заснуть всю ночь...— Оторок помолчал, а затем, решившись, затараторил: — Не стоит тебе идти на помощь тарам. Не будет от того добра ни им, ни нам. И им не поможем, и тебя от беды уберечь не сумеем. Ведь не в силах ты еще, не в знании...

Алексей вскинул руку, останавливая торопливые фразы гнома:

— Я подумаю, друг, обязательно подумаю, прежде чем принимать окончательное решение.

Гном кивнул и, вскочив с бревна, заковылял к костру. А Алексей вдруг ощутил, что упрямое желание влезть в проблемы беззащитного, маленького Лийни после слов Оторока стало лишь острее, словно комариный укус, который забылся было, но, растревоженный неосторожной рукой, зачесался с новой силой.

Ближние заросли бесшумно раздвинулись, выпуская на поляну Эйру, ускользнувшую куда-то вместе с лесным стрелком еще до завтрака. Она выглядела явно довольной, хоть и не спешила рассказывать о причине своего хорошего настроения. Через мгновение после нее на поляну вышел и Чолон, как всегда спокойный и молчаливый.

— Эйра, девочка, ты едва успела до того, как этот прожорливый оборотень сожрет все, что возможно съесть! — нарочито весело воскликнул Оторок, хотя Зур отложил несколько больших кусков для ушедших еще перед началом завтрака.

— Уверена, что ты позаботился, чтобы нам осталось немного еды,— ответила девушка, понимая, что гном просто скрывает какие-то иные эмоции за этим ра-

достным обращением к ней, которую он почти не знает.— Тем более что особо долго рассиживаться мы не станем.

Она отыскала глазами Алексея и решительно направилась к нему. Чолон тенью следовал за ней по пятам.

— Мы нашли дорогу к городу таров, господин,— доложила девушка, остановившись в двух шагах от Алексея и вперив в него прямой и чистый взгляд.— Теперь я могу без проблем довести нас до города. Доставим тара к нему домой и двинемся дальше.

— Ты ведь не пойдешь у этого представителя самой напыщенной нации всего сущего на поводу? — подал голос Чолон.— Они никогда не принимали чью-то сторону, и сейчас он наверняка хочет только воспользоваться твоим разрывом с Сутью, чтобы отвлечь внимание от себя...

Алексей порывисто поднялся с бревна и шагнул к костру:

— Зур! Ты не хочешь со мной поговорить?

— О чем, господин? — изумился оборотень, бросая растерянные взгляды на притихших спутников.

— О том, что мне не стоит ввязываться в какие-нибудь аферы и искать приключений на свою задницу,— пояснил Алексей.

— Я? — еще больше удивился Зур.— Я пойду с тобой, господин, в какую бы бездну ты ни направлялся. Я с честью умру, и, даже если мне не дано возродиться вновь, имя мое не будет обесчещено сомнением в решениях и делах моего господина.

Алексею вдруг стало неудобно от того, что он накинулся на единственного во всем отряде, кто, пожалуй, действительно не раздумывая бросится за ним и в огонь, и в воду. То ли не умел оборотень задумываться, то ли молчанием проявлял доблесть бес-

страшного воина, не сомневающегося в абсолютной правоте и правильности решений его ярла. Но только Алексей открыл рот, чтобы дать волю словам, как Зур взвился, буквально подпрыгнув на месте и еще в воздухе начиная трансформацию. И тотчас на поляну хлынули чужие, рев атакующих стеганул по ушам, зазвенело оружие...

Алексей несколько долгих мгновений растерянно озирался, не понимая, что происходит. Остальные сориентировались мгновенно, организовав оборону вокруг самого главного — своего господина. Только маленький тар испуганно юркнул за спину Алексея, совершенно верно оценив место, которое будут лучше всего защищать. Первыми из зарослей выскочили не меньше десятка уродливых тварей, более всего похожих на воскресшие трупы людей. Только черты их были нечеткими, будто струящимися. У Алексея мелькнула мысль о копошащихся червях, хотя, конечно, никаких червей на них не было. Одинаково черные, они двигались стремительно и четко. Из каждой руки их торчало по длинному узкому лезвию, казавшемуся продолжением черной, струящейся плоти, и неведомые твари пользовались ими весьма умело. Следом стремительно мчались создания, относящиеся, скорее всего, к животным неведомой Алексею породы. Поджарые, как у доберманов, тела на длинных когтистых лапах и приплюснутые головы, состоящие из одних только мощных челюстей с кинжалами зубов. У «псов» совершенно не видно было глаз, но, судя по уверенным движениям, никакого дискомфорта от этого они не испытывали. Этих зверей Алексей увидел примерно столько же, сколько и нелюдей. Чолон и Эйра даже на столь малом расстоянии, притом стремительно сокращающемся, умудрились вогнать в нападающих не меньше чем по три стрелы каждый. Эйра убила одного

и ранила двоих. Стрелы Чолона не оставляли раненых. Отряд нападающих не обладал подавляющим численным перевесом, и сами нападающие это отлично сознавали. Как сознавали они и то, кто является основной целью их атаки. И они рвались, почти не обращая внимания на потери, стараясь добраться до этой цели во что бы то ни стало. Оторока, встретившего атаку первым, буквально смели, когда лезвие его секиры завязло сразу в нескольких телах, бросившихся на верную смерть. Чолон и Эйра, взявшиеся за мечи, а также Эльви, отпрянувшая в сторону и плетущая теперь нити заклинаний, не могли всерьез задержать нападавших, сами едва успевая отбиваться от насевших врагов. И только Зур оказался той стеной, перед которой стремительная атака сломалась, замедлив свое продвижение. Могучий оборотень, представший во всей своей боевой красе, буйствовал как обезумевший, матерый медведь в стае ослабленных долгой зимой волков. Его рвали и рубили, но он отмахивался страшными когтями, не уступающими клинкам нелюдей, рвал врагов зубами, от вида которых Спилберг умер бы от страха. А главное, крутясь как юла, он не позволял никому приблизиться к Алексею. Правда, при каждом броске к крови и кускам плоти врагов теперь примешивалась и его кровь, обильно льющаяся из многочисленных ран.

С пронзительным криком гарпии Эльви бросилась в заросли, из которых недавно выметнулась атака.

И тут Алексей очнулся от оцепенения, нахлынувшего на него с появлением первого нападающего. Он поднырнул под вздыбленную лапу Зура, которая уже слишком медленно опускалась на головы врагов, сшиб плечом кого-то из нелюдей, оказавшихся на его пути, пинком отбросил в сторону «пса» и очутился в самом

центре схватки. И меч вновь запел гордую древнюю песню...

Смертоносным смерчем пронесся Алексей по поляне, и каждый удар его достигал цели. Никогда еще он не чувствовал себя так легко, будто все тело, вспомнившее сокрытые в глубинах памяти боевые навыки, налилось нескончаемой энергией и силой. Не отставая от него ни на шаг, следом двигался Зур, перехватывая тех, кто пытался приблизиться к господину сзади или сбоку. Через несколько минут все было кончено. Над поляной нависла усталая тишина. Алексей пробежал по своим товарищам взглядом, убеждаясь, что все живы. Только Эльви не было видно на поляне. Он бросился в те заросли, куда она скрылась во время боя, боясь даже думать о том, что могло с ней случиться. К счастью, колдунья нашлась почти сразу. Эльви сидела на коленях в полном изнеможении, а рядом валялись трупы двоих облаченных в черные одежды мужчин. Услышав шаги Алексея, девушка подняла голову.

— Это вампиры,— едва слышно произнесла она.— На тебя охотятся сейчас все кому не лень. Нам повезло, что это всего лишь вольные искатели славы и наград, а не охотник. Иначе все уже было бы кончено. Хотя они пытались использовать магию. Почти бесполезную магию Забытого мира.

Приглушенный стон раздался за спиной Алексея. Он стремительно обернулся, ожидая увидеть не замеченного ранее врага, но увидел только осевшего на землю бледного как смерть оборотня.

— Как он? — встревоженно спросил Алексей, присаживаясь на корточки у распластавшегося на траве Зура.

Не надо было быть медиком, чтобы понять: парень совсем плох. Даже мощи организма оборотня недоставало бороться с такими ранами. Пытающаяся помочь Эльви только качнула головой. Ее силы были слишком истощены схваткой с вампирами, и их не хватало на лечебные заклинания. Неожиданно Алексей ощутил горячую волну, побежавшую откуда-то из груди в ладони. Он даже взглянул изумленно на свои пальцы, будто ожидал увидеть отсвет идущего от них жара. В голове не к месту всплыл Чумак, лечивший всю страну от энуреза. Поддавшись порыву, Алексей протянул к оборотню руки и коснулся тяжело вздымающейся груди ладонями. Он готов был поклясться, что за миг до касания под пальцами возникло что-то почти материальное, а затем поток этого внутреннего пламени, которое разгоралось в нем все сильнее, хлынул из наложенных ладоней прямо в грудь Зура. Эльви отдернула простертые над раненым руки, и глаза ее удивленно расширились. Но, сдержав эмоции, она лишь молча наблюдала за происходящим. Минута, другая — и неожиданно Алексей ощутил ледяной холод, обрушившийся на его склоненную спину. Будто кто-то окатил его студеной водой из зимнего колодца. От неожиданности он вздрогнул, перед глазами взорвался сноп быстрых искорок, и мир потух...

— Не делай так больше,— ворвалось в возвращающееся сознание Алексея осуждающее ворчанье Эльви.— Поразительно, как быстро ты обретаешь свои былые умения, но вот сил у тебя совсем мало прибавилось. Так и угробить себя недолго. А что будет с тобой в случае самоубийства, даже наш ученый гном не скажет...

— Что это со мной было? — простонал Алексей, с трудом приподнимаясь и ощущая предательскую слабость во всем теле.— Что с Зуром?

— А что ему будет? — делано удивилась колдунья.— Уполз свои травки искать. Ты ему всю свою силу отдал, и теперь парень хоть опять в бой, чего не скажешь о тебе.

Услышав голос господина, оборотень вышел из ближайших зарослей, действительно торопливо пережевывая пучок какой-то травы. Приблизившись к Алексею, он опустился на одно колено и склонил лохматую голову. Ему нечего было сказать, ведь он и без того полностью принадлежал господину. Так что спасение его жизни лишь давало ему возможность отдать ее за своего господина снова, да еще и с большим толком. Ведь что греха таить — бой с не самыми сильными противниками едва не завершился победой последних. Слишком много посторонних мыслей и эмоций допустили все в сложной обстановке. Слишком много думали о проблемах, перестав из-за этого чувствовать приближение проблем другого рода. Сам же Зур корил себя нещадно, считая только себя единственным виновником того, что враг неожиданно оказался так близко.

Алексей поднялся на дрожащих ногах и окинул всех взглядом. Словно почувствовав его желания, все подались ближе, чтобы ему не пришлось тратить остаток сил еще и на крик. А Алексей вдруг ясно понял, что именно он — по воле случая, по своей глупости или бог знает почему еще — вел этих героев, скорее всего, к гибели. У каждого из них был свой мир, где они жили счастливо, в соответствии со своим представлением о счастье. И вдруг все их счастливые миры лопнули по швам, когда он без приглашения влез в них с одной своей единственной проблемой — невозможностью понять, кто он есть на самом деле. Но стоит ли решение этого вопроса жизней этих людей? Имеет ли он право делать такой размен? Да и ради

чего? Ради какой идеи, святой цели, ради какого будущего? Принести в жертву все их жизни, чтобы вернуться к затерявшемуся на краю Битцевского парка «ауди»? Или найти какую-то свою непонятную Суть, о которой они все говорят? Какие, к чертовой матери, цели ведут его вперед по этим сказочным мирам?

— Послушайте все,— начал Алексей, решившись.— Я тут много размышлял и не мог понять, что со мной происходит. Но одно я сегодня понял и почувствовал совершенно точно. Я понял, какую серьезную угрозу для всех вас я представляю сейчас. У тебя, Чолон, прекрасный город, который верит и ждет тебя. Твои... шотландцы, Эйра, наверняка тоскуют без своей амазонки. Ты, Эльви, намного лучше будешь себя чувствовать, собирая магические тайны по всем мирам. А Оторок, даром что рожден в недрах гор, сейчас мог бы сидеть за мудрой книгой и впитывать знания...

Все внимательно слушали его, не понимая, куда клонит их господин. Только тар прикрыл свои огромные глаза, и непонятно было, что за эмоции скрывают опущенные шторы век.

— Да и у меня самого где-то, не знаю где, есть милый мир, в котором я не так уж и мало добился. Пусть вы и называете его Забытым. Может, я неправильно жил там...— продолжил Алексей, чувствуя, как твердеет голос и перестают дрожать ноги.— Скажу короче. Я никого не вправе удерживать возле себя. Даже не так. Я прошу всех вас разойтись прямо отсюда по вашим родным мирам, по вашим домам. Я бы тоже вернулся. Да и Лийни, думаю, мог бы забросить меня в Забытый мир из своего города... Но я хочу разобраться все же в том, кто я такой. Мне одному будет проще это сделать уже только тем, что я не буду ощущать вины, если, не приведи...

— Не упоминай,— буркнул Оторок автоматически, не глядя в глаза Алексею.

Остальные также потупили взоры, словно Алексей делал сейчас что-то некрасивое. А может, так оно и было... Но Алексей все-таки закончил по инерции:

— ...Если с кем-то из вас что-то случится. Сегодня едва не погиб Зур. Но я не заслуживаю ничьей смерти. Это все.

Повисла тишина. Первой ее нарушила Эйра. Она фыркнула как кошка и огляделась, будто проверяя реакцию остальных.

— Если бы что-то похожее сказал любой другой, я всадила бы в него свою лучшую стрелу. Но это говоришь нам ты... Тебя здорово ударили во время боя, господин?

— Что? — переспросил удивленно Алексей.

— Ты только что сказал нам очень обидные слова, мой возлюбленный господин,— тихо заговорила Эльви.— Можно сказать, усомнился в нашей способности быть людьми. Быть кем-то отличным от диких зверей, без верности и чести и живущих лишь своими желаниями и инстинктами. Я слышала, что в Забытом мире многие считают, что можно оставаться человеком и «просто жить», не служа ничему и никому, кроме себя самого, своих желаний и инстинктов, но не могла и представить, что когда-нибудь услышу подобное от тебя. Нас никто не ведет в путах. Мы по своей воле следуем за господином. Я даже не знаю, есть ли смысл все это говорить, или мне лучше просто пойти поплакать от обиды...

— Не обижай впредь верных слуг своих такими словами, господин.— Гном покачал головой.— По крайней мере, постарайся воздержаться от этого до тех пор, пока понимание не вернется к тебе вместе со связью с Сутью.

— Не о чем тут больше говорить,— заявила Эйра излишне бодрым голосом.— У нас впереди множество дел. А раз уж даже в мире таров на нас умудрился наткнуться отряд этих мерзких кровососов, представляю, сколь много охотников идет по нашим следам. Стоит поторопиться, господин.

Двигались слишком медленно, позволяя Зуру набраться сил, да и Лийни не был способен на марше сравняться с самым слабым из них. Поэтому на полпути к городу пришлось встать на ночлег. Весь день шли молча либо тихо беседуя между собой и избегая не то что обращаться к Алексею, но даже встречаться с ним взглядом. А он шел, мучимый жутким чувством стыда и ощущением обиды. Ведь он же хотел как лучше! Но затем мало-помалу пришло понимание того, что это «как лучше» — отголосок представлений его старого, Забытого мира. Мира-ссылки. Мира-тюрьмы. В котором, как и в любой тюрьме, не так-то много верного и честного...

К вечеру его чувства немного улеглись. Как, вероятно, и у остальных. Потому что, едва разложили костер, к Алексею подсела Эльви. Некоторое время они молча сидели рядом, потом она тихонько произнесла:

— Я... должна предостеречь тебя, господин.

— От чего? — машинально спросил он.

— От ошибки.

— Да я и...— начал было Алексей, но Эльви не дала ему закончить:

— Нет, господин, я не об утреннем разговоре. Я вижу, что ты многое понял и раскаиваешься в своем слепом порыве, а что не понял сейчас — поймешь позднее. Я о... мече.

— О мече? — недоуменно спросил Алексей. Уж с мечом-то по крайней мере все было совершенно понятно.

— Да, господин,— кивнула колдунья.— Мне показалось, что, когда он появляется в твоей руке, ты чувствуешь себя почти всемогущим. Или как минимум более сильным, чем раньше. А это не так.

— Не так? — переспросил Алексей.

— Нет, господин,— обеспокоенно мотнула головой Эльви и поспешно пояснила: — Напротив, *пока* ты стал заметно слабее, чем был до того, как нашел свой меч.

— Как это? — озадаченно спросил Алексей.

— Ты сам меня учил, господин,— терпеливо заговорила Эльви,— ни одна вещь не может сделать тебя сильнее. Даже самая могущественная и магическая. Ибо ты силен только тем, что можешь *сам*. А пока в схватке именно меч ведет тебя, а не ты его. И пока будет так — ты будешь слаб. Сильным ты сможешь стать, если *сам* будешь вести силу.

— Но...— начал Алексей и сразу же осекся.

Ему отчего-то вспомнилось, как он пришел после учебки в свое первое отделение. Из восьми человек личного состава трое были дембелями. Из них двое, Ахмет и Тимур,— кавказцы. Ахмет — чеченец, а Тимур — лакец. И прежде чем он по-настоящему стал командиром отделения, много всего случилось. В том числе и ночной махач в туалете. Зато когда уже стопроцентно *его* дембеля уходили на дембель, Тимур протянул ему руку и совершенно серьезно произнес:

— Ну пока, командир. Удачи тебе.

Они вообще ушли на дембель первыми со всего отряда. Даже раньше блатных и всяких там поваров, художников и водителей. Потому что не было в отряде лучших нарядов, чем те, что выходили из его отделе-

ния. Причем во многом благодаря этим троим. Ибо он действительно *овладел* их силой и смог повести их за собой. А вот его однокашника по сержантской школе Колю Давиденко, обладавшего куда как более внушительной фигурой и ростом, дембеля подмяли. И потому ровно через три месяца погоны Коли вновь стали девственно чисты. Начальник заставы был мужиком серьезным и не терпел, когда человек занимал «не свое» место.

Кстати, с Ахметом они потом пересеклись в Москве. Уже когда у Алексея был свой кое-какой мелкий бизнес, к тому моменту, впрочем, уже поднявшийся настолько, что им заинтересовались достаточно крутые люди. И Ахмет приехал во главе «бригады», которая должна была объяснить несговорчивому лоху коммерсанту, что с крутыми нельзя разговаривать так, как он себе позволяет. Алексей тогда сидел в своем закутке, разбираясь с какими-то накладными, как вдруг дверь в подвал, который они снимали под склад, с грохотом распахнулась — и внутрь ввалилось несколько дюжих кавказцев. У него екнуло под ложечкой, но кроме него в подвале находились только две женщины и Макарыч, пятидесятипятилетний водитель-экспедитор. Поэтому Алексей торопливо сграбастал валявшийся у стены именно на такой крайний случай обрезок водопроводной трубы и выскочил из закутка. Он уже занес трубу для удара (а чего ждать — и так все ясно), как вдруг его остановил изумленный голос, отчего-то показавшийся знакомым:

— Командир, ты?!

Между тем Эльви продолжила:

— Могущественную вещь можно лишь использовать, для того чтобы научиться чему-то такому, чему без нее научиться невозможно. И таким образом стать сильнее. А иначе вещь может овладеть тобой и просто

подчинить тебя, привязать к своей силе настолько, что без нее ты окажешься намного слабее, чем был до того, как ее обрел. И чем вещь сильнее, тем больше эта опасность.

— И что же мне делать? — растерянно спросил Алексей.

— Овладеть его силой,— просто ответила Эльви.

— Но... как?

— Об этом спроси у него. Он же твой меч. И потому не меньше слуга тебе, чем любой из нас...

Город таров встретил путников полуденным великолепием. Ночь и утро прошли спокойно, и теперь хорошо отдохнувшие за ночь и подкрепившиеся остатками запеченного мяса косули путники уже к середине дня оказались у городской стены. Тем более что ночь как бы отделила, стерла вчерашние позор и обиду, и Алексей снова стал чувствовать себя вместе со всеми.

Едва показались пики города, как тар выдвинулся вперед, обогнав всех. Он шел семенящим шагом маленького ребенка, спешащего за взрослыми. Вид родного города придал ему, казалось, новые силы. Лийни уверенно взял на себя роль гида и вскоре, к всеобщей радости, вывел отряд к черному квадрату ворот.

— Добро пожаловать в Тарград,— усмехнулся тонкими губами Лийни, делая ручкой приглашающий жест,— самый прекрасный город на свете!

Путники молча вошли в черный квадрат ворот, и Алексей заметил, как тар с интересом покосился на него.

— Что-то не так? — спросил Алексей.

— Да нет,— пожал плечами Лийни.— Я ожидал, что наши ворота вызовут опасения или хоть какую-то заминку.

— А что в них особенного? — вопросом на вопрос ответил Алексей, пряча улыбку.— Ворота как ворота. В Москве и не такое встречается.

Тар задумчиво нахмурился и засеменил к расположенному неподалеку от ворот сооружению в виде раковины из стекла с разбегающимися в разные стороны прозрачными трубами путепроводов, как две капли воды похожему на то, с которого Эйра начала их первую экскурсию по городу. И именно там развеселившегося тара ждало основное разочарование — вопреки его надеждам все путники, включая даже Оторока, без лишних эмоций шагнули за ним в транспортный тоннель и заскользили следом, словно всю жизнь передвигались таким способом. Лийни заметно погрустнел.

— С чего нам стоит начать наш поход за независимость твоего народа? — тихо спросил Алексей у тара.— К моему стыду, я совершенно не представляю, с чего начать и что делать. Плохой из меня Че Гевара.

— Я не стратег, но в то же время не вижу никакого иного пути, кроме как идти в главную цитадель гноров. Эта цитадель основана в незапамятные времена орденом гноров. И живут там четыре главы ордена, четыре владыки стихий — воды, земли, огня и ветра. Каждый из них владеет магией своей стихии. И именно они являются и головой, и сердцем ордена гноров.

— Ну раз иных путей не видно,— Алексей вздохнул,— то нам остается лишь идти вперед и надеяться, что удача и случай окажутся на нашей стороне. Главное — в драку ввязаться, а там поглядим. Ведь смерти нет.

— Не всегда...— начал было тар.

— Даже если это так, то... разве смерть самое страшное? — внезапно повторил Алексей слова своих соратников. И впервые почувствовал, что да, так оно и

есть на самом деле. Похоже, он все-таки потихоньку начал избавляться от лжи и предрассудков Забытого мира.

В городе таров они провели почти две недели. И виной этому был Алексей.

В первую же ночь он, отдыхая на своем ложе в этом странном и спокойном месте, попытался позвать свой меч. Он так и не заметил, в какой конкретно момент ему это удалось и как именно откликнулся меч, но на следующее утро он проснулся в холодном поту и с ноющими мышцами. Как после первого в своей жизни марш-броска с полной выкладкой. Открыв глаза, Алексей невольно застонал.

— Господин?! — послышался от двери испуганный возглас Эльви. А в следующее мгновение она оказалась рядом и, упав на колени, схватила его руку своей, а вторую положила ему на лоб.— Что с тобой?! Что случилось?!

— А-агх,— прохрипел Алексей, а потом собрался и рывком сел на постели.— Йа-а пытался поговорить с мечом. Как ты и предлагала. А потом не помню...

— А-а,— Эльви облегченно выпрямилась,— тогда понятно.— Она улыбнулась.— Тебе удалось, господин. И меч также показал себя верным слугой. Поэтому у тебя и нет сил, господин. Впрочем...— она хитро взглянула на него и шаловливо провела язычком по красиво вычерченным губам,— я знаю один способ восстановить силы. И он точно помогает не только женщинам-колдуньям...

В последующие несколько дней Алексей просыпался все так же: с гудящими мышцами и чувствуя себя абсолютно выжатым. Но Эльви не оставляла его своей помощью, поэтому он где-то к полудню даже

находил в себе силы, чтобы выбраться из своей комнаты и пообщаться с остальными или посидеть в библиотеке. А еще он все время хотел есть... Но постепенно тело начало привыкать к этим странным ночным тренировкам, и Алексей стал просыпаться уже не столь измотанным. Хотя Эльви он об этом не говорил. Впрочем, похоже, она и сама все понимала, но с готовностью поддерживала его обман, вновь и вновь напитывая его новой силой и... копя ее сама. А спустя две недели он вдруг понял, что просыпается уже не с телом, наполненным болью, а скорее с телом, звенящим от восторга и радости. От ощущения силы, ловкости и идеальной координации, каковых он в себе никогда раньше не ощущал...

И тогда он понял, что им пора в путь. Странное спокойствие, которое навевал сам город таров, расслабляло, словно уговаривая не спешить, отдохнуть еще немного. Но силы уже полностью восстановились, путники отоспались, отъелись, привели в порядок одежду и экипировку. Эльви набрала достаточно сил для колдовства. А значит, нужно было бороться с соблазном продолжить это расслабленное гостевание.

— Я рассудил, что наш путь может оказаться намного более тяжелым, как созерцание бесплодных рудников,— заговорил Оторок, подошедший к сидящему в библиотеке таров Алексею.— А тут и этот недоросший умник подсказал, что из Тарграда можно отправить весточку практически в любой мир. Я и надумал послать приглашение на сечу всем своим родичам. Уверен, что они немедленно явятся на мой зов, особенно узнав, за кем я иду в надежде на славную битву. Если только ты не будешь возражать, господин.

Недоросшим умником гном называл Лийни, хотя и по меркам таров, да и в сравнении с ростом самого Оторока тот вовсе не был недомерком. Вот только в

ширину гном вместил бы в себя не менее четверых таких таров. Впрочем, все эти внешние отличия не значат ровным счетом ничего, когда их обладатели вместе идут к единой цели. А мысль Оторока о том, чтобы позвать на помощь всех, на кого можно положиться, была не лишена здравого смысла. Ведь последний бой показал, что Алексей и его команда вовсе не готовы к каким-то масштабным битвам. Они и от горстки вольных разбойников едва отбились... Чудес на свете не бывает. Хотя с той поры кое-что изменилось, и сегодня Алексей был много сильнее, чем несколько дней назад. А что-то будет завтра? Но помощь действительно не помешает...

— У тебя родилась добрая мысль,— кивнул согласно Алексей.— Если такое действительно возможно, надо использовать каждый шанс.

— На это я и надеялся,— обрадовался гном и торопливо покинул хранилище знаний.

Алексей смотрел вслед убежавшему гному и переваривал услышанное только что. Если из города таров так просто послать весточку в другие миры, расположенные непонятно где и непонятно как, то что мешало маленьким путешественникам научиться отправлять информацию в Забытый мир? И не только информацию. Ведь неспроста такое разительное внешнее сходство таров с якобы пилотами НЛО, изображениями которых из года в год пестрит желтая пресса. Наверняка то, что тары презрели многие общие законы, позволило им проникать с познавательными целями и в сам закрытый для всех остальных Забытый мир. В голове Алексея немедленно забилась мысль: а не попытаться ли и ему пригласить сюда поддержку? Раз уж он и сам здесь вне закона, и мир его простирается с той же стороны права, то отчего не призвать сюда не только друзей, но и наемную силу? Парень, с ко-

торым Алексей несколько раз обделывал неплохие финансовые дела, сам был не из простых. Звали его Серегой, и помимо охранного агентства у него имелись выходы на самых разных людей — как среди лихих ребят, так и среди сотрудников силовых структур. Да и Ахмета можно было отыскать... Перед глазами тотчас нарисовалась картина разборки крепких ребят с автоматами Калашникова в руках с местными уродами, орудующими когтями и клыками. «Дум» просто отдыхает. Отложив информационный кристалл, которым научил его пользоваться тар, Алексей отправился на поиски Лийни. Зур, мирно дремавший в массивном, удобном кресле в углу зала, мгновенно покинул свои сны и бесшумно устремился следом, честно выполняя лежащую на его могучих плечах работу телохранителя господина.

Долго искать не пришлось — Лийни находился в холле гостиницы, в которой остановились путники. Он что-то объяснял стоявшим перед ним Чолону и Эйре. При появлении Алексея все невольно умолкли.

— Послушай, Лийни, я тут подумал...— начал Алексей, жестом отзывая тара в сторонку.

— Никак не получится,— понял его с полуслова Лийни.

— Может, хоть какая-то нелегальная связь?

— Нет, мой господин. Ибо это было как раз одной из причин, по которой мы, народ таров, и были объявлены вне закона.— Лийни мотнул головой столь категорично, что Алексей сразу понял: уговоры бесполезны. А тар продолжил: — Пусть лучше народ таров еще некоторое время пребудет в рабстве, чем я позволю себе еще раз нарушить Закон. И вообще, от вмешательства в дела Забытого мира ничего хорошего не выйдет,— решительно отмел он все надежды собеседника.

— Так ведь вмешиваются же.— Алексей досадливо нахмурился.— Коль даже Оторок сумел меня вытащить, неужто у столь просвещенной расы нет никакого лаза? Не поверю, что вам неинтересно было узнать о Забытом мире хоть что-то.

— Узнать — это одно, а вмешиваться в дела, встречаться с изгоями — совершенно иное.— Лийни был непоколебим.— Пойми, мы действительно бывали и бываем в разных мирах. Но Забытый мир — дело совершенно особое... Да и вряд ли кто-нибудь оттуда сможет тебе серьезно помочь. Они слишком слепы и глупы. И пройдет слишком много времени, прежде чем прибывшие оттуда будут способны хоть на что-то. Во всяком случае, те из них, кто сумеет сохранить рассудок. Но даже и в этом случае почти все изгои никчемны. Их знания смешны и глупы, их силы слабы, а их оружие здесь почти бесполезно, а то и опасно для них самих.

Тут Алексей припомнил, что рассказывали ему об оружии, и, вздохнув, махнул рукой.

— Ну ладно, и без московской братвы справимся.

Переходов двадцать через разные порталы уже осталось за спиной путников, когда тар остановился перед очередным мерцающим кругом на плоском камне.

— Это последний портал, за которым расположен мир гноров,— пояснил Лийни, заметно нервничая.— Ты уверен, Высочайший, что мне не следует пойти с вами дальше, чтобы показать путь к цитадели?

— Мы уже все обговорили,— отмахнулся Алексей.— Иди. Там ты для нас нужнее.

Еще в Тарграде было принято решение, что тар должен будет вернуться от последнего портала в город и терпеливо ждать появления идущих на помощь. И

если таковые окажутся в мире таров, то Лийни должен будет провести отряды через все эти порталы в мир гноров. Все просто, как два файла переслать. Вот только остаться бы в живых до той поры, пока прибудет подкрепление. Алексей тряхнул головой, отгоняя пессимистические мысли, и еще раз махнул пятящемуся тару рукой:

— Иди!

А в следующую секунду шагнул в портал, предпочитая оказаться в мире злобных колдунов первым. Он так разволновался в предчувствии опасности, что вышел по другую сторону портала уже со своим черным мечом в руке, готовый к встрече с врагом значительно больше, чем при недавнем столкновении.

Но в открывшемся перед ним мире целей для меча не оказалось. Портал располагался на невысокой сопочке, совершенно свободной от деревьев. Вокруг этой возвышенности простирался, насколько хватало глаз, просторный, светлый лес. И этим своим простором лес очень сильно напоминал Алексею мир Чолона, с той лишь разницей, что там во время их посещения была зима, а здесь палило знойное летнее солнце. Блекло-синее, чистое небо не удерживало ни единого облачка, а над оголенной сопкой мерцало жаркое марево. Алексей не успел еще воспринять зрением весь этот окружающий мир, а рядом уже втянул воздух, принюхиваясь, оборотень. Он не трансформировался, но и в своем мирном обличье не сплоховал бы перед любым врагом. Алексей в который уже раз мысленно удивился тому, как стоящий в нескольких шагах от него перед порталом Зур оказался в мире таров одновременно с ним. Насколько же быстрым неизменно оказывался оборотень! Спустя пару секунд через портал посыпались все остальные — сосредоточенные,

держащие на изготовку свое оружие, стреляющие внимательными взглядами по подступам к сопке.

Оборотень тронул Алексея за плечо:

— Посмотри, господин.

Алексей поднял голову и успел заметить, как над порталом, одновременно с вышедшим из него последним Отороком, полыхнуло сияние. Словно гигантское зеркало на миг отбросило солнечный свет во внезапно уплотнившийся воздух.

— Что это? — удивился Алексей, ожидая новой вспышки.

— Кто-то уже знает, что мы пришли,— спокойно предположил Зур.— И знает даже, сколько нас.

— Это магический маяк, установленный на портал,— подтвердила его слова Эльви.— Наверняка где-то есть наблюдатели, которые следят за такими знаками.

— Пускай,— пожал плечами Алексей.— Все равно у нас нет иного пути. Так что вперед!

Атака на этот раз не стала неожиданностью — сначала Зур, а за ним Чолон буквально почуяли приближение чужаков, а потом и все остальные увидели их воочию. Ведь в таком просторном лесу весьма затруднительно подкрасться незаметно. Кроме того, нападающие даже не пытались скрыться. Отряд из десятка самых настоящих кентавров стремительным галопом выкатился из небольшой ложбины метрах в семистах от быстро идущих путников. Намерения кентавров нетрудно было понять по потрясаемым в могучих руках лукам и копьям. У одного даже была причудливая алебарда на длинной рукояти. С улюлюканьем и гортанными выкриками они мчались в атаку, и Алексей невольно подумал о том, как неуютно, наверное, чув-

ствуют себя воины, на построение которых лавиной мчится целое войско кентавров. Но мысль эта не слишком долго задержалась в его голове, потому что хоть и не настолько серьезная, но совершенно реальная опасность стремительно приближалась. Чолон и Эйра неторопливо вышли вперед и, воткнув по нескольку стрел перед собой, плавно натянули тетивы своих длинных луков. Эльви встала за ними и зашептала на древнем языке слова заклинаний, замедляющих движения врага. Простые, короткие луки кентавров на таком расстоянии были совершенно бесполезны, и через несколько шагов атакующих лесной стрелок и девушка-воин получили возможность безнаказанно разить врага. Они больше не медлили, целясь, а били в привычном быстром темпе. Чолон держал по две стрелы в воздухе, Эйра лишь немного уступала ему. Правда, одной стрелы чаще всего не хватало для могучих кентавров, и стрелкам приходилось всаживать в цель две, а то и три стрелы. И тем не менее, когда атакующие приблизились на расстояние двухсот шагов, с которого их луки могли поразить цель, от десятка осталось лишь половина, да и из них двое уже были ранены. Поэтому, выпустив, не целясь, по одной стреле, кентавры развернулись и помчались прочь. Стрелки успели добить раненых меткими выстрелами по удаляющимся целям, но трое человекоконей все же сумели избежать смертельных укусов стрел. Тяжелый топот вскоре стих совсем, но путники еще долго прислушивались к тишине. Только Чолон с Эйрой, трусцой перебегая от тела к телу, собирали свои стрелы.

— Рудники преисподней! — нарушил молчание Оторок.— Наверняка это был дозор, и теперь они скачут к армии таких же громил. Нам придется столкнуться с целой ордой.

— Ты испугался, старый ворчун? — поинтересовалась ехидно Эльви.

— Я?! — взвился гном, крепче ухватив обеими руками рукоять тяжелой секиры.— Я готов сражаться один с целым войском этих коней и победить! Разве может гном испугаться вьючных животных, где-то подобравших копье?

— Нам надо двигаться быстрее, господин,— заметил вернувшийся Чолон, игнорируя перепалку колдуньи с гномом.— Скорее всего, это был отряд охотников. Но как бы то ни было, нам стоит постараться уйти отсюда как можно дальше.

— За чем же дело стало? — удивился Алексей.— Надо двигаться быстрее,— значит, будем бежать. Мне кажется, среди нас нет никого, кто не выдержит небольшую прогулку бегом. Здоровее будем.

— Это точно,— поддержал его лесной стрелок, подразумевая под «здоровьем» саму жизнь и кивая оборотню.

Зур плавно ускорился, мгновенно теряясь среди стволов деревьев. Алексей только хмыкнул, отметив, что, будь вместо десятка кентавров десяток оборотней, все наверняка сложилось бы не так однозначно. Тем временем отряд перешел с шага на рысь, вытягиваясь в колонну по одному. Впереди бежал Чолон, ведя товарищей по невидимым следам оборотня, за ним двигался Алексей, потом Эльви и Эйра, а замыкал группу Оторок. Гном бегал на удивление хорошо, несмотря на короткие ноги, малый рост и огромную секиру, которую во время бега он держал или в одной руке, или двумя перед грудью. Несмотря на то что за последнее время (особенно после «ночных занятий» с мечом) сил у Алексея прибавилось, да и ощущать себя он стал совершенно иначе, он слышал, что создает шума много больше, чем все остальные, вместе взятые.

Одно утешение — теперь многокилометровая пробежка не представляла для него особого труда. Главное— держать размеренный, спокойный ритм. Алексей даже мог позволить себе бежать и размышлять о разном. В армии, помнится, на марш-броске все мысли уходили прочь — только отупение и надрывная усталость.

Через час бега Зур выскочил из кустов, возвращаясь к друзьям. Но не успел он ничего сказать, как на уровне неслышимых вибраций все почувствовали приближающийся топот. Оборотню только и осталось, что выкинуть руку, обозначая направление, откуда приближается опасность. Лес вокруг рос значительно гуще, чем у сопки с порталом, поэтому надеяться на столь же продуктивные действия Чолона и Эйры не приходилось.

Кентавры выскочили в зону видимости на расстоянии двухсот метров или даже несколько ближе. По численности этот отряд если и превышал первый, то лишь на одного-двоих воинов. Они скакали молча во весь опор и, только поняв, что замечены, разразились яростными боевыми воплями. Чолон выпустил из рук длинный лук и мгновенно выдернул из колчана короткий лук и легкие стрелы. Вместе с Эйрой они даже умудрились за те секунды, которые потребовались кентаврам для преодоления оставшегося до путников расстояния, уложить троих...

Первым начал бой все тот же Зур. Никто не заметил, как трансформировавшийся оборотень оказался на одном из деревьев. Но зато, когда кентавры взвыли в едином боевом кличе, собираясь через два прыжка врубиться в горстку приготовившихся к бою путников, жуткий зверь рухнул прямо на спину вожака отряда, едва не вбив его в землю. Одной только обрушившейся массы хватило, чтобы сломать человекоконю хребет, поэтому Зур тотчас прыгнул на ближайшего врага,

сбив его грудью. Еще один неловкий кентавр попытался перепрыгнуть образовавшуюся свалку, но споткнулся и, перевернувшись, распластался прямо перед замершим впереди всех гномом. Оторок планировал, воспользовавшись своим ростом, увертываться от ударов и подрубать конские ноги. Теперь же ему не оставалось ничего иного, как опустить секиру на голову незадачливому врагу. Зур тем временем, еще падая вместе со сбитым противником, умудрился полоснуть его по горлу кинжалами когтей и откатиться назад, к своим друзьям. Оставшиеся на ногах кентавры, не снижая скорости, обогнули павших товарищей с двух сторон и врубились-таки в ряды обороняющихся. Чолон укрылся за деревом, продолжая посылать стрелу за стрелой. Благодаря своему поразительному владению луком он не опасался попасть в кого-то из своих. А Эйра, которая не могла похвастать тем же, взялась за меч и теперь на пару с гномом наседала на яростно отбивающегося кентавра.

На этот раз Алексей не впал в спячку от растерянности, как во время недавнего нападения вампиров с нежитью. Ноги будто сами знали, как и куда шагать. Руки вполне *привычно* вели свою вязь. Тело слушалось так, будто каждое движение было отработано десятилетиями упорных тренировок. Впрочем, возможно, так оно и было. Ибо на то, что ты делаешь с телом за годы *снаружи*, мечу, укрытому внутри тела и потому способному обратиться к мышцам, связкам и нервным волокнам *напрямую*, потребовались всего лишь считаные недели... Один из кентавров оказался перед Алексеем. Вскинув копье, удерживаемое за самый кончик древка, он вознамерился не бросать его, а наколоть на него противника, словно бабочку на булавку. Легким и плавным движением Алексей ушел от летящего в грудь наконечника, одновременно рывком выходя

на близкую дистанцию. Меч свистнул, подрубая нападающему ноги. Заметив боковым зрением несущегося к нему нового врага, Алексей рубанул снизу вверх, рассекая и грудь коня, и грудь человека. И, продолжая движение вверх, распрямился, спущенной пружиной взлетая навстречу второму противнику. Его движение оказалось столь стремительным и неожиданным, что торопящийся на помощь товарищу кентавр даже не успел закрыться копьем. Впрочем, это вряд ли спасло его, когда меч рубанул сверху вниз, многократно утяжеляя удар весом падающего в прыжке хозяина. Теперь меч пел громко и гордо древнюю сагу на забытом всеми языке...

Алексей одним рывком высвободил клинок из тела кентавра, почти разрубленного надвое, и огляделся в поисках нового противника. Но он явно опоздал. Неподалеку Зур медленно возвращался в человеческий облик, стоя над телом разорванного им врага. Эйра с Отороком благополучно изрубили своего противника. Еще один кентавр, видимо получив стрелу, попытался добраться до надоедливого стрелка. Теперь он, утыканный короткими, легкими стрелами, лежал в двух шагах от укрывавшего Чолона дерева. Даже Эльви досталась в этом бою работа — чуть в стороне от других, видимо польстившись внешней беззащитностью девушки, лежал последний из нападавших, все еще дымясь обугленной шкурой и распространяя аромат хорошо прожаренного мяса.

— Проклятье бесплодной жилы! В этот раз никто не ушел живым! — обрадованно воскликнул гном, гордо осматривая поле боя, словно он один тут сражался с целой армией врагов.— На этот раз некому будет рассказать о нас.

— Да,— кивнула с серьезным видом колдунья,— теперь они не будут знать, что мы на их землях. Но в этот раз действительно было немного легче.

Все начали приводить себя в порядок, пытаясь счистить кровь с одежды, обтирая оружие, собирая стрелы. Алексей смотрел на свои ладони и пытался вспомнить каждую секунду минувшего боя — ту необычайную легкость в теле, ощущение силы, песню меча, которую он почти понимал...

— Ты сегодня двигался очень быстро, господин,— негромко похвалил Чолон, оказавшись рядом с Алексеем.— Удивительно, но почти так же быстро, как Зур.

И прежде чем Алексей успел ответить, стрелок отошел, выбирая лучшие стрелы из колчанов поверженных кентавров.

— Он нисколько не преувеличивает, мой возлюбленный господин,— улыбнулась Эльви, прижимаясь щекой к плечу Алексея.— Мы все почувствовали это. Ты отдаешь и нам часть своей силы в бою. Еще не так, как раньше, но мы ее уже чувствуем.

— Я? Часть силы? — удивился Алексей совершенно искренне.

— Конечно. Чем большей силой обладаешь ты сам, тем больше ее щедро отдавал нам в трудную минуту. И мы рядом с тобой становились сильнее, быстрее, умнее, опираясь на эту твою силу. Ты сегодня начал отдавать нам немного своей силы,— значит, ты действительно возвращаешься. И мы на верном пути.

На ночлег остановились, отойдя на некоторое расстояние от места последнего боя. Костер не разводили, ведь в таком редком лесу он как маяк указал бы недругам верное направление к добыче. Поэтому на ужин удовлетворились той пищей, которую собрал им в до-

рогу Лийни. Хотя слово «удовлетворились» применительно к столь разнообразным, пусть и холодным закускам не вполне корректно. Поужинали вкусно и плотно, запивая еду зеленым напитком, напоминающим молодое сухое белое вино. Напиток этот не только отлично утолял жажду, но и заметно бодрил. Замерзнуть без костра тоже не опасались. Во-первых, Лийни позаботился о технологичных походных одеялах, на одну половину которых следовало ложиться, а второй укрываться. Чудо-одеяло создавало для своего хозяина оптимальную температуру. Во-вторых, темнота пока не принесла прохлады, а уж холода ожидать и вовсе не приходилось.

Ночь прошла без приключений, хотя несколько раз слышался звук рога. Но звучал он довольно далеко и не приближался, а каждый раз сильно смещался в сторону. Но поблизости никакой опасности не ощущалось, и даже Зур спал спокойно, не считая того времени, когда выпала его очередь охранять сон остальных.

Именно из-за спокойно проведенной ночи с восходом солнца все легко поднялись, чувствуя себя отдохнувшими и полными сил. Костер так и не разожгли, позавтракав чем тар послал, но не слишком наедаясь, чтобы не отяжелеть. Быстро собравшись, тронулись в путь, вновь ускоряясь до бега.

— За нами следят,— сообщил оборотень, поравнявшись с Алексеем.— Какие-то мелкие твари.

— Может, это просто звери?

— Нет, господин, это дозорные. Скорее всего, из нежити. Слишком быстро двигаются.

— Иного пути у нас нет,— ответил Алексей, чувствуя, что готов идти вперед независимо от того, какие силы встанут на пути. В его душе росло что-то вроде тихой ярости.

Оборотень лишь кивнул косматой головой и умчался в сторону от отряда. С его выносливостью и скоростью бега удавалось легко находиться то с одной, то с другой стороны от путников или убегать далеко вперед.

— Судя по рассказу Лийни, мы вот-вот выйдем к большому озеру! — крикнул Чолон, не снижая темпа бега.— Вон в той стороне, где видны сквозь деревья недалекие уже горы!

— Хоть какое-то разнообразие,— обрадовался Алексей, которому уже порядком надоел однообразный лес.

Предсказание Чолона сбылось через пятнадцать минут — перевалив через небольшой холм, путники увидели потрясающей красоты озеро, искрящееся в лучах жаркого солнца. И тут же рядом возник Зур, по встревоженному лицу которого все сразу поняли, что опасность все же их настигла.

— Большой отряд кентавров, господин,— доложил оборотень, втягивая воздух раздувающимися, как у зверя, ноздрями.— Идут по нашему следу. И еще один отряд из почти двух десятков воинов быстро движется нам наперерез. Избежать встречи нам не удастся.

— Проклятье ложных алмазов! — только и воскликнул гном.

— Надо ускоряться,— решил Алексей.— И постараться покончить с передним отрядом до подхода преследователей. Иначе нам придется иметь дело со всеми разом, да еще и действовать на два фронта. Вперед!

Словно подхлестываемые невидимым бичом, все бросились вперед, выхватывая оружие. Бросок оказался столь стремительным, а направление, заданное Зуром, столь правильным, что путники выскочили прямо в фланг отряду кентавров. Роли немного переменились, и теперь кентавры оказались дичью, на ко-

торую внезапно вышел охотник. Устремленные, по их мнению, наперерез добыче, они пренебрегли безопасностью и теперь за это поплатились: в первые же мгновения отряд кентавров потерял четырех бойцов — стрелы Чолона и Эйры, клыки стремительного Зура и огненный шар, пущенный Эльви, сделали свое дело. А в следующую секунду полыхнуло безумие рукопашной...

Алексей метался, рубя налево и направо. Меч казался невесомым и послушным как никогда. К тому же Алексею казалось, что он начал видеть на триста шестьдесят градусов вокруг себя. Ничто не ускользало от его взгляда и разящего меча. Но когда победа казалась уже близкой и неотвратимой, неподалеку взревел рог — и окрестности огласились воплем двух десятков глоток. Им вторили другие голоса, похожие на звуки горного обвала. Рубанув мечом очередного противника, Алексей повернулся на звук, и волосы его поднялись дыбом. Несущиеся в атаку в километре от места завершающегося боя кентавры показались совершенно ничтожной проблемой по сравнению с новым противником, лишь незначительно отстающим от быстроногих кентавров. Доставая макушками до вершин крон деревьев, огромными шагами приближались три гиганта, по уродливости превосходящие всех монстров, каких Алексей видел до этого.

— Горные великаны,— сообщил Чолон совершенно спокойным голосом, только что почти в упор застрелив из лука последнего кентавра из сражающегося отряда.— Нам не удержаться против них, господин.

— Значит, пришло время проверить на практике, действительно ли смерти нет! — рявкнул Алексей, ощущая, как звериная ярость, бурля, наполняет все его существо.

Эльви рассмеялась и прокричала непонятные слова, воздев руки к солнцу. Метрах в пятистах от наступающих врагов раздался новый рев, в точности повторявший боевой клич кентавров и горных великанов. Там выскочил из зарослей еще один отряд, по численности совершенно равный подходящему. Точно так же впереди мчались кентавры, а за ними спешили три гигантских монстра. Только атаковали они не Алексея и его спутников, а своих соплеменников.

— Это фантомы! — крикнула Эльви, бесстрашно сверкая глазами.— Они отвлекут, но не смогут причинить вреда. Сейчас я попробую доставить им еще больше хлопот. А вы не теряйте времени, пока враги тоже не поняли, что это лишь фантомы.

Горло Алексея исторгло грозный, нечеловеческий рык, эхом метнувшийся по верхушкам деревьев. Он бросился вперед, туда, где смешавшиеся кентавры и великаны неуклюже разворачивались навстречу новому противнику, показавшемуся им намного более опасным, чем горстка человечков. Алексей ускорялся, видя рядом скачущего огромными прыжками могучего оборотня в боевом обличье. Позади топали, стараясь не отстать, остальные, кроме Эльви, колдующей в сторонке. И чувствовал Алексей, как кровь, превращаясь в тугие струи жидкого огня, разносится по телу, превращая его в кого угодно, но только не в рассерженного человека...

Фантомы и настоящие кентавры сошлись, когда Алексею оставалось до них не более двух десятков шагов. Два отряда смешались, проходя сквозь друг друга. Настоящие отчаянно пускали стрелы в призраков и метали копья. В ответ летели такие же стрелы от фантомов, только не способные причинить никому вред. Зато пролетающие сквозь призраков стрелы настоящих кентавров время от времени находили свои

цели среди таких же настоящих. Это добавило еще больше сумятицы в действия настоящих кентавров. И в этот момент произошло еще одно событие, сотканное руками колдуньи. Самый большой горный великан, неожиданно взревев, обрушил тяжелую каменную палицу на затылок своего сородича. Череп того лопнул со звуком расколовшегося ледника, и великан рухнул, заставив вздрогнуть землю. Тем временем сошедший с ума монстр махнул палицей, словно метлой сметая сразу двоих попавшихся под руку кентавров. Они перевернулись в воздухе и упали бесформенными грудами мяса.

Алексей преодолел последние шаги, отделявшие его от цели, и, прыгнув совсем как Зур, оказался верхом на спине мечущегося кентавра. О возобновлении атаки никто из копытных, действовавших разрозненно и хаотично, даже не помышлял. Взбесившийся великан непрестанно ревел и размахивал своей жуткой каменной палицей, стараясь достать кого угодно. Примерно так же вели себя и фантомы, все еще бродящие меж сражающихся. Кентавр не сразу среагировал на упавшую на спину тяжесть, и Алексей умудрился на скаку рубануть мечом пробегающего мимо кентавра. Брызги крови подтвердили, что это не призрак. Кентавр, на котором сидел Алексей, развернулся всем человеческим торсом, пытаясь ткнуть наглого человека копьем. Легко отразив этот удар, Алексей одним взмахом снес ему голову и тотчас же соскочил с продолжающего скакать по инерции воина. Меч снова пел что-то героическое, и Алексей вторил ему, наслаждаясь переполняющим сердце азартом битвы. Теперь наконец они стоили друг друга! Время исчезло, как и счет ударам, уворотам, поверженным противникам. И сам Алексей получил пару ран, хоть и не смертельных, но

напоминающих, что он отнюдь не неуязвим. А потом все закончилось... Остались усталость и отупение.

Алексей смотрел, как Чолон добивает из большого лука последнего ревущего, но еще стоящего на ногах горного великана, и не мог пошевелиться. Но вот словно новый источник силы открылся где-то внутри — тепло разлилось из груди, возвращая силы измученному телу. Алексей повернулся, оглядываясь вокруг, и щемящая тревога заполнила его сердце. Оборотень, весь залитый кровью и придавленный телом последнего из убитых им врагов, лежал неподалеку без признаков жизни. Чолон стоял опершись на свой длинный лук, но по пальцам опущенной вниз второй руки стекала ленивыми крупными каплями из-под рукава кровь. Из-под лежащего поодаль огромного тела горного великана торчало вверх лезвие секиры, все руны на которой сейчас скрывала корка спекшейся крови. Эйра сидела на земле, зажимая рукой бок. Кроме Алексея и Чолона лишь Эльви оставалась на ногах, хоть и была бледна, как сама смерть. Страх за друзей захлестнул Алексея. Он дернулся было в желании помочь, как оборотню в прошлый раз. Но как выбрать, с кого начать? Кому помощь сейчас нужнее? И не станет ли слишком поздно, если он ошибется в выборе очередности? В мозгу Алексея запульсировали слова колдуньи: «Чем большей силой обладаешь ты сам, тем больше ее щедро отдавал нам в трудную минуту. И мы рядом с тобой становились сильнее, быстрее, умнее, опираясь на эту твою силу». Он замер, ощутив горячую волну, зарождающуюся где-то в груди, ширящуюся и набирающую мощь. Все, что он успел, это по-настоящему пожелать помочь, отдав каждому из них хоть толику своей жизненной силы и энергии. В груди взорвалось, жар хлынул в плечи и голову. Алексей выгнулся, раскинув в стороны руки и подняв лицо

к небу. Жар вырвался из тела, изливаясь мучительно горячими струями во все стороны. Алексей перестал видеть, слышать и осязать что-либо в окружающем его мире. А потом обрушился смертельный холод, и перед глазами оказалась земля, стремительно бросившаяся навстречу и жутким ударом погасившая закричавшее от холода сознание...

Холод медленно отступал, становясь не таким мучительным, скручивающим все тело жесткими судорогами дрожи. Сознание выползло из непроглядной, холодной тьмы, и он ощутил стороннее тепло. На закрытых веках затанцевали тени, и, открыв осторожно глаза, Алексей увидел неподалеку весело пляшущие языки костра. Сознание вернулось окончательно. Алексей со стоном сел.

— Ты не послушал меня,— прошептала Эльви, оказавшаяся рядом, и в интонациях ее слышалась улыбка.— Ты спас сегодня от верной смерти Оторока. Да и остальным помог несказанно. Не все могут так быстро восстанавливаться и заживлять раны, как Зур. Чолон был совсем плох, хоть и держался на ногах. Думаю, он так и умер бы стоя, просто не позволив себе проявить слабость и упасть. И сам ты, мой возлюбленный господин, только чудом остановился практически за гранью жизни, вернувшись оттуда, откуда обычно уже не возвращаются.

— Все, что нас не убивает, делает нас сильней,— хрипло прошептал Алексей пословицу Забытого мира. И, судя по тому, как удивленно расширились глаза Эльви, понял, что *эти* слова — из настоящих, истинных, а не обычный морок Забытого мира типа: «Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше».

— Ты... верно сказал, господин,— тихо произнесла колдунья, подтверждая его догадку,— но... мы боимся за тебя.

— Вы развели костер,— чуть скосив глаза, констатировал Алексей, желая переменить тему разговора.

— Это была одна из искорок, которая как маяк показывала тебе дорогу обратно,— пояснила Эльви, осторожно прижимаясь к его плечу.— Ты стал холодным, как кусок льда. Да и у остальных сил хоть и прибавилось, но недоставало, чтобы ожить окончательно. Мы с Зуром рассудили, что нам практически уже нечего терять и от костра намного хуже наша ситуация не станет.

— А как Зур? — спросил Алексей, вспомнив окровавленного оборотня, придавленного телом кентавра.

— Намного лучше всех остальных,— успокоила его девушка.— Он даже успел сходить на охоту. И хоть ему и пришлось долго бежать из-за того, что шум битвы распугал всю дичь в округе, он все же притащил двух молодых кабанчиков. Мы смогли накормить всех горячим, сытным ужином и напоить отваром из трав, которые я собрала, пока Зур охотился.

При упоминании о пище Алексей ощутил в животе бездонную дыру, которая яростно требовала наполнения. Голод был настолько сильным, что Алексей готов был есть хоть дождевых червей. Словно почувствовав его состояние, рядом возник оборотень, держащий насаженный на палочку истекающий соком и жирком свежезажаренный кусок мяса. Алексей схватил протянутый кусок и жадно вгрызся, рыча и глотая практически не жуя. Ему показалось, что ничего вкуснее он не ел никогда. Челюсти то и дело сводило голодными судорогами, горячий сок безжалостно обжигал язык и глотку, но Алексей не мог не только остановиться, но и хотя бы просто есть медленнее. Кусок

был съеден, и расторопный Зур сунул ему в руку следующий. Алексей почувствовал себя намного лучше, поэтому вторую порцию съел почти культурно. По крайней мере, он успевал немного разжевать откушенное мясо, прежде чем жадно проглотить. Эльви терпеливо дождалась, пока Алексей покончит со вторым куском, и подала кружку с густым травяным отваром. Душистый аромат напоминал отдаленно запах «дачного» чая, в который идут листья всего, что только можно собрать на дачном участке. Допивая отвар, Алексей ощутил, как осоловело замедляются только что оттаявшие мысли и наливаются свинцовой, необоримой тяжестью веки. Он едва успел вернуть кружку колдунье, как крепкий сон швырнул его на заботливо поправленное девушкой одеяло.

Солнце еще не появилось, и ночная тьма только-только отступила, изгнанная утренним свежим сумраком, когда Алексей проснулся совершенно здоровым и полным сил, будто и не было ни вчерашнего боя, ни полного истощения жизненных сил. Стараясь не разбудить своих друзей, Алексей поднялся и проскользнул на близкий берег озера. Утренний туман покрывал воду, готовясь до последней своей пяди сопротивляться наступающему утру. У Алексея мелькнула мысль о том, как здорово было бы посидеть сейчас на берегу этого чистого и тихого озера с удочкой. А вместо этого впереди ждет поход в неизвестность, битвы, опасности и, возможно, даже смерть. Скинув вместе с одеждой эти размышления, Алексей медленно вошел в бодрящую прохладу спокойной воды и поплыл, наслаждаясь недолгими минутами тишины и покоя. За спиной раздался едва слышный всплеск, и Алексей мгновенно напрягся, выругав себя за беспеч-

ность. Неизвестно, кто может скрываться под этой спокойной на вид водой в этом неизвестном Алексею мире. Или бесшумно подкравшийся к отошедшему от своих соратников беспечному купальщику неприятель надумает воспользоваться ситуацией. Так хищник подлавливает отбившегося от стада одинокого оленя...

Из тумана показалась голова со знакомой гривой красивых темных волос.

— Надеюсь, мой возлюбленный господин, ты не пустишь в ход свой меч, приняв меня за русалку, охотящуюся на одиноко купающихся мужчин,— рассмеялась почти беззвучно подплывающая колдунья.— И раз уж ты совершенно оправился от вчерашнего, могу ли я рассчитывать на малую долю твоей силы?

Она нырнула и выплыла совсем рядом, прижимаясь к Алексею всем своим обнаженным телом. Он почувствовал горячую волну, зародившуюся теперь уже совсем не в груди. Алексей протянул руки, чтобы схватить девушку, но она ускользнула, опять нырнув. Вынырнула в нескольких метрах от него, брызнула водой, приглашая и дразня. Алексей рванулся, сокращая расстояние, но девушка вновь ускользнула из-под самых пальцев. Разгоряченный, он догнал ее уже на мелководье, даже не заметив, что она сама с готовностью остановилась. Мир закружился в безумстве водяных брызг и пламени страсти...

Алексей лежал в воде, наслаждаясь расслабленным состоянием физического счастья. Эльви, полежав рядом с ним несколько минут, почти незаметно ускользнула, как делала всегда. И за это он был ей тоже благодарен. Эльви вообще была чудом, встретить которое, наверное, мечтал каждый мужчина... Наконец окончательно придя в себя, Алексей поднялся и, в последний раз окунувшись, вышел из воды. И тут по

нервам лезвием полоснуло ощущение пристального чужого взгляда. Алексей встрепенулся, осматриваясь и шепотом зовя Зура в надежде, что это его присутствие могло так неадекватно подействовать после расслабляющей близости с Эльви. Бесшумно раздвинув ветви, оборотень мгновенно оказался рядом, но не остановился, а метнулся вдоль озера, словно почуявший дичь охотничий пес. Его огромное тело мелькнуло в дальних береговых зарослях и пропало. И это поведение не добавило Алексею спокойствия, напротив — убедило, что ощущение чужого взгляда не было обманчивым.

Оборотень вернулся ни с чем, но уже по его взгляду было ясно, что он так же встревожен, как и Алексей.

— Здесь кто-то был, господин,— подтвердил он хмуро.— Я чувствовал след. Но странный, будто скрытый, оборванный. Словно след очень старый, стертый ветром и временем. И в то же время свежий. А потом он и вовсе пропал. Я сделал несколько кругов, но так и не обнаружил его продолжение.

Сам факт, что Зур так разговорился, подтверждал сильную обеспокоенность оборотня. Привлеченные разговором, появились остальные.

— Что случилось? — встревожился Оторок, заметив блеск глаз огорченного оборотня.

— Ничего, из-за чего стоило бы волноваться,— твердо ответил Алексей.— Мы все отдохнули, и теперь нам следует поспешить продолжить путь, чтобы не дождаться к нашему жаркому костру непрошеных гостей.

Еще через десять минут отряд бежал в привычном порядке к горам. Битва с участием кентавров и горных великанов, видимо, истощила силы преследователей хотя бы на некоторое время — только этим можно было объяснить совершенно беспрепятственное продвижение к горам в течение всего дня. И путники в

полной мере воспользовались этим затишьем, лишь однажды остановившись для обеда да еще четыре раза перейдя на шаг для недолгой передышки. И благодаря таким идеальным условиям для продвижения вперед путники остановились на ночлег у самого подножия гор.

Когда все готовили свои полевые постели, Алексей вдруг заметил, что Оторок сидит склонившись над своей секирой и бормоча что-то. Осторожно Алексей подошел к другу и положил руку ему на плечо. Гном вздрогнул, несмотря на то что, подходя, Алексей создавал немало шума.

— Что-то случилось, друг? — встревоженно спросил Алексей.

— Да нет, господин, ровным счетом ничего. Просто пришли в голову древние легенды, которые долгими вечерами рассказывала нам с братьями старая тетка, учившая нас грамоте.

— Это, наверное, горы навеяли,— постарался успокоить друга Алексей.— Они похожи на твои родные горы?

— На удивление,— негромко пробормотал гном, переводя взгляд с секиры на едва видимые в вечерней темноте горы.— Словно попал в родные края. Только здесь они значительно выше, как горы в моем далеком детстве.

— Ну да, в детстве все деревья намного выше. А теперь все стало значительно меньше.

— Не обращай на меня внимания, господин.— Оторок улыбнулся благодарно.— Это наверняка просто хандра от вида гор. Она пройдет к утру, и я снова буду в форме. Пусть нам всем достанется сегодня спокойная ночь.

Сон отступил мгновенно, словно изгнанный сильным порывом ветра туман. Привыкший уже к осторожности, Алексей приоткрыл едва заметно веки и медленно осмотрелся. Он даже не вздрогнул, увидев неподалеку хорошо освещенную невысокую фигуру, но в ладони зародился теплый комок — меч готов был явить свою разрушительную мощь ночному миру. Отсветы низкой, уже предрассветной луны едва касались светлого балахона, однако лицо виделось совершенно отчетливо. В первый миг Алексею показалось, что это Игор вышел из своей кельи в Абидосе, чтобы присоединиться к отряду или дать совет. Но секундой позже он понял, что сходство с Игором исчерпывается наличием благородной гривы седых волос и такой же белой бороды. Глаза старца хоть и светились мудростью, но, в отличие от взгляда Игора, оставались слишком холодными.

Старик, несомненно, заметил или, скорее, почувствовал, что Алексей покинул объятия сна и наблюдает за ним в готовности действовать. Сухая ладонь бесшумно выскользнула из широкого рукава, и палец коснулся тонких губ, жестом прося сохранять молчание. Вторая рука качнулась, приглашая куда-то. Алексей не чувствовал ни тени тревоги, даже меч успокоился в ладони. Несколько мгновений Алексей продолжал лежать неподвижно, размышляя, как будет правильнее поступить. Несмотря на отсутствие явной опасности, он предпочел бы сейчас разбудить оборотня. Когда Зур рядом, можно чувствовать себя в полной безопасности от неприятных неожиданностей. Старик повторил манящий жест, и Алексей решился. Совершенно бесшумно он поднялся и шагнул к старцу. Тот немедленно повернулся и повел Алексея в сторону гор.

Некоторое время они шли молча, лишь время от времени старец оборачивался, будто хотел убедиться, что человек все еще следует за ним, и манил рукой. Алексей настороженно прислушивался и присматривался к окружающему, но ничего, что могло бы вселить тревогу, не ощущалось. Да и сам старик теперь, с высоты роста Алексея, выглядел еще меньше и безобиднее. Вскоре они оказались возле вздымающейся отвесно вверх каменной глыбы. Старик вновь поманил рукой и шагнул в неприметную, узкую трещину, которая метров через двадцать закончилась в просторной темной пещере. Старик сделал быстрый жест, и в стенах пещеры замерцали крупные кристаллы, освещающие пространство и отбрасывающие на все находящееся в пещере причудливые тени. С удивлением Алексей начал рассматривать убранство пещеры, состоящее из огромного каменного стола и с десятка черных изваяний, сидящих у стола и стоящих вдоль стен. Эти изваяния, а точнее, черный камень, из которого они были вырезаны, напомнил Алексею скульптуры в Осирионе. Правда, кроме материала, никакого иного сходства не наблюдалось — в этой пещере несли свою безмолвную и недвижимую вахту каменные воины в закрытом доспехе, с мечами и щитами. К тому же скульптор не копировал одну статую с другой — они различались строением доспеха, формой щитов и мечей, словно рыцари, пришедшие из разных государств.

— Долгих дней блаженства тебе, путник,— поздоровался старик; в сильном голосе его звучала мягкая сладость.— Прости меня за неуемное любопытство. Но, живя многие годы в отшельничестве и видя лишь жителей этих краев, я не могу не мучиться любопытством при появлении незнакомого путника. Незнакомого и странного.

— Чем же я показался тебе странным? — Алексей улыбнулся, отрываясь от созерцания ближайшей к нему искусно вырезанной статуи и переводя взгляд на хозяина пещеры.

— Спутники твои вполне обычны. И их сородичи бывают здесь. И многие иные, коих нет ни с тобой, ни в этом мире в настоящий момент. Но ты, хоть внешностью обычен совершенно, другой... Я многие науки изучать пытался наедине с самим собою в недрах этих гор. И многое мне видимо. Надеюсь, больше, чем другим,— подбирая слова, начал объяснять старик.— Но ты невидим для моего разумения. И это непонимание происходящего томит сильнее, чем юношу ожидание обещанного свидания с прекрасной дамой. Я даже, осторожность потеряв, явился в лагерь твой. Спаси меня от мук, дай знание, мне недостающее...

— Ты как-то странно говоришь.— Алексей пожал плечами.— Наверное, действительно долго просидел в своей пещере, философствуя сам с собой. Может быть, для лучшего взаимопонимания, нам стоит представиться друг другу? По крайней мере, там, где я жил, так принято у людей, которые собираются наладить общение.

Старик всплеснул руками:

— Прости меня. За нетерпением узнать я позабыл законов гостеприимства своды. Представиться бы раньше, прежде чем пытать о прошлом гостя своего. Прощения мне нет. Меня зовут... Неглас. Зови Неглас меня. А ты?

— А меня Алексеем зовут. Вернее, звали... Зовут,— запутался Алексей, вдруг впервые подумав, что то, что в Забытом мире его так звали, вовсе не означает, что таково его настоящее имя во всех остальных местах. Все его друзья так лихо уходили от этой темы, называя

его господином, что он даже не пытался найти ответ на этот вопрос, да и вопросом своего имени всерьез не задавался.— Меня зовут Алексеем, но, возможно, есть еще и другое имя или имена.

— Странное имя — Алексей,— заметил старец, словно пробуя на вкус незнакомое имя.— Алексей. К миру какому благословенному сие имя принадлежит?

— Так зовут меня в Забытом мире,— пояснил Алексей, чувствуя, что старик начинает неосознанно вызывать у него симпатию.— Я попал сюда из Забытого мира.

— Быть не может такого! — Неглас снова всплеснул руками.— Как возможно узнику Забытого мира странствовать вольно по мирам другим? Смеешься ты над стариком доверчивым?

— Отнюдь. Мне, честно признаться, самому совершенно не до смеха.— Алексей вздохнул устало.— С тех пор как один из моих спутников вытащил меня из Забытого мира, я только и делаю, что ношусь между мирами, в последний момент ускользая от охотников, идущих по моим следам. Вот и ты говоришь — узник. А в чем я виноват — не понимаю, кто я — не знаю, что впереди и как выбраться из этой передряги...

Он умолк на полуслове, размышляя над тем, что напрасно грузит несчастного философа-отшельника своими проблемами и злоключениями. Тот и так, похоже, не совсем в своем уме. Да и обстановка вполне способствует тому, чтобы, прожив тут пару лет, тронуться. Одним словом — Кащенко.

— Ай-ай! — Старик сочувственно покачал головой.— Хорошо, что мы встретились сейчас. Не печалься, поведай свои Негласу беды. Что в краю этом делаешь ты со спутниками своими? А я постараюсь помочь.

Алексей усмехнулся:

— Да чем же ты поможешь? Мне надо попасть в крепость гноров и каким-то образом их прижать не по-детски. Чтобы сговорчивее стали.

— Сговорчивее? — Неглас нахмурился, но через мгновение тень опять покинула его лицо, уступая место улыбке.— Конечно, могу помочь. Крепость гноров высока, крепость гноров крепка, неодолима для такого маленького отряда. Я помогу собрать для штурма несметную армию. Есть подгорный народ, есть жители лесов глухих, есть непокорные равнинные орки... Много воинов... Или есть силы для того, чтобы крепость взять? Скажи Негласу, признайся, Алексей.

— Ты действительно мог бы собрать этих воинов? — удивился Алексей.— Мы даже не задумывались над тем, чтобы поискать в этом мире союзников. Пока что все, кто нам встречался в этих краях, жаждали только нашей смерти. Потому мы и рассчитывали только на себя. Да еще на удачу, которая в определенный момент подскажет нужный путь. А силы...

Алексей вдруг оборвал себя, заметив слишком внимательный и трезвый взгляд, которого не должно бы быть у полоумного философа. Смутное подозрение шевельнулось в нем, разбудив досаду на себя, что не пнул по пути спящего Зура. Хотя чего тут можно бояться, разговаривая один на один с немощным стариком?

— Значит, на удачу уповаешь? — тихо переспросил Неглас, и у Алексея почему-то волосы шевельнулись на затылке, а в ладони заворочался крошечный теплый зверек.— А что же тебе гноры сделали, пришелец из Забытого мира? Их интересы не простираются столь далеко.

— Друзья попросили подписаться за них,— спокойно ответил Алексей, окидывая пещеру взглядом в поисках каких-нибудь незамеченных ловушек.— А дру-

зьям, как известно, надо помогать. Главное ведь — в драку ввязаться, а там поглядим...

Неожиданно смех гулко разнесся под сводами пещеры. Неглас зашелся злобным гомерическим хохотом, в котором не слышалось ни тени заинтересованности или доброты. Алексей встал к старцу вполоборота, чтобы, если у того вдруг возникнет полоумное желание кинуться на него с каким-нибудь кинжалом, встретить атаку хорошим ударом кулака. Но смех прекратился столь же внезапно, как и зазвучал. Старик стоял прямой и гордый и, несмотря на свой небольшой рост, выглядел сейчас высоким и крепким. Теперь в его облике сквозило холодное спокойствие и зло.

— Я понял тебя,— кивнул он с надменной улыбкой.— Ты так и не сумел найти свою связь с Сутью. Ты не обрел ни своей силы, ни знаний, ни формы... Ты ничтожество, но не понимаешь этого и идешь войной на тех, кто целые миры держит в страхе.

— Ну в отношении миров ты загнул,— Алексей усмехнулся, понимая, что и так рассказал этому старцу, явно прикидывавшемуся ранее не тем, кто он есть, слишком много,— но если тебе такие формулировки греют душу... У нас в Забытом мире тоже немало таких было. В Кащенко и сейчас и Наполеон, и пес знает кто еще апартаменты занимает.

— Ты жалок, хоть и храбришься сейчас.— Старик презрительно скривил тонкие губы.— Здесь тебе выпало умереть. Потому твой славный поход завершится в этом мире. И не будет выхода для тебя отсюда во всех твоих новых рождениях. А твои слишком разрозненные друзья без тебя просто рассыплются, как бусины, лишенные нити. Им тоже суждено стать новыми рабами гноров, ведь, перешагнув черту в движении за тобой, они и сами потеряли защиту Закона.

Ярость нахлынула на Алексея, отбросив все вопросы и непонимание на задний план. Не то чтобы он собрался всерьез сражаться с немощным стариком, но вот отрубить голову злобному старцу желание было велико. Или свернуть его тощую, цыплячью шею. Или просто засветить кулаком в лоб, чтоб не умер, но угомонился...

Алексей ринулся к старцу, сжимая кулаки и все еще раздумывая, не уйти ли просто так, оставив этого сумасшедшего в одиночестве яриться в своей пещере. Но в этот миг старик сделал быстрое движение рукой, будто отмахиваясь от надоедливого насекомого, и непреодолимая сила сшибла Алексея с ног, словно ураган унес пучок соломы. Врезавшись спиной и затылком в каменную стену пещеры, Алексей понял, насколько недооценил и старца, и ситуацию в целом. Впрочем, и старик, похоже, недооценил Алексея. Ибо знал, что только обладающие Силой, могут считаться в этом мире серьезными противниками. Но вот о том, что сила может быть разной, как видно, забыл... Алексей вскочил мгновенно, вернее, упал, как кошка на ноги, только мимолетно опершись о пол одной рукой. Во второй руке уже налился смертоносной тяжестью длинный меч. Старик вновь расхохотался — издевательски, насмешливо и презрительно. Воздев руки к потолку, он пробормотал несколько слов, и, прежде чем Алексей успел броситься на него вновь, каменные истуканы ожили, в едином движении поворачиваясь к Алексею. Они стояли широким полукольцом, вздымая мечи и прикрываясь щитами, пружиня на полусогнутых ногах. И звук их движений совсем не напоминал звук, издаваемый камнем. Алексей ухватил меч двумя руками и замер, дожидаясь, когда первые из нападающих окажутся в зоне досягаемости.

И вдруг воздух пещеры разорвал яростный звериный рев — огромное тело метнулось от выхода, сбив с ног сразу двоих оказавшихся на его пути рыцарей.

— Проклятье мертвых долин! — выкрикнул новое ругательство появившийся следом за оборотнем гном, и его секира с жутким хрустом врубилась в поднимающегося после удара Зура каменного истукана.

— Твои глупые друзья явились разделить твою незавидную участь! — выкрикнул старец обрадованно.— Тем лучше! Закончу все прямо сейчас!

Невидимыми шершнями влетели в пещеру две стрелы, разрезая воздух и целя в сердце беснующегося старца. Но в последний миг он вскинул руку, и стрелы замерли, как замер и Оторок. Лишь оборотень, схватившийся в рукопашной с одним из истуканов, продолжал остервенело крошить камень страшными ударами огромных лап. Алексей сделал стремительный выпад, дотянувшись клинком до ближайшего воина, и голова в глухом шлеме покатилась ему под ноги. Тело сделало еще шаг, прежде чем с грохотом обрушиться на пол. Уже коснувшись пола, павший воин вновь превратился в мертвую твердь и рассыпался на несколько кусков камня.

Неожиданно на лице старца отразилось нечто сродни боли или муке. Он выпрямился, еще больше побледнев от напряжения. Оторок освободился от его чар и взмахнул секирой, бросаясь к следующему врагу. Свистнула еще одна стрела, и на этот раз старец не успел ее остановить. Стрела вонзилась ему в плечо. Старец взвыл, прокричал проклятия и, сотворив сложный пасс обеими руками, исчез, оставив на своем месте лишь мерцающее облачко. И в тот же миг рыцари замерли, вновь превратившись в неподвижные каменные изваяния.

— Проклятье! — воскликнул Алексей, удар меча которого пришелся уже на холодный камень, обдав всю пещеру брызгами каменного крошева.— Я опять вляпался по глупости своей в какую-то задницу.

— Очень плохо, господин, что ты никому не сказал, что отправляешься погулять в горы,— согласился с осуждением гном.— Если бы Зур не чувствовал непонятную тревогу и не следовал постоянно за тобой, все могло закончиться очень плохо. Хвала алмазным россыпям, Зуру достало ума не бросаться за тобой в пещеру, как того требовал его инстинкт, а позвать всех нас. Иначе этот колдун сгубил бы вас обоих.

— Но почему? — спросил недоуменно Алексей, все еще встревоженно озираясь.— Сначала он был совсем другим, а потом его словно подменили. Назвался Негласом. Обещал помощь...

— Его не меняли.— Эльви сочувственно улыбнулась.— И помощи от него ждать не приходится. И имя свое он не произнесет вслух, чтобы не дать незнакомцу власти над собой. Но вот что верно, так это то, что он колдун. Он один из четырех глав ордена гноров, сам владыка земли собственной персоной.

— Владыка земли? — опешил Алексей.

— Точно, мой возлюбленный господин,— кивнула Эльви.— И теперь, вне всякого сомнения, гноры сумеют лучше подготовиться к нашему пришествию. Вряд ли они отнесутся к случившемуся с пренебрежением даже после того, как владыка земли наверняка узнал, что ты ничего не вспомнил. Именно для этого он и заманил тебя в эту пещеру.

— Да, мы действительно разговаривали,— вспомнил Алексей.— Говорили о разном, но он все выспрашивал, на какие силы в войне с гнорами я рассчитываю.

— Точно,— повторила колдунья, и ее улыбка стала печальной.— И твою память высматривал, и силы твои изучал. И знает, что ни на то, ни на другое опереться ты пока не в состоянии. Но еще не поздно, мой возлюбленный господин. Мы еще можем повернуть назад.

— Повернуть назад? — Алексей нахмурился.— А что нам делать там, в этом самом «назад», если мы с этой малой бедой справиться не можем? Вы мне все поочередно намекаете, насколько сильны те, кто за нами по пятам идет. Уж коли тут не осилим, то нигде нам места нет. А справимся, так и опыта больше станет, и память, глядишь, придет. Я чувствую, как с каждым шагом, с каждым ударом меча что-то меняется во мне. Значит, только вперед мне идти сейчас можно. А что касается всех вас...

— Не продолжай, господин,— подала голос Эйра.— Опять обидишь огульно.

— Не буду. Надо же, он говорил о том, что поможет, о том, что армию соберет... Я и поверил всем этим байкам про подгорный народ да про гордых орков.

— Про подгорный народ? Он говорил про подгорный народ?! — взвился бродящий по пещере Оторок.— Что он говорил, господин?

— Да ничего особенного.— Алексей пожал плечами.— Просто упоминал, что в этом мире есть обреченные, но несдавшиеся, те, кто готов пойти против гноров, если только подвернется повод. И упоминал в числе прочих подгорный народ.

— Проклятье бесплодных рудников! — разволновался гном.— Я знал, что это не просто легенды! И руны на секире уже второй день мерцают! Секира чует в недрах гор древние храмы гномов. А только почему же он тебе выдал такую тайну, если легенды о древнем гномьем роде не врут?

— Так он же был уверен, что господин в его руках и живым отсюда не выберется,— предположила колдунья.— А что нам проку от твоей легенды? Ты думаешь привлечь этих гномов к нашему делу?

— А почему бы нет?! — ответил гном, разглядывая действительно тускло мерцающие руны на своей секире.— Легенда гласит, что в незапамятно далекие времена гноры каким-то образом сумели захватить один из древнейших и многочисленных родов гномов. Применив страшное заклятие, гноры обрекли всех членов этого рода после смерти или гибели возрождаться только в этом проклятом мире. Именно поэтому даже сама смерть не может избавить несчастных от уз рабства. Если целый род гномов много поколений обречен находиться под гнетом ненавистных гноров, то они наверняка с радостью согласятся попытать удачи. А нам терять все равно нечего — что обязательства перед тарами, что эти же обязательства еще и перед гномами.

Алексей почувствовал, что появился дополнительный шанс, и тотчас ухватился за него:

— А ты сумеешь отыскать путь к этому древнему роду?

— Руны мерцают,— пояснил Оторок,— значит, древние святыни близко. Резонанс действует на довольно небольшом расстоянии. Других гор, кроме этого хребта, нет в относительной близости. Я постараюсь определить направление, а там уж будем уповать на удачу. Но ведь это намного лучше, чем переться в одиночку в логово колдунов, один из которых только что едва не поставил точку на всем нашем походе.

— Я согласен,— принял решение Алексей.— Определяйся со своими рунами, ищи направление и веди нас. Если мы сумеем найти этот народ, то предложим им союз. А если нет, то убедимся, что это всего лишь

легенда. А теперь давайте уберемся из этой пещеры, а то я от волнения замерз и такой аппетит нагулял, что кабанчика живьем бы, кажется, съел.

Зур, восприняв последние слова Алексея как руководство к действию, метнулся из пещеры, намереваясь принести с охоты побольше свежего мяса. Раз уж теперь все в округе и в цитадели гноров знали о продвижении отряда практически всё, то можно было позволить себе развести костер и приготовить сытный завтрак. Тем более что теперь уже вряд ли кто уснет.

Остальные, заметно повеселев от призрачной надежды, подаренной им гномом, негромко обсуждая происшествие, потянулись из пещеры к покинутому в спешке лагерю.

Успев основательно проголодаться, Алексей так накинулся на куски мяса, щедро отрезанные от принесенного Зуром оленя, что теперь сидел осоловевший и втайне надеялся, что определение направления потребует у Оторока значительного времени. Но его надеждам не суждено было сбыться: Оторок справился быстро. Впрочем, манипуляции гнома заслуживали того, чтобы на них посмотреть. Он раскрыл котомку и достал моток какого-то металлизированного шнура, затем на свет появились что-то вроде ожерелья, кинжал и какое-то устройство, сильно напоминавшее часы или компас. Гном ловко размотал моток, накидав шнур живописными и на первый взгляд беспорядочными кольцами, после чего осторожно положил в центр ограниченного шнуром участка свою секиру. Эльви, все это время заинтересованно наблюдавшая за приготовлениями, вдруг изумленно расширила глаза и удивленно спросила:

— Это... честная секира?

Оторок криво усмехнулся и ничего не ответил, а Эльви качнула головой:

— Да ты, как я погляжу, не так прост.

Между тем гном взял кинжал и... с размаху воткнул в те самые то ли часы, то ли компас. После чего небрежно швырнул получившуюся конструкцию на землю. Несколько мгновений ничего не происходило, но затем руны на лезвии секиры, до сих пор светящиеся довольно тусклым, мерцающим светом, различимым только в сумерках или ночью, ярко вспыхнули, а кинжал с компасом поползли по земле. Когда они остановились, гном возбужденно вскочил на ноги:

— Это близко. Очень близко. Не дальше пары дневных переходов. Быстрее, собираемся!

Собирать путникам было особо нечего. Разве что завернуть в листья оставшиеся от завтрака куски оленины, поэтому вскоре отряд, ведомый возбужденным гномом, уже бодро двигался вдоль подножия хребта.

Спустя некоторое время Алексей слегка отстал от рысящего впереди всех гнома и, притормозив, спросил Эльви:

— А что такое честная секира?

Она улыбнулась:

— Так называют оружие, которое не любит магии. Понимаешь, мой господин, магия способна и сама служить щитом, как ты мог убедиться во время схватки в пещере, и многократно усиливать щиты и доспехи так, что обычное оружие не имеет шансов не то что пробить их, но даже и поцарапать. Поэтому сражаться с ним можно только магическим либо зачарованным оружием. Но такие чары либо слишком дороги, либо недолговечны и способны выдержать максимум один поединок. Конечно, можно купить генератор заклятий, постоянно продуцирующих их вдоль лезвия, да еще, говорят, неплохо действуют токи

сверхвысокой частоты, возбуждаемые на кромке, но генераторы вообще стоят несусветные деньги, а токи размягчают металл. А честный клинок не требует ничего подобного и при этом рубит любые доспехи так, будто на них не наложено никаких заклятий.

— Понятно,— кивнул Алексей и, бросив взгляд в маячившую впереди спину гнома, спросил: — А почему ты сказала...

— Ну, мой господин,— с усмешкой перебила его Эльви,— если я говорю о том, что даже простые генераторы заклятий стоят несусветные деньги, представь, сколько может стоить подобное оружие.

— И кем может быть тот, кому оно по карману,— пробормотал себе под нос Алексей.

Да-а, гном оказался шкатулкой с секретом. Впрочем — Алексей украдкой окинул взглядом остальных своих соратников,— а что он знает о них? Искуснейший стрелок, по существу правивший чудесным тайным городом. Отважная амазонка, легко державшая в кулаке целый отряд свирепых воинов. Колдунья, до сих пор выходившая победителем из любой магической схватки. А судя по тому, что он смог понять из намеков, сопровождающих его персону, на охоту за ним вряд ли рискнули выйти дилетанты — скорее уж признанные мастера. Да и сам он... Кто же он такой, что все эти люди бросили все, что имели, и устремились за ним, рискуя жизнью и... чем-то еще, для них гораздо более важным? Эх, узнать бы...

Никто не встретился на их пути ни до полуденного привала, ни после. Никто не потревожил их сон тихой ночью. К исходу второго дня свет начертанных на секире рун был столь ясным, что, казалось, мог бы в подземных коридорах освещать путь. Солнце коснулось своим краем верхушек дальнего леса, когда перед путниками открылось мрачное, тенистое ущелье, ухо-

дящее в глубь хребта. Довольно быстро темнело, поэтому Алексей предложил продолжить путь по ущелью утром. Все согласились, и даже Оторок, для приличия немного поворчав, сдался. Чувствуя себя неуютно на открытой местности, да еще и перед жерлом ущелья, на ночлег отошли к лесу, опять позволив себе развести костер.

Утро застало всех уже на ногах — волнение от предстоящего пути в глубь гор никому не позволило долго нежиться в снах. Быстро перекусив остатками ужина, путники устремились за торопящимся Отороком. Стены ущелья поднимались все выше и отвеснее. Солнце осталось где-то далеко наверху, не в силах заглянуть в глубину узкого разлома. Алексей невольно поежился от мрачного вида окружающего пространства и тотчас увидел появившуюся из-за изгиба ущелья полуколонну, вырезанную прямо в массиве скальной породы. Ущелье, резко раздавшись в стороны, образовывало «поляну», окруженную со всех сторон отвесными скалами. Из боковых стен этого каменного котла выступали массивные полуколонны, способные своими размерами посрамить любые колонны античных храмов. Большие интервалы между полуколоннами по мере приближения к противоположной от ущелья стороне уменьшались, и в конце концов плоскости полуколонн слились в единую ровную плиту, уносящуюся ввысь, к свету солнца. И на этой плите громоздились монументальные и брутальные ворота. Точнее, арка. Алексей вспомнил Триумфальную арку, пересекающую Кутузовский проспект, в Москве, и прикинул, что при сходном строении эта арка раза в два больше. Сооружение, словно утонувший в камне храм каких-то великанов, почти физически давило на путников, казавшихся на фоне его мелкими насекомыми. Солнечные лучи, не способные проникнуть на дно ущелья,

здесь, немедленно воспользовавшись появившимся простором, заливали верхнюю часть полуколонн и практически всю арку до самого каменного пола. Это освещение придавало особое величие и без того удивительному сооружению. Казалось, что озаренная солнцем арка парит над чернотой затененного каменного пола.

— Ты уверен, что мы пришли туда, куда нужно? — изумленно пробормотал Алексей.— Я не таким представлял себе вход в подземелья гномов.— Это больше похоже...— Алексей оборвал себя, подумав, что Оторока вполне может обидеть сомнение, что гномы могли построить такое.

— Все древние города гномов имеют такие порталы,— пожал плечами Оторок.— Мы называем их порталами, хотя это совершенно обычные ворота. Только очень большие и защищенные могущественной магией. Эта магия и делает портал видимым для магических предметов. Вот таких, как моя секира.

— Там никого не видно,— заметил Алексей.

— Во-первых, нет смысла охранять то, что защищено само по себе намного лучше,— пояснил Оторок.— А во-вторых, о нас наверняка давно уже знают. Обычно в таких ущельях существует система оповещения.

— Государственная граница,— улыбнулся Алексей.

— Что? — не понял Оторок.

— Ничего. Пойдем в двери стучаться?

— Пойдем. Только стучаться в эти двери не надо. Здесь все много сложнее и проще,— сообщил гном, покидая узкий коридор ущелья.

Все поспешили за гномом. Достигнув середины каменной площади, Оторок жестом остановил спутников.

— Дальше идти пока не стоит. Я один. Сейчас сигнал подам и вернусь.

Гном уверенно продолжил путь — теперь уже в одиночестве. Миновав оставшееся до арки расстояние, он остановился возле гигантских створов ворот. Руны на его секире были видны даже стоящим довольно далеко путникам. Гном поднял секиру и прижал ее лезвие к вырезанному кругу, также испещренному мерцающими знаками. И едва лезвие прикоснулось к камню створа, где-то в глубине горы родился глухой рокот. Будто отзвук далекого горного обвала. Гул этот не рос и не стихал долгих секунд двадцать. Затем все стихло. Оторок развернулся и таким же размеренным шагом вернулся к товарищам.

— Теперь только ждать,— лаконично сообщил он.— Можно пока посидеть у костра и перекусить.

Лишь после этих слов друга Алексей заметил буквально в двух шагах от себя круг из двух десятков одинаковых валунов со старым кострищем посередине. Здесь же, чуть поодаль от кострища, аккуратной небольшой поленницей ждали своего часа аккуратно нарубленные дрова. Удивленно хмыкнув, Чолон быстро сложил несколько высушенных поленьев на кострище. Эльви взмахнула рукой, что-то шепнув, и по поленьям побежали жадные язычки пламени. Эйра уже разбирала котомку с провизией, а Зур стрелял глазами по сторонам и тревожно втягивал носом воздух. Наконец все расселись на камнях. Алексей отметил про себя, что камни совсем не простые — они не забирали тепло сидящего на них и поэтому ощущались почти теплыми. Каждый думал о чем-то своем, и ужин прошел в молчании. Но, едва ужин закончили, как Оторок первым нарушил тишину:

— Пора идти, господин.

— Идти? — переспросил Алексей и едва не вздрогнул, заметив вдруг стоящие неподалеку от ворот молчаливые силуэты. Три гнома, как братья-близнецы похожие на Оторока, только облаченные в полные доспехи, стояли, опершись на длинные рукояти секир. Все молча поднялись и привычно уже последовали за гномом, а Алексей, приблизившись к Зуру, едва слышно спросил:

— Ты заметил их?

— Как только они появились, господин.— Оборотень улыбнулся одними глазами.— Даже чуть раньше. Но они не несли опасности, поэтому я не стал поднимать тревогу.

Оторок подошел к поджидающим хозяевам подземелий и неторопливо поздоровался:

— Пусть жилы ваших гор будут неиссякаемы, сородичи!

— Спасибо, путник,— кивнул один из встречающих без тени улыбки на лице.— Не можем пожелать тебе того же, потому что не ведаем, есть ли и у тебя свой дом и род. Что привело вас к нашим вратам?

— Не слишком-то радушно вы встречаете гостей,— проворчал Оторок, косясь на Алексея.

— Откуда нам знать, что гости с добром пожаловали? — мрачно ответил тот же встречающий, видимо являясь старшим из троих или облеченным полномочиями говорить за всех.— Ты должен знать, что подгорный народ не жалует и праздных гостей. Тем более что с тобой пришли те, с кем у нас никогда не было дружбы.

— Мы пришли не с праздным любопытством.— Алексей шагнул вперед, ему начало разговора Оторока с соплеменниками не понравилось.— Мы пришли попросить помощи и, возможно, помощь оказать. А вы, видать, слишком долго не высовывали носа из-под

своих гор, коли напрочь забыли все законы гостеприимства.

— А ты кто таков, чтобы попрекать нас? — нахмурился еще больше встречающий.

— Долго объяснять. Да и надо ли? Тот, кто вправе принимать решения, не пойдет открывать ворота. Отведи меня к тому, кто может решать, и я расскажу все, что необходимо для понимания,— ответил Алексей.

Задавшись вопросом о том, что знает о своих спутниках, он понял, что слишком легкомысленно относился к тому, что такие люди называют его своим господином. Да, сейчас они еще очень снисходительны к нему, поскольку ждут, когда он соединится с этой самой своей Сутью, и только тогда, мол, обретет должное могущество. Но это совершенно не означало, что он до самого последнего момента может оставаться абсолютным лохом, которому они будут утирать сопли и менять подгузники. И заодно вытаскивать его из всяких глупых ситуаций, как с колдуном, назвавшимся Негласом. Нет, он должен попытаться им соответствовать уже сейчас.

— С чего ты взял, что я не уйду, заперев ворота? — поинтересовался гном, проводя пальцем по лезвию своей секиры.

— Потому что то, что я собираюсь предложить, слишком важно, чтобы меня остановили закрытые ворота. И даже если ты сумеешь невероятным чудом остановить меня,— Алексей криво ухмыльнулся, демонстрируя, что мысль об этом кажется ему забавной,— то что скажешь, когда тебя спросят, кто приходил? Что вместо мудрого решения пошел на поводу у своей гордыни?

— Ты странный, чужеземец,— ответил гном.— Ты явно не из нашего мира, что уже само по себе и чудно,

и опасно. Ты одновременно и угрожаешь мне, и взываешь к моему рассудку. Ты мне не нравишься, но я не вижу особого вреда в том, чтобы дать тебе возможность высказаться. Я проведу тебя к тем, кто вправе решать, но помни: если ничего заслуживающего внимания ты и твои друзья не поведают, никому из вас больше не увидеть солнечного света. Никто не может без веской причины угрожать представителю нашего рода.

Гном повернулся к арке, и двое его сопровождающих тоже повернулись, будто отражения в зеркале. Алексей тихонько выдохнул с облегчением и двинулся за ними. Похоже, у него получилось. Впрочем, на самом деле это оказалось ничуть не сложнее, чем перетер с братками или конкурентами. А уж в этом ему, выходцу из Забытого мира, опыта было не занимать...

Ему не приходилось оборачиваться, чтобы убедиться, что друзья не отстают от него. То ли общение с колдуном в пещере приоткрыло еще один заслон в его памяти и способностях, то ли возвращение в себя былого шло само по себе, как излечение, только теперь он чувствовал каждого из своего отряда и знал с точностью до шага, где кто находится. Странное чувство, но, в понимании Алексея, весьма и весьма полезное. И еще он чувствовал, что все они взирают на него с некоторым удивлением и... какой-то затаенной радостью. Как будто они впервые увидели некие признаки того, что рядом с ними их господин. Не некое могущественное существо, когда-то властвовавшее над ними, а именно их господин, то есть тот властитель, что достоин и их самих...

У самых створов ворот гномы вновь остановились. Откуда-то возникли темные платки, которые встречающие споро повязали всем путникам на глаза.

— Гости гостями, а знать устройство наших коридоров вам совсем ни к чему,— проворчал гном, завязывающий платок на голове Алексея.— Простая мера предосторожности.

— Нет проблем.— Алексей улыбнулся со всем возможным радушием.

Сейчас он почему-то нисколько не сомневался, что при необходимости найдет путь назад. И еще он был совершенно уверен, что Зуру, а возможно, и привычному к подземным городам Отороку это тоже не составит труда.

Повязка спала, и Алексей с удивлением огляделся по сторонам. Сказать, что он был удивлен, значило бы ничего не сказать. Он представлял себе подземелья гномов темными, сырыми коридорами с мрачными, холодными пещерами, жители которых безостановочно ищут горные богатства. А то, что оказалось перед его глазами сейчас... Если бы не полное отсутствие окон, Алексей вполне мог бы допустить, что оказался во дворце какого-нибудь восточного шейха, чьи покои отделаны полированным мрамором, драгоценными каменьями, множеством металлических аксессуаров. Воздух был совершенно свеж и сух. Возможно, маловато деревянной мебели и ковров... Но при всем чрезмерном обилии камня и металла в помещениях оказалось тепло.

Повязки с путников сняли в сравнительно небольшом зале, посередине которого покоился огромный каменный стол, навеявший Алексею воспоминания о пещере старого колдуна. Только тут не было никаких каменных рыцарей. Вместо них вокруг стола стояли изящные плетеные стулья из металла, инкрустированные крупными полудрагоценными камнями. Света в

подземелье тоже оказалось с избытком. Его давали врезанные в стены чуть ниже линии потолка гроздья странных кристаллов чуть желтоватого цвета. В их свете могло показаться, что комнату заливают через распахнутые окна спокойные теплые лучи предзакатного летнего солнца. Алексею захотелось поднести к кристаллам руку, чтобы почувствовать, не излучают ли они и тепло, но он удержался от столь явного проявления любопытства. Не стоило показывать хозяевам этого подземного города, что для их гостя здесь что-то в диковинку.

— Здесь вам придется ожидать, пока старейшины нашего рода не соберутся, чтобы выслушать вас,— пояснил тот самый гном, что встречал путников наверху у ворот.— За теми дверями гостевые спальни. Они дадут вам отдых и комфорт. Спален больше, чем вас, поэтому можете занимать любые на свое усмотрение. А эта общая комната предназначена для трапез и общения. Если что-то понадобится, просто позовите, и я приду.

— Как же нам тебя звать, если мы еще не представились друг другу? — поинтересовался Алексей.

— Меня зовут Гердол,— сообщил гном и направился к выходу из зала.— Ужин подадут прямо сейчас.

— А долго ли нам придется ждать совета старейшин? — спросил вдогонку Алексей.

— Может, день, а может, вечность. Мы не звали вас сюда. А раз необходимость ваша, значит, наберитесь терпения и ждите.

Дверь из окованного металлом толстого дерева затворилась за ним, но тотчас распахнулась вновь, пропуская в зал нескольких гномов с подносами и блюдами в руках. Они споро накрывали на стол, расставляя не деликатесы, но весьма аппетитную и разнообразную

еду. Алексей услышал, как сглотнул слюну оборотень и что-то забормотал Оторок.

Алексей повернулся к гному:

— Ты что, молишься?

— А тут молись не молись, как пить дать отравят,— едва слышно прошептал тот.

— А чего шепотом? — удивился Алексей, но гном вместо ответа коснулся уха рукой, а затем обвел рукой комнату в понятном жесте: слушают.— А-а, ну да. Он ведь и сам сказал, чтобы просто позвали, если что. Да и пусть слушают. Мы ведь не заговор плетем. Нам скрывать особо нечего.

— Скрывать нечего, а вот опасаться есть чего,— не унимался Оторок, глядя, как все остальные рассаживаются за накрытым столом.— Отравят.

— Да на кой? — Алексей нахмурился, сердясь на извечную подозрительность гнома.— У тебя дома что, так вот гостей ни с того ни с сего травят в первый же вечер? Вроде надоесть мы им как гости еще не могли. Да и что им толку с шести трупов?

— Ты, господин, просто не понимаешь,— не сдавался гном.— Мы, гномы, в свои города никого практически не допускаем. И очень не любим, когда кто-то напрашивается.

— Ну, во-первых, ты сам нас сюда привел. Зачем, спрашивается, если теперь уверен, что и поговорить с нами никто не захочет? — отмахнулся Алексей.— А во-вторых, я, к примеру, не всех, кого просто не люблю, травлю за ужином. Так что садись и ешь. Пользуйся передышкой и комфортом.

— Утро вечера мудренее,— поддержала Алексея Эльви.— Ты, Оторок, слишком часто боишься. Это что, отличительная черта всех гномов?

— Я?! Боюсь?! — задохнулся от возмущения Оторок.— Да я... Да я...

Он так и не нашелся, что ответить, плюхнулся на один из стоящих у стола стульев, схватил с блюда большой кусок запеченного мяса и яростно впился в него зубами, словно вымещая всю обиду на колдунью и подозрения на хозяев. А может, уверенный в том, что их отравят за ужином, гном просто решил умереть вместе со своими друзьями.

Гостевая комната вызвала у Алексея шок еще больший, чем общий зал. Две грозди янтарных камней освещали ее не хуже большого торшера. Рядом с ними лежали мраморные колпаки, предназначенные для покрытия светящихся кристаллов. Но самым удивительным для Алексея оказалось не это и не широкое ложе из кованых кружев. Удивительнее всего оказалась небольшая мраморная ванна с причудливо изогнутыми кранами, торчащими прямо из стены.

— Водопровод в горных пещерах? — прошептал Алексей, не веря своим глазам и чувствуя страх разочароваться, обнаружив отсутствие в кранах воды.— Надеюсь, сейчас у них нет сезонного отключения.

Словно боясь спугнуть воду, он осторожно приблизился к ванне и повернул резное колесико крана. В мраморную ванну хлынула струя кипятка. Алексей крутанул второй кран и с восторгом убедился, что из него льется просто ледяная вода.

— Потрясающе! — восхитился он, смешивая воду в ванне до комфортной температуры.— А я думал, что гномам и мыться-то некогда. Только и делают, что алмазы ищут. Потрясающе!

Второе восхищенное восклицание относилось к сложному механизму запирания сливного отверстия ванны, с действием которого Алексей едва разобрался. К тому же детали механизма этого, как и многое другое

в комнате, были выкованы из металла. Впрочем, как раз это Алексея нисколько не удивило. Просто нашло подтверждение описанное во всех сказках умение гномов обращаться не только с камнями, но и с металлами. С наслаждением Алексей погрузился в быстро наполнившуюся ванну.

— Хорошо, Оторока рядом нет, а то он обязательно предположил бы, что меня утопить хотят,— усмехнулся он, рассматривая оказавшийся в нише над ванной небольшой кувшинчик из полупрозрачного молочно-белого камня.— Нет, все же отравить.

Капнув немного содержимого кувшинчика на пальцы, Алексей потер один о другой и, убедившись, что маслянистая смесь отлично мылится, смело плеснул ее на голову.

За дверью что-то заскреблось — словно пес, уставший лежать, менял положение, топчась на месте и перекладываясь на другой бок. Алексей, не успевший еще заснуть, но накрывший уже все световые кристаллы мраморными колпаками, поднял голову, вглядываясь в темноту. Он мог бы и не делать этого, потому что отлично чувствовал и ворочающегося под дверью оборотня, который ни в какую не захотел пойти спать в отдельную комнату и только позволил себе ополоснуться в теплой воде, и гнома, недоверчиво сидящего в том же общем зале. Оторок боролся со сном, наваливающимся на него после сытного ужина, и мешал спать Зуру, для которого пол у двери господина был ничуть не хуже широкого и мягкого ложа в одной из гостевых комнат. Но что-то еще заставило Алексея поднять голову. Что-то, чего он не чувствовал...

Едва слышный смех раздался над самым его ухом, и тотчас он ощутил рядом с собой колдунью, веселую и возбужденную одновременно.

— Ты меня так заикой сделаешь,— высказал недовольство Алексей, нарочито хмурясь.— Как ты сделала это?

— Ты еще не тот, кем был, мой возлюбленный господин,— зашептала Эльви, скользнув по его боку гибким обнаженным телом.— Тебя еще пока можно обмануть, отвести глаза и чувства... Но ты очень быстро возвращаешься.

Тревога проскользнула в ее последней фразе. Алексей хотел спросить о причине, но память тут же подсказала то, о чем не раз говорили почти все: сейчас он почти невидим, но, возвращаясь, станет намного заметнее для всех, еще не обретя силу для сопротивления. Однако мысль эта нисколько не тревожила Алексея. По крайней мере сейчас. Гибкое тело прижалось к нему с новой силой, и Алексей совершенно забыл и тревоги, и предстоящие дела, да и вообще все, что окружало его, кроме этой прекрасной и безумно желанной женщины. Он поймал ее в свои объятия, лишь понадеявшись мимолетно, что совет старейшин гномьего племени не состоится завтра слишком рано.

Густой и одновременно далекий звук, похожий на чистый голос тяжелого церковного колокола, прогнал остатки сна. Алексей прислушался, понимая первым делом, что лежит на широком ложе совершенно один. Эльви, не изменив привычке, незаметно покинула его ночью, чтобы не утомлять своего господина излишним присутствием, да и самой успеть отдохнуть в одиночестве. Теперь Алексей чувствовал себя совершенно выспавшимся и полным сил, хотя провел в страстных

объятиях прекрасной колдуньи полночи. Похоже, она действительно была способна не только получать, но и пополнять его собственные силы. Вот только, судя по слухам, какие ходили в этом мире о колдуньях, получали они всегда, а отдавали лишь по собственному желанию. Впрочем, разве в Забытом мире было иначе? Вот только женщин, способных наполнять мужчину силами и уверенностью в себе при каждой встрече, там почти и не встречалось. Может, оттого там так обмельчали и сами мужчины? А с другой стороны, разве не мужчины повинны в этом? Быть воином, рыцарем, князем — тяжкий труд. И стать им можно, лишь бесстрашно идя вперед, не только не боясь, но сознательно выбирая трудные пути и тяжкие испытания. Потому что только с их помощью, используя их как инструмент, как тренинг, можно стать мужчиной — ну как бодибилдер в тренажерном зале формирует мышцу, нагружая ее все большим весом и нагрузкой. Но все меньше тех, кто в графе «пол» в анкетах ставят галочку напротив графы «муж», выбирают себе эти пути, предпочитая «откосить», «не париться» и «не заморачиваться». И навсегда теряя возможность исполнить свое предназначение — предназначение мужчины.

Легко поднявшись, он умылся студеной водой из холодного крана. Дверь в комнату выглядела прочной, как крепостные ворота, но запахи удержать не могла, поэтому ароматы горячей пищи дразнили обоняние. Алексей быстро оделся и вышел в общий зал. Все его спутники уже сидели за накрытым столом. Обилие блюд не отличало утреннюю трапезу от вчерашнего ужина, поэтому легкого завтрака не предполагалось. Хотя, несмотря на ощущение наполненности силой, Алексей после прошедшей ночи готов был съесть все

в одиночку. Он с удовольствием набросал на блюдо различной еды и принялся за завтрак.

Все уже расслабились после сытного завтрака, когда дверь, ведущая из гостевого блока в коридоры, отворилась, пропуская в зал Герндола в сопровождении двоих незнакомых гномов.

— Хорошо ли вы отдохнули? — поинтересовался он вместо приветствия.

— Спасибо,— улыбнулся в ответ Алексей.— Лично я давно не спал так хорошо. Я отлично отдохнул и готов к общению.

— Это славно, потому что я принес вам весть о решении совета старейшин принять вас сейчас,— сказал гном, не позволяя себе проявить никакие эмоции.— Если ты готов, чужеземец, я отведу тебя к старейшинам.

— Меня? — переспросил Алексей.— А остальных?

— Только тебя, чужеземец,— покачал головой непреклонный Герндол.— Ты главный в вашем отряде, потому нет смысла идти всем остальным. Не заинтересуешь ты, не заинтересует никто.

— Но, проклятье горных оползней, как это возможно, чтобы господин пошел один?! — возмутился Оторок.

Зур заволновался при этих словах, и Алексею даже почудилось, что он глухо, едва слышно заворчал, как раздраженный медведь. Но Алексей посмотрел ему в глаза и покачал головой. Напрягшиеся плечи оборотня медленно расслабились.

— Я готов идти,— согласился Алексей.— А мои друзья еще немного отдохнут в таких замечательных условиях.

Не оставляя товарищам времени на возражения, Алексей быстро подошел к двери. На этот раз завязывать глаза ему не стали. То ли посчитали, что он

не в состоянии запомнить хитросплетение коридоров подземного лабиринта, то ли таким способом проявили доверие. Хотя, судя по вчерашней прохладной встрече, на второй вариант рассчитывать не приходилось.

Шли довольно долго, и Алексей невольно любовался богатством отделки даже простых коридоров, которому позавидовали бы многие музеи. Наконец коридор раздался вширь и уперся в распашные тяжелые двери в два человеческих роста. Можно было подумать, что они целиком сделаны из камня, столь густо располагались вправленные в них кристаллы и каменные пластины.

— Это зал совета старейшин,— пояснил Герндол, касаясь кончиками пальцев одной из створок.— Мы пришли. Дальше я не имею права идти. Так что ты зайдешь внутрь один, чтобы предстать перед старейшинами.

Один из сопровождающих коснулся второй створки. Гномы одновременно толкнули створки, и Алексей шагнул в зал. Даже, наверное, в Зал. Именно так, с большой буквы. Алексей замер от удивления. Примерно так он представлял себе знаменитую янтарную комнату. Только стены этого зала покрывал совсем не янтарь, а какой-то неизвестный Алексею камень. Сходство с янтарем придавал цвет и глубина камня— разные оттенки янтарного, от темного до почти совсем белого, от совершенно прозрачного до матового, словно парафин. Пол, стены, потолок — все было из этого камня. Разные цвета и прозрачность переплетались в причудливые узоры и орнаменты. Фантастичность всей этой отделке придавало то, что камень очень тускло светился,— может, самостоятельно, а может, благодаря встроенной под слоем отделки подсветке. И из-за этого тусклого света Алексею вдруг показалось,

что он сам, как древнее насекомое, оказался сейчас в гигантской капле прозрачной древесной смолы.

— Приветствуем тебя, чужеземец,— прервал восторженное созерцание Алексея негромкий, но сильный голос.— Удовлетворен ли ты гостеприимством, оказанным в нашем доме?

— Спасибо. Все замечательно, и я с удовольствием провел бы у вас еще пару дней, если бы не неотложные дела, зовущие меня продолжить путь,— ответил Алексей, поворачиваясь на голос.

Там, вдоль одной из стен, занимая не более трети площади зала, располагался вытянутый овальный стол из такого же материала, как и стены, только сделанный из матового камня. По одну сторону стола, лицом к Алексею, сидели в креслах с высокими спинками пятеро старых гномов. Хотя предположение насчет их старости Алексей сделал только по белым от седины бородам и волосам. Алексей не видел старцев целиком, но годы совершенно точно не сказались ни на ширине их плеч, ни на крепости их бицепсов, ощущаемых даже под рукавами темных рубах. Впрочем, старейшины родов могли быть вовсе и не старцами, ведь главное для того, кто вершит судьбу всего рода, не годы за плечами, а мудрость и опыт.

— Тогда не станем бездарно тратить время друг друга.

— Ну да, время — деньги,— кивнул Алексей, неторопливо подходя к столу.

С его стороны стояло одно-единственное кресло, точно такое же, как и у сидящих старейшин, поэтому не оставалось сомнений, как поступить — остаться стоять или сесть.

— Потеря времени тяжелее всего для того, кто больше знает,— констатировал сидящий в центре гном.— Ты был очень настойчив, желая говорить с нами. И

ты нам непонятен, как понятны твои спутники. В тебе есть сила, но ничего большего увидеть не удается. И тем интереснее нам узнать причины твоей настойчивости у ворот нашего города.

Алексей всю дорогу в зал совета старейшин размышлял над тем, как начать разговор, что сказать, чтобы убедить гномов пойти с ним против гноров... И ничего не приходило в голову. А сейчас, оказавшись в этом восхитительном зале, он вдруг понял, что нет смысла сочинять сложные речи и разрабатывать стратегию разговора. Его ведет Судьба, и как будет угодно этой самой Судьбе, или богам, или кому-то еще, так все и произойдет. Поэтому он просто взял и рассказал старейшинам практически все о том, что произошло с ним и что привело его в этот мир. Конечно, он сильно сократил свое повествование, исключив из него то, что гномов не касалось. А что ему оставалось? Не выдумывать же теперь причину, заманивая этих мудрых правителей гномьего рода!

Внимательно выслушав рассказ Алексея, гномы надолго задумались. Алексей даже успел слегка заволноваться, не забыли ли мудрые за своими глобальными проблемами о его присутствии в зале, а то и не задремали ли с открытыми глазами. Наконец сидевший в центре гном вновь обратил свой взгляд на Алексея:

— Удивительные вещи поведал ты нам, чужеземец. Странные уже хотя бы тем, что за чужой бедой ты сюда пришел. И понятна теперь причина, по которой решил нас за собой позвать. Только что нам до беды таров? Мы живем в своем городе и вполне довольны и своим миром, и своей жизнью. Зачем же нам рисковать всем, что имеем?

— А что же вы рискуете потерять? — усмехнулся Алексей, глядя в глаза старейшине.— Этот мир, из которого вам нет пути никуда? Эту золотую клетку,

в которую вас посадили насильно? Тем более что, как я понимаю, вы ее и не потеряете. Так, лишь слегка осложните себе жизнь на некоторое время. Но на другой чаше весов ваша свобода. Или, в отличие от других родов, вы не столь непокорны и свободолюбивы?

Алексей приврал — конечно, он не знал никаких иных родов гномов и мог судить только по Отороку, который как раз казался слишком подозрительным и осторожным, хоть и не пасовал в бою.

— Мы не юнцы, чтобы воспылать от твоих слов желанием доказать обратное.— Гном ответил Алексею прямым взглядом.— На нас лежит большая ответственность за всех живущих в роду. Да, мы не так вольны, как наши братья в других мирах. И мы действительно живем в золотой клетке, не имея возможности выбраться за ее пределы. Да, нам приходится приносить дорогие дары и отрабатывать оброк...

— Непомерные подати,— вставил старейшина, сидящий крайним справа.

— Нас многое не устраивает,— продолжил средний.— Но что с того?

— Небеса никогда не помогают тому, кто ничего не предпринимает.— Алексей покачал головой.— Я знаю, что все равно сделаю то, что должен сделать, с вами или без вас. Только без вас мне придется заплатить за это много большую цену. Вы нужны мне. Но и для вас это хороший шанс, посылаемый Судьбой. Отвернетесь — и навеки останетесь в своей золотой клетке.

Крайний справа гном закивал, и Алексей заметил выражение одобрения на лицах других старейшин, хоть те ничего и не говорили вслух.

— Ты просишь слишком многого, ничем не подтверждая собственную состоятельность,— нахмурился средний гном.— Пусть прославляют тебя дела твои, а не язык. Мы оцениваем мастерство кузнеца по совер-

шенству клинка, а не по красноречию языка. Если мы пойдем с тобой и проиграем, то такие потери слишком пагубно скажутся на всем роде. Многие наши соплеменники живут, работают и торгуют в городах этого мира. Вот недалеко отсюда город Ремекесс, где нашли кров многие наши соплеменники. Если мы обескровим род, нам останется лишь одно — всегда сидеть в своих глубоких подземельях, не высовывая носа на поверхность, и молиться, чтобы возродившиеся мужи опять достигли возраста деяний. А ведь помимо гноров в этом мире у нас есть более серьезный... нет, не то чтобы враг, но такой сосед, который не даст подняться после падения.

— Кроме гноров? — переспросил Алексей, удивляясь, что этот мир, оказывается, намного сложнее, чем ему представлялось.

— Здесь все воюют со всеми, чужеземец. Понимание того, что ты заперт и обречен, добавляет нетерпимости ко всем, кто отличается от тебя чем-то. Гномы никогда не склонялись ни перед кем, и гноры не смогли сломить нас окончательно, хоть нам и приходится щедро платить им дань. Поэтому мы ненавидим всех, кто является верным слугой и союзником гноров. Но есть в этом мире еще один народ, который не сдался, как и мы, и даже более агрессивен по отношению к своим поработителям. Вот для нас они и являются такими соседями, к которым нельзя поворачиваться спиной. Это орки.

— Орки? Ну надо же! — воскликнул Алексей, ощущая, как знания, почерпнутые из книг его Забытого мира, окончательно перемешиваются в его голове.— Я полагал, что вы назовете кентавров или горных великанов.

— Что ты,— скривился гном.— Эти презренные кентавры верой и правдой служат гнорам, словно псы,

забыв о гордости и воле. А горные великаны настолько тупы, что любой колдун может заставить их делать для него все, что угодно. А орки хоть и противники гномам, но противники достойные. А достойного противника должно уважать.

— Все это здорово,— Алексей поднял руки,— но где же компромисс?

— Компромисс? Почему ты решил, что есть компромисс? — удивился в свою очередь центральный старейшина.

— Потому, что во всех ваших словах и жестах сквозит неудовлетворение от того положения, в котором ваш род находится,— объяснил Алексей.— Потому, что вы отлично понимаете, что будете счастливы и в этом мире, но только без гноров. Потому, что сами наверняка давно думаете о том, что предлагаю сделать вам я, только по какой-то причине не идете дальше дум и мечтаний. И потому еще, что не прогнали меня сразу, ответив отказом, а разговариваете, рассказывая о том, что мешает заключить наш союз. Так где же компромисс? Где то, что позволит мне убедить вас в моей состоятельности и силе, что даст вам возможность поверить в меня?

Несколько секунд все молчали. Алексей чувствовал на себе пристальные, оценивающие взгляды мудрых гномов. Наконец вновь заговорил сидящий в центре старейшина:

— Пожалуй, ты прав, чужеземец. Компромисс есть. Наш род пойдет за тобой против гноров, если ты сумеешь убедить орков принять участие в этом славном походе. Иди и действуй, чужеземец, ведь, как ты верно заметил, небеса никогда не помогают тому, кто ничего не предпринимает. И больше нам не о чем сейчас говорить.

Алексей понял, что пытаться сейчас убедить гномов в ином совершенно бессмысленно. Было видно, что решение старейшин на сегодняшний момент окончательное и обжалованию не подлежит. Поэтому, не произнеся больше ни слова, он поднялся и вышел из зала, не замечая больше великолепия «янтарного» зала.

Повязки наконец спали с глаз, и провожающие гостей гномы, оставив путников у кострища перед воротами, вернулись в подземный город. В отведенное хозяевами для сборов время Алексей был вынужден по требованию друзей пересказать им состоявшийся в зале совета старейшин разговор. Поэтому, идя с завязанными глазами по коридорам подземного города, все молча размышляли над полученной информацией.

— Хорошо, что хоть обратно выпустили живыми и здоровыми,— изрек Оторок, едва провожающие их гномы скрылись за воротами.— Я, честно говоря, был уверен, что этот поход окажется для нас последним.

И все недоуменно уставились на него. Ибо кто, как не Оторок, так торопился сюда, кто, как не он, убеждал всех, что именно здесь они встретят помощь и поддержку. И вот теперь такие заявления...

— Скажи, Оторок, ты так считал не потому, что мы пришли к ним вообще, а потому, что мы пришли как пустословы? — спросил Алексей.

— Конечно, господин,— согласился гном, ни мгновения не размышляя.— Это все равно что приходить в лавку в разгар торговли и навязчиво отвлекать торговца пустыми разговорами, ничего не покупая.

— Только торговец не попытается тебя за это отравить или зарезать,— уточнил Алексей.

— Да, господин, но ведь на рынке твоя болтовня не будет грозить проблемами и опасностями всему

роду торговца,— пояснил Оторок.— А в этом мире мы можем принести беду всем, с кем будем общаться. Ведь они, в отличие от нас, находятся совсем в других условиях.

— Мы никогда не союзничали с орками,— подала неожиданно голос Эйра.— Это просто невозможно.

— Они, несомненно, могучие воины, не ведающие страха, но у них нет абсолютно никакой дисциплины,— добавил Чолон.— Они одиночки и собираются вместе только для участия в диких набегах. В бою орки окончательно становятся дикими зверями, которыми правят только инстинкты.

— Тут я с тобой не могу согласиться, Чолон,— возразила вдруг Эльви с легкой усмешкой на губах.— Ты забыл, что наш могучий Зур принадлежит к тому племени, для которого стать зверем в бою не метафора, а реальное физиологическое состояние. И разве от этого он становится в этом бою хуже? Или тебе кажется, что сотня оборотней окажутся слабее сотни вышколенных и стоящих в идеальном строю воинов иной расы?

— Я не это имел в виду,— пошел на попятную стрелок.— Просто с оборотнями мы ладим с незапамятных времен, а вот с орками никогда не оказывались по одну сторону.

— Послушайте,— прервал спор друзей Алексей,— верно ли я понял, когда и гномы, и вы сейчас сказали, что орки — достойные противники?

— Это так,— закивал Оторок, зачем-то погладив лезвие своей секиры.— Они, правда, имеют много отвратительных привычек, но клан на клан не приходится. Да и вообще, предания говорят, что в те времена, когда существовали куулы, род орков, правивших всеми остальными, наши предки считали равным себе. И только когда куулы исчезли, орки выродились в то,

что представляют собой сейчас. И все потому, что возжелали свободы.— Произнося последнее слово, гном скривился, будто сказал нечто непотребное.

Алексей озадаченно уставился на него. По его мнению, свобода являлась одной из самых больших ценностей для человека. Он даже несколько раз отказывался от весьма выгодных предложений по продаже своего бизнеса, причем с гарантией того, что он не только останется во главе, но и будет получать вполне достойную зарплату и процент от доходов. И лишь из-за того что посчитал, что подобный исход резко ограничит его свободу.

— А разве свобода — это плохо?

— Так ведь они понимают свободу всего лишь как возможность делать то, что хочется,— пояснил гном с таким видом, будто теперь-то уж Алексей должен все понять, но, покосившись на остальных, вздохнул: — Прости, господин, забыл, что у тебя все еще память обитателя Забытого мира. Там, если честно, полно орков. Они из-за этой своей свободы слишком часто вляпываются, и потому среди приговоренных к Забытому миру их едва ли не больше, чем всех остальных, вместе взятых. Говорят, они там даже создали государство на полконтинента. Население почти сплошь состоит из изгнанников, радостно потеснивших коренных обитателей того континента. И провозгласили его единственно свободным. И теперь для многих орков Забытый мир уже не столь тяжкое наказание. Они знают, что в конечном счете попадут к своим.

Алексей ошарашенно уставился на него. То есть... это ведь значит... ну и ну!

— Я здесь далеко уже не первый день, но все так же время от времени ощущаю себя совершенно не понимающим происходящего,— посетовал он.

— А что тут понимать, господин,— вскинул густые брови Оторок.— Затея не удалась, и нам надо искать какой-то другой выход. Лично я не задумываясь повернул бы назад.

— Пути назад для меня нет,— покачал головой Алексей, решив оставить разборки с терминологией до более подходящего времени.— А значит... Мы посовещались, и я решил — идем в этот близкий Ремекесс. Посмотрим, что к чему и что почем. А там и поглядим, что делать дальше.

— Это очень опасно, господин,— заворчал гном.— В городе наверняка повсюду слуги гноров...

— Ты можешь вернуться, друг, я не буду осуждать,— оборвал его Алексей.— А что касается того, что в городе повсюду опасно... Я сбился со счета, запоминая, сколько раз нас пытались убить в местных тихих лесах.

Лес кончился, и тотчас же все увидели на горизонте широко раскинувшееся нагромождение крепостных стен и башен. Путь от подземного города гномов прошел без каких-либо эксцессов и происшествий. Лишь пару раз Зуру показалось, что за ними следят. Оборотень уносился в заросли, но спустя некоторое время возвращался ни с чем. Привалы и ночлеги согревались уже привычным костром, разводить который после встречи с владыкой земли перестали опасаться. А Алексей радовался тому, что совершенно не чувствовал той жуткой усталости, которая наваливалась на него после долгих марш-бросков в первые дни путешествия по этим мирам. Теперь, казалось, он мог без устали бежать сутки напролет.

По мере их продвижения город рос на глазах. Вскоре уже стали хорошо видны высокие крепостные стены, ощетинившиеся зубцами, и тяжелые башни, испещ-

ренные тонкими щелями бойниц. Алексей было удивился, от кого могут обороняться обитатели города в этом мире, где, как все говорили, без дозволения гноров и пукнуть никто не смел, но, поразмыслив, решил, что те наверняка действовали по принципу «разделяй и властвуй». И потому в этом мире вовсю процветала вражда. Одни нападали на других или, объединившись, атаковали третьих, чтобы тут же, рассорившись, сцепиться в схватке друг с другом. К тому же это позволяло всегда держать боевые возможности обитателей этого мира в тонусе. И автоматически делало любых пришельцев объектом атаки, чем во многом и поддерживался изоляционный статус этого мира.

Вскоре после того как лес остался позади, путники вышли на хорошо накатанную дорогу. По ней неторопливо двигались подводы и отдельные всадники или пешеходы. А ближе к огромной пасти городских ворот к их дороге начали примыкать другие, сливаясь в еще более широкую. Двое стражников у ворот осматривали повозки, получая мзду за проезд подвод. На Алексея и его спутников бросили внимательный взгляд, но останавливать не стали — то ли не решившись, то ли не заинтересовавшись.

У пробегающего мимо мальчишки гном выяснил, как пройти к большому постоялому двору, и бодро зашагал во главе отряда. А Алексей таращился по сторонам, ощущая себя тем самым героем из фильма «Люди в черном», который вдруг из своего города попал в зал прилета инопланетян. На улицах встречались представители разных рас, далеко не все из которых были и выглядели как обычные люди. К счастью, никто не заметил или просто не среагировал на столь явные признаки любопытства. Добрались до постоялого двора тоже на удивление мирно. Вообще все события после посещения города гномов говорили о

том, что про группу чужаков, проникших в этот мир, забыли. Однако этого просто не могло произойти. Вряд ли тот же Неглас страдает склерозом. А как глаголет народная мудрость — если тебе кажется, что жизнь налаживается, значит, ты просто чего-то пока не замечаешь.

Радушный хозяин выделил странным гостям целых три комнаты на втором этаже. Общение с ним взяла на себя Эльви, подкинувшая в топку радушия хозяина постоялого двора свежей пищи в виде нескольких монет, о которых раньше Алексей даже не задумывался, получая убежище и пищу бесплатно. До ужина оставалось некоторое время, а обед уже прошел, поэтому хозяин предложил постояльцам пока ограничиться холодными закусками и мясным бульоном, а уж позже отдать должное обильному ужину. На том и порешили. После легкого полдника все поднялись в комнаты, чтобы немного отдохнуть с дороги и тем самым убить время до предстоящего ужина. Алексею, как господину, выделили отдельную комнату. Две других просто распределили по половому признаку. К тому же Алексей нисколько не сомневался, что Зур опять проведет ночь на пороге его комнаты. Упав на довольно удобную и широкую кровать, Алексей мгновенно уснул. Ему приснилась Москва и любимая девушка Надя. А когда дверь в комнату приоткрылась, сразу выдернув его из сна, на пороге стояла Эльви, заглянувшая, чтобы позвать Алексея на ужин.

Видимо, кухня этого постоялого двора пользовалась устойчивым спросом, потому что в зале было полно народу, а воздух наполняли веселые крики и громкие разговоры подвыпивших клиентов. Заботливый хозяин, помня о своих щедрых постояльцах, оставил для них незанятым целый стол в уютном, дальнем от входа углу. Молодая, дородная девушка, навеявшая Алексею

мысль о немецкой официантке из рекламы пива, тотчас появилась возле их стола.

— Давай-ка нам всего, что получше, да хорошего вина принеси,— скомандовал Оторок, заметив, что Алексей не спешит принять участие в выборе блюд.

Девушка обрадованно кивнула и умчалась передавать такой вольный заказ на кухню. Надо отдать ей должное, через минуту на столе уже оказались обжаренный в луке хлеб, холодные нарезки да разнообразные соленья. А хозяин гордо поставил на стол глиняный кувшин.

— Самое лучшее вино в этом городе,— сообщил он торжественным шепотом.— Горячее будет через десять минут.

— Мы как-то загнали в предгорьях с десяток орков!— донесся с другого конца зала громкий пьяный голос.— И вырезали их просто как свиней!

Алексей присмотрелся и опешил — за крайним столом в противоположной стороне зала сидел огромный воин в кожаном доспехе. Но самым поразительным были не его габариты и величина ужасающих мускулов, а то, что воин явно не относился к расе людей. Помимо его размеров, от которых даже могучий Зур слегка терялся, воин обладал поистине бычьей шеей, а на ней крепко держалась небольшая голова. И основную часть этой головы занимала тяжелая, массивная челюсть с выглядывающими из-под тонких губ крепкими клыками. В облике орка странным образом смешалось разумное существо и хищный зверь, образовав нечто дикое, но даже красивое опасной, агрессивной красотой. Красотой, какой бывает отмечен матерый тигр или медведь в самом расцвете сил. Орк не смотрел в сторону соседнего столика, из-за которого раздавались чересчур громкие пьяные голоса. Он старательно обгладывал большую баранью ногу, запеченную в тра-

вах. Однако от внимательного взгляда Алексея не укрылось, с каким трудом орк заставляет себя глотать оторванные куски сочного, душистого мяса, совершенно не получая от этого должного удовольствия. Алексей отлично знал такое состояние. Являясь сторонником высказывания «Лучшая битва та, которую удалось избежать», Алексей несколько раз за свою жизнь в Забытом мире оказывался в подобной ситуации. Когда пытаешься разойтись мирно, пока еще не достигнута грань, за которой возможна потеря лица. Терпишь, усмиряя гнев внутри себя, но кусок уже не лезет в горло, как бы голоден ты в этот момент ни был.

На ладонь Алексея легли тонкие пальчики Эльви.

— Мой господин,— тихо, но явно взволнованно начала она,— мне кажется, что...

— Они и визжали как свиньи, умоляя оставить им их никчемные жизни! — громко продолжил рассказчик под дружное ржание своих собутыльников, напрочь заглушив последние слова Эльви.

За одним столом с орком ужинали двое неприметных людей, которые, поняв, что напряжение нарастает, предпочли исчезнуть, подхватив свои миски с едой. Зур заворчал едва слышно, почувствовав это напряжение своей звериной половиной и искренне сочувствуя тому, кто пока только эмоционально был один против многих. И хотя орки и оборотни не пересекались в обычной жизни, Зур не мог реагировать иначе. Оторок осторожно положил руку на плечо Зура, а когда тот обернулся к нему, предостерегающе покачал головой. Зур бросил взгляд на Алексея и уткнулся в стоящую перед ним миску с только что принесенным бойкой девушкой тушеным мясом в восхитительном овощном остром соусе.

Однако подвыпившая задиристая компания не собиралась останавливаться на половине пути. Что за вечер без доброй драки, да еще если выдалась возможность устроить потасовку с тупым орком, которого во всем городе никто не поддержит? А уж в этой харчевне хорошего постоялого двора, где останавливаются только достойные люди, и подавно.

— Ха. Это нисколько не удивляет меня,— согласился другой собутыльник.— Ты видел орочьих женщин? Каждый, кто хоть раз видел их, не забудет такого уродства никогда. Я не знаю ничего страшнее. Что же удивляться, что столь мерзкие твари рожают таких трусливых и бесчестных ублюдков. Да к тому же...

Договорить он не успел, потому что так и не обглоданная баранья нога со смачным звуком угодила ему прямиком в лицо. Да с такой силой, что человек кувыркнулся с лавки, ударив взбрыкнувшими в воздухе ногами по столу и опрокинув все на нем находившееся. Пожалуй, у многих забияк удар кулака оказался бы слабее, чем эта оплеуха прилетевшего от соседнего стола куска ароматного мяса на кости. Взвыв разноголосицей, вся компания выметнулась из-за стола, повалив лавки и окончательно опрокинув свой стол. Только и дожидаясь повода перейти от слов к делу, они устремились к обидчику. Тем более что теперь и свидетели подтвердят: орку воздали как раз за то, что обидел отдыхающего за добрым столом человека.

Но огромный орк оказался на ногах едва ли не раньше и теперь жестко встретил особо рьяных тяжелыми ударами своих огромных кулаков. Он не играл на публику и не тратил силы на лишние движения. Каждый удар его, до скупого выверенный и эффективный, достигал цели. В каждом движении ощущалась сила опытного воина или хищника в полном рас-

цвете сил. Никто пока не брался за оружие: забияки — уверенные в своем численном и физическом преимуществе, которое наверняка не раз уже было испытано ими в подобных потасовках, а орк — то ли не считая нужным прибегать к силе оружия, то ли еще по какой-то одному ему известной причине. Выше своих многочисленных противников на голову, орк выглядел сейчас тигром, оказавшимся в овчарне. Хрустели кости, не выдерживая удара кулака, сравнимого с ударом молота, разлетались в разные стороны тела, к крикам ярости обильно добавились вопли ужаса и боли. Теперь уже народ со всех окружающих столов поспешил ретироваться по углам, а то и вовсе покинуть харчевню, несмотря на такое представление.

Уже разлетелись в стороны, сбитые падающими драчунами, соседние столы и лавки. Уже стало очевидно, что тем, кто еще оставался на ногах, не только не одолеть свирепого орка, но и не продержаться против него особо долго. И в этот момент дверь с треском распахнулась — и в харчевню ввалился отряд из двух десятков стражников. Их вел, что-то крича и тыча в сторону дерущихся пальцем, тот самый рассказчик, который, получив по физиономии бараньей ногой, немного полежал под столом для порядка, а после незаметно исчез. Стражники бросились на помощь пьяным забиякам, а орк, понимая, что силы слишком неравны, взревел, словно раненый медведь, и заработал кулаками с удвоенной частотой. Он молотил кулаками, сшибал плечом, бодал головой. Кого-то мощным пинком отправил в недолгий полет, кого-то бросил через себя, как отменный борец. Но теперь его неминуемо теснили к глухой стене, все больше прижимая и ограничивая в пространстве. Получившие свое стражники не на шутку разозлились. Зазвенело

оружие. По всей видимости, оставлять яростному орку жизнь больше не собирались.

Алексей окинул своих притихших друзей взглядом. Зур красноречиво смотрел ему в глаза — как боевой пес, чувствующий врага и только терпеливо дожидающийся от хозяина разрешения. Чолон и Эйра смотрели исподлобья, стараясь не встречаться с Алексеем взглядами, словно им было неловко от того, что они оказались наблюдателями столь некрасивой картины. Оторок что-то бормотал в бороду, сжав рукоять секиры так, что побелели костяшки пальцев. И только Эльви наблюдала за происходящим с веселой усмешкой, явно развлекаясь. Казалось, только она нисколько не сомневалась в исходе драки.

Орка тем временем зажали в угол. Он не мог воспользоваться оставшимся у стены длинным мечом и отбивался отломившейся от стола ножкой. Некоторые из стражников пытались достать его мечами, не решаясь, однако, слишком приблизиться.

— Пожалуй, пора, мой возлюбленный господин,— зашептала Эльви, наклонившись к самому уху Алексея.— Судьба благоволит к тебе, посылая столь удачный случай. Но еще чуть-чуть — и будет поздно.

Алексей не стал ей даже отвечать, и сам осознавая, что дальше оставаться безучастным зрителем просто не может. Поднявшись, он легко перепрыгнул через длинный стол, за которым сидел, в два быстрых шага приблизился к свалке и, перехватив руку с мечом одного из охранников, влепил ему хлесткий боковой в ухо. Охранника будто конь лягнул — кувыркнувшись, он приземлился в странной позе, близкой к «березке», и, проехав так пару метров, обмяк. Алексей ринулся дальше, услышав за спиной радостный крик своих друзей, получивших наконец свободу действий. Стремительный Зур обогнал всех и врубился в мечущихся

вокруг орка стражников, разметывая их, словно шар в боулинге легкие кегли. Он и не думал трансформироваться — глупо лезть в кулачный бой во всеоружии. И ничего, что многие из противников потрясают мечами и кинжалами. В тесноте харчевни им же и хуже.

Побросав свое оружие прямо на стол, друзья Алексея устремились следом. Он с изумлением увидел, как Эйра, отбив плечом направленный ей в лицо удар, шагнула и буквально вбила свое колено в живот противника. Ее кулачок коротко стеганул по челюсти захлебнувшегося воздухом детины. Тот еще падал, а девушка юркой змеей скользнула в самую гущу разворачивающейся битвы. Кто-то попытался съездить Алексею в челюсть, и он, засмотревшись на Эйру, лишь чудом успел уклониться. Руки сами привычно подцепили противника за рукав и ворот, тело ввернулось в него, ноги придали нужное ускорение, и Алексей, проведя бросок через бедро, смачно приложил врага об пол. Алексей нагнулся, нанося добивающий в не защищенную слетевшим шлемом голову. Над ним с криком «Берегись!» пролетел гном, каким-то странным ударом ног унося нависшего над Алексеем нового врага.

Лишь Эльви осталась за столом, все с той же улыбкой наблюдая за происходящим.

Несколько стражников, поняв, что легкой победы над одиноким орком не получилось, торопливо отступили, сбежав кто через главные двери, кто через кухню. Все закончилось еще быстрее, чем началось,— только что все остервенело молотили друг друга, и вот уже уцелевшие бежали, оставив валяющихся без сознания или сильно побитых. Победители, тяжело дыша и яростно сверкая глазами, осматривались. Алексей окинул взглядом своих друзей, убеждаясь, что никто из них серьезно не пострадал. Только несколько

синяков, шишек да ссадин. И вдруг он заметил, что не хватает главного — бесследно исчез сам громадный орк, из-за которого вся эта потасовка и началась. Раздосадованно сплюнув на пол, Алексей вернулся к своему столу.

— Он просто свалил,— сообщил он колдунье, словно та не видела все своими глазами.— Даже спасибо не сказал.

— Зато так славно размялись,— возразил довольно усаживающийся на лавку оборотень.— Давно не дрался на кулаках.

— Не дрался он давно,— заворчал мрачный гном.— А о том, что от этой драки нам одни неприятности, ты не подумал? Хотя какие мысли в твоей голове, ты ведь ею только ешь. А хозяин за погром не иначе как нам счет выставит. Да и от побитой городской стражи могут претензии быть, хоть они и действовали сами, как разбойники с большой дороги.

— Хозяин-то выставит,— согласилась Эльви, все так же улыбаясь и глядя на Алексея влюбленными глазами.— Пусть его. Деньги у нас есть. А Судьба не напрасно устроила это. Значит, все еще ждет в грядущем. Пойдем, мой возлюбленный господин, в твою комнату. Я обработаю твою рану.

Раной была ссадина на виске, которую Алексей чувствовал по легкому жжению, но истинные цели колдуньи он понимал отлично, как наверняка и все остальные. И Алексей совершенно не испытывал тревоги по поводу последствий недавнего кулачного боя, зато возбуждения после оного оставалось в достатке. Поэтому Алексей позволил девушке увлечь себя наверх, оставив друзей обсуждать происшествие и заканчивать прерванный ужин.

— Проснись, господин,— едва слышно прошептал Зур, касаясь пальцами плеча Алексея.— Похоже, по нашу душу пришли гости незваные.

Сон мгновенно слетел с Алексея. Он ощутил себя в своей комнате, оборотня рядом, друзей в коридоре и даже отголоски злобы за пределами дома. В голове мелькнула мысль: «Неужели Зур вот именно так чувствует то, что вовсе невидимо простому глазу и неслышимо простому уху?» Но мысль эта мгновенно упорхнула, оставив зарождающуюся тревогу.

— Что за гости? — спросил он у оборотня, хотя уже наверняка знал, что им сейчас аукнется столь бесцеремонное отношение к представителям городской стражи.

Попробовали бы они в московской гостинице окучить нескольких милиционеров, пусть даже работающих на подряде у местной братвы. Да еще после этого не свалили бы подобру-поздорову, а остались отдыхать в снятых номерах. Правда, в этом небольшом городе, в отличие от Москвы, сваливать особо некуда. Чужеземцев, да еще в столь колоритном составе, пожалуй, везде найдут. Разве что бежать из города. Но тогда опять получится бег от проблем, который не поможет решить задачу и достичь цели, а лишь уведет от этой цели еще дальше. Так что бегать нет смысла — надо идти напролом. Возможно, выглядит глупо, но иного-то пути нет вовсе.

— Городская стража, господин,— пояснил Зур, подходя к окну и осторожно выглядывая в утренний сумрак.— Много и со всех сторон.

Заслышав голоса, в комнату ввалились все остальные, а гном, слышавший последние слова оборотня, добавил:

— Притом в полном доспехе и при оружии. Они не кулаками махать сюда пришли. А в местной тюрьме мы немного навоюем.

— А если с боем? — спросил с надеждой Алексей.

— У них лучники есть на этот раз,— подал голос Чолон.— Да и стражников слишком много. Без потерь не уйдем, но попытаться можно.

— А вариантов иных у нас и нет,— согласился Алексей.— Оторок верно заметил — из местной тюрьмы мы ни себе, ни тарам не поможем. Значит, будем пробиваться.

— Эй, чужеземцы! — загремел на улице голос.— Вы обвиняетесь в нападении на городскую стражу, находящуюся при исполнении! Выходите! Вас будет судить честный и справедливый суд городского совета Ремекесса! Не отягощайте своего преступления сопротивлением! Выходите и сдайтесь на милость городского суда!

— Проклятье обвалившейся штольни! — воскликнул гном, подскакивая к открытому окну.— Неужели вы считаете нас недоумками?! Неужели кто-то верит в справедливость городского суда, да и вообще любого суда, вершимого смертными?! Да еще смертными, находящимися в пленении у лживых и коварных колдунов?! Да никогда...

Он не успел договорить, потому что Зур, ухватив его за шиворот, сильным рывком отдернул от окна. И тотчас свистнула влетевшая стрела. Пронзив пустоту в том месте, где мгновение назад стоял гном, стрела вонзилась в противоположную от окна стену под самым потолком.

— Вперед! — прозвучала во дворе громкая команда.— Злобные еретики там, наверху! Взять их живыми или мертвыми! Вперед!

— Чолон и Эйра — в комнатах на окнах! — скомандовал Алексей, чувствуя, как меч начинает шеве-

литься в его ладони.— Мы с Отороком на лестницу. Зур в коридоре на случай, если они полезут где-то еще или кому-то потребуется помощь. А ты, Эльви, оставайся здесь. Наблюдай за всем происходящим. Если дело станет совсем плохо, создашь портал куда-нибудь. Только постарайся закинуть нас не слишком далеко.

— Ложись! — крикнул наблюдающий из окна Чолон и стремительно пригнулся.

Все незамедлительно подчинились, а в следующий миг в стены комнаты часто застучали стрелы, выпущенные из луков и арбалетов. Алексей на четвереньках выбрался в коридор, торопясь достигнуть лестницы. Снизу, из обеденного зала, доносился топот многочисленных стражников и бряцание оружия. Судя по всему, ни о каком прорыве не могло быть и речи. Оставалось только уходить через портал, созданный колдуньей. Благо после сегодняшнего вечера и «залечивания страшной раны» колдовских сил у нее должно быть предостаточно.

Рядом с Алексеем появился гном, держа на плече свою огромную секиру.

— Может, нам стоит сразу уйти через портал? — спросил он едва слышно, словно озвучивая недавние мысли своего господина.

Но какая-то несформировавшаяся мысль не позволяла Алексею принять такое решение. В голове звучали слова Эльви: «А Судьба не напрасно устроила это. Значит, все еще ждет в грядущем». Уйти через портал, созданный колдуньей, ума много не надо. Только это отбросит их с намеченного пути надолго назад. Если вообще продолжение этого странного похода останется возможным. Но ведь не в славном бою и доблестной смерти смысл того подарка Судьбы, о котором говорила колдунья. Алексей увидел на лестнице первых

стражников в тускло отсвечивающих доспехах — двое арбалетчиков с взведенными арбалетами. Увидев приготовившихся к обороне, арбалетчики одновременно выстрелили. Алексей отшатнулся, прячась за угол, а Оторок умело прикрылся секирой. Один арбалетный болт вонзился в стену, разметав в стороны щепу. Второй, с громким звоном срикошетив от широкого лезвия секиры, унесся во тьму длинного коридора. Арбалетчики отступили, пропуская воинов с мечами и небольшими щитами. Алексей шагнул вперед, поднимая полностью сформировавшийся меч. Он все пытался понять, что за мысли не позволяют ему отступить и уйти через портал.

И в этот момент на улице метнулся жуткий рев, более всего похожий на грозный рык десятка разъяренных тигров. Алексей заметил, как побледнели лица готовых начать атаку стражников. Как замерли они, остановившись в нерешительности. С улицы донеслись разрозненные крики, сдобренные паническими нотками.

— Тебе нужно на это посмотреть, господин,— возник рядом оборотень.

— Останься с Отороком,— кивнул Алексей, не решаясь, несмотря на заминку стражников, оставить гнома на лестнице одного.

Он быстро прошел в комнату, где Чолон со своим коротким луком внимательно вглядывался в происходящее за окном. Там, в тылу окружившего постоялый двор отряда городской стражи, появились новые, гораздо более многочисленные персонажи. Огромные звери — то ли медведи, то ли тигры темного, почти черного окраса — гарцевали в свете фонарей, скаля жуткие клинки зубов. А верхом на них восседали вооруженные орки. И именно орки грозно рычали и потрясали оружием, готовясь к возможной битве. А

городская стража, только что собиравшаяся штурмом брать постоялый двор, теперь жалась к его стенам, словно стая дворняг, вокруг которых кружили голодные волки. От отряда орков отделился сидящий на огромном звере воин, в котором Алексей вдруг узнал того самого орка, за которого заступились они недавно в харчевне.

— Мне нужны те, за кем вы сюда пришли! — прорычал он грозно.

Капитан городской стражи несколько мгновений мялся, но потом, решившись, а вернее, отчаявшись, шагнул вперед:

— Мы посланы советом города и должны представить этих чужеземцев пред очи суда городского совета Ремекесса,— возразил он, потея от страха.— Мы находимся при исполнении, и любой, кто попытается противиться воле городского совета, окажется вне закона.

Орк от души расхохотался, совершенно не скрывая звучащего в его хохоте презрения и к городской страже, и к городскому совету, да и к самому городу тоже. Капитан городской стражи, слушая этот долгий издевательский хохот, то багровел от переполняющей его ярости, то бледнел от страха за последствия неверно выраженных в общении с орками эмоций.

— Совет Ремекесса — всего лишь игрушка ордена гноров. Послушная, готовая на любое унижение и подлость мелкая игрушка,— прорычал орк, наконец отсмеявшись.— Если ты горишь желанием, человек, я могу высказать свое мнение и о твоей городской страже, и о тебе лично. Впрочем, ты и твои люди могут вопреки разуму и плачу ваших мелких, трусливых душонок попытаться исполнить волю вашего презренного совета. Мы очень надеемся на такой исход. Мои воины с огромным удовольствием напоят свои мечи

свежей кровью. А я многократно отплачу за обиду, нанесенную мне сегодня. И заметь, презренный, я даже не прошу отдать мне тех, кто начал сегодня эту мелкую ссору. Я найду их потом сам. А теперь довольно болтовни. Решай — смириться или умереть.

При последних словах вожака все орки осадили своих жутких зверей и замерли в одинаковой позе, отведя чуть назад и вбок ужасающие огромные мечи— готовые в следующее мгновение ринуться в неудержимую атаку и превратить в парное мясо все, что осмелится оказать им сопротивление.

Алексей с изумлением наблюдал за происходящим из окна своей комнаты. В середине разговора орка с капитаном городской стражи в комнате появился Зур.

— Что случилось? — повернулся к нему Алексей.

— Они все ушли,— пояснил оборотень, пожимая тяжелыми плечами.— Оторок на всякий случай остался на лестнице. Но я больше не ощущаю агрессии от них. Вряд ли на нас нападут вновь.

— Хорошо, останься,— кивнул Алексей и вновь повернулся к окну.

А во дворе тем временем происходили интересные вещи. Численность городской стражи стремительно сокращалась — рядовые стражники сначала медленно, таясь, а потом уже не скрываясь, разбегались, понимая, что в случае негативного развития событий все закончится для них кровью, болью и смертью. Орки не обращали на разбегающихся никакого внимания, пропуская их беспрепятственно меж собой. Ни один меч не дрогнул в сторону бегущих. Сталь жаждала крови сопротивляющегося врага, встречающего смерть без страха, с честью и доблестью. В конце концов у постоялого двора остался капитан городской стражи с от силы двумя десятками бойцов за его спиной. Да и

те старались даже не смотреть в сторону жутких орков, моля в душе своего начальника быть благоразумным.

— Ну что, человек, ты принял решение? — улыбнулся орк, показывая огромные клыки.— Мои воины больше не могут ждать.

Несколько секунд капитан городской стражи молчал, пытаясь сохранить лицо, затем махнул рукой и сразу сник.

— Да черт с ним. Пусть сами разбираются со вторым городом,— пробормотал он и понуро побрел прочь.

Следом, гордо вздернув подбородки, двинулись оставшиеся стражники. Теперь их совесть оказалась совершенно чиста, ведь они выстояли до конца и покидали поле противостояния со значительно превышающей их по численности стаей орков не по трусости, а лишь следуя за своим командиром. Теперь их имена обретут новое звучание, почти такое же, как если бы они приняли бой и с честью вышли из него.

Едва городская стража покинула окрестности постоялого двора, как большинство орков, слегка разочарованных тем, что все закончилось без сечи, тоже разъехались. Напротив парадного входа осталось не более десятка воинов под предводительством огромного орка.

— Все за мной! — скомандовал Алексей и бегом припустил во двор.

Он не хотел упускать второй раз посылаемый Судьбой шанс. Правда, у самых дверей он притормозил и вышел на улицу неторопливо и гордо, как и подобает воину, который никому ничем не обязан и равен самим богам.

Орк чуть склонил голову, едва заметно улыбнувшись.

— Я приехал пригласить тебя и твоих спутников к себе в гости, чтобы поблагодарить за помощь, ока-

занную за сегодняшним ужином,— сообщил он, гладя своего верхового зверя по лоснящейся холке.— Меня зовут Хардар.

— Я рад знакомству с тобой,— ответил Алексей.— И с радостью принимаю приглашение столь достойного воина. Меня зовут Алексей. Я прибыл в ваш мир... прибыл... издалека.

— Лексар? — переспросил, не расслышав имени, орк.

— Алексей. Хотя какая разница. Пусть будет Лексар,— согласился Алексей на более удобное для восприятия орка имя, подумав, что истинного своего имени он и сам не знает.

Орк кивнул одному из своих воинов, и во двор вбежали шесть оседланных жутких зверей, точно таких же, какие были под всеми орками. Разве что эти «гостевые» монстры выглядели чуть меньшими в размерах, не столь могучими и не такими свирепыми.

— Ты хочешь, чтобы мы поехали на этих жутких созданиях, господин? — испуганно зашептал за спиной Алексея Оторок.— Мы же с девушками, а они наверняка остерегутся подходить к таким страшилам.

— Говори за себя, коротышка,— бросила почти так же тихо Эйра и первая шагнула к ближайшему монстру.

Ее гибкое, мускулистое тело взлетело в седло, словно девушка всю жизнь прожила среди кочевого племени. Алексей улыбнулся краешками губ, взглянув на гнома. И в это время по самолюбию Оторока последовал еще один удар — колдунья, услышав, что господин принял предложение, последовала примеру девушки-воина. Только, в отличие от Эйры, она поднялась в седло грациозно и неторопливо, будто особа королевской крови. Зур расплылся в широкой улыбке, глядя на своего низкорослого друга. А гном, прижатый к стенке таким поворотом событий, отчаянно шагнул

вперед. Его волнение было заметно лишь в том, как он опять изо всех сил стиснул свою верную секиру. Алексей не стал ставить Оторока в еще более неудобное положение и постарался больше не обращать на него внимания. Он окинул взглядом оставшихся «коней» и решительно подошел к тому, который выглядел самым сильным и агрессивным. В Забытом мире он немало поездил на настоящих лошадях самых разных пород. Он всегда любил этих животных и восхищался ими и, как только у него появилась возможность, записался в клуб верховой езды. Тем более что, как выяснилось, лошади испытывали к нему расположение. Тонконогие и невысокие арабские жеребцы с удивительно ровным шагом, больше похожим на полет. Рослые и своенравные орловские рысаки и кони буденновской породы... Все они, вне зависимости от норова, быстро признавали в Алексее хозяина. Инструкторы удивлялись, дожидаясь от Алексея общепринятого «проставления» за первое падение, да так и не дождались. Возможно, потому, что животные чувствовали в нем еще что-то, кроме обычного человека, что-то, о чем его сегодняшние друзья и соратники знали пока намного лучше его самого... Вот и сейчас Алексей ни на мгновение не сомневался, что зверь подчинится, пойдет послушно, не подведет.

Мягкий ход странных зверей оказался даже более комфортным, чем поразительный ход «арабов». Казалось, будто зверь под Алексеем не идет на конечностях, состоящих из костей и мускулов, а просто плывет над землей. Алексей так увлекся новым странным ощущением, что не заметил, как отряд из его друзей, Хардара и сопровождающих орков оказался у городских ворот. Только, если Алексею не изменяли его чувства, эти ворота располагались где-то с другой стороны города от тех, в которые путники вошли. К немалому

удивлению Алексея, стражники ворот принадлежали к расе орков. Впрочем, в следующую секунду Алексей заметил и человеческую стражу — несколько стражников-людей играли в карты в небольшой беседке, расположенной рядом с караулкой. Они были явно навеселе, и служба казалась им медом. Хардар сделал едва уловимый жест, и тяжелые створы ворот поползли в стороны. Алексей представил, как они будут скакать на странных зверях по ночному лесу или по долине, пока не окажутся у какой-то пещеры, в которой обитают грозные орки. Тем сильнее оказалось его изумление, когда, миновав ворота, он увидел убегающие в разные стороны городские улицы. Словно стена оказалась зеркалом, отразившим город на другую свою сторону. Отряд двинулся по улицам этого города-близнеца, а Алексей, кинув взгляд назад, отметил и толщину затворяющихся ворот, и многочисленность отряда орков, дежурившего уже по эту сторону.

— А городок-то с секретом,— негромко заключил Алексей, но орк расслышал его слова.

— Не городок с секретом, а вся наша жизнь.— Хардар улыбнулся.— Это два разных города, хотя они и срослись стенами. В том, что остался за спиной, непререкаема власть гноров и все живут по писанным ими законам. В этом, что мы зовем родным, обитают лишь изгои. Мы не признаем власти гноров и всячески противимся ей. Мы не в силах покинуть пределы этого мира, как когда-то могли наши далекие предки. Но сопротивляться и раз за разом с честью погибать несломленными мы вполне можем. И потому нам сладка смерть в бою против всего того, что олицетворяет владыка этого мира. И именно поэтому так ненавидят всех живущих в нашем свободном городе те, кто живет под дланью гноров. Ведь свободный духом и в заключении может оставаться свободным.

Алексей кивнул, задумавшись над тем, что вообще-то такая интерпретация свободы несколько отличается от «делать то, что хочется». Ибо вряд ли те, кто мечтал «делать то, что хочется», способны были расплачиваться за это собственной смертью. Пусть даже и не окончательной. Ибо вряд ли удар мечом или укус стрелы, пронзившей глаз и мозг или пробившей грудь и легкое, будут так уж безболезненны.

Стены из ровно обтесанных каменных глыб больше походили на стены крепостной башни, впрочем, и сам дом скорее являлся небольшой крепостью, состоящей из центральной широкой башни и двух довольно длинных крыльев. Вне всякого сомнения, в таком доме можно было выдержать долгую осаду. Ни одного окна на первом этаже, небольшой дверной проем, надежно защищенный толстой, окованной стальными полосами дверью. Окна на верхних этажах, больше походящие на высокие бойницы. Таким оказался дом доблестного Хардара, возле которого остановился отряд.

— Мой дом — твой дом,— произнес орк древнюю формулу гостеприимства, жестом приглашая гостей войти.— Будь желанным гостем, как и твои спутники.

Алексей благодарно кивнул и шагнул на порог дома. Орки, принявшие от гостей поводья верховых зверей, заводили их в огражденный высоким каменным дувалом внутренний двор. «Интересно, какая у них там конюшня?» — промелькнула у Алексея мысль. Рысаки явно относились к какому-то хищному виду. Он представил, сколько мяса нужно для того, чтобы накормить табун таких жеребцов.

Внутри дом оказался столь же колоритным, как и снаружи. На удивление просторные комнаты были слишком скупо обставлены, зато в каждой из них ле-

жало и висело на стенах бесчисленное количество разномастных ковров и шкур. Поэтому сесть или лечь можно было практически где угодно. Но еще больше чем ковров и шкур во всех комнатах оказалось разномастного оружия. Простые, но функциональные клинки, от которых веяло невероятной древностью, соседствовали с более современными, поразительно красивыми, созданными мастерами кузни. Алексей даже усомнился, что столь изысканное и совершенное оружие вообще возможно создать простым молотом и человеческими руками. Мечи самых разных форм, топоры, боевые молоты и разномастные палицы, луки и арбалеты... Такой коллекции позавидовала бы любая оружейная палата.

— Здесь собрано оружие многих поколений и разных народов,— пояснил Хардар, заметив, с каким интересом не только Алексей, но и его друзья рассматривают удивительную коллекцию.— Здесь есть творения лучших мастеров-оружейников.

— Потрясающая коллекция,— похвалил Алексей совершенно искренне, понимая, что в этом доме и у такого хозяина все оружие может быть только настоящим, боевым, а не теми по большей части примитивными муляжами, которыми украшают свои жилища пресловутые «новые русские».

— Рад, что тебе понравилось. Если найдется в моей коллекции что-то достойное, я с радостью подарю это оружие тебе,— улыбнулся орк, жестом подзывая появившуюся на пороге молодую девушку человеческой расы.— Эту служанку зовут Юлит. Она покажет вам приготовленные для вас гостевые покои. Будет немного времени, чтобы отдохнуть или освежиться. А чуть позже я приглашаю вас за праздничный стол.

Девушка повела гостей через просторные, но довольно плохо освещенные комнаты в гостевое крыло

дома. Алексей отметил про себя, что при таком количестве комнат обитателей в доме должно быть довольно много. То ли определив иерархию гостей самостоятельно, то ли заранее получив распоряжения на этот счет от своего хозяина, девушка разместила Оторока, Зура и Чолона в одной большой комнате, Эльви и Эйру в другой точно такой же, а Алексея привела в еще бо́льшую комнату, в которой размещалось низкое огромное ложе, небольшой стол с письменными принадлежностями и отгороженная висящими на растяжках коврами и ширмами ванна, вернее, небольшой каменный бассейн причудливой формы со ступенями и подводными скамьями. В этой комнате окон-бойниц оказалось на порядок больше, чем во всех предыдущих, поэтому света доставало для ощущения еще бо́льшего простора и свежести.

— Господин хочет чего-нибудь? — спросила Юлит с чарующей улыбкой.

— Скажи, а по какому поводу сегодня устраивается праздник? — поинтересовался Алексей, рассматривая служанку.

Девушка была необычайно хороша — высокая, сильная, с осиной талией, длинными, мускулистыми ногами и высокой, налитой грудью. Совершенство ее фигуры отлично подчеркивали ее одежды, похожие на одежды красавиц Востока. Красивая длинная шея, припухлые губы и бездонные черные омуты глаз. И грива черных волос, дразнящими, завитыми мелко локонами обрамляющая смуглое лицо. В ее движениях, взгляде и даже в интонациях ее голоса скрывалось нечто, от чего Алексей почувствовал приятное волнение, горячей волной растекшееся по телу. Он не знал ее и десяти минут, но уже горячо желал ее. Вот только не пристало гостю, едва оказавшись в гостеприимном доме, проявлять такие чувства.

— А разве воинам нужен какой-то выдающийся повод, для того чтобы устроить праздник? У хозяина добрые гости. Разве это не достаточный повод? Да и вообще, разогнать кровь никогда не мешает.

— Да, это вполне понятно,— согласился Алексей, стараясь больше не смотреть на девушку, чтобы не показаться невежливым.

— Господин желает принять ванну? Массаж? — предложила Юлит.

— Нет, спасибо,— решительно отказался Алексей, понимая, что если красавица будет еще и помогать ему принять ванну или делать массаж, то вряд ли он сумеет долго убеждать себя в святости прав хлебосольного хозяина дома и необходимости вести себя достойно.

Девушка поклонилась и покинула комнату. В этот миг Алексею показалось, что на ее лице промелькнуло что-то наподобие удивления.

Оставшись один, Алексей все же забрался в бассейн. Вода оказалась такой температуры, когда она уже не воспринимается как холодная, но все еще освежает. К тому же от нее шел едва ощутимый аромат неведомых горьких трав. Недолго поплескавшись, Алексей выбрался из бассейна и, вытеревшись чистым тканым полотенцем, растянулся на огромной кровати. Он вовсе не собирался спать. Только немного отдохнуть и обдумать сложившуюся ситуацию. Тем более что подумать было над чем — ему начал нравиться этот мир, куда он провалился из понятной и простой Москвы. Тут все было непонятно и слишком сложно, но в то же время он чувствовал себя с каждым новым днем все увереннее и спокойнее. Вот и сейчас на пороге неизвестности в доме странного воина, раса которого в рассказах Забытого мира олицетворяется почти всегда со злом, Алексей совершенно не ощущал ни опас-

ности, ни напряжения. Поэтому за ленивыми мыслями о сущем он незаметно провалился в легкий, спокойный сон.

Длинный стол, способный, казалось, вместить полсотни едоков, ломился от всевозможных яств. Правда, на этом столе нельзя было отыскать каких-то изысканных деликатесов. Достаточно простая кухня: много мяса, специй, солений и свежей зелени, море вина — вот практически и весь ассортимент. Сам зал, в котором находился этот длинный стол, вызвал у Алексея ассоциации со средневековым замком — стены из непокрытого камня, огромный камин, сложенный у длинной стены, развешанное по стенам оружие и грубоватый деревянный стол со столь же простыми, но прочными стульями. Гостей усадили по левую руку от восседающего во главе стола Хардара. Напротив, по правую руку от своего вожака, расположились с десяток орков и почти столько же людей. Да еще довольно приличная часть стола осталась незанятой. Алексей, сидящий рядом с Хардаром, с интересом осматривал пиршественный зал. Несмотря на кажущуюся простоту, блюда обладали великолепным вкусом, поэтому после тревожного утра путники с удовольствием воздали выставленным угощениям должное.

Вскоре доброе вино и вкусная еда возымели свое действие — сидящие за столом расслабились. Зазвучали неформальные тосты и веселые речи. Кто-то вспоминал недавние боевые походы, кто-то обсуждал красавиц из гарема правителя города, кто-то хвалился новым потрясающим мечом. Вскоре один из слуг внес большой деревянный щит и повесил его на крюке, торчащем из узкой стены длинного зала.

— Воины созрели, чтобы немного потешиться,— пояснил Хардар, кивая в сторону щита.— Они всегда так. Вне зависимости от того, кто какую славу снискал в боях, продолжают, как малые дети, соревноваться на таких пирах. Но хуже от этого ведь не будет. Пускай разгонят кровь. Кстати, Лексар, ты прогнал Юлит. Она не понравилась тебе?

— Прогнал? Не понравилась? — опешил Алексей.— Я думал...

— Ты подумал, что она моя наложница? — хохотнул орк.— Что с того, если бы это было и так? Что для воина женщина? Тем более что ты ей как раз очень понравился. А Юлит обучалась в храме жриц любви. В искусстве обольщения ей нет равных. Так, значит, ты просто берег честь моего дома? Похвально для воина. Смотри, они начинают.

Несколько орков и людей вышли из-за стола и теперь демонстрировали свое умение метать ножи и кинжалы. Расстояние постепенно увеличивалось, менее умелые выбывали. Но ни один из них не был огорчен таким поворотом событий, радуясь в рядах зрителей успеху более опытных товарищей.

— Не хочет ли кто-то из твоих воинов принять участие в забаве? — поинтересовался Хардар, внимательно взглянув на Алексея.— У нас не принято смеяться над чужим промахом и завидовать чужой победе.

Алексей взглянул на своих друзей и заметил в их глазах неподдельный интерес и нетерпение. Странно, что он сам не додумался предложить и им принять участие в состязании. Показать себя, пусть пока только в шуточном противоборстве, могло оказаться им на руку. Верно истолковав взгляд господина, из-за стола поднялась гибкая и стройная Эйра. Краем глаза Алексей заметил, как удивленно поднялась безволосая бровь Хардара. Следом за девушкой поднялся Чолон.

Видимо, они успели в двух словах сговориться о чем-то. Он отошел к противоположной от щита стене зала, прихватив колчан со своим легким луком и стрелами. Эйра, забрав у Чолона все три его разномастных кинжала, замерла в десятке шагов от него, на линии между ним и щитом. Все притихли, ожидая продолжения. Упражняющиеся в метании ножей раздались в стороны, освобождая пространство перед щитом. Алексей и сам не мог понять, что задумали его друзья. И тут Чолон сделал первый выстрел. Никто даже не успел заметить, как он извлек стрелу из колчана. Только что стрелок стоял расслабленно, глядя на улыбающуюся ему Эйру, и вдруг стрела уже запела, рассекая воздух. А девушка сорвалась одновременно со стрелой, словно и ее бросила к мишени невидимая тетива. Она, будто цирковая акробатка, прыгала с ног на руки, уклонялась в стороны, взвивалась в воздух. А Чолон пускал стрелы безостановочной очередью. Стрелы летели вокруг, над, под стремительно приближающейся в таком акробатическом танце девушкой, и каждая ложилась в свою строго определенную точку узора, вышиваемого на щите. Достигнув удобного для броска расстояния, Эйра, не замедляя движения, начала метать ножи. Последний нож и последняя выпущенная Чолоном стрела вонзились в центр щита одновременно. Тишина, повисшая в зале, длилась несколько мгновений, пока все присутствующие изумленно пялились на расслабленно привалившегося к стене стрелка, на все так же весело улыбающуюся ему девушку, остановившуюся в пяти шагах от мишени, на сам щит, густо утыканный стрелами и ножами. А потом грянул восторженный рев почти тридцати глоток.

— Твои воины удивили меня, Лексар! — прокричал Хардар.— Я еще не видел столь искусного стрелка. И я не видел такого хладнокровного и умелого воина,

как... как... У меня даже язык не поворачивается называть столь доблестного воина женщиной. Война не лучшее занятие для женщины. Но эта красавица действительно даст фору многим опытным воинам. Не хотел бы я в бою оказаться на стороне противников этих двоих.

— Я рад, Хардар, что твои воины столь честны, что умеют восхищаться умениями других,— ответил Алексей совершенно искренне.— Поверь, это не так часто встречается, к сожалению.

Застолье продолжилось, и многие пожелали поднять свои кубки за искусных воинов, только что показавших чудеса своего воинского мастерства. Но через некоторое время забавы возобновились. Кто-то показывал мастерство владения мечом, кто-то виртуозно обращался с копьем, но больше всех отличился малорослый, но необычайно широкий орк с короткой шеей и руками более толстыми, чем талия Эйры или Эльви. Он вышел со своим тяжелым, боевым молотом на длинной рукояти и показал столь совершенное владение этим грозным оружием, что со стороны казалось, будто в руках его живет своей собственной жизнью невесомая детская игрушка. Алексей с восхищением следил за могучим орком и удивлялся, отчего в Забытом мире рассказывают об орках как о средоточии всего злого, низменного и грубого. На самом деле в них присутствовала своя красота, возможно с излишком брутальности и агрессивности, но тем не менее.

— Потрясающе! — восхитился в свою очередь Алексей, заметив, как при этом его возгласе довольно оскалился Хардар.— Возможно ли проделывать такое? Надеюсь, у меня не галлюцинации!

Хардар жестом подозвал завершившего свое выступление орка, а когда тот подошел, гордый восторженным ликованием пирующих, представил его:

— Это мой брат Рагзар. А это его верный боевой молот. На счету этой парочки бесчисленное количество поверженных воинов, большая часть из которых были достойнейшими бойцами.

Алексей даже на расстоянии шага ощутил исходящую от Рагзара звериную мощь и почувствовал неподъемную тяжесть его молота. Коренастый орк приветливо рыкнул, стукнул себя в грудь рукоятью молота и, кивнув, удалился к дожидающимся его с полными кубками товарищам. А Алексей вдруг заметил, как из-за стола поднялся Оторок. Гном был серьезен и сосредоточен. Он выглядел сейчас как гимнаст перед выходом на выполнение соревновательной программы. Тяжелая секира блеснула лезвием, качнувшись в полурасслабленной кисти. Пальцы придали тяжелому оружию удивительно интенсивное ускорение. А гном запел негромкую песню на каком-то древнем языке. Все вновь замерли, слушая мотив, родившийся, возможно, много веков назад во славу великим воинам. А секира набирала обороты, то взмывая над головой гнома, то описывая широкие круги, словно разрубая подбирающихся противников. Она тоже пела, рассекая воздух украшенным рунами лезвием, и это сочетание древней песни и боевого танца с грозным оружием делало выступление Оторока еще более завораживающим. В какой-то момент, когда грозное оружие с неимоверной скоростью вращалось в поднятой вверх руке гнома, Алексей вдруг подумал, что Оторок сейчас похож на тяжелый транспортный вертолет, готовый оторваться от земли. Он улыбнулся, любуясь неуклюжим и осторожным в обычных условиях гномом, который теперь выглядел просто богом войны. Только

очень низким и чересчур бородатым богом. И тут песня закончилась, а секира в тот же миг остановила свое вращение, будто не было никакой инерции и силы тяжести. Просто замерла в опущенной вниз руке, похожая теперь не на грозное оружие, а на посох путника. И вновь зал взорвался восторженным ревом.

Хардар наклонился к Алексею:

— Тебя сопровождают достойнейшие воины. Счастлив тот господин, чьи воины настолько хороши. К тому же смотрят на тебя они так, что я не сомневаюсь: любой из них с радостной песней отдаст за тебя свою жизнь в любую минуту. Пожалуй, только этому и можно завидовать. Доброй завистью сознавая, что есть к чему стремиться.

— Спасибо,— кивнул Алексей, наблюдая, как довольный собой гном наконец расплылся в широкой улыбке.

— Сейчас будет одна из самых интересных потех,— сообщил орк, отхлебывая из своего кубка.— Воины будут мериться силой в кулачных боях.

Алексей повернулся в сторону свободной площадки зала и обнаружил, что двое бойцов уже приготовились начать бой. Раздетые по пояс, они двинулись навстречу друг другу, поднимая кулаки.

— А каковы правила? — поинтересовался Алексей, не сводя глаз с поединщиков.

— Правила? — пожал тяжелыми плечами орк.— Да почти никаких. Нельзя сознательно калечить противника. Нельзя использовать что-то кроме того, чем наградила тебя природа. Нельзя намеренно убивать. Вот и все правила. Говоря иначе, веди себя по отношению к противнику так, как хочешь, чтобы он вел себя по отношению к тебе.

— Мудрые правила,— согласился Алексей.— И что считается победой?

— Ну тут еще проще,— рассмеялся Хардар.— Если противник сдастся, только ведь никто не сдается. Если он отключился или если ты поставил его в такое положение, что следующее твое действие повлечет смерть.

— Все гениальное просто,— кивнул Алексей, задумавшись.

Один из бойцов только что послал второго в тяжелый нокаут. Проигравшего тотчас оттащили в сторону, а победитель со звериным рыком вскинул руки над головой. И тотчас еще один орк выбрался из-за стола, желая бросить вызов победителю. Он выглядел не таким огромным, как Хардар и даже Рагзар, но в каждом его движении ощущалась сила опытного бойца.

— Это вышел Гаркон. Он наверняка и будет победителем,— пояснил Хардар.— Вряд ли кто-то решится бросить ему вызов. У нас нет таких сильных бойцов.

— Он не выглядит могучим,— удивился Алексей.

Действительно, новый поединщик казался намного слабее того, который только что выиграл бой.

— Сейчас увидишь,— довольно оскалился орк.

Бой начался. Два орка стремительно сблизились, причем теперь Алексею стало ясно, насколько быстр Гаркон. Он увернулся в последний момент от летящего ему в голову кулака, выполнив практически боксерский уклон. И тотчас, не позволив противнику уйти в оборону, послал кулак тому в массивную челюсть. Противник «поплыл», а Гаркон взвился в прыжке и обрушил локоть на прикрывающие голову руки противника. Удар оказался столь сильным, что тот рухнул без чувств под восторженный рев зрителей.

— Да, он быстр,— констатировал Алексей, все больше погружаясь в свои мысли.

Хардар недавно сказал: «Счастлив тот господин, чьи воины настолько хороши. К тому же смотрят на тебя они так, что я не сомневаюсь: любой из них с радостной песней отдаст за тебя свою жизнь в любую минуту». А насколько хорош он сам, Алексей? Ему вдруг вспомнилось, как отводили глаза в харчевне Чолон и Эйра, когда он слишком долго, по их мнению, играл роль стороннего наблюдателя, не вступаясь за одного правого, ведущего неравный бой. Злобная память мгновенно напомнила, как он впал в излишне долгий столбняк во время нападения на них охотников в мире таров. И это едва не стоило жизни верному Зуру. А после того боя он пытался разогнать всех по домам, говоря слова, ими совсем не заслуженные. Они в него верят, они идут за ним, хоть сам он не знает, куда идет. Они действительно не задумываясь готовы отдать жизнь. Но достоин ли он сам? Сейчас, а не когда он соединится с этой свой мифической Сутью. Ведь они готовы отдать жизнь именно за него сегодняшнего... Сейчас и здесь невелико испытание. Это не битва со всеми силами зла, противостоящими ему. Это лишь потешный кулачный бой. И они и так старались изо всех сил, заслужив белую зависть Хардара тем, что за Алексеем идут ТАКИЕ воины. Вряд ли кто-то из воинов орка может усомниться в его силе и храбрости. Он Воин. А кто Алексей?

Зур шевельнулся рядом, и Алексей почувствовал, что оборотень ощущает его мысли и, оберегая, торопится подняться и бросить вызов победителю. Алексей положил руку на плечо друга, вынуждая его сесть обратно на скамью, и поднялся сам. Он вдруг ощутил то чувство, которое не раз появлялось у него и в Забытом мире, и когда-то много раньше. Он должен сам. Он должен ввязаться в драку и доказать, что достоин их. Здесь — в потешном бою, завтра — в чем-то

более серьезном, послезавтра — в великом. А если нет, то ему надо бежать отсюда без оглядки в свой Забытый мир и прятаться там от своего позора, от своего поражения...

— Ты не возражаешь, доблестный Хардар, если я испытаю силы твоего воина? — обратился Алексей к орку.

— Это будет великая честь для него и для меня.— Хардар чуть склонил голову, с любопытством взглянув на Алексея.

Алексей шагнул через лавку и дальше, к дожидающемуся его с улыбкой Гаркону. Краем уха он уловил встревоженное ворчание Зура и вздох Оторока.

Алексей приветствовал противника сдержанным полупоклоном, ни на миг не отрывая взгляда от его глаз. Орк ответил удивленным кивком и тут же бросился в стремительную атаку. Алексей перешел на приставной скользящий шаг, уклоняясь от прямого удара. Кулак орка лишь вскользь задел скулу, но Алексею показалось, что его обухом по голове огрели. Он все же умудрился поймать орка за руку. Но противник оказался чересчур силен — и захват сорвался. Алексей прянул вбок, ударил ногой в бедро, стараясь «отсушить» ногу. Нырнул в противоположную сторону, вновь пнул в бедро. Орк взревел от боли и бросился в яростное наступление. Алексей увернулся от удара в голову, но получил пару жестких ударов в корпус. Привычное тело быстро входило в нужный ритм, поэтому оба удара пришлись на защитный выдох. Однако Алексей почти услышал, как трещат его ребра. Вряд ли он сумеет долго работать с таким сильным противником, поэтому надо во что бы то ни стало заканчивать поединок быстро. Алексей подался, показывая намерение вновь садануть орка в бедро. Видимо, прошлые удары все же доставили хотя бы боль, потому

что Гаркон отдернул ногу. Алексей изменил направление движения и со всех сил вбил пятку в живот орка. Тот дернулся, съеживаясь, но на ногах устоял.

Впрочем, Алексей и не рассчитывал свалить такого здоровяка столь простым, хоть и эффективным ударом. Мгновенно перейдя на короткую дистанцию, он ударил в корпус левой, рассчитывая, что удар ногой не прошел бесследно, и тотчас, вложив все силы, вбил боковой в голову. И вновь Гаркон устоял, хотя Алексей мог поспорить, что таким чисто прошедшим в голову ударом свалил бы любого человека. Тем более что и занятия с мечом не прошли даром, да и сам он в целом, несомненно, уже заметно продвинулся в сторону того, кем был раньше. Так что его удары теперь были намного сильнее и быстрее, чем даже в те времена, когда он считал себя на пике своей формы... Но сейчас нельзя было терять ни секунды. Алексей кинулся противнику в ноги и, подцепив его под колени, ударил плечом. Орк рухнул, словно срубленное дерево, а Алексей мгновенно взлетел на него верхом, нанося жесткие удары в голову. Гаркон попытался вывернутся, но Алексей, почувствовав себя в партере в своей родной стихии, провел удержание и на удивление быстро вышел на удушение. Это оказалось не так просто, учитывая бычью шею орка, но в конце концов руки Гаркона безвольно упали, а глаза закатились. Алексей тотчас разжал захват, поднимаясь с поверженного противника. На голову поверженного без всяких церемоний вылили кувшин холодной воды, и он, к радости Алексея, зачихал и задергался, пытаясь принять сидячее положение. А пирующие уже восторженно орали, чествуя нового победителя. И Зур смотрел на возвращающегося господина с нескрываемым, почти детским восторгом. Как, впрочем, и остальные его надежные друзья и верные слуги.

— Ты достоин своих воинов, Лексар, как никто иной! — восторженно похвалил Хардар, когда Алексей вернулся наконец на свое место. Несколько секунд орк весело рассматривал все еще тяжело дышащего Алексея и вздувающуюся после удара Гаркона скулу, а потом добавил: — После пира Юлит придет в твои покои, чтобы позаботиться о твоих ранах и постелить тебе постель.

Нежные пальцы скользнули по телу, мягко прогоняя сон. Ласки казались теплым прикосновением солнечного лучика. Алексей с удивлением почувствовал, что полон сил и совершенно здоров, несмотря на тяжелый бой с доблестным Гарконом, долгий пир за столом гостеприимного Хардара и еще более жаркая схватка на громадном ложе с неутомимой и изобретательной Юлит. Алексей не открывал глаз, наслаждаясь утренними ласками девушки, которая, в отличие от Эльви, не покинула ложе, едва господин насытился, а осталась и всю ночь согревала его своим прекрасным телом. Впрочем, не понять, что он проснулся, девушка не могла. Слишком явными оказались признаки отступления сна. Ласки превратились из едва осязаемого прикосновения в разгорающийся костер. Алексей позволил себе лениться, принимая их почти безучастно и наслаждаясь таким восхитительным «будильником». Впрочем, благодаря умению Юлит и ее настрою не превращать пробуждение господина в продолжение вчерашнего ночного безумства Алексей не смог наслаждаться слишком долго, не в силах сопротивляться нахлынувшей финальной волне.

— Пусть день твой будет легким и добрым, господин,— прошептала девушка, целуя его плечо.— К сожалению, время слишком быстротечно, и совсем скоро

мой господин будет ждать тебя к завтраку. Но у тебя еще есть время, чтобы освежиться. Я помогу.

Алексею совершенно не хотелось сейчас что-то делать. Он с удовольствием повалялся бы сейчас в постели, расслабившись после столь приятного начала дня, но пренебрегать приглашением орка, встречу с которым подарила сама Судьба, было бы непростительной глупостью. Поэтому Алексей встал и, быстро умывшись и окунувшись в бассейне, заставил себя собраться и настроится на деловой лад. Одежда, которую подала ему Юлит, оказалась выстиранной и даже тщательно выглаженной. Мысленно подивившись расторопности прислуги в доме Хардара, а еще больше ее незаметности, Алексей проследовал в сопровождении девушки в тот самый зал, где состоялся вчера долгий пир. Доведя его до двери, Юлит исчезла в боковом проходе, поэтому в зал Алексей вошел один. И с удивлением обнаружил, что и его друзья, и сам хозяин дома уже сидят за накрытым столом и ведут неторопливую беседу.

— А! Лексар! — обрадованно воскликнул Хардар, поднимаясь навстречу Алексею.— Хорошо ли спалось ночью?

— Спасибо, Хардар, в твоем доме вряд ли можно спать плохо,— поблагодарил Алексей совершенно искренне. Действительно, вряд ли ему можно было желать большего.

— Тогда к столу! — пригласил орк.— Нет с утра ничего лучше, чем добрый кусок хорошо приготовленного мяса.

Завтрак прошел за разговорами о мастерстве рук, его приготовивших, вчерашних состязаниях, героях, в них победивших, и хлебосольстве хозяина дома. Алексей с удовольствием поглощал поданные к завтраку блюда, размышляя о том, что слишком много

за последний кратчайший интервал времени выпало на его долю успеха и удовольствий. Не исчерпать бы лимит Судьбы. Наконец трапеза завершилась, и на столе остались только кубки да кувшин с молодым вином.

— Ты честный и доблестный воин, Лексар,— вдруг заговорил Хардар.— Надеюсь, что ко мне ты относишься так же. А воинам не пристало ходить вокруг да около, когда разговор касается дела. Я понимаю, что чужеземцы вряд ли пришли в Ремекесс, от скуки путешествуя по новым для них мирам. Весь мир наш, единовременно и благословенный и проклятый, не то место, куда путники заходят по доброй воле или с добрыми целями. Ты не похож на того, кто держит сторону гноров, как и твои воины. А это означает только одно — гноры вам не друзья. Наш мир черно-бел. Здесь нет полуцвета, как нет и иных цветов. Потому все делятся на врагов гноров и их слуг. Скажи мне честно, Лексар, с чем пришел ты в этот мир?

Алексей почувствовал облегчение оттого, что разговор этот начался сам собой. Он с первой встречи с Хардаром думал, как лучше начать его, но все откладывал, опасаясь того, что он может бросить тень даже на искренность той помощи, которую оказали Хардару в харчевне. Ведь все можно при желании перевернуть с ног на голову, всего лишь освещением изменив события до абсурда. Именно так поступают часто в Забытом мире и журналисты, и политики, и многие другие, кому выгодно обыграть происходящее в свою пользу. Но теперь инициатива разговора исходит от орка, и это значительно облегчает положение, как бы разговор в дальнейшем ни сложился.

— Ты мудр в своих наблюдениях, Хардар,— кивнул согласно Алексей.— Мы действительно пришли в этот мир и в этот город не из праздного любопытства. И,

к сожалению, не с миром. Правда, враг у нас с тобой один — гноры. Я не стану ходить вокруг да около, как ты верно заметил. Я расскажу тебе все как есть, а ты в соответствии со своими убеждениями, мудростью и честью решишь, как к нам относиться и как поступить.

— Господин,— промурлыкала Юлит, появляясь в полдень в гостевых покоях и садясь в ногах Алексея, ласкающего пальцами древний кистень, покрытый, подобно секире Оторока, неведомыми рунами.— Мой господин просит тебя оказать ему честь и навестить в зале славы. Только он просит тебя прийти без сопровождения твоих воинов. Ведь ты в доме друга.

Выслушав рассказ Алексея, Хардар не стал ничего говорить сразу. Он предоставил путников заботе слуг, а сам удалился, чтобы обдумать услышанное. И вот теперь, видимо, готов был озвучить свое решение. Учитывая, что все домочадцы волей-неволей несли на себе отпечаток настроения хозяина, то, что сказала только что Юлит, позволяло надеяться.

— В доме друга,— эхом повторил Алексей.— Тогда отведи меня скорее в этот зал славы.

Девушка провела его по полутемным коридорам, по каменным лестницам на самый верх центральной части дома-крепости. Оказавшись перед широкими распашными дверями, полностью окованными потемневшей медью и покрытыми искусной чеканкой, Юлит покинула его, ускользнув в такой же боковой проход, как и перед дверями пиршественного зала. Алексей толкнул тяжелые двери, и они на удивление легко распахнулись. Обстановка зала славы отличалась от обстановки остального дома только тем, что здесь было собрано еще больше оружия. То тут, то там стояли

примитивные манекены, облаченные в доспехи. Алексей даже не сразу заметил среди всех этих фигур дожидающегося его орка. Хардар стоял перед висящим на стене тяжелым двуручным мечом. От этого меча веяло той же древностью и силой, что и от секиры Оторока. Видимо, их выковали в одинаково далекие времена, вложив вместе с частью души мастера приличную порцию древней магии. Почувствовав приближающегося человека, орк обернулся.

— В этом зале собраны почти все мои трофеи, добытые в бесчисленных войнах и боях. Бывало, что поверженный мною враг возрождался вновь в этом же самом мире. Он рос и готовился отдать мне кровавый долг. И приходил ко мне, чтобы забрать назад свое оружие, ставшее для меня лишь украшением на стенах зала славы. И тогда эти стены получали новое украшение. Много славных битв было...

Орк помолчал немного, отсутствующим взглядом скользя по висящему на стенах оружию.

— Я принял решение, доблестный Лексар,— перешел Хардар к делу.— Я долго гадал, почему гноры два дня назад совершенно закрыли свой мир. И теперь знаю, что это сделано благодаря тебе. Они боятся тебя и не хотят, чтобы ты получил помощь извне.

Алексей напрягся. Он действительно надеялся получить помощь извне, и вот теперь выясняется, что она не придет. Хардар между тем продолжил:

— Ты предлагаешь нам участвовать в опасном и трудном походе. Но моему племени нечего особо терять в этой жизни. Мы и без того живем для того лишь, чтобы славно умереть. А поход под твоей рукой как минимум даст возможность многим моим соплеменникам и союзникам найти добрую и доблестную смерть. Я пойду с тобой. И поведу всех своих воинов

и многих других, что возжелают присоединиться к столь славному походу.

Алексей облегченно выдохнул, правда постаравшись, чтобы орк ничего не заметил, умудряясь внешне остаться совершенно невозмутимым. Все, что он себе позволил,— спокойная улыбка.

— Уверен, что славы в этом походе достанет на всех, Хардар. Я рад, что в бою рядом со мной окажется плечо таких друзей, как ты и твои воины. И раз уж решение принято, нам не стоит засиживаться, хотя дом твой и не хочется покидать.

— Хорошо,— согласился орк.— Сесть за пиршественный стол, друг Лексар, мы еще успеем. Я предлагаю сегодня же отправиться в путь к подземному городу гномов. Я поеду с тобой, взяв только десяток своих воинов. Мы явимся подтверждением того, что ты выполнил условия гномов и вправе требовать от них исполнения обещаний. А в Ремекессе останется мой брат Рагзар. Он проследит за сборами наших воинов и призовет под наши тотемы всех союзников. Думаю, услышав о том, с кем мы идем воевать, таких отыщется немало. Мы встретим их позже в условленном месте.

— Это наилучшее для нас всех решение,— кивнул Алексей.— Пойду обрадую остальных.

— Подожди еще минуту,— остановил его орк.— У нас есть старая легенда. Она не дает точного описания героя. Просто говорит, что однажды придет тот, кто освободит наш народ от ига проклятых гноров. Возможно, речь вовсе не о тебе, но я готов рискнуть. Ведь если не приложить старание и силу, никакого чуда не произойдет. А тот ли ты, о ком говорит эта легенда-надежда, мы узнаем позже. Сейчас же прими как знак того, что мы добровольно встаем под твою руку, вот эти наплечники.

Хардар снял с крюка потемневшие от времени наплечники, больше похожие на две массивные кирасы, соединенные причудливой сбруей, собранной из подвижных кованых пластин. Алексей подумал, что такое сооружение лучше всего легло бы на могучие орочьи плечи, но он уже протянул руку. Тяжесть наплечников легла в руку, и только теперь стали видны руны, покрывающие матово отсвечивающую гладкую сталь.

— Они очень старые, созданные молотом и магией. И по поверью принадлежали в незапамятные времена воинствующим богам,— поведал орк.— Если твоим планам суждено сбыться, такой волшебный доспех очень может пригодиться.

Выросший вдвое благодаря Хардару и десятку его преданных воинов отряд покидал пределы Ремекесса вскоре после обеда. Алексей заметил над плечом орка рукоять того самого двуручного меча, который висел в зале славы. Теперь меч привычно висел в заплечных ножнах.

— Как ты его вынимаешь? — не удержался от вопроса Алексей, всегда считавший, что в заплечных ножнах крепят мечи, длина которых позволяет выдернуть их рукой без перехватывания. Но длина этого меча намного превышала «комфортную».

— У меня хитрые ножны,— довольно усмехнулся орк.— Их гномы сделали, и они сами подают клинок в руку.

На этот раз Оторок беспрекословно взобрался в седло зора, как называли своих жутких зверей орки. Даже гном смог оценить удобство легкого и плавного шага могучих зверей. Да и путь до гномьего города, если проделать его верхом, становился значительно ближе. Зоров особо не погоняли, двигаясь быстрым

шагом, но умудрились еще до вечера отмахать расстояние большее, чем за весь день пешего пути в Ремекесс. Лагерь разбили быстро и умело — орки взяли на себя благоустройство, а Зур, несмотря на наличие взятой с собой провизии, принес молодого оленя. Эйра и Эльви попытались было заняться приготовлением мяса, но были прогнаны Хардаром, который считал, что лучше мужчины никто этого не сделает. Пока он занимался мясом, к Алексею подошла Эльви:

— Ну как тебе наши новые друзья, господин?

В ее голосе Алексею послышалась ревнивая нотка, и он почувствовал, как его охватывает смущение, поэтому поспешно растянул губы в улыбке:

— Знаешь, если все орки такие, то я, пожалуй, готов согласиться, что американцы...

— Господин,— удивленно прервала его Эльви,— разве ты не слышал, что я сказала тебе в той харчевне, где мы познали подлое гостеприимство Ремекесса?

— В харчевне? — Алексей нахмурился.— Что-то не припомню...

Эльви понимающе кивнула.

— Понятно... Это не обычные орки, мой господин, это те, кем орки, оставшиеся там, в Большом мире, да и в Забытом мире тем более, не захотели стать. Или не смогли. Это легендарные куулы...

Алексей уставился на возящегося у костра Хардара совершенно другим взглядом. Так вот оно что...

— Ты же слышишь, то, что они называют свободой,— это не свобода делать то, что тебе хочется, это свобода жить, исполняя свое Предназначение. Держа на своих плечах то бремя, которое возложил на нас Создатель, давая всем нам разум и свободу воли. И то, что другие орки просто повторяют, как попки, для них есть высшая ценность, за которую они платят смертью и болью. И... не понимают, как можно жить

иначе. Именно поэтому гноры до сих пор и не смогли их покорить. А те орки... с теми бы гноры быстро договорились. Ибо ничто так просто не позволяет управлять и властвовать над любым разумным существом, как расширение его возможностей делать то, что тебе хочется. Особенно если то, что тебе хочется, не выходит за пределы примитивных животных желаний.— Она слегка вздернула губу то ли в улыбке, то ли в легком презрении и выдала фразу совершенно из его мира: — Вкусно пожрать, классно побалдеть, круто оттянуться, клево потрахаться... Вспомни, разве *ваши* орки не насаждают везде именно *такую* свободу?

Алексей молчал. А что тут говорить, да, все именно так и есть...

Между тем орк быстро освежевал тушу, нарезал мясо полосами и, обваляв в извлеченных из багажа специях, обжарил прямо на углях. Очищая мясо от золы, Хардар начал раскладывать его на большие листы съедобного растения, которое местные кулинары использовали при приготовлении блюда, напоминающего голубцы. И в этот момент помогающий ему Зур взвился в воздух, перевернув пищу на землю и мгновенно трансформируясь. Хардар замер, ошарашенно глядя на изменения, происходящие с оборотнем, а Алексей уже вскочил на ноги, ощущая тяжесть меча в руке. В следующую секунду закричали орки-часовые, поднимая тревогу. Во тьме заметались неясные тени, едва обозначенные отсветами костра, раздались жуткие крики. Чолон и Эйра уже стояли поблизости от Алексея, отправляя во тьму одну стрелу за другой. Цели были видны только им, но Алексей ни на миг не сомневался, что стрелы снимают свой урожай. Эльви метнула в разные стороны световые магические шары, которые тусклым светом разорвали ночную тьму, зависнув на высоте около трех метров над землей.

И только тогда Алексей наконец увидел нападавших— не меньше полусотни жутких тварей из фильма ужасов. Не позволяя себе слишком долго раскачиваться, Алексей бросился вперед, тотчас оказавшись в гуще схватки. Он сшиб плечом возникшегося на пути монстра, рубанул мечом, уклонился от стремительной когтистой лапы и вновь рубанул. Вокруг бились его друзья и орки, совершенно не заботясь о численном преимуществе врага. Буквально почувствовав сразу нескольких врагов вокруг, Алексей крутанулся, выбросив в сторону руку с мечом и ощущая, как тот разрубает упругую плоть.

Неожиданно Алексей заметил, что колдунья борется с кем-то, отличным от остальных монстров. Борьба была не видима глазом, но Алексей ощущал беснующиеся вокруг Эльви и стоящей в пяти шагах от нее фигуры сгустки и всполохи энергии. И еще Алексей почувствовал, что девушке сейчас почему-то неимоверно тяжело, что она сопротивляется атаке мрачной фигуры, облаченной в бесформенный черный балахон, уже из последних сил. Похоже, на этот раз она встретилась с гораздо более сильным противником. Алексей устремился на помощь, но дорогу ему преградили не меньше десятка уродливых монстров. Боковым зрением Алексей заметил, как, рубя налево и направо огромным двуручным мечом, к нему на помощь продвигается Хардар.

— Зур, быстро к Эльви! — крикнул Алексей, не сомневаясь, что оборотень услышит его зов, где бы сейчас ни находился.

Алексею вдруг стало страшно за колдунью. Он заработал мечом со всей возможной скоростью, не обращая внимания на пропущенные удары. Сейчас Алексей, будто обезумев, рвался к Эльви, рубя, сшибая плечом, топча и даже рвя зубами...

Вдруг руки Эльви обессиленно упали, и фигура в балахоне тотчас метнулась к ней. Из широких рукавов потянулись извивающиеся змеи щупальцев, оплетая переставшую сопротивляться колдунью. Каркающие звуки разнеслись над полем боя, и Алексей догадался, что это злобный смех. Рядом с существом в балахоне отворилась дверь, озарившая все ультрафиолетовым сиянием. В точности такая же дверь, как и та, через которую пришел следом за сбежавшим Лийни первый увиденный Алексеем гнор. Существо в балахоне шагнуло в светящийся проем, таща обмякшую девушку. Дверь захлопнулась, оставив на своем месте лишь тьму ночи. Алексей взревел раненым зверем и снес голову возникшему перед ним монстру. Он все шел к месту, где захлопнулась дверь портала, словно еще мог помочь Эльви. Шел, усыпая свой путь изрубленными трупами врагов. И не было сейчас никого, кто мог бы остановить или хотя бы замедлить его смертоносное движение.

— Мы найдем ее, господин,— в который уже раз попытался успокоить Алексея Чолон.

Зур рыскал по округе, тщетно пытаясь найти хоть какой-то след. Оторок до хруста костяшек сжимал рукоять секиры. Хардар молча скрипел зубами, ходя взад-вперед за спиной командира. Его орки мрачно сидели у потухшего костра, готовые сражаться со всем миром по приказу Хардара.

— Мы разделимся! — принял решение Алексей.— Оторок, Чолон и Эйра, вместе с орками пойдете к гномам. А мы с Хардаром отправимся искать Эльви.

— Ты опять обижаешь нас, господин! — Эйра зло стрельнула глазами.

— Не гневайся, господин, но я сегодня ослушаюсь твоего приказа,— неожиданно возразил Алексею появившийся из зарослей оборотень.

— Ты не осознаёшь опасности, господин, и суешь голову в петлю,— негромко поддержал друзей Чолон.— Оттого что погибнешь и ты, хуже станет всем.

— Проклятье ложной жилы! Мы едва справились здесь, хотя нас было много,— взорвался гном,— а ты собрался с одним только орком забраться в логово врага! Видимо, до возвращения Сути еще слишком далеко и вряд ли ты вовсе вернешь ее, коль не начнешь мыслить разумно и не перестанешь пренебрежением своим оскорблять всех нас.

Алексей хотел было сорваться, отчитать всех за то, что, называя его господином, они все же перечат, оспаривая его решения. Он уже закипал внутри, когда встретился взглядом с совершенно спокойным Хардаром. И отчетливо понял, что его истерика обернется простой потерей лица. Ведь все, что он собирался только что сказать, да и сделать в порыве гнева, не что иное, как недостойная воина истерика. Наверняка орк никогда не повел бы себя так. И даже если бы твари украли сейчас не колдунью, а его брата, он трезво принял бы именно такое решение, которое бы позволило максимально эффективно настичь вероломного врага, а уж тогда дать волю своим чувствам — биться в припадке ярости, впасть в истерику, наматывая кишки своего врага на лезвие меча...

— Злость застила мне глаза,— примирительно ответил Алексей, извлекая из походной сумы подаренные орком наплечники.— Мы отправимся на поиски Эльви все вместе.— Несколько секунд он помолчал, размышляя и прилаживая наплечники, и добавил: — Оторок, друг мой, тебе все же придется пойти к гномам. Кому еще вести переговоры с подземным наро-

дом, как не тебе. Ты возьмешь с собой в подтверждение слов воинов доблестного Хардара. Пойми, это не блажь. Так мы быстрее добьемся цели. И тот, кто обернется раньше, будет ждать у пещеры владыки земли, в том самом месте, где мы вставали ночлегом и которое мы определили как место сбора всех наших сил. Отправляйся немедленно, и пусть удача еще раз улыбнется всем нам.

Гном обернулся, ища поддержки у остальных, но на этот раз они все, как один, согласились с решением господина. Подчиняясь знаку Хардара, орки уже ожидали в седлах, а один из них подвел Отороку его зора. Бормоча тихие проклятия, гном забрался в седло и, не поворачиваясь больше, умчался прочь.

— Нам не отыскать ее просто так,— заговорил Хардар, помогая Алексею закрепить спинные застежки наплечников.— Есть лишь один известный мне путь в этой непростой ситуации.

Массивные наплечники на удивление ладно легли на плечи, почти как вторая кожа, не мешая движениям и не давя своей тяжестью. Не иначе как древняя магия действительно волшебным образом делала их идеально подходящими для любого владеющего ими.

— И что это за путь? — задал простой вопрос Алексей.

— Есть одно место в наших краях, где можно узнать о чем угодно, что произошло или происходит в этом мире. Там обитает то ли зверь, то ли дух, способный ответить практически на любой вопрос этого мира.

— Так идем быстрее! — нетерпеливо воскликнул Алексей.

— Ты не дослушал, Лексар.— Орк печально улыбнулся.— Дело в том, что за каждый ответ он требует жертвы — полновесный глоток крови вопрошающего. Словно вампир присасывается это существо к жертве.

И мало кто, получив желанное знание, сумел выжить после такой расплаты.

— Но он говорит правду? — уточнил Алексей.

— Абсолютную,— подтвердил Хардар, уже видя во взгляде человека его решение.

— Тогда веди меня к этому существу. И поторопись, а то может оказаться поздно приносить любые жертвы.

Алексей даже не размышлял — что проку в раздумьях, если есть лишь один способ узнать о том, где сейчас надеется на помощь друзей Эльви. Она пошла за ним без сомнений, как и другие, так неужели он пожалеет всего лишь глоток своей крови в обмен на ее жизнь? Ну пару глотков...

На этот раз могучих зоров гнали быстрым галопом. Сотню раз во время этой безумной скачки Алексей поблагодарил небеса за то, что в Забытом мире ему довелось получить приличные навыки верховой езды. Иначе путь оказался бы намного длиннее. Впрочем, может, это отголоски его прошлых жизней выразились в его любви к конным прогулкам. Может быть, раньше он скакал подобно Хардару на могучем коне или вообще на боевом мамонте или драконе, ведя в бой тысячи воинов...

Через несколько часов скачка завершилась. Зоры оставались вполне бодрыми, чего нельзя было сказать об их седоках. Только Хардар и Алексей выглядели совершенно не утомленными.

— Дальше пешком,— кивнул орк на густой бурелом, в глубине которого даже днем укрывался от солнца сумрак.— Теперь уже недолго осталось.

Он решительно вломился в переплетение ветвей, и остальные торопливо последовали за ним — не хватало еще потерять друг друга в непролазном лесу. Но через пару десятков шагов бурелом расступился, открыв путникам простор между колоннами древесных

стволов. И только кроны все так же сплетались, образуя непреодолимую для солнечного света крышу. Еще несколько шагов — и деревья еще больше расступаются, образуя накрытую сверху поляну, в центре которой высится гигантское дерево толщиной ствола в добрый десяток обхватов. Алексей во все глаза смотрел на сказочное дерево, чувствуя немое удивление своих друзей.

— Есть легенда, что само это дерево является только частью огромного древнего зверя,— заговорил негромко, но слышно для всех орк.— Вон там в нем есть большое дупло. Вопрошающий должен войти в него. Только один вопрошающий.

Сделав шаг вбок, Алексей действительно увидел бездонную тьму огромного дупла, больше похожего на уходящую в недра горы пещеру.

— Господин, позволь, я пойду? — неожиданно попросил Чолон, делая шаг к дереву.

— Пойти лучше мне,— заворчал оборотень, по вставшим дыбом волосам на затылке которого ясно было видно, что он чувствует исходящую от дерева опасность.— Что мне сделается от небольшой потери крови? Даже, напротив, здоровее буду.

Он говорил нарочито бодро, но Алексей видел, что Зур не недооценивает опасность. Просто, как и Чолон, стремится отвести ее наконечник от господина, пусть даже ценой собственной жизни. У Алексея шевельнулась предательская мысль — стоит только повести бровью, и любой из них пойдет с радостью. А господин должен уметь для дела жертвовать своими людьми. Только эта мыслишка мгновенно умерла, не отыскав пищи в его душе. Потому что вновь поднялось в нем то, что заставило выйти против могучего орка на потешный бой. Но теперь все стало намного серьезнее.

Теперь впереди его могла ждать смерть. А где смерть, там ярл должен быть первым. Иначе какой же он ярл?

Алексей отстранил рукой верного Зура и решительно приблизился к дуплу. Внутри не было ничего — бездонная пустота без цвета и объема. Словно оправленный в дерево портал. Алексей даже не стал касаться границы этого ничто рукой. Он просто сделал шаг вперед. И весь мир исчез. Теперь бездонное ничто оказалось со всех сторон. Вернее, не стало сторон, как не стало верха или низа. Лишь бесконечность, без звуков и запахов, без ощущений... Но вот Алексею почудилась неясная тень, словно гигантская рыбина скользнула к нему в мутной воде — не видимая, а лишь угадываемая. И тотчас пронзительно вспыхнули на фоне кромешного ничто багровые глаза...

— Что ты хочешь узнать, вопрошающий? — Низкий, вибрирующий голос отдавался гулом во всем теле.

— Сегодня была похищена идущая со мной девушка,— ответил Алексей и сам изумился тому, как твердо и решительно звучит его голос.— Мне необходимо знать, где она находится сейчас.

— Это все?

— Все.

— Ты знаешь о том, что придется заплатить за полученный ответ? — вибрировал голос, став еще ниже.

— Знаю,— подтвердил Алексей.

— Ты готов?

— Да,— ответил Алексей, ни мгновения не сомневаясь.

Что-то гибкое, но прочное, словно корабельный канат, оплело его руки и ноги, проползло по животу и груди, что-то горячее коснулось шеи в месте, под которым проходит артерия. Алексей, почувствовав укол, представил, что сейчас начнет стремительно терять кровь...

Путы торопливо разжались, щупальца шарахнулись прочь. Но главное — глаза, мгновение назад пылающие сводящим с ума багровым светом, опустились вниз, почти скрывшись. Алексей мог поклясться, что обладатель этих жутких глаз застыл сейчас перед ним в глубоком, почтительном поклоне.

— Господин,— зашептал голос, и в его звучании теперь явно слышались страх и раскаяние,— молю тебя о прощении за то, что коснулся крови твоей. Не лишай меня презренной жизни, ведь я не несу вреда ни тебе, ни твоим слугам. Молю...

— Как насчет моего вопроса? — перебил скулящий голос Алексей.

— Конечно, Ужасающий, как я могу не ответить на заданный тобой вопрос? Твою слугу похитил маг, мечтающий занять место одного из глав ордена гноров, но слишком слабый для этого. Он живет неподалеку, в одном из убежищ гноров. Он слабее твоей колдуньи, господин, но применил древний боевой амулет, блокирующий силы того колдуна, против которого применен. Ее принесут в жертву священному зверю. А после жертвенного обряда вся сила и опыт колдуньи перейдут к тому, кто будет проводить этот обряд. Сил у нее много больше, поэтому она весьма лакомый кусок. К тому же он надеется, что после обряда достигнет достаточного могущества, чтобы рискнуть свалить какого-нибудь из глав ордена. Ему до сих пор ни разу не выпадало шанса столь сильно увеличить свои возможности и...

— Как мне до них добраться? — вновь оборвал говорящего Алексей.

— Сию секунду, Ужасающий,— торопливо залепетал голос, и Алексей почувствовал прикосновение горячего щупальца ко лбу.— Сию секунду. Молю, оставь мне презренную жизнь...

Весь мир гноров вдруг появился в голове Алексея, словно он, как опытный следопыт, излазил каждую тропинку. И то самое убежище, чем-то похожее на сумрачный готический монастырь, где томилась в ожидании помощи Эльви...

— Живи пока,— разрешил Алексей, и тотчас упругая сила чуть подтолкнула его в спину.

Он сделал шаг вперед и оказался снаружи дупла. А перед ним, испуганно тараща глаза, стояли его верные друзья.

— Хардар, твоих зоров хватит еще на пару часов? — спросил Алексей.

— Конечно, Лексар,— кивнул уверенно орк, ощупывая его пытливым и слегка удивленным взглядом. Похоже, все, выходившие раньше из этого дупла, выглядели немного не так, как Алексей.— Они слегка отдохнули, пока мы тут бродим, и теперь способны проскакать не только два часа.

— Тогда вперед, а то у нас есть все, кроме времени!

Алексей ощущал легкость, словно не провел в седле много часов, сделав лишь небольшую передышку для общения с обитателем дупла. Они мчались галопом, не особо заботясь о скрытности своего перемещения, поэтому вылетели из леса именно там, где неторопливо брел с удачной охоты небольшой отряд кентавров. Вернее, отряд был в точности такой, какие пытались уничтожить Алексея со спутниками с первого момента их появления в мире таров. Около десятка воинов, вооруженных копьями и луками. Только сейчас Алексей не задумывался об исходе. Меч звездной чернотой полыхнул в его руке, а приученный к бою зор развернулся в самую гущу вражеского отряда. С одной стороны яростно взревел Хардар, со страшным свис-

том закрутив свой длинный двуручный меч, с другой ему вторил Зур, примеряющийся, как получше прыгнуть с седла. Чолон и Эйра, не уступая остальным в скорости, разъехались вправо и влево от атакующей троицы и уже вовсю поливали заметавшихся кентавров стрелами. Все закончилось так же стремительно, как и началось. Алексей, не снижая скорости, погнал своего зора дальше. Зур и Хардар с сожалением посмотрели на место скоротечного боя, но со вздохом поспешили нагнать вожака. Конечно, каждый из этих двоих печалился по собственному поводу. Зур заметил среди тел поверженных врагов тушу большого оленя, но не решился ее подобрать, боясь замедлить зора и стать обузой для всего отряда. Орк печалился, оттого что можно было бы посмотреть, нет ли каких-то достойных его коллекции трофеев. Чолон и Эйра, обогнув с двух сторон место боя и даже не собрав свои стрелы, уже поравнялись с Алексеем, лишь удивленно переглянувшись между собой.

— Смотри, Лексар! — указал рукой в небо орк.— Там наблюдатель колдунов. Он охраняет подступы к монастырю. Если заметил нас, ворота запечатают магией.

Послушав опытного орка, Алексей свернул к близкому лесу, а едва только они влетели под кроны деревьев, осадил своего зора и спешился.

— Магию без Эльви нам не одолеть,— нахмурился он.— Значит, нужно действовать осторожно, но предельно быстро. Зоров можно оставить одних?

— Ты волнуешься, не съедят ли они кого-нибудь после такой скачки, пока мы будем гостить в монастыре? — усмехнулся Хардар, похлопав своего зора по холке.— Могут. Но с ними самими ничего не случится. Не волнуйся еще и за них.

— Дальше идем пешком,— пояснил свой план Алексей.— Ты, Чолон, присматривай за небом и, как только сможешь, достань наблюдателя. Только бей наверняка. Он не должен успеть поднять тревогу. А мы посмотрим и сообразим что-нибудь с ходу.

Никто не возражал, чувствуя, что в господине пробудился тот кураж боя, с которым все становится возможным. Двинулись бегом, выбирая участки леса погуще. Наконец Чолон достиг подходящего места, отыскав в кронах проплешину и с длинным луком выждав, когда в ее прорези покажется крылатый страж. Тетива хлопнула, посылая тяжелую стрелу к цели, а Зур тотчас сорвался с места, скрываясь в зарослях. Он появился через несколько минут, притащив за крыло пронзенную насквозь тварь, напоминающую крылатую обезьяну.

Понимая, что пропажа наблюдателя тоже может насторожить врага, они со всех ног помчались к близким уже стенам монастыря. Алексей на бегу отдал оборотню распоряжение, и тот легко оторвался от основного отряда, стремительно трансформируясь. Стены монастыря строили из огромных камней, поэтому они походили на крепостные, но отличались тем, что камни были обработаны слишком грубо, и получившаяся стена имела слишком много выступов и выемок, так что на нее можно было забраться даже без лестницы. Поэтому трансформировавшемуся оборотню не составило труда буквально взлететь на гребень стены, цепляясь за щели между камней или торчащие выступы. Через мгновение он уже скрылся за стеной. Остальные, преодолев луг, отделяющий стены монастыря от леса, вжались в камень, стараясь стать как можно неприметнее. Минуты тянулись нескончаемо долго, но вот ворота едва слышно скрипнули и приоткрылись. Алексей первым метнулся внутрь,

сжимая свой верный меч. Но рубиться пока было не с кем — внутренняя охрана ворот лежала у стены с разорванными глотками. Монастырь казался вымершим, и только откуда-то из глубины доносилось завывание — то ли коллективные рыдания, то ли тоскливое пение.

Не задерживаясь у ворот, Алексей ринулся на печальный звук. Он почти бежал по коридорам, иногда останавливаясь, когда кто-то из обитателей появлялся на его пути. Но останавливался он только затем, чтобы взмахом меча предотвратить возможное сопротивление или предательски поднятый шум. Он даже не разбирал, кто перед ним появлялся — человек, гнор или еще кто-то. Раз кто-то вольно передвигается по территории монастыря, значит, он враг. Наконец пение зазвучало совсем близко, и Алексей перешел на осторожный шаг.

За очередными громадными дверями, украшенными мозаикой из цветного стекла, открылся просторный зал. Высокий купол потолка весь состоял из прозрачных цветных витражей, пропуская достаточное количество солнечного света, чтобы зал казался более воздушным, светлым и просторным, чем был на самом деле. Алексей одним взглядом охватил все помещение, мгновенно осознав происходящее. Он увидел и распятую на каменном алтаре в центре зала обнаженную Эльви. И жуткого монстра, с горловым клекотом беснующегося в клетке из толстых стальных прутьев, стоящей в самом конце зала. И семерых колдунов, стоящих вокруг распятой девушки и поющих непонятные то ли молитвы, то ли заклинания. И даже человека, одиноко скучающего у содрогающейся клетки с монстром.

— Вперед! — рявкнул Алексей, пинком распахивая настежь двери и первым врываясь в зал. Он горел

желанием изрубить на куски грязных колдунов, приносящих жертвы своему священному зверю и надеющихся тем самым выпросить у богов дополнительных сил для себя. Так он сейчас поспособствует тому, чтобы они смогли передать свои просьбы богам при личной встрече!

Но колдуны не испугались стремительной атаки, не пустились в бегство и не пали на колени в мольбе о помиловании. Стремительно трансформируясь, они изменились, почти как оборотни. Только для этого им потребовалось выкрикнуть свое боевое заклинание. Двое из них, оказавшиеся ближе остальных к впустившей разъяренных воинов двери, не успели полностью выговорить нужные слова. Один из них рухнул, разбрызгивая тугие струи крови, когда Алексей срубил ему голову. Второй развалился надвое, разрубленный от макушки до паха мечом Хардара. Оставшиеся пятеро колдунов превратились в огромных воинов, отдаленно напоминающих горных великанов. Крепкая зеленовато-коричневая шкура, короткие ноги, тяжелый торс и покрытые шипами палицы... Но ярость ворвавшегося отряда оказалась столь велика, что превращение ненадолго отсрочило единый для всех колдунов конец.

Алексей перешагнул через труп последнего колдуна и склонился над лежащей без сознания Эльви. На ее обнаженной груди покоился причудливый предмет, похожий на отлитый из золота и иссеченный рунами панцирь улитки со множеством завитков. Осторожно коснувшись предмета пальцем, Алексей не почувствовал в нем никакой опасности для себя. Рядом встрепенулся Чолон, спуская тетиву. Тяжелая стрела пригвоздила к стене человека у клетки, о котором в суматохе стремительной схватки просто забыли, но было уже слишком поздно — он успел толкнуть рычаг, и тяжелая решетка рухнула на пол, открывая бесную-

щемуся в клетке монстру путь на свободу. Зверь взревел и прыгнул к ускользающей добыче. Чолон пустил вторую стрелу, но наконечник, лязгнув, словно по стальному доспеху, срикошетил от его шкуры, не причинив ни малейшего вреда. Чолон побежал по залу, надеясь выбрать позицию поудобнее. Эйра стреляла, стараясь как-то замедлить продвижение зверя, хоть ее лук был еще более бесполезным, чем длинный лук Чолона. Зур бесстрашно прыгнул прямо на зверя, пытаясь когтями и клыками разорвать горло. Зверь отмахнулся широкой львиной лапой и отшвырнул оборотня к стене. С жутким треском ударившись о каменную стену, Зур упал на пол и затих. Поняв, что оружие не берет шкуру зверя, Алексей торопливо начал взрезать сковывающие колдунью путы. А перед зверем возник грозный орк, размахивающий своим длинным тяжелым мечом. Алексей снял с груди колдуньи золотую улитку, спрятал ее в карман, и девушка, слабо шевельнувшись, открыла глаза. Зверь попытался достать Хардара лапой, но орк уклонился, в свою очередь полоснув монстра мечом. Никто не ожидал лучшего, чем получилось у оборотня, но неожиданно зверь взвыл, а из глубокого пореза на его шкуре выступила зеленая кровь. Орк взревел почище любого монстра и кинулся в новую атаку. Зверь попятился, и в этот миг в его плечо вонзилась стрела. Вой зверя, еще никогда не получавшего отпор, превратился в обиженный. Он попытался еще раз броском достать причинившего боль орка, но вторая стрела ударила в шею, засев глубоко в мускулах. Продолжая выть, зверь развернулся, бросаясь в ближайший коридор, ведущий в глубь монастыря. Некоторое время доносился его удаляющийся рев и чьи-то крики ужаса и боли. Видимо разъяренный тем, что у него отобрали жертву, и под-

стегиваемый болью от ран, он находил в коридорах монастыря достаточно жертв.

Из-под обломков каких-то скамей и светильников поднялся качающийся оборотень. Ноги его подкашивались, но в основном он оказался невредимым. Эльви никак не могла подняться, совершенно обессиленная, хоть уже и находилась в сознании. Алексей подхватил девушку на руки и торопливо понес к выходу. Уже выбегая из распахнутых ворот монастыря, Алексей заметил в руках Чолона сверток из шкуры неизвестного животного. В лесу Эльви слабо зашевелилась, шепотом попросив опустить ее на землю. Алексей бережно поставил ее на ноги, боясь убрать руки. Сначала покачиваясь, а потом все более уверенно и твердо колдунья пошла вперед. Так они добрались до места, где оставили зоров. Умные звери спокойно дожидались своих всадников, правда, Алексею показалось, что они выглядят чересчур сытыми. «Как пить дать кого-то схомячили»,— подумал он и вдруг вспомнил о странном свертке, который тащил из монастыря стрелок.

— Послушай, Чолон,— спросил Алексей, помогая Эльви усесться в седло,— с каких это пор, друг, ты занялся грабежом вражеских храмов?

— Ты не поверишь, господин! — восторженно ответил тот, даже не заметив укора в голосе Алексея.— Ты видел, что древний меч Хардара, созданный совместно кузнецом и магом, смог ранить этого зверя, которого не брали ни клыки Зура, ни мои тяжелые стрелы?

— Я заметил,— кивнул Алексей, начиная понимать.

— Ты помнишь две стрелы, которые пробили плоть монстра? — спросил Чолон и, не дожидаясь ответа, развернул сверток.— Это его заслуга. Это мой лук, который пропал несколько лет назад, когда все мы вынуждены были спасаться бегством от гонений. И мог

ли я оставить врагу такое чудо, которое по праву принадлежит мне?

Алексей опустил глаза на развернувшуюся шкуру и увидел колчан с черным луком, покрытым мелкими мерцающими рунами лунного цвета, и черными же стрелами с полыхающими лунным серебром наконечниками. Странная энергия, исходящая от лука, коснулась его, наполняя собой, волнуя. Совсем как в ту ночь с полной луной, когда он впервые... когда встретил Эльви после своего появления, нет, после своего *возвращения* из Забытого мира. Ощутив это, Алексей нисколько не усомнился в словах Чолона. Потому что чувствовал, что когда-то он уже видел и очень хорошо знал этот лук.

— Это оружие — все, что осталось от древнего народа, который еще в давние времена покинул все, что создал, и ушел в недосягаемо далекие миры,— продолжил Чолон, бережно заворачивая свое сокровище в шкуру.— Так гласят легенды. Правду они говорят или врут, но чудесное оружие существует. Мой лук, секира Оторока, меч Хардара тому подтверждение, как и твой карающий меч, господин. Просто наше оружие приходится младшими братьями твоему.

Больше в этом лесу их ничто не задерживало, да и погони все же стоило опасаться, хотя обитатели монастыря-убежища сейчас, вероятнее всего, были слишком заняты со своим зверем. Поэтому, споро вскочив в седла, воины направили зоров в сторону условленного места встречи. Алексей какое-то время переживал за колдунью и оборотня, но вскоре его волнения рассеялись. Эльви бормотала заклинания, помогая себе колдовством окончательно восстановить физические силы. А оборотень немного отлежался на холке своего зора, повеселел и начал, свешиваясь в седле, на ходу подбирать одному ему ведомые травки и сразу же с

жадностью поедать их. Орк, двигающийся во главе отряда, глядя на все происходящее, только удивленно ворчал и потихоньку увеличивал темп. На ходу посовещавшись, решили продолжать движение и ночью, а отдохнуть, только прибыв на место сбора, благо зоры отлично видели и в темноте, что облегчало путь.

На место прибыли, когда солнце уже показалось из-за верхушек деревьев. Все, включая неутомимых зоров, вымотались, поэтому, не занимаясь особо лагерем, легли где попало и уснули. Не стали даже выставлять часовых, понадеявшись на день и чутье оборотня и зоров.

Алексей проснулся и, приоткрыв глаза, заметил Чолона, осторожно крадущегося со своим свертком прочь от спящих. Заинтересованный таким странным поведением, Алексей бесшумно поднялся и последовал за стрелком. Оказавшись на большой поляне, Чолон уселся на землю и развернул шкуру. Он безмолвно сидел, едва касаясь лука кончиками пальцев. Древние руны под его руками замерцали ярче, словно стрелок и оружие вели молчаливый диалог. Алексей опять присмотрелся к луку, и теперь ему казалось, что оружие выполнено почти из такого же материала, что и его собственный меч. Именно таким бездонно-черным, как ночное небо, выглядел меч в своем мраморном ложе в Осирионе.

Наконец решившись, Чолон поднялся и извлек одну из черных стрел. Совершенно не целясь, он вскинул лук и спустил стрелу. Мелькнув неуловимой глазом чертой, стрела замерла в толстом дереве метрах в четырехстах от стрелка. Чолон направился к дереву, в которое попал, и заинтересованный Алексей последовал за ним. Пока он не заметил ничего сверхъестественного. Да, далековато, но наверняка Чолон сумел бы проделать такое и со своим длинным луком. Прав-

да, размерами черный лук раза в два уступал большому. Однако от древнего заколдованного лука ожидаешь больше, чем одной только дальнобойности. Поэтому Алексей продолжил с интересом наблюдать за действиями Чолона. Тем временем стрелок достиг дерева, из которого торчала стрела. Алексей протер глаза — стоило Чолону протянуть к стреле руку, как та, непостижимым образом высвободившись, скользнула ему в ладонь.

— Ты вспомнил меня и вновь признал своим хозяином,— пробормотал стрелок негромко.

Снова вскинув лук, Чолон выпустил стрелу, как показалось Алексею, в дерево, находящееся от стрелка шагах в пятидесяти. Черной молнией мелькнула стрела, но не остановилась там, где ожидал ее увидеть Алексей, а прошила дерево насквозь и глубоко вонзилась в стоящее следом. При этом Алексей совершенно ясно слышал стук пронизываемого первого дерева. На этот раз Чолон не дошел до стрелы с десяток шагов, но стрела так же послушно скользнула в протянутую им ладонь. Порадовавшись за лесного стрелка, Алексей, по-прежнему не замеченный Чолоном, вернулся в лагерь.

Здесь уже никто не спал — оборотень умчался на охоту и разведку, а Хардар и обе девушки умело натягивали походные палатки. Костер бодро потрескивал доставшейся ему на ужин древесиной.

Алексей уселся недалеко от костра и задумался. Когда он рвался как взбесившийся пес по следам похитителей Эльви, он совсем плохо соображал. Иначе как можно объяснить то, что он пропустил мимо ушей все слова неведомого существа из дупла? И неважно, кем является само это существо, взимающее кровавую дань. Важно, что оно узнало его, Алексея. И поэтому не посмело забрать его кровь. И помимо привычного

обращения «господин», эта напуганная тварь назвала его Ужасающим. И еще эта фраза: «Как я могу не ответить на заданный тобой вопрос». Он не обратил тогда на эти слова внимания, желая только одного — найти похитителей и наказать. А ведь желанная информация о самом Алексее и его прошлом находилась в одном шаге от него. Достаточно было всего лишь задать вопрос. Впрочем, дерево теперь никуда от него не денется. Обязательства перед тарами, гномами и орками он должен выполнить, а потом уже вернется и не спеша пообщается с кровопийцей из дупла.

Узкая ладонь коснулась его плеча.

— Я хочу прогуляться до пещеры колдуна, поглядеть, не осталось ли в ней каких амулетов или других интересных вещей, от которых можно получить силы. Ты не проводишь меня, мой возлюбленный господин? — прошептала колдунья, наклонившись к самому его уху.

Почувствовав по интонациям, что сил она собирается набраться совсем от другого, Алексей отбросил размышления, от которых сейчас все равно нет никакого прока, и, поднявшись, протянул девушке руку.

Алексей проснулся, едва забрезжил рассвет. Он отлично выспался и отдохнул. Осторожно выбравшись из своей палатки, подкинул дров в костер и быстро раздул из еще теплящихся углей пламя. С наслаждением потянувшись, уселся у разгорающегося костра неподалеку от оборотня, который наотрез отказался спать в палатке. Ему отлично спалось и на свежем воздухе — Зур не испытывал холода, его не угнетала жесткая подстилка и возможность намокнуть под внезапным ночным дождем. Зато на открытом воздухе

оборотень продолжал чувствовать окружающий мир независимо от того, спал он или бодрствовал.

Заметив, что Зур открыл глаза, Алексей собрался заговорить с верным телохранителем. Но неожиданно оборотень взлетел, буквально над своей лежанкой и приземлился уже на ноги. Не сказав ни слова, Зур, словно выпущенное из баллисты бревно, метнулся в заросли. Только, в отличие от бревна, ни один звук не выдал движение тяжелого, могучего тела.

Алексей вскочил, удивленно глядя вслед исчезнувшему оборотню. Сам он, несмотря на обострившиеся в последнее время чувства, не ощущал никакой опасности. Может, Зуру приснился тревожный сон? Из ближней палатки выбрался орк, держа в руке обнаженный меч.

— Куда это Зур так подорвался? — встревоженно спросил Хардар.— Мою палатку едва ветром не снесло.

— Не знаю,— пожал плечами Алексей.— Только что лежал спокойно и вдруг умчался. Может, приснилось что.

— Это вряд ли,— покачал головой орк.— Надо разбудить остальных.

— А никто и не спит,— проворчал выползающий из палатки Чолон.— Вы тут так шумите, что перебудили всех на десяток миль вокруг.

Остальные путники тоже уже собрались вокруг костра, тревожно переглядываясь.

— Мы слишком расслабились,— посетовал орк.— Странно, что ночью никто не напал. Надо готовиться к бою.

Бесшумно раздвинулись кусты, и из зарослей выскользнул Зур.

— Гномы на подходе,— доложил он, приблизившись к костру.— Много. Большая колонна. Им не бо-

лее десяти минут ходу до нас осталось. Их ведет Оторок.

Минуло не более десяти минут, как уже все услышали подходящую колонну. Мерный топот, скрип повозок, крики — столь большой отряд мог не бояться быть услышанным охотничьими отрядами кентавров или отдельными горными великанами. Толстая змея колонны выползла из леса, вытягиваясь на равнине между лесом и подножием горы. Вместе с колонной воинов двигался караван повозок с провиантом и различным скарбом. В голове колонны выступал большой верховой отряд — под воинами послушно шли странные звери, похожие на броненосцев Забытого мира, только размерами с небольшую лошадь. Естественная броня этих зверей отлично гармонировала с полным доспехом из сверкающей стали, в которые облачились их седоки. За верховыми следовала колонна пеших воинов — более многочисленная, но не хуже защищенная и вооруженная.

— Гномы умеют делать лучшие доспехи и оружие,— пояснил орк, заметив удивленный взгляд Алексея.— Поразительно легкие и прочные. Они хранят свои секреты кузнецов пуще самой жизни. Но в самом их воинстве и последний пехотинец облачен в доспех лучший, чем могут себе позволить иные богатеи других рас.

— Я знаю,— кивнул Алексей.— Меня удивило совсем другое. Разве гномы ездят верхом?

— А что может им помешать, Лексар? — не понял Хардар, всматриваясь в приближающуюся колонну.— Ноги есть, задница есть, руки, чтобы править, тоже есть.

— Понимаешь, во всех книгах Забытого мира, где пишут про гномов, обязательно упоминают о том, что гномы не ездят верхом и боятся лошадей.

— Боятся лошадей? — Орк повернулся к Алексею.

— Лошади — это такие животные, которых используют так же, как...— начал объяснять Алексей.

— Я знаю, что такое лошади, Лексар,— усмехнулся орк.— Мы не используем лошадей, потому что в бою они не сравнятся с зорами. Гномы тоже не используют лошадей, как не используют и зоров. Они разводят для этих же целей локхитов. Эти странные твари могут жить и в пещерах, которые используют вместо конюшен. Да и защищены намного лучше. Но для чего зору защита, если он создан, чтобы атаковать вместе со своим всадником? А что касается страха гномов перед верховыми поездками... Скажи, Лексар, ты где-нибудь видел воинов, которые бы боялись верховых зверей?

— Может быть, это касается только лошадей? — предположил Алексей.

— Глупости,— отмахнулся Хардар.— Просто лошади не могут жить в подземных городах. Но на поверхности, в обычных городах, гномы не гнушаются никаким транспортом. Странно, что где-то иначе думают о гномах.

Тем временем голова колонны приблизилась к лагерю. И по мере приближения лица едущих во главе колонны гномов мрачнели. Едва войско гномов остановилось, в сторону лагеря поскакал отряд, состоящий из Оторока, десятка орков, посланных вместе с ним к гномам, и того самого гнома, который сопровождал путников в подземном городе и назвался Гердолом.

Алексей развел в приветствии руки:

— Рад, что вы удачно добрались до нашего места встречи. Надеюсь, дорога не показалась слишком утомительной для таких бравых воинов.

Алексей понятия не имел, как следует говорить приветствия в здешнем мире, но выражение лиц Гердола

и Оторока заставляли его импровизировать, чтобы постараться немного снять непонятное напряжение подъезжающих.

— Это насмешка, чужестранец? — поинтересовался мрачно вместо приветствия Герндол.— Мы действительно удачно добрались. Гномы всегда держат данное слово. Вот только ничего радостного в этом условленном месте мы не заметили.

— О чем ты говоришь? — насупился Алексей.— Не припомню, чтобы я обещал встречать вас с оркестром или пиршественным столом. Что радостного ты хотел увидеть в этих мрачных лесах, по которым рыскают враги?

— Что хотел увидеть?! — задохнулся от возмущения гном.— Я хотел увидеть выполненную тобой часть договора. Или эти несколько орков, которых ты прислал вместе со своим слугой, и есть вся армия, согласившаяся пойти под твоей рукой на неприступную цитадель гноров?

— О чем ты мне втираешь?! — начал раздражаться и Алексей, отлично видя агрессию гнома и попытки наехать, но не понимая их причин.— Ты что-то напутал, а теперь невнятно объясняешься.

— Невнятно?! — воскликнул Герндол, тараща глаза.— Ты, верно, решил обмануть гномов, вытянув наше войско на свою войну и рассчитывая, что, уже выйдя в поход, мы не развернемся домой. Где армия орков, о которой говорил твой слуга, представив в виде свидетельства ее существования этот десяток воинов? Мы не видим никого, кроме еще одного орка и твоих старых соратников. Клянусь плодородием наших рудников, если ты немедленно не представишь нам то, что обещал, я разверну войско гномов назад.

— Он ничего и слушать не хочет, с тех пор как его разведчики доложили, что тут нет лагеря большой ар-

мии,— пожал плечами в ответ на быстрый взгляд Алексея Оторок.

— Этого еще одного орка, как ты выразился, зовут Хардар,— ответил Алексей, поняв причину раздражения гномов и добавив в голос холода.— Он великий воин и командир великих воинов. А тому, что ты не видишь лагеря орков, причина одна — вы пришли немного раньше. Но командир их армии здесь. И на твоем месте, раз уж ты отважился сюда приехать, я подошел бы поздороваться с тем, кто будет сражаться с тобой плечом к плечу. Или ты просто передумал и теперь ищешь любой повод для того, чтобы оправдать свое непостоянство?

— Мне не нужно искать повода для того, чтобы увести войско в подземный город, потому что ты сам мне его предоставил.

Гном совершенно не собирался успокаиваться, уверенный, что его обманули. Он даже задумывался о том, как рассказать старейшинам о коварстве чужестранца. Впрочем, они сами виноваты, что поддались, поверив в чудо, хотя отлично знали, что орки не пойдут просто так под чью-то руку. Да и объединить в едином воинстве орочью орду с армией гномов совершенно немыслимо. Герндол не очень-то верил, что этому человеку удастся втянуть орков в свою войну. Поэтому он очень удивился, когда в подземный город вернулся служащий чужестранцу гном, да еще в сопровождении отряда мрачных огромных орков. Как можно было довериться гному, оторвавшемуся от своего рода и служащему человеку? А может, этот Оторок и вовсе изгнан сородичами, а то и проклят? Но теперь, когда обнаружилось, что орочьей большой стаей тут и не пахнет, Герндол понял все.

— Дай отдых своим воинам и своим мозгам,— примирительно предложил Алексей.— Пусть разобьют ла-

герь, а ты раздели с нами тепло костра и пищу. Все образуется само собой и в скором времени.

Однако гном был во власти своих мрачных мыслей и подозрений. Он покачал головой, набычившись и так и не спустившись со своего локхита.

— Нет, чужеземец. Мои воины не настолько устали. Мы уходим. Слова лишь пустой звук. А дел мы не видим. Прощай.

И в этот миг над лесом потянулся густой низкий звук, от которого странные мурашки побежали по спине Алексея.

— Что это? — удивленно спросил он у подошедшего с появлением звука Хардара.

— Это звук боевого рога орков, Лексар. Мой брат привел мое войско,— ответил тот с улыбкой, даже не глядя в сторону гнома.

Скорее всего, орк слышал только что состоявшийся разговор и теперь получал маленькое удовольствие от того, что нетерпеливый язык и Судьба поставили Гердола в неловкое положение.

— Лексар? — переспросил гном, удивленно крякнув.

— А ты не знаешь имени того, под чью руку пришел сам и привел своих воинов? — удивился Хардар, соизволив наконец заметить гнома.

В этот момент со стороны, противоположной той, откуда пришло войско гномов, показалась голова новой колонны. В отличие от единообразного состава войска гномов, здесь царила анархия в экипировке, вооружении и даже расовой принадлежности воинов. Во главе орочьей колонны также двигалась кавалерия— наиболее состоятельные и прославленные воины восседали на грозных зорах. Следом тянулась пехота. И как раз в ее рядах стали выделяться вкрапления других рас. Если среди кавалерии люди встречались

изредка, то в рядах пехоты их оказалось больше. Шли в рядах пехоты и уродливые воины с короткими ногами, крошечными головами, но непомерно огромным, вздувшимся от мускулов торсом. Они на пару голов возвышались над общим уровнем строя и руками едва не доставали земли. Вся их экипировка состояла из гигантских наплечников и небольших шлемов, а на плече каждый легко нес огромную палицу, цепень или длинный боевой молот. Потом Алексей заметил еще один вид воинов — высокие и излишне худые, колченогие создания с темной кожей. Сплющенные с боков головы украшали горбатые длинные носы, как у сказочной Бабы-яги. Тонкие, но длинные зубы далеко выступали за пределы узких губ. Облаченные в кожаные легкие доспехи, эти воины несли по целой связке тонких копий, чем-то похожих на тяжелые стрелы Чолона, но гораздо более массивных. Однако больше всего Алексея удивило то, что он сначала принял за стаю порхающих над колонной крупных птиц. Одна из них стремительно спикировала, Хардар выставил руку, словно для охотничьего сокола, и на его руку мягко сел... настоящий дракон! Алексей изумленно хлопал глазами, рассматривая удивительное создание размером с гуся и совершенно забыв про так и не отъехавшего на своем локхите Герндола.

— Что это за зверь? — спросил Алексей у довольного произведенным впечатлением орка.

— А ты разве сам не видишь, Лексар? — хмыкнул тот.— Это дракон. У нас разводят этих крошечных драконов весьма успешно. Они незаменимы, когда дело касается скрытных перемещений. Ни один наблюдатель не подлетит даже близко к месту, которое охраняют драконы. Да и в бою они вполне могут пригодиться.

Алексей с интересом рассматривал гордую длинную шею, большие глаза и острые, словно бритвы, белоснежные зубы, усеивающие приоткрытую пасть маленького дракона. Но Герндол не забыл про Алексея и недавний разговор. Он негромко откашлялся, поерзал в седле, а потом спрыгнул на землю.

— Прости, Лексар, за неосторожные слова и поспешные обвинения. Это было недостойно. Мы встанем лагерем на той стороне равнины, где сейчас стоим колонной,— заговорил гном, поспешно стараясь исправить ту неловкую ситуацию, в которую сам себя загнал.

— Ничего,— кивнул Алексей, не спеша, однако, приветливо улыбаться.— Я надеюсь, в будущем мы будем доверять друг другу больше.

— Мы совершенно отчетливо видим это,— докладывал старый, иссушенный годами и образом жизни, сгорбленный орк с клоками седой шерсти на голове и удивительно глубокими, спокойными глазами.— Властители гноров знают, что над ними сгущаются тучи. Они готовятся встретить бурю. Они собирают войско. Леса опустели на многие дни пути вокруг. Из городов к ним торопятся приспешники. Конечно, сначала они сильно недооценили тебя и твоих соратников, поэтому они не успеют созвать к цитадели ордена тех гноров, что находятся сейчас в других мирах, а таких большинство. К тому же и то, что они запечатали этот мир, также помешает им. Но и без этого их силы уже сейчас много превышают наши...

Этот старец был одним из двоих колдунов, пришедших с войском орков. Колдуны притащили с собой по большой заплечной суме с различными амулетами, магическими артефактами, приспособлениями, трава-

ми, порошками и прочей необходимой для мага дрянью. Сейчас старцы поколдовали с наполненным клубящимся дымом шаром и смогли в этом переплетении неуспокаивающегося дыма разглядеть требуемое.

Пока колдуны ворожили, а вожди отрядов слушали колдунов, воины чистили и точили и без того идеально острое и вычищенное оружие, а драконы возбужденными стайками метались в небе. Они уносились то в одну, то в другую сторону, замечая в невидимой дали то, что было не разобрать невооруженным глазом. А обратно прилетали, получив очередную порцию пищи в виде неосторожного летающего наблюдателя гноров. Даже ночью крылатые хищники не успокаивались, чутко охраняя дальние подступы к заснувшим лагерям. С приходом серого утра они и вовсе разволновались, молниеносно реагируя на любое движение вдали.

— Нам стоит поторопиться,— высказал свое мнение Хардар.— Враг пользуется временем, для того чтобы собраться с силами, а нам больше неоткуда ждать новых союзников. Разве что надеяться на чудо. Мы, орки, не верим в чудеса. Неведомый бог создал нас и уже этим дал воинам все, что только мог дать. Остальное мы берем от жизни и судьбы сами. Поэтому надо поторопиться и ударить по врагу, пока он, набрав достаточно сил, не ударил первым. Лучше атаковать, чем отбиваться.

— В спешке рождаются кривые грани,— возразил Оторок, и Герндол согласно кивнул.

— Хардар прав,— подал голос Алексей.— Ждать нет смысла, если мы не собираемся разойтись по домам. Надо лезть в драку, а там разберемся, у кого сколько сил набралось.

— Может быть, стоит проголосовать? — предложил Герндол.

— Нет. Никакого голосования не будет,— твердо ответил Алексей, поднимаясь с седла, на котором сидел как на стуле.— Мы выходим немедленно, так что поспешите поднять своих бойцов.

— Ха! Мои воины давно готовы! — завопил орк, для пущей убедительности гулко саданув себя в грудь огромным кулаком.— Мы уже оседлали зоров и вознесли хвалу богам за то, что посылают нам добрую войну. Много врагов — много возможностей славно и достойно пасть!

Зур улыбнулся, разделяя порыв орка, а Оторок и Герндол только в один голос хмыкнули, не возражая, но своим видом показывая, как они относятся к столь глупому желанию.

Но, как бы кто ни отнесся к решению Алексея, а спорить не стали: свои — потому что с господином не спорят, Хардар — полностью разделяя решение, а Герндол — потому что пришел по решению старейшин действительно «под руку» чужеземца, а значит, и относиться к нему должен как к командиру. Поэтому колонны быстро построились. Правда, здесь вновь возникла небольшая заминка. Каждый желал идти первым, а не глотать пыль за чужим войском. Хардар и Герндол сцепились было, яростно споря о доблести своих воинов, но и тут Алексей нечаянно подействовал на ситуацию. Он направился к спорщикам, и они, не желая дожидаться его волевого решения, моментально договорились не растягивать войско так далеко, а в интересах боеспособности повести колонны параллельно друг другу.

— Я считаю, что нам стоит малым отрядом поехать вперед, не дожидаясь колонн, и посмотреть, что там к чему,— предложил Алексей, когда вожаки съехались чуть в стороне от тронувшихся колонн.

— Согласен,— рыкнул орк.— Я возьму десяток воинов и столько же драконов в охранение и поеду с тобой, Лексар. А колонну поведет мой брат, как вел сюда.

— Отлично,— кивнул Алексей.

— Я тоже пойду,— решился Герндол.— Мне есть на кого оставить командование войском на марше. И я тоже возьму несколько своих воинов.

— Добро,— согласился Алексей.— Тогда отдавайте распоряжения, берите бойцов и догоняйте.

Он направил своего зора быстрым шагом вдоль двигающихся колонн. Тотчас к нему пристроились остальные путники на одолженных орками зверях. Зоры ступали мягко и практически бесшумно, поэтому Алексей без труда, не оборачиваясь, отличил и догнавший их отряд Хардара, и присоединившихся гномов на топающих, как кони-тяжеловозы, локхитах.

Дорога бесконечно долго петляла по дну широкого ущелья, неотвратимо поднимаясь все выше и выше. Порой Алексею казалось, что такое ущелье, позволяющее сделать путь к горному хребту столь пологим, что не было необходимости выбираться из повозки, не могло появиться без вмешательства могущественных сил. Время от времени склоны ущелья выглядели так, словно горную кручу рассек гигантский нож,— столь гладким и аккуратным был срез. Но потом отряд перемещался на другой участок — дикое нагромождение валунов и камней, среди которого лишь расчищенное полотно дороги свидетельствовало об обитаемости этого края. Еще выше дорога потерялась на широкой и гладкой, как обеденный стол великана, каменной плите, простирающейся на километр в ширину и несколько десятков километров в длину. По-

ступь зоров на монолитном камне стала абсолютно бесшумной, в то время как локхиты затопотали, будто стадо нагулявших жир носорогов. Алексей окинул каменную плиту взглядом и представил, как неизмеримо давно полз здесь с вершин всесокрушающий ледник.

Сверху показался спешащий из разведывательного выезда Зур, и Алексей невольно залюбовался приближающимся воином. Оборотень буквально слился со своим зором, будто оба принадлежали единому боевому организму, намного более совершенному и смертоносному, чем те же кентавры, удивительно совмещающие тело человека с телом лошади.

— Господин! — возбужденно начал оборотень, едва оказался на расстоянии, с которого Алексей мог расслышать его без лишнего крика.— Мы достигли цели нашего марша. Тебе стоит побыстрее на это взглянуть.

Алексей поторопил своего зора, устремляясь за развернувшимся оборотнем. Ехать долго действительно не пришлось — Зур спрыгнул на землю и, пригибаясь, пошел вперед. Алексей, как и спешащие за ним Хардар и Герндол, последовали примеру оборотня. Вскоре все залегли в той точке, где широкая дорога наконец-то завершила свой долгий подъем и, перевалившись через хребет, поползла вниз, все так же полого и ровно. Но только, в отличие от подъема, спуск оказался совсем коротким. Не более чем километрах в пяти от перевала, на котором находился Алексей, прямая дорога вырывалась в долину, словно чаша окруженную склонами гор. С перевала почти вся долина просматривалась как на ладони. Обагренные вечерним солнцем поля, темные леса в предгорьях... В воздухе пировали обнаружившие долину значительно раньше своих хозяев драконы, добивая последних крылатых наблюдателей колдунов. А на противоположной стороне долины лениво поднимались к небу многочисленные дымы ко-

стров. Алексей вгляделся, но на таком расстоянии не сумел рассмотреть тех, кто их развел. Одно не вызывало никаких сомнений — отряд действительно достиг своей цели и теперь видит перед собой собранное колдунами войско. Алексею даже показалось, что далеко впереди, на темнеющем с противоположной стороны долины скалистом боку гор, он различает очертания огромной крепости.

— Они собрали много своих приспешников, в надежде что те защитят их от нашей ярости! — прорычал лежавший рядом Хардар.— Разреши нам атаковать немедленно, и мы вволю напоим мечи свежей кровью этих презренных.

— Точно, Лексар! — поддакнул Герндол, проявив впервые удивительную солидарность с орком и рассматривая вражеский лагерь возбужденно блестящими глазами.— Мы перережем их как свиней.

— Это станет достойным приношением нашим богам, Лексар,— закивал орк.

— Вы что, совсем с ума посходили? — изумился Алексей.— Их в лагере побольше будет, чем нас всех вместе с идущей за нами армией.

— Это была бы славная сеча, Лексар,— опечалился Хардар, поняв, что команды «В атаку!» командир не даст.— А если так возжелают великие боги, мы последуем в пиршественные чертоги великих воинов, подгоняя пинками впереди себя множество душ этих презренных.

Алексей ни на миг не усомнился, что оба эти героя действительно способны на столь безумный поступок — вся жизнь их до последнего времени была направлена только на то, чтобы отыскать возможность умереть славно и красиво.

— Мы последуем не в пиршественные чертоги, и ты, Хардар, это отлично знаешь,— покачал головой

Алексей.— Да, погибнем мы славно, достойно того, чтобы о нас сложили саги. Вот только враги тебя будут скорее хулить, а друзей, которые расскажут о твоем подвиге правду, в живых не останется. А ты родишься вновь в одной из семей этого мира, чтобы долго идти, вновь обретая былую славу и авторитет. Мы пришли в эту долину не для того, чтобы славно погибнуть, ничего не добившись. Мы пришли, чтобы забрать свою свободу.

Гном и орк обозначили свое согласие с командиром молчанием, а Оторок, воспользовавшись паузой, поднял в указующем жесте руку:

— Вон на том небольшом холме, мой господин, отличное место для твоего походного шатра и шатров твоих ближайших слуг и союзников. Только, пока не подошло основное войско, нам следует остеречься выходить открыто на равнину.

На этот раз спорить никто не стал, хотя Алексей был уверен, что горячий орк и обидчивый гном поднимут Оторока на смех. Видимо, здравый смысл взял верх, остудив буйные головы.

Двигаясь вдоль самого скалистого склона, они спустились в долину, сразу же оказавшись под прикрытием окружающего ее чашу леса. Разведав ближайшую местность, расположились на небольшом, поросшем лесом холме, с которого просматривалась и часть дороги, ведущей от спуска в сторону цитадели, и долина, хоть и не так хорошо, как с перевала, и даже дымы лагеря неприятеля. Правда, самих костров и лагеря видно отсюда уже не было, а быстро подступающий вечер готовился скрыть и сами дымы. Но общая картина была вполне понятна.

Орки и гномы рассредоточились по склонам холма. Алексей вместе со всеми своими друзьями расположился на его вершине, в будто специально созданном

для наблюдательного поста нагромождении огромных отполированных временем валунов. Хардар и Герндол тоже составили ему компанию. Зур не решился покинуть господина для охоты в местном лесу, поэтому Оторок собирал ужин из холодных припасов, которые в достатке хранились в седельных сумках.

Неожиданно, свистнув рассекающими воздух крыльями, возле орка приземлился дракон. Алексею сразу бросился в глаза его отделанный золотом широкий ошейник. Хардар протянул руку, и дракон послушно подошел, позволяя отцепить от красивого ошейника небольшой свиток. Только сейчас Алексей сделал для себя еще одно удивительное открытие — Хардар явно умел читать. Вид увешанного оружием громадного орка, который со свирепым выражением на клыкастой морде внимательно читает развернутый свиток, стоил того, чтобы совершить побег из Забытого мира.

— Дурные вести,— сообщил он, сминая тонкую бумагу в огромном кулаке.— Эта весточка пришла от моих колдунов. Сообщают, что в нашем мире появился отряд охотников. Сейчас они очень быстро направляются в нашу сторону. К чему бы это? Неужели и охотников гноры сумели как-то на свою сторону привлечь?

— Охотники не пойдут на поводу у гноров,— усмехнулся мрачно Чолон.— Скорее они пожаловали сюда со своей целью. Но вот в том, что это плохо, ты абсолютно прав.

— Плохо,— эхом отозвалась Эйра.— Один отряд охотников хуже, чем все собранное колдунами войско. Много хуже.

Алексей, который до сей поры не особо разобрался в том, что же за опасность несут в себе охотники, нахмурился. Он не почувствовал ничего сверхъестественного в тех, кто постоянно преследовал его с того

самого дня, когда он вывалился из Забытого мира. Однако не доверять опасениям друзей, которые свою память не теряли, у него оснований не было. Тем более что в отношении охотников все его друзья, да и Хардар с Гердолом, проявляли удивительное единодушие...

— Но как такое могло произойти? — глухо спросил он.— Ведь Хардар сказал, что гноры закрыли мир.

Все удивленно воззрились на него, а Эйра пояснила:

— Разве кто-нибудь может закрыть мир от охотников?

— Не отчаивайся, мой возлюбленный господин,— прошептала на ухо Алексею колдунья.— Ты еще невидим им. Поэтому тебя не могут найти до сих пор...

— Они появились, господин.— Зур вырос как из-под земли, указывая ладонью в сторону спускающейся с перевала дороги.

Алексей вскинул глаза, оставаясь за укрывающим его валуном. Там, куда указывал оборотень, действительно появился стремительно перемещающийся отряд.

— Это тот, кто шел за нами в моем мире,— проговорил едва слышно Чолон, отводя глаза от мрачной процессии.

Теперь Алексей смог рассмотреть неведомых ему охотников на достаточно небольшом расстоянии. Во главе отряда летела странная огромная тварь, постоянно меняющая свои очертания. Казалось, будто она состоит из беспрестанно двигающихся относительно друг друга капелек ртути. Вряд ли этот монстр состоял из плоти и крови. Алексей ни на миг не сомневался, что это порождение какой-то черной магии. Но тот, кто восседал верхом на этом призрачном черном монстре, казался совершенно настоящим — худощавый человек с надменным, жестоким лицом. Внизу под

ним, разбегаясь веером, скакали десятка два тех самых похожих на скелеты монстров, которые показались Алексею знакомыми по неясным воспоминаниям из детства в Забытом мире. За его плечами летели крылатые гаргульи. Следом за скелетами трусили сутулые звери, отдаленно напоминающие то, во что превращается Зур в пылу боя, только намного меньшие по размеру, не обладающие статью хищника и огромными мускулами,— так отдаленно напоминают друг друга свирепый волк и гиена.

— Не надо так смотреть на него,— предупредил осторожный Оторок, так же как и Чолон, старающийся не смотреть в сторону охотников.— Если встретишься с ним взглядом, он тебя увидит.

Отряд охотников и так уже удалялся в сторону невидимой цитадели гноров, поэтому Алексей отвернулся и сел, прислонившись спиной к валуну, за которым только что прятался. Воспоминания, казавшиеся ему раньше страшным сном из детства, вновь зашевелились в голове, словно рыбки, скользящие меж пальцев, но не позволяющие себя ухватить.

Невнятная тревога иглой кольнула подсознание Алексея. Шелеста раздвигающихся зарослей он не услышал, а вздрогнул от резкого прыжка Зура, в мгновение ока превращающегося на лету в грозного монстра. С другой стороны плавно, но так же стремительно, как оборотень, скользнул к ближайшим зарослям тяжелый и неповоротливый с виду орк. Но оборотень успел первым, не оставив Хардару возможности пустить в ход свой двуручный меч. И только тогда Алексей заметил причину столь торопливых перемещений. На вершину холма, почти бесшумно раздвинув ветви высокого кустарника, выскочили две похожие на скелеты твари. Но именно почти бесшумно, потому что их встретил уже полностью трансформи-

ровавшийся оборотень. Удар страшной лапы, как гильотина, снес голову первому незваному гостю, отшвырнув ее куда-то в заросли. А второго, даже не успевшего повернуться на звук атаки, Зур сгреб, подмял под себя и переломил пополам, словно ветхое огородное пугало. И тотчас со стороны долины долетел вопль, наполненный яростью и удивлением. Алексей развернулся, медленно выглядывая из своего укрытия.

— Не смотри, господин! — взмолился со стоном Оторок.

Отряд охотника остановился, и теперь все составляющие его твари стояли повернувшись в сторону Алексея, словно высматривая прячущихся в лесу врагов.

— Охотник чувствует всех своих слуг,— пояснила Эльви, касаясь руки Алексея.— И даже может посмотреть их глазами на то, на что смотрят они. Вот только эти умерли слишком быстро и наверняка не успели даже подать сигнал тревоги своему господину. Правда, смерть их он почувствовал наверняка. Да и направление примерное знает.

Одна из гаргулий, подчиняясь неслышимой команде господина, устремилась в их сторону, торопливо махая крыльями.

— Теперь он наверняка смотрит глазами своего слуги! — воскликнул Оторок.

— Это плохо, мой возлюбленный господин,— согласилась с гномом колдунья.— Я легко могу создать портал, и мы уйдем отсюда в любое место, которое ты мне назовешь. Уйдем до лучших времен, когда окажемся в силах вернуться.

— Скажи, чего ожидаешь ты от меня сейчас? — усмехнулся Алексей, повернувшись к девушке и глядя в ее бездонные, как ночь, глаза.— Какого действия ждешь? И останусь ли я в твоих глазах возлюбленным

господином, если сейчас брошу тех, кто мне поверил? Кем стану для тебя и для них, если трусливо сбегу, спасая свою шкуру? Если побегу от тех, кто, как мне кажется, далеко не самые страшные из тех, что придут по мою душу?

— Ты всегда останешься моим возлюбленным господином,— неожиданно склонила она голову.— Что бы ты ни совершил.

— Я завидую сам себе, девочка, но прибереги свою магию для более важного дела,— сказал Алексей, понимая, что вопреки любым доводам и здравому смыслу он ни за что не уйдет отсюда.— Эй, друг Хардар, натрави-ка своего дракона на эту тварь.

Только сейчас Алексей заметил, что драконы исчезли из неба долины, как, впрочем, не появились и наблюдатели гноров.

— Ему не справиться, Лексар,— качнул головой орк.— Остальные драконы попрятались, но и им было бы трудно одолеть гаргулью.

— Отправь! — требовательно повторил Алексей.

Орк кивнул и, развернувшись к смирно сидящему неподалеку от него дракону, взмахнул рукой и что-то гортанно выкрикнул. Гибкое тело метнулось из зарослей, мгновенно набирая скорость. Дракон бесстрашно и яростно атаковал приближающуюся тварь. И атака эта была столь стремительной и неожиданной, что в первые мгновения гаргулья растерялась. Острые зубы дракона полоснули по ее боку. Она пронзительно заверещала и ринулась в бой. Как два самолета, враги несколько секунд кружили в воздухе, делая неожиданные выпады и уворачиваясь. Но участь бесстрашного дракона была предрешена. Перехватив стремительное тело когтистой лапой, гаргулья просто свернула дракону шею. Слегка западая на одно крыло, в котором появился изрядный порез, тварь развернулась к своему

хозяину, таща безвольно обмякшее тело погибшего дракона. Долетев до дожидающегося господина, гаргулья швырнула убитого врага на землю. Человек, не спускаясь со своего переливающегося монстра, долго рассматривал тело дракона, затем поднялся в стременах и еще раз внимательно обежал взглядом стену леса. Алексей прянул за камень, совершенно отчетливо почувствовав этот взгляд, так же отчетливо, как команда корабля видит луч прожектора маяка, разрезающий ночную мглу. Шли долгие минуты, а всадник все шарил взглядом по лесу и холму. Наконец он опустился в седло, и весь отряд, повернувшись одним движением, продолжил путь.

Когда Алексей выглянул из-за спасительного валуна, только уменьшающиеся точки напоминали о миновавшей их опасности.

— Удивительно! — воскликнул обрадованный Оторок.— Он просто ушел! Как такая удача могла произойти?

— Что тут странного? — пожал громадными плечами орк, старательно скрывающий, что тоже рад избавлению.— Он никого не увидел, а искать поленился или не имел времени.

— Он просто решил, что в этих лесах рыщут орки, которым принадлежал дракон, и что именно они и расправились с его слугами,— пояснила Эльви негромко, но ее все услышали.— Именно для этого господин и пожертвовал одним драконом.

— Но он не стал мстить за своих слуг,— высказал свое недоумение Герндол.

— Он ищет того, кто ему слишком важен, чтобы отвлекаться на орков, пусть даже и убивших пару его слуг. Тем более что таковых у него сонмы. А в этих лесах он не узрел того, по чьему следу идет,— бросила

колдунья, поднимаясь.— Эй, Оторок, а ужинать-то мы сегодня будем?

Ночью змея объединенного войска орков и гномов преодолела перевал и выползла в долину. Такое количество воинов лес не мог укрыть, поэтому продолжать отсиживаться на лесистом холме не было смысла. Хардар и Герндол поспешили проведать своих воинов, а Оторок спустился подготовить место для командирского шатра.

Алексей тоже не спал — он смотрел на чистые, яркие звезды, лежа на плоском, как ложе, камне и размышляя. Ему вспоминался Забытый мир, события, которые в нем происходили, видения, которые тогда казались страшными снами. Рядом присела, положив голову на его плечо, Эльви.

— Тебе тоже не спится, мой возлюбленный господин? — промурлыкала она, пробегая пальчиками по его груди.— Тревожная ночь. А завтра трудный день. Надо обязательно поспать.

— Кто они? — спросил Алексей.— Те, кого вчера убил Зур, кто они? Я уверен, что видел их даже в Забытом мире. Сейчас уже плохо помню когда, но видел.

— Это нежить, мой господин,— ответила девушка, и ее рука, словно змейка, переползла на живот Алексея.— Такая же нежить, как гаргульи и многие другие, кого используют в качестве оружия многие. Они вызваны силой заклинаний из миров, в которых не живет никто и нет места Сути. Хаос и смерть властвуют там. И в Забытом мире их можно встретить, когда кто-нибудь, поправ Закон, пытается рассчитаться с сосланным в Забытый мир.

— И кто-нибудь преуспел в этом? — поинтересовался Алексей, ощущая, как прикосновение пальчиков колдуньи разжигает в нем горячую волну желания.

— Всякое случается в любом из миров. Нет ничего идеального, и ищущий всегда найдет брешь. Забудь о проблемах хоть ненадолго. Ты должен отдохнуть, мой возлюбленный господин. Я помогу тебе...

Едва забрезжил рассвет, над лагерем вновь прибывшего воинства заколыхались дымы походных кухонь — повара спешили накормить воинов сытным завтраком. Воины успели после разбивки лагеря поспать и теперь горели желанием поскорее ринуться в кровавую сечу. Тем более что до ненавистного врага оставалось всего ничего. И каждый готов был славно умереть. Но ведь и умирая, они должны прихватить с собой побольше врагов, чтобы было чем порадовать свирепых богов и похвастаться перед товарищами, которые попали за пиршественные столы раньше. А значит, прежде чем ринуться в яростную атаку, не помешает еще раз наточить оружие, проверить доспех, отдохнуть и вволю поесть. Голодный желудок не облегчит ран, а сытым и к славной гибели идти сподручнее.

Заметив стоящего в раздумьях Оторока, положившего косматую голову на рукоять секиры, Алексей подошел к нему.

— Большое войско собралось, мой господин,— улыбнулся гном, отрываясь от своих дум.

— Большое,— согласился Алексей.— Надеюсь, что достаточно большое. Знаешь, Оторок, я все хочу спросить об одной непонятной штуке. Не люблю, когда чего-то не понимаю. Когда какие-то явные нестыковки не дают успокоиться.

— Спрашивай, мой господин,— обрадовался гном, который в последнее время даже видел Алексея очень редко, а уж говорил с ним — и подавно.— Ты ведь знаешь, я всегда с радостью растолкую все, что только знаю сам.

— Да это не столько знаний касается, сколько наблюдений. Возможно, я что-то упустил,— начал Алексей.— Как вышло, что Герндол ведет под своей рукой войско гномов?

— Что же в этом странного? — не понял Оторок.

— Он же встречал нас на воротах подземного города. Как может стражник городских ворот возглавлять поход целого войска? — пояснил свой вопрос Алексей.

— Ах вот оно что! — рассмеялся Оторок, поняв тревогу господина.— То, что Герндол встречал нас у ворот города, вовсе не означает, что он является стражником у этих ворот. Герндол вовсе не простой воин. Он один из наследников правящей ветви рода. А это значит, что он бывший старейшина рода, один из вождей.

— И при этом он выходит к воротам встречать путников? — недоверчиво улыбнулся Алексей.

— Не всех, господин,— качнул тяжелой головой гном.— У гномов этого рода есть старинное предсказание о том, что придет незнакомец, который объединит под своей дланью разные народы и даст гномам долгожданную свободу. Ты ведь для всех до сих пор недостаточно видим и понятен. Ты не такой, как все остальные. Поэтому и встречать тебя пошел не простой стражник, а тот, кто сумеет при более близком общении почувствовать и понять. И если бы ты оказался кем-то иным, вряд ли нас пустили бы в город.

— Он рисковал при этом?

— Нисколько, мой господин,— возразил Оторок.— Напротив, он был в полной безопасности. В тот момент, когда он вышел к нам, из тайных бойниц на

нас смотрело столько арбалетов, изготовленных лучшими оружейниками гномов, что хватило бы на отряд в три раза больший, чем был у нас. Стоило ему в нас разочароваться, стоило только нам сделать неверное движение, как нас утыкали бы арбалетными болтами, почище чем Господь утыкал иглами ежа. Так что не мучайся сомнениями, мой господин, Герндол имеет все права и вести войско гномов, и говорить в присутствии совета старейшин.

— Спасибо, друг,— кивнул Алексей и, похлопав Оторока по плечу, двинулся дальше.

Он медленно шел по лагерю, рассматривая готовящихся воинов и в очередной раз удивляясь тому, как далека оказалась действительность от того, что он представлял.

Орки — высокие и могучие, будто созданные специально для устрашения врага и кровавой сечи. В них непомерная сила и красота хищного зверя. Так красив тигр или, скажем, белый медведь. Хотя тому, кто намечен стать их добычей, нет спасения от своей страшной участи. Все орки, которых видел Алексей, весьма опрятны вопреки рассказам Забытого мира и облачены в хорошо пригнанные доспехи. Да и доспехи эти, как и оружие, вполне под стать хозяевам — все излишне тяжелое, излишне массивное. Даже мечи имеют такую толщину и вес, что, кажется, просто урони руку с таким мечом безо всяких усилий — и он перерубит лошадь.

Гномы внешне полная противоположность оркам — все, как один, низкорослы, будто карлики, но необычайно широки. И мускулы у всех такие, словно они всю жизнь махали тяжелыми кузнечными молотами. Впрочем, вполне возможно, что так оно в случае с гномами и было. Доспехи гномов несравнимо тоньше и изящнее. Все покрыты мудреной чеканкой и тони-

рованием в разный цвет от чернения до позолоты. Почти каждый гном вооружен топором или секирой, которые размерами своих лезвий могли бы поспорить с орочьими мечами. Только, в отличие от примитивной функциональности последних, секиры украшены таким же тонированием, что и доспехи, и испещрены рунами. Почти у каждого гнома помимо секиры есть еще и малые топоры, больше похожие то на тяжелые колуны для дерева, то на легкие томагавки индейцев. Как разъяснил Алексею мудрый Оторок, «колуны» выполняют роль метательных топоров, тогда как «томагавки» служат для рукопашной схватки в ограниченном пространстве, где тяжелой и массивной секирой не очень-то размахнешься.

— Как тебе нравится твое войско, Лексар? — прорычал подошедший Хардар, явно заметивший восхищение Алексея, рассматривающего огромного коротконогого гиганта, который облачался в броню.

Увидев их еще на марше, Алексей подумал, что при такой мускулатуре и толщине шкуры одних наплечников, в которых щеголяли гиганты, было вполне достаточно. Но теперь оказалось, что основная часть доспехов этих страшилищ едет в обозе. Теперь, облачившись в тяжелые панцири, монстры и вовсе стали походить на передвижную боевую башню.

— Кто это такие, Хардар? — поинтересовался Алексей.— Они не похожи на орков.

— Это тролли,— хмыкнул орк.— Они туповаты, но в бою при разумном использовании просто незаменимы. Впрочем, как и все воины других рас. Вон те, темнокожие, тоже тролли, только другого рода. А похожи друг на друга не больше чем зор и локхит. Прирожденные стрелки. Может, и не сравнятся с твоим Чолоном, но не очень отстанут.

— Хорошо, друг,— кивнул Алексей.— Я вижу, что в наших рядах собрались только лучшие из лучших.

Порыв холодного, резкого ветра налетел так внезапно, что Алексей даже покачнулся, едва устояв на ногах. По небу, совсем недавно по-утреннему чистому, заскользили невесть откуда взявшиеся тучи, стремительно превращая день в мрачный, тяжелый сумрак. Полыхнули молнии, и, словно лопнув от их удара, тучи прорвались ледяным ливнем. Холодные порывы ветра забрасывали потоки воды даже в палатки, тушили костры, рвали штандарты. А еще через минуту на землю обрушился крупный град. Стихия бушевала, все усиливая свой натиск на лагерь. Уже сорвался первый не выдержавший натиска шатер, потухли многие костры...

Светлый луч ударил в клубящееся тучами небо. Алексей обернулся и увидел стоящую с воздетыми к небу руками Эльви. Губы ее шевелились, произнося заклинания, руки творили сложные пассы. Сначала Алексею казалось, что ничего не происходит, но вдруг от исходящего от фигуры колдуньи луча света сначала появилось отверстие в черном покрывале туч. В этой бреши виднелась чистая синь неба. А в следующий миг кольцо чистого неба побежало стремительно в разные стороны, бесследно растворяя в себе непроглядную черноту туч. Град ненадолго сменился дождем и вовсе стих. А еще через несколько минут уже ничто не напоминало о том разгуле стихии, который творился здесь совсем недавно.

Шагах в двадцати за спиной колдуньи молча стояли два иссохших высоких старца со светящимися во впавших глазницах, будто красные угли, глазами. Алексей с интересом пробежал по ним взглядом. Даже длинные балахоны с глубокими капюшонами не могли скрыть их неимоверной худобы. Единственным видимым

украшением орочьих колдунов служили широкие пояса из причудливо переплетенных кованых стальных цепей. Но Алексей ни на миг не сомневался, что под этими балахонами тела колдунов покрыты защитными татуированными рунами, талисманами, амулетами и мешочками с колдовскими снадобьями. Так было, когда Алексей некоторое время назад заметил готовящихся к предстоящей битве колдунов, и наверняка так оставалось и теперь. Невольно у Алексея вновь мелькнула мысль о том, что он просто не верит в родство этих мешков с костями, укутанных магией, как мумия египетского фараона лентами ткани, с могучими и жизнерадостными орками. Но не доверять рассказу Хардара у него не было никаких оснований. А орк рассказывал, что род колдунов раньше физически ничем не отличался от других орочьих родов. Но искусство колдовства передавалось только в пределах клана по мужской линии. Когда приходило время пополнить ряды клана, выбранный кланом мужчина сходился с выбранной девушкой. После рождения мальчика мать навсегда удаляли и от ребенка, и от клана, а мальчика воспитывали и учили всем родом. Со временем, несмотря на получение свежей крови от девушек, род колдунов изменился и психически, и ментально, и даже физически. Вот и казалось теперь, что они представляют собой совершенно другую расу.

Сейчас оба колдуна с большим интересом наблюдали за действиями Эльви. Правда, дальше пассивного наблюдения дело не шло. Они не собирались помогать, уверенные, что ливень, град и любые иные погодные катаклизмы не могут быть помехой доблестным воинам в подготовке к тяжелой битве. А вот обретенная ими мощь и способности слишком трудно им дались и слишком дорого стоили, чтобы легко расходовать их на столь бесполезное занятие, как разгон туч. Более

того, Алексей был уверен, что они считают колдунью почти циркачкой, которая только и способна, что корректировать погоду на потеху толпе.

— Ну что, друг Лексар, воины совершенно готовы и в нетерпении,— нарушил молчаливое созерцание Алексея грозный орк, в голосе которого как раз и чувствовалось то нетерпеливое возбуждение, о котором он говорил.— Не начать ли нам прямо сейчас? Ведь ожидание утомляет нас и дает врагу лучше подготовиться.

— Нет, Хардар! — качнул решительно головой Алексей, не зная причины, а только чувствуя нутром, что еще рано, немного рано.— Не сегодня. Завтра утром. Прямо с самого восхода солнца. Пусть светило станет нашей командой.

— Будь по-твоему,— согласился орк с легким оттенком разочарования в голосе.— Утром так утром. Воину необходимо уметь ждать, и мои это умеют. Но пусть солнце движется быстрее...

Алексею показалось, что сама земля вздрогнула под ногами. Он уже давно встал, отлично выспавшись после долгих жарких объятий Эльви, и приводил себя в порядок, готовясь выйти из походного шатра. Теперь он торопливо выскочил, пытаясь угадать причину этой земной дрожи. И тут вновь ударило — густо и гулко. Затем еще, с меньшим интервалом. Тяжелые барабаны стукнули еще трижды, а следом басовитой медью зарычали сигнальные боевые трубы орков. Алексей закрутил головой и увидел, как над невысокой кромкой горного хребта показался багровый краешек солнца.

— Солнце взошло, друг Лексар! — завопил радостно предводитель орков, приближаясь к Алексею.

Орк уже облачился в полный доспех и напоминал теперь огромного страшного викинга в ужасающем рогатом шлеме, больше похожем на череп неведомого зверя. С небольшим опозданием появился Герндол. Гном не желал отстать от «тупого орка» в решительности и готовности к великой битве, поэтому тоже щеголял своими совершенными доспехами и непринужденно лежащей на закованном в сталь плече огромной секирой. Он глухо рыкнул что-то неразборчивое, сверкая глазами на союзника, который успел чуть раньше, и Алексей ни на миг не усомнился, что воинство гномов в это мгновение точно так же полно решимости и совершенно готово ринуться в бой.

— Ты, Хардар, наверняка отправил нескольких своих воинов за перевал подгонять светило,— улыбнулся Алексей.— Ну что ж, раз солнце выглянуло, значит, и впрямь пора.

Алексей не ощущал ни тени страха или неуверенности перед предстоящим сражением. Словно холодная ярость этих бывалых, суровых воинов сейчас питала его, взращивая в душе и сердце спокойную уверенность силы. Впрочем, некоторая тревога все же омрачала его спокойствие, но причина этой тревоги крылась не в войске гноров, а в маленьком отряде охотников.

Вернувшись в свой шатер, он быстро и ловко надел подаренные орком древние наплечники, вновь подивившись, как холодная сталь может так легко и удобно облегать тело. Казалось, что наплечники, будто живые, чуть заметно шевельнулись, принимая удобную именно для нового своего хозяина форму. Но такое небольшое событие уже не могло сильно удивить Алексея, начавшего привыкать ничему не удивляться после своего выпадения из Забытого мира.

Несколько орков подвели Алексею и собравшимся возле него друзьям могучих зоров. Теперь зверей тоже защищали доспехи из кожи и стали, превращая в монстров. Хардар и Герндол уже восседали в седлах — гном мрачно сосредоточенный, а орк беспрестанно довольно скалящийся.

Выехали к построившимся войскам. И тут в душу Алексея все же закралось сомнение — как он сейчас поведет это войско в бой? Как будет руководить? Как построит? Отрывочные воспоминания о битвах великих полководцев Забытого мира, почерпнутые из фильмов и книг, смешались в кашу. Что-то близкое к панике зашевелилось в душе, в животе противно заныло. «Медвежьей болезни мне только сейчас не хватало!» — ужаснулся Алексей, обводя взглядом воинов. Теперь, когда они стояли в строю, в поле, казалось, что их стало еще больше. В небе металась стая драконов, полностью завладевших ситуацией над разворачивающимся войском.

Эльви, бодрая и, как всегда, потрясающе красивая, направила своего зора к Алексею. Он невольно залюбовался девушкой, сидящей в седле с такой грацией, словно она рождена была в каком-нибудь племени воинствующих амазонок. Но, наткнувшись на ее полный тревоги взгляд, Алексей еще больше напрягся.

— Мой возлюбленный господин,— начала колдунья, наклоняясь ближе к Алексею, чтобы ее слова остались неслышимы для всех окружающих,— охотник со своей свитой опять появился. Они встали вон там, далеко в стороне, и просто наблюдают.

Девушка показала глазами направление, и, вглядевшись, Алексей действительно скорее почувствовал, чем увидел там несколько висящих в небе точек.

— Он не видит тебя среди всех этих воинов и никак не может ощутить твой след, хотя твое присутствие,

скорее всего, чувствует,— добавила Эльви, хмурясь.— Поэтому и не уйдет до тех пор, пока не разберется в этих ощущениях. Он ждет, когда ты выдашь себя.

— Но он ведь не будет воевать на стороне гноров?— уточнил так же негромко Алексей.

— Конечно нет,— качнула головой колдунья.— Охотник никогда не станет держать чью-то сторону. У него есть цель, и он только за этой целью идет. Все, что он может сделать,— это забрать эту цель и уйти. Вмешиваться в мирские дела он не станет.

— Это хорошо.— Алексей заставил себя улыбнуться.— Пока он меня не увидел, у нас есть шанс. Мне некуда отступать.

— Твоя воля, господин. Только постарайся хотя бы не лезть вперед, пока охотник рядом. И не обнажай своего меча,— ответила Эльви и, чуть склонив голову, подала зора назад.

Алексей мог поклясться, что выражение ее взгляда сменилось с тревожного на... Не на спокойное, конечно, но первоначальная тревога ушла. Да и сам Алексей неожиданно ощутил растущую в душе уверенность. Он проводил девушку взглядом и повернулся к Хардару, терпеливо дожидающемуся в десятке шагов.

— Она права, друг Лексар! Тебе не стоит лезть в бой пока. Ты нас объединил и тем уже сделал слишком много,— негромко заговорил орк, подъезжая к Алексею стремя в стремя.— Мы вчера посовещались с Герндолом. У меня есть и кавалерия, и стрелки, и тяжелая пехота. А у гномов такой легкий доспех, что они подвижны и шустры. Отличная легкая пехота. Но гномы не сильны в строю. Так что, если ты не возражаешь, мы хотим предложить тебе свой план расстановки сил. А уж ты суди...

Барабаны неторопливо ускорили темп, рев боевых труб метнулся ввысь. Эти длинные медные инструменты звучали в таком тембре, что Алексей ощутил вибрацию даже внутри себя. Что-то психоделическое в этом звуке будило глубоко в душе зверя, о существовании которого Алексей и не знал. Ему вдруг захотелось побыстрее броситься в дикую атаку вместе со свирепыми орками и бесстрашными гномами. При этом Алексей нисколько не удивился бы, узнав, что на большом расстоянии этот звук мог, напротив, породить тревогу и неуверенность у слабого духом.

Войско неторопливо отходило от своего лагеря, приближаясь к неприятелю. В лагере гноров тоже не теряли времени даром — противник построился практически одновременно и теперь выступил на встречу.

Центр войска занимали бронированные шеренги орков. На обоих флангах выстроились гномы, усиленные огромными троллями. За спинами пехоты растянулся отряд троллей-копейщиков. Хотя вернее было бы назвать их метателями — пользуясь хитрым приспособлением, колченогие создания умудрялись метать тонкие копья так же далеко и метко, как посылает стрелу опытный лучник. Жаль только, численность этих стрелков не позволяла надеяться на нанесение сколько-нибудь серьезного урона противнику. За небольшим холмом, дожидаясь своего часа, стояли два многочисленных отряда всадников. Верховые орки и гномы не смешивались в едином кавалерийском воинстве. Орки должны будут обойти свою пехоту по широкой дуге с левого фланга, а гномы с правого. Сейчас им приходилось смирять свой боевой пыл и терпеливо дожидаться, когда противник увязнет в битве с пехотой, чтобы, получив команду, обрушиться двумя стальными кулаками на его фланги.

Неприятель приближался так же неторопливо, и теперь Алексей видел, что центром воинства гноров служит разномастная пехота. Правда, несмотря на эту разношерстность, ряды выглядели ровными и цельными, а численность превышала количество пехоты орков и гномов. По левому флангу, беспрестанно вопя, двигались кентавры. Своим вооружением они не отличались от встреченных ранее в лесах, вот только численность их не позволяла с небрежением отнестись к плохой защите. Но опаснее всего выглядел правый фланг, на котором разворачивали свои нестройные ряды горные великаны. Даже рядами сложно было назвать тот хаотичный порядок, в котором они находились, но что проку от строя, если каждый подобен по мощи боевой башне. Да еще и неукротимая, тупая ярость, которая заставит рваться вперед и крушить, крушить...

— Отчего хмуришься, Лексар?! — Счастливо скалящийся Хардар возник рядом с Алексеем.— Врагов так много, что сегодня каждый найдет свою славу.

— То-то и оно,— мрачно согласился Алексей.— А нам больше славы нужна победа. Послушай, я что-то не вижу никого, кто ими командует.

— Ха! Разве гноры когда-нибудь выходят на сечу?— удивился орк.— Они сидят в своем шатре под охраной верных воинов и гонят свою армию на смерть с помощью магии.

— А если создать диверсионную группу и прорваться к этому шатру? — предложил Алексей, нащупывая варианты, ведущие к победе.— Перебить их — и вся недолга. А без командиров, глядишь, и армия сдастся.

— Ты думаешь, что они станут дожидаться, когда ты ворвешься в их шатер, перебив охрану? — рассмеялся Хардар.— Да едва такая опасность возникнет, они

тотчас же бросятся в портал, который постоянно поддерживают открытым прямо там же, в шатре. А на тебя натравят и всех своих воинов, и магию.

— Так что иного пути, как биться с их армией, а потом идти на цитадель, у нас нет? — нахмурился Алексей.— Получается, что, даже проиграв здесь, они просто отойдут через портал в свою крепость и начнут готовиться к осаде?

— Это так, друг Лексар,— кивнул орк.— Сегодняшней битвой эта война не закончится.

— Ну что ж,— Алексей махнул рукой,— раз другого не дано, не стоит и затягивать. Командуй наступление!

Счастливый орк умчался на своем огромном зоре, и почти в тот же миг опять взревели боевые трубы и забили ритм барабаны. Ряды воинов качнулись в едином порыве, подчиняясь магии звука. Войско поползло вперед. Старшинство Хардара признавали сейчас все, даже строптивые и болезненно гордые гномы. Даже Герндол, чувствуя, что у орка несравнимо больше боевого опыта, позволил ему командовать объединенным войском. Вернее, не совсем командовать — ведь оба они пришли под руку Алексея. А Хардар являлся рукой, что претворяет все планы головы в жизнь.

И тут, слышимый даже на фоне звериного рыка труб, над верхушками далеких деревьев полился чистый звук охотничьего рога.

— Это засада! — взревел Хардар, разворачиваясь в сторону звука.

— Нет, это не враги,— возразил выехавший вперед Чолон.— Это голос рога воинов Лиирса.

— Но как?..— удивленно повернулся к нему Алексей.— Ведь все говорили мне, что мир запеча...— Он осекся, поняв, что охотник, пройдя в этот мир, сорвал все печати.— Остановить наступление! — тут же отдал он команду, пытаясь рассмотреть происходящее на

далеком уже перевале.— Мы дождемся их. Ни один воин не окажется лишним в грядущей битве.

Орк нахмурился, но возражать не стал. Он коротко рявкнул, команда прокатилась по цепи, и барабаны, замедленно ударив еще пару раз, смолкли. Трубы тоскливо взвыли, а потом над остановившимся войском разлилась тишина.

Подъехавшая к Алексею Эльви потянулась к его уху и что-то прошептала. Некоторое время Алексей обдумывал услышанное, а потом повернулся к вождю орков:

— Правда ли, что твои колдуны владеют заклинанием невидимости?

— Это очень сильные колдуны, друг Лексар,— подтвердил Хардар.— Они владеют разной магией, в числе которых и заклинание призрачности...

— Призрачности или невидимости? — уточнил Алексей.

— Они называют его заклинанием призрачности, но оно делает заколдованного совершенно невидимым. Вот только действует это колдовство совсем недолго. И ничего с этим поделать нельзя.

— Насколько недолго? — не успокаивался Алексей.

— Совсем недолго. На пару они смогут заколдовать любого из нас, но чар хватит, может быть, только для того, чтобы добежать до первых рядов неприятеля,— не понимая, к чему клонит командир, прикинул орк.

Тем временем те, кто звуком рога остановил движение войска, показались на равнине, приближаясь быстрым маршем. И тут Алексея ждало новое удивление — на этот раз приятное. Появившиеся из леса воины казались Алексею братьями Чолона. Вооруженные все, как один, двумя луками и облаченные в кожаные доспехи, они двигались ровной колонной, словно все свободное время проводили за строевой

тренировкой. Колонна быстро приближалась, в то время как хвост ее все не обрывался. Воинов Лиирса оказалось, по прикидкам Алексея, не меньше трех сотен. А за ними... Сначала Алексею показалось, что с интервалом несколько десятков метров следом за стрелками из леса появился еще один отряд орков, столь могучими казались составляющие его воины. Но в следующий миг Алексей понял, что ошибся. Не орки топали в этой неровной, в противоположность стрелкам, колонне. Это были рослые и волосатые гиганты в кожаных юбках и толстых шерстяных плащах. Алексей бросил взгляд на Эйру и заметил, как радостно улыбается девушка, будто тяжелый камень свалился с ее души. Казалось, еще немного — и она поскачет навстречу, радостно вопя и размахивая руками.

— Много достойных воинов,— похвалил Хардар, которому увиденное понравилось не меньше, чем Алексею.— Мы стали много сильнее.

— Слишком много горных великанов, господин,— бросил ложку дегтя Оторок, продолжающий неотрывно наблюдать за приближающимся неторопливо противником.

Алексей вдруг почувствовал, что здесь у него просто должно все получиться. Иначе ему нечего делать в этих мирах. А еще в его голове вдруг сформировался план сражения. Был ли он верным — только время сможет рассудить. Но от былой нерешительности не осталось и следа. Теперь Алексей точно знал, что станет делать.

— Хардар, ты говорил, что твои тролли-копейщики хорошо бегают и еще лучше метают копья? — спросил он.

— Именно так я сказал, Лексар,— кивнул довольно орк.— И именно так обстоит дело.

— Это хорошо,— сказал Алексей.— Когда подойдут все вновь прибывшие, поставь их на позицию троллей. Варвары-охотники отлично владеют луками. Не так хорошо, как воины Лиирса, но достаточно, чтобы при своей численности доставить множество неприятных проблем врагам. А потом в бою они не оплошают с мечом. Смешай их с воинами Лиирса — и получишь более-менее однородно стреляющую массу. Всех троллей-копейщиков вон туда, на левый фланг. Пусть ждут меня даже тогда, когда войско двинется вперед. Я дам им отдельное задание. Колдунов на правый фланг. Я с ними сейчас поговорить хочу. Выполняй.

Алексей пристально посмотрел в сторону едва видимого отсюда огромного шатра, раскинувшегося далеко позади приближающегося войска неприятеля. Затем, отведя взгляд, повернулся к оборотню:

— Есть разговор, Зур. Давай-ка отойдем в сторонку.

Тот с готовностью пса, услышавшего голос хозяина, направил своего зора в указанную Алексеем сторону. Ждать колдунов долго не пришлось — подчиняясь команде грозного Хардара, старцы спешили к выехавшему на правый фланг Алексею. Когда старцам осталось преодолеть не более десятка шагов, Алексей спрыгнул на землю, заметив, как единым с ним движением седло покинул и Зур.

— Внимаем тебе, владыка,— заговорил один из них сильным, молодым голосом, чуть склонив голову.

— Я слышал, что в ваших силах сделать воина невидимым,— начал Алексей.

— Это так, великий, только чары невидимости недолго держатся на простом воине,— подтвердил старик.— Отвести глаза нескольким воинам и таким образом пройти мимо них невидимкой — небольшого умения дело. А вот сделать кого-то действительно не-

видимым для всех — искусство, требующее многих сил и знаний.

— Хорошо,— кивнул Алексей, жестом останавливая объяснения колдуна.— Мне необходимо, чтобы вы сделали невидимым вот его. На столько времени, на сколько сил у вас хватит. Если мой план удастся, то ваши силы могут больше не понадобиться, а если не удастся, то до следующей битвы собрать новые успеете. Так что сил своих не жалейте. Тем более что в пылу боя его и гноры увидеть не должны.

Старцы молча поклонились в ответ, показывая всем своим видом, что не пожалеют сил и сделают все, на что только способны.

— Ты должен будешь трансформироваться прямо здесь,— обратился Алексей к Зуру, объясняя его задачу.— Командой для тебя станет тот момент, когда горные великаны покинут ряды войска гноров. Тебя сделают невидимым, и ты побежишь что есть сил. От тебя очень многое сейчас зависит, друг. Главное — постарайся не дать вожакам гноров уйти через портал. Любой ценой. Ты понял? Умри, но не выпусти их.

— Я понял, господин,— улыбнулся оборотень, счастливый, оттого что ему доверена столь важная и опасная миссия.— Я не подведу тебя.

— Знаю.— Алексей хлопнул верного телохранителя по могучему плечу и повернулся к колдунам.— Вы должны быть готовы навести на него свои чары, едва только он превратится в зверя.

— Мы будем готовы, владыка,— заверили старцы хором.

Не говоря больше ни слова, Алексей запрыгнул в седло и помчался на левый фланг. Вражеское войско подошло чересчур близко, и времени постараться изменить соотношение сил оставалось слишком мало. Проносясь мимо перестроившихся воинов, Алексей

отметил, как умело руководит совершенно незнакомыми солдатами Хардар. Казалось, сами мысли и желания орка материализовались в движениях воинских рядов.

Сухие и длинноногие тролли-копейщики уже ждали указаний, сгрудившись чуть позади стоящей на левом фланге орочьей кавалерии. Они оставались совершенно спокойными, и Алексей подумал, что в этом они действительно похожи на Чолона. Лесной воин и в бою оставался настолько хладнокровным, что казалось, будто он и вовсе витает в мирных фантазиях. Но рука его при этом не ведала промаха. Идеальное качество для воина, основным оружием которого является лук.

Алексей поравнялся с отрядом троллей и спешился. Копейщики оказались выше его на добрые полголовы, хотя издали, да еще на фоне своих массивных собратьев, смотрелись довольно скромно.

— Я хочу дать вам очень важное задание, от которого зависит вся наша победа.

Подчиняясь ритму барабанов, войско встало. Короткое перемещение позволило подровнять и выпрямить ряды. Теперь воины молча наблюдали за ускоряющим шаг противником. Воины Лиирса уже приготовили свои дальнобойные луки, воткнув по несколько стрел перед собой в землю. Они должны были начать на дальней дистанции. Позже, когда враг приблизится, они сменят луки на короткие и вместе с воинами Эйры продолжат обстрел. Ну а дальше наступит черед мечей и топоров...

Алексей внимательно следил за приближающимися горными великанами. Именно им в своих расчетах он отвел роль слабого звена. Он немного нервничал, по-

тому что до невидимой линии, за которой лучники Лиирса вступят в бой, оставалось все меньше. А первые тяжелые стрелы поставят весь его план под угрозу...

Из густых зарослей кустарника, расположенных в сотне метров от правого фланга войска гноров, словно чертики из табакерки, выметнулись тролли-копейщики. Они мчались на своих жутковатых, вывернутых назад ногах со всей скоростью, на какую были способны. Медленно соображающие горные великаны совершенно не замечали приближающегося отряда. Впрочем, возможно, они просто не обращали внимания на столь малочисленный отряд. И тут тролли, остановившись, сделали первый дружный залп. Тонкие копья мелькнули едва видимыми росчерками, злобными шершнями впиваясь во врагов. Тролли отлично поняли свою задачу, и каждый нашел свою цель, не сосредоточиваясь на ком-то одном. Поэтому за первым же залпом в воздухе метнулся яростный рев множества глоток гигантов. Тролли бросили по второму копью. Строй горных великанов, и без того неровный, рассыпался. Гиганты, не прекращая реветь, будто покусанные дикими пчелами медведи, размахивая тяжелыми палицами и боевыми молотами, бросились на назойливых обидчиков. Но тролли моментально развернулись и отступили быстрым шагом. Строй великанов совершенно смешался, став уже не строем, а неуправляемой толпой — Алексей буквально почувствовал, как чья-то посторонняя воля пытается заставить их вернуться на свои места. И многие даже начали поворачивать. Но в этот момент тролли, заметив эту заминку, опять атаковали, неистово метая острые тонкие копья. Ярость затмила глаза гигантов, а единый порыв растоптать, вбить в землю болезненно жалящих врагов полностью лишила их тех крупиц рассудка, которые прятались под тяжелыми черепами.

Горные великаны обвалом помчались за троллями, все ускоряя свой тяжелый бег и не обращая больше внимания на голоса хозяев, звучащие в их сознании. Тролли продолжали забрасывать преследователей копьями, теперь уже вразнобой, рассыпавшись и двигаясь каждый сам по себе.

Начало их работы удалось — все гиганты бросили свой фланг и оттягивались все дальше от войска гноров. Правда, у разогнавшихся великанов скорость бега превосходила скорость троллей, но вот проворство не шло ни в какое сравнение с проворством легких метателей копий. Алексей мысленно ликовал, надеясь, что не все отважные тролли падут под ногами и палицами преследователей.

Дружный звон множества спущенных тетив возвестил о том, что лишившийся одного из флангов неприятель все же достиг расстояния досягаемости луков. Барабаны ударили, и ряды пехоты орков и гномов медленно двинулись вперед. Алексей вгляделся в противоположный фланг, но сумел рассмотреть только высокие фигуры старых колдунов, больше похожие на два высохших дерева. Теперь ему оставалось лишь следить за происходящим, молиться да верить в свой план и умение воинов.

Тем временем две армии сходились. Лучники работали безостановочно. Уже сменили луки стрелки Лиирса, уже подключились к ним воины Эйры со своей предводительницей во главе. Войско неприятеля бежало навстречу, стремясь быстрее преодолеть простреливаемое пространство. Хуже всего приходилось кентаврам, которые не могли закрыться щитами целиком, а многие из них и вовсе щитов не использовали. Но вот трубы коротко рявкнули, и ряды орков взорвались боевым кличем. Им вторили гномы. Пехота перешла на бег, разгоняясь, перед тем как сшибиться

в кровавой сече. Алексей бросил взгляд в сторону, куда ушли горные великаны, но никого не увидел. А в следующий миг армии сошлись со страшным грохотом. Шум был такой, словно длинный товарный состав сошел с рельс. За мгновение до этого Алексей отчетливо увидел над первой шеренгой орков огромный молот на длинной рукояти, взметнувшийся в могучих руках Рагзара.

Орки бронированным колуном вломились в тело вражеского войска и с ходу смяли насколько рядов. Словно их звериная ярость, с которой они устремились в бой, материализовалась тараном, вспоровшим защиту противника. А еще через минуту кровавая мясорубка разверзлась уже по всему фронту сошедшихся армий. Смерть собирала богатый урожай.

К Алексею подскочил возбужденно сверкающий глазами Хардар:

— Не пора ли ударить с флангов, Лексар?

— Подожди,— качнул головой Алексей.— Я еще не вижу знака.

— Знака? — удивился орк, но в дальнейшие расспросы не полез.

Тем временем битва клубилась, показывая во всей красе изменчивый характер удачи. Как ни свирепы были орки, как ни умелы и бесстрашны гномы, но численный перевес дорогого стоит. И потому ни за кем не чувствовалось перевеса.

Алексей даже не понимал, чего именно он ждет. Он просто надеялся на Зура и ждал каких-то изменений. Вдруг ему в глаза бросился убегающий по полю человек. Воин бросил или потерял свое оружие и теперь, пригибаясь, бежал прочь от места кровавой сечи. Через минуту побежал другой, потом еще один. И вот уже совершенно очевидным стало, что многие солдаты врага дрогнули под яростным натиском орков и гномов

и, не уповая на свои силы и численное преимущество, посчитали самым разумным бежать.

— Они бегут! — озвучил свое открытие Хардар, заметивший то же, что и Алексей.— Трусливые крысы! Они дрогнули!

— Пора! — кивнул Алексей, и орк послал зора с места в галоп, уже на ходу махнув сигнальщикам с трубами.

Рык труб взвился над полем боя, а в следующий миг земля загудела от топота скачущих в атаку всадников. Вернее, гул несся только с одной стороны холма, откуда разворачивались, обходя свой фланг, гномы на бронированных локхитах. Орочья кавалерия выметнулась совершенно бесшумно. Даже звона оружия или иных попутных звуков не слышалось с той стороны. Лавина орков, пригибающихся к толстым шеям ужасающих зоров, пронеслась по широкой дуге, выходя на линию прямой атаки. И только тут боевая ярость взорвала их звериным ревом. Алексею послышалось, что и зоры в предвкушении драки подвывают вместе с всадниками. Впереди своих воинов мчался Хардар, высоко держа свой двуручник, словно это не тяжеленный кусок металла, которым можно убить и плашмя, а легкая кавалерийская сабля.

При виде атакующей кавалерии пехота войска гноров совсем развалила строй — кто-то побежал, пытаясь уйти от страшной атаки, кто-то еще пытался организовать оборону... Всадники вломились в смешавшиеся ряды противника. Разверзся кромешный ад — звон оружия, крики, рев зверей... Все это дополнялось разрубленными телами, морем крови, боли, ужаса. Битва равных превратилась, как по мановению руки, в кровавую бойню. Будто стая ворвавшихся в овчарню волков, орки и гномы не брали пленных. Сейчас они бились не за деньги или рабов, они бились за свободу

и должны были победить окончательно, полностью. Армия гноров рассыпалась и побежала.

Алексей спустился с холма и, пустив своего зора галопом, помчался искать Хардара. Огромный орк сам выскочил из мешанины боя прямо к Алексею, видимо все же сохранив спокойствие и внимательность.

— Мы победили, Лексар! — воскликнул орк, взмахом стряхивая со своего огромного меча кровь.

— Еще нет, друг,— возразил Алексей.— Ты забыл про отважных троллей, которые увели за собой великанов. Надо остановить преследование и отправить всех верховых на помощь троллям.

Хардар даже отвечать не стал. Он действительно забыл про великанов в пылу схватки. Встревоженно стрельнув глазами в сторону возможной опасности, он развернулся и поскакал разворачивать свое войско. Алексей сомневался в успехе этих действий — он был уверен, что опьяневших от крови и вида бегущего врага орков сейчас не остановит ничто. Впрочем, вряд ли в этом гномы сильно отличались от своих рослых союзников. Поэтому изумление Алексея не знало границ, когда он увидел, как быстро и слаженно оба отряда всадников развернулись, оставляя добивать врага своей пехоте, и, перестраиваясь на ходу, стальной лавиной пронеслись мимо. А следом за всадниками быстрым, легким бегом двинулись воины с длинными луками, ведомые Чолоном. И не успели последние из них миновать полосу кустарника, как зазвучал шум нового боя.

— Они пали как герои, а лучшей смерти для настоящего воина просто не может быть,— закончил свой доклад Хардар, когда до шатра, из которого управ-

ляли своим войском гноры, осталось не более трех десятков метров.

Тролли, оттянувшие на себя всех горных великанов, действительно пали все до одного, прижатые к скальной гряде, разрезающей лес словно зубы гигантского ящера. И хоть они отчаянно отбивались, сумев уничтожить часть орды горных великанов, но из-за своей малочисленности и потери оперативного простора погибли, затоптанные и забитые в неравном бою. Однако свое задание бесстрашные копейщики выполнили идеально, полностью завладев вниманием разъяренных великанов. Влетевшая в заросли низкорослых корявых деревьев, больше похожих на ломкий кустарник, кавалерия с ходу врубилась в толпу возвращающихся к месту сражения великанов. Лучники, не намного отстав от всадников, заняли удобные позиции чуть в стороне, не вступая в непосредственный контакт и метко расстреливая гигантов тяжелыми длинными стрелами. Вскоре все было кончено, и смешанные силы, объединенные под рукой Алексея, опять почти не понесли потерь.

— У тебя счастливая рука, Лексар,— заключил Хардар, спрыгивая с зора.— Мы никогда еще не побеждали столь малой ценой такого многочисленного противника.

— Накаркаешь,— нахмурился Алексей, по мере приближения к шатру все острее переживающий за оборотня.

— Что? — не понял орк, тоже становясь серьезным.

— Сглазишь,— пояснила идущая следом Эльви.— Судьба не любит болтливых и хвастунов.

Орк открыл было рот, но, посчитав унизительным спорить с женщиной, захлопнул его, громко клацнув зубами, и обиженно засопел.

Алексей сделал последний шаг к шатру, с замиранием сердца заметив брызги крови на приоткрытом пологе входа. Его воображение услужливо рисовало картины растерзанного страшными заклинаниями тела оборотня. Даже то, что колдуны гноров могли скрыться через свой портал, сейчас, на фоне возможной потери верного друга, казалось глупым и незначительным. Алексей даже пожалел, что необдуманно послал Зура на верную гибель в тыл врага, к злобным колдунам...

Видя нерешительность командира, Хардар шагнул вперед и, откинув полог, заглянул внутрь.

— Ха! И нас не подождал! — рявкнул орк.

Алексей решительно протиснулся мимо него внутрь.

Весь шатер был забрызган кровью еще хлеще, чем полог. На полу то тут, то там валялись растерзанные тела. Здесь были и низкорослые старцы в длинных балахонах, и дюжие охранники в красивых доспехах, вооруженные до зубов... Вот только оружие и доспехи не помогли, когда в шатер ворвался свирепый зверь. Да и скрытые окровавленными балахонами тела колдунов теперь были всего лишь трупами немощных старцев, совсем недавно являвшихся грозными владыками этого мира. Недалеко от стенки шатра еще мерцал неумолимо уменьшающийся без магической подпитки портал. Диаметром он уже не превышал средних размеров тарелки, отбрасывая голубоватые отсветы на происходящее в шатре. Ближе всех к порталу лежал на спине с раскинутыми в попытке сотворить заклятие руками и выражением крайнего изумления на лице тот самый старец, который вероломно завлек Алексея в горную пещеру. Алексей пробежал взглядом по полутьме шатра, а наткнувшись на освещенный небольшим магическим шаром стол, замер в удивле-

нии. За этим столом, с довольным урчанием отрывая зубами от зажаренной бараньей ноги большие куски сочного мяса, сидел Зур, полностью вернувшийся в человеческое обличье. Увидев господина, оборотень вздрогнул, проглотил целиком только что оторванный кусок и замер.

— Ну ты красавец! — похвалил Алексей восхищенно.— Я уверен, что из этого шатра не ушел никто.

Пришедший в себя Зур вскочил:

— Я выполнил твою волю, мой господин. Прости, очень вкусное мясо у них тут готовят. А я после драки смертельно есть захотел. Вот и не удержался...

Хардар только крякнул, с восторгом взглянув на Алексея, и в его взгляде вновь отчетливо читались слова, сказанные им однажды: «Тебя сопровождают достойнейшие воины. Счастлив тот господин, чьи воины настолько хороши. К тому же смотрят на тебя они так, что я не сомневаюсь: любой из них с радостной песней отдаст за тебя свою жизнь в любую минуту. Пожалуй, только этому и можно завидовать. Доброй завистью сознавая, что есть к чему стремиться».

— Я горжусь тобой, Зур,— кивнул Алексей и, развернувшись, вышел из шатра.

— Послушай, Лексар,— выскочил следом орк,— может, нам стоит прямо сейчас ворваться в их крепость через этот портал? Я пришлю своих колдунов, и они вдохнут в него энергию, достаточную для того, чтобы пропустить целый отряд.

— Вдохнуть в него энергию могу и я,— усмехнулась Эльви.— Вот только по ту сторону открытой двери нас могут поджидать такие ловушки и защитные заклинания, что не помогут ни колдуны, ни сила, ни доблесть воинов.

— Да, твоя колдунья права,— согласился орк на удивление спокойно.— Я даже не подумал о том, что

помимо мечей нас могут ждать там заслоны из грязной магии.

— Если ты не возражаешь, мой возлюбленный господин, я хотела бы еще раз осмотреть шатер. Вдруг там найдется что-нибудь интересное для меня,— негромко промурлыкала Эльви, и Алексей ни на миг не усомнился, что девушка уже заметила какие-то колдовские штучки, принадлежавшие погибшим колдунам.

— Конечно,— кивнул он.— Имущество побежденного принадлежит победителю. Это соответствует нормам, как ее там, репарации...

Девушка посмотрела на Алексея с благодарностью и вернулась в шатер. И только тут Алексей вспомнил про охотников. Он поспешно обошел шатер, обшаривая взглядом горизонт. Но ничто не напоминало о недавнем присутствии стороннего наблюдателя. Покончившие с бегущим неприятелем воины уже вовсю хозяйничали в оставленном врагом лагере, а в небе властвовали стремительные драконы орков.

— Понятно,— проворчал Алексей.— Зачем суетиться, если можно просто немного подождать. Я ведь никуда не денусь. Но я оптимист. А настоящий оптимист даже на кладбище вместо крестов видит плюсы. Так что время работает только на нас.

Цитадель гноров выглядела не просто неприступной... Алексей искренне удивлялся, что в это поражающее своей брутальностью сооружение в мирное время умудряются проникать обычные путники. Казалось, что без помощи магии невозможно проникнуть за непомерную толщу крепостных стен. Прижавшись к крутым скалам, цитадель и сама являлась огромным скоплением вздыбившихся к небу скал. За зубцами

стен виднелись еще более высокие башни с мерцающими над их вершинами шарами.

— Я даже предположить не могу, как мы возьмем эту крепость,— прошептал Хардар, слегка наклонившись в седле в сторону Алексея.— Но теперь уверен, что ты найдешь способ сделать это.

Алексей молча рассматривал крепость, ощущая, что странная уверенность действительно не покидает его. Он нисколько не сомневался сердцем, что цитадель действительно падет к его ногам, хоть умом и не представлял, как сумеет это сделать.

Войско неторопливо подползало к выбранному для обустройства месту. И пусть оно не могло соперничать по своей численности с римскими легионами, но, тогда как хвост все еще двигался маршем, передовые отряды уже начали деловито растягивать шатры и складывать костры. Промчавшись вдоль двигающейся колонны, к Алексею и его спутникам приблизился верховой орк из боевого охранения.

— Владыка, нас быстро догоняет большой отряд воинов,— обратился он к Алексею, склонив голову.— Не менее трех сотен бойцов.

— Странно,— удивился Алексей, всматриваясь в даль, но еще ничего не видя.

— Какому народу они принадлежат? — спросил Хардар.

— Они люди, господин,— уверенно ответил воин.— Большего сказать невозможно.

— Это почему? — нахмурился орк.

— Они совершенно не вооружены и одеты не как воины, а как простолюдины. И не несут ни гербов, ни штандартов,— пояснил дозорный.

— Безоружные простолюдины? — еще больше удивился Хардар.— Что же делать целому отряду безо-

ружных простолюдинов в этих местах? Только слепой и глухой еще не знает, что тут идет война.

— Постой, Хардар,— догадался вдруг Алексей, останавливая своего товарища жестом и поворачиваясь к дозорному.— Скажи, а не похожи ли они вот на этого нашего героя?

Спрашивая, Алексей кивком указал на зачарованно рассматривающего цитадель оборотня. Дозорный внимательно посмотрел на Зура и кивнул:

— Как родные братья, владыка.

— Эй, Зур! — закричал Алексей, отрывая оборотня от созерцания вражеской крепости.— Там твои родичи подошли. Иди встречай!

Лагерь расположился вокруг одинокой скалы, похожей на гигантский обломанный клык. Еще на подходе к цитадели гноров все обратили внимание на эту странную скалу, величиной с одноподъездный девятиэтажный дом. Скорее всего, в давние времена эту скалу использовали как дозорную башню, но теперь она была совершенно пуста. Узкие отполированные множеством ног уступы вели наверх, словно винтовая лестница. Алексей, поднимаясь, размышлял о том, кто сделал и эту крепость, и эту скалу, кто много веков назад поднимался этой тропой. Ему совершенно не верилось, что столь грозное великолепие, так и сквозящее тяжелой энергией, подобной энергии храма Осириона в Абидосе, могли создать злобные карлики, обучившиеся магии. Даже от скалы веяло древней энергией неведомых строителей, замысливших все это, скорее всего, не как крепость для защиты, а как произведение искусства, картину, созданную из настоящей материи. Сколь же могущественны были художники, создавшие такое, если уже от одного созерцания

творений их рук замирает сердце, а в голове начинают роиться образы и отрывки непомерно далеких дней? Будто эти творения сами рассказывают о событиях, проносившихся вокруг них в стремительном потоке времени...

Верхняя площадка, менее двадцати метров в диаметре, представляла собой на удивление ровный срез— словно неведомый мастер горячим ножом срезал верх у пластилинового пика, а потом взял да и превратил мягкий пластилин в монолитную твердь камня.

— Потрясающе! — воскликнула в восхищении Эльви, оказавшись на площадке.

Вместе с Алексеем и Эльви на вершину скалы поднялись Хардар, Герндол и Оторок. Чолон командовал своими лучниками, так же как и Эйра своими воинами, а Зур вводил в курс дела только что прибывший отряд оборотней.

Подойдя к самому краю площадки, Алексей вдруг ощутил странный прилив энергии. Он даже не понимал ее источника — то ли этот поток энергии вливался в него извне, то ли внутри него самого приоткрылся тайный источник силы... Ощущение переполняющей все его существо мощи оглушило, распяло на чистом, прозрачном воздухе, унесло от окружающей действительности, захватив половодьем видений и прорывающихся с оглушительным треском препон. А в следующий миг непреодолимое, безумное желание взлететь над всем этим суетливым миром почти физическим толчком бросило Алексея к краю площадки и за ее край. Он еще успел расслышать предостерегающий вскрик Хардара, прежде чем в ушах засвистел набегающий воздух. В лопатках резанула короткая боль, словно что-то живое рвалось сквозь его плоть наружу. Но через мгновение для Алексея перестала существовать и эта короткая боль, и так и не при-

шедший страх падения, и многое другое, что окружало его сейчас. Все отступило на второй план, потому что он... летел. Огромные крылья распахнулись за спиной, подчиняясь не мысли даже, а невесть откуда взявшимся рефлексам, как подчиняются ноги, хоть человек и не обдумывает каждый шаг. Человек просто идет. И точно так же сейчас летел Алексей, взмывая ввысь над ставшей маленькой скалой с крошечными фигурками друзей на ее вершине.

Алексей перевернулся в воздухе, камнем упал вниз, взлетел еще выше... Поразительное упоение полетом и свободой, как у ползущего много дней через пустыню путника, вдруг оказавшегося в оазисе с бьющими ключами хрустально чистой воды. Круто спикировав вниз, Алексей затормозил над самой площадкой и мягко приземлился перед изумленными товарищами.

— Не стоило...— прошептала Эльви, глядя вовсе не на Алексея, а куда-то за его плечо.

И взгляд ее, испуганно-встревоженный, заставил его поспешно обернуться. Со стороны близкого горного хребта быстро приближались, все увеличиваясь в размерах, крошечные пока еще фигурки. Их невозможно было разглядеть на таком расстоянии, но Алексей ни на миг не сомневался, что это летят охотники по его душу.

— Мы можем попытаться скрыться,— зашептала Эльви, касаясь ладонью плеча Алексея.— Я открою портал прямо здесь, и мы уйдем. Остальных он не тронет. Ему нужен только ты. Ты не готов еще встретиться с охотником.

— Я не узнаю этого, пока не встречусь с ним,— качнул головой Алексей.— И я не собираюсь больше бегать. Я уже говорил об этом.— Он еще раз посмотрел в сторону стремительно растущих фигур и обернулся к Хардару: — Объяви общую тревогу. Пусть несколько

лучников Чолона поднимутся сюда, на скалу. Остальные бьют снизу. Да и для мечей работа найдется.

Отряд охотников стремительно приближался. Теперь, четко видя свою цель, они не теряли времени для перестроений и подготовки. Они были готовы всегда. Но не только они оказались готовыми. Едва летящие впереди гаргульи оказались на расстоянии досягаемости, лесные воины под предводительством Чолона дружно ударили из своих длинных луков. Стрелы взметнулись тучей, вонзаясь в неосторожных охотников. А навстречу скачущим по земле тварям уже выметнулся недавно прибывший отряд оборотней. Следом разворачивались всадники орочьего войска под предводительством свирепого Рагзара. Охотник на своем призрачном монстре взмыл выше, обходя поток из стрел поверху и неумолимо приближаясь к скале. Алексей часто и глубоко задышал, нагоняя в мускулы обогащенную кислородом и адреналином кровь. Меч разверзся, словно черная бездна, черные крылья расплескались за спиной. Алексей вдруг ощутил ошеломляющий поток запахов, звуков и совершенно незнакомых ощущений, словно сейчас он видел, слышал и осязал каждой клеточкой своего тела. А еще он почувствовал бесконечный источник силы внутри себя. Наверное, примерно так чувствует себя огромная акула, скользя в толще воды в поисках добычи. Он мог бы пробиться сквозь скалу, нырнуть на дно Марианской впадины, взлететь к звездам...

— Господин! — слились в один крики Хардара и Эльви.

Переливающийся монстр и его всадник уже падали в атакующем пике. Алексей одним взмахом крыльев бросил себя вверх и в сторону, уходя с линии атаки. Он даже попытался дотянуться до врага мечом, когда они расходились встречными курсами. Но тот легко

уклонился, стремительно меняя траекторию. Алексей набрал высоту, чтобы обеспечить себе простор маневра. На земле и над землей тем временем уже вовсю кипел жестокий и яростный бой. Все перемешалось — свита охотника сражалась не в пример войску гноров и действительно была опаснее.

Алексей развернулся, намереваясь ударить сверху, но враг чудесным образом оказался рядом. Словно несущийся на всех парах поезд врезался в Алексея, сминая, отшвыривая... Удар оказался настолько селен, что Алексей вдруг почувствовал себя не акулой, а крошечным рачком на пляжной гальке, на которого обрушился девятый вал. На несколько мгновений он потерял ориентацию и падал, кувыркаясь в воздухе. Казалось, тело было раздавлено в лепешку. Кое-как оправившись от шока, Алексей метнулся в сторону, выигрывая так необходимые ему сейчас мгновения. Словно получивший нокаут боксер, который, не имея возможности войти в клинч, старается восстановиться, торопливо разрывая дистанцию, убегая от атак противника. В голове прояснилось, тело быстро возвращалось в боевое состояние, меч все так же жаждал битвы, тихо запевая древнюю песню...

«Никогда не поздно начать паниковать. Я могу победить, потому что я точно знаю, что могу»,— пронеслась в голове мысль.

Источник силы опять бушевал, наполняя Алексея энергией. Переливающийся монстр со скоростью тяжелого истребителя мчался в атаку. Его всадник презрительно улыбался. Ярость и ненависть полыхнули в голове Алексея, превращая все его существо в пылающую комету. Время остановилось, мир исчез, остался лишь приближающийся враг с вдруг изменившимся от удивления лицом...

Охотник, еще недавно столь грозный и надменный, а теперь мертвенно-бледный, лежал в неестественной позе на лохмотьях чего-то, что раньше казалось монстром. Из уголка рта текла густая капля крови, уродуя бледное лицо яркой дорожкой. Хриплое дыхание все реже вырывалось из смятой груди, но глаза все еще спокойно и удивленно смотрели на стоящего над ним человека. Крылья, как и черный меч, невообразимым образом исчезли за спиной, и Алексей стал опять таким же, как и тогда, когда сделал шаг от своего «ауди». Но только внешне. Он и сам не знал, в кого превратился внутри. Он смотрел на поверженного противника и понимал, что когда-то уже встречал его на своем пути. Это волевое лицо с постоянной презрительной усмешкой, этот надменный взгляд... Ощутив, что последние секунды жизни поверженного врага истекают, Алексей медленно склонился над ним, неотрывно глядя в глаза.

— Кто я? — спросил он отчетливо и громко.— Скажи мне, кто я такой?

В глазах умирающего сверкнули искры неутолимой злобы, и, разлепив спекшиеся от крови губы, он прохрипел:

— Преступник...

Хрип перешел в каркающий смех. И эти всполохи издевательского смеха отняли последние силы у изрубленного тела. Пару раз судорожно вздохнув, грозный охотник вытянулся и затих.

— Сволочь! — выплеснул свои эмоции Алексей и, больше не задерживаясь, поплелся в сторону своего войска, от которого воздушная битва унесла его на несколько сотен метров.

Войско, основательно потрепанное в бою со свитой охотника, молча ожидало. Точно так же молча вышли вперед друзья. Алексей был так измотан, что у него

даже мысли не возникло взлететь и преодолеть это расстояние за несколько взмахов крыльев. Он не сомневался, что черные крылья послушаются его безоговорочно, как слушается меч, но навалившаяся на него усталость заставила плестись черепашьим шагом. Однако, как ни медленно полз Алексей, он внимательно осматривал дожидающихся его друзей. Эльви, Хардар, Зур, Оторок, Чолон, Эйра... Из-за плеча Хардара выглядывают Рзагар и Герндол. Все на месте и смотрят на приближающегося Алексея не просто с восторгом и уважением, а с благоговейным ужасом. У Алексея полегчало на душе, оттого что все его друзья уцелели во время тяжелой битвы. Хардар шагнул вперед и опустился на колено, положив свой громадный двуручный меч на землю.

— Господин, я счастлив, что мне довелось воевать под твоей рукой, бок о бок с твоими достойнейшими вассалами.— Огромный орк оперся руками о колено и склонил голову.— Я прошу тебя, великий Лексар, прими меня со всеми моими воинами и слугами, со всем, что принадлежит мне. По доброй воле я с радостью и верой передаюсь тебе на службу!

Орк поднял взгляд на остановившегося перед ним Алексея и протянул сложенные ладонь к ладони руки. Алексей был несколько растерян, впервые оказавшись в такой ситуации... Не впервые, просто память скрывалась еще за неведомыми завесами. Тело же часто само вспоминало то, что отказывался вспомнить мозг. Руки Алексея сами потянулись навстречу и обхватили сомкнутые кисти орка. Хардар обрадованно сверкнул глазами и вновь склонил голову:

— Я клянусь быть преданным с этого мгновения господину моему Лексару и хранить ему перед всеми и полностью свою верность по совести и без обмана. Во имя всех и каждого я приношу оммаж и клятву

верности тебе, господин мой Лексар. И для всех людей, орков и представителей иных народов, которые принадлежат, или подчиняются мне, или станут таковыми в будущем, с сего дня ты, мой господин, становишься высшим ярлом. Клянусь являться с оружием, воинами и всем необходимым по первому твоему зову и не жалеть жизни своей для защиты тебя, господин, и интересов твоих, и твоей чести, и твоей семьи, и твоего имущества.

Орк замолчал, и Алексей понял, что все ждут теперь слов от него. Он панически старался вспомнить все, что слышал, читал и видел в фильмах о процедуре вассальной клятвы. В его голове перемешалось все — оммаж, вассальная клятва, посвящение в рыцари... Ничего цельного и более или менее сформулированного не приходило в голову, поэтому пришлось импровизировать.

— Я принимаю твой оммаж, доблестный Хардар,— решительно ответил Алексей, отпуская руки орка и вскидывая вверх руку с мечом.— И, принимая твою клятву, я в ответ клянусь, как твой ярл, покровительствовать тебе во всех делах твоих, чтить твои свободы и честь, защищать тебя от любых притеснений и врагов и беречь твою жизнь.

Алексей не знал, что следует делать дальше. Он только помнил, что возложение меча на плечо во всех фильмах и книгах происходит при посвящении в рыцари. Поэтому он, спрятав меч, просто поднял орка и крепко его обнял. По тому, как восторженно взревело все воинство, Алексей понял, что если и не в точности угадал верный порядок действий, то оказался к нему очень близко.

День стремительно клонился к вечеру и весь лагерь, забыв на время о неприступной цитадели и грядущей битве, исход которой никто не взялся бы предсказать,

весело готовился отметить произошедшее событие, в меру сил превратив полевой ужин в пир. Ведь столько событий произошло за этот бесконечно долгий день. Событий, из которых все они выбрались победителями, завоевав славу и бесценный опыт. Да и проведенный обряд добавил всем боевого духа. Как может быть иначе, если и до этого вечера подчиняясь и принадлежа великим воинам, они в этом древнем обряде получили такого могущественного ярла, который твердо вел их к великой победе?

— Ты точно не вспомнил, кем был раньше? — спросила Эльви, улучив момент, когда Алексей в ожидании начала ужина на несколько минут остался один.

— Точно. А ты разве теперь видишь меня иначе, чем раньше? — удивился Алексей, прислушиваясь к самому себе и понимая, что физически он ощущает себя несравнимо более сильным, чем когда бы то ни было, чего не скажешь о его памяти.

— Иначе, мой возлюбленный господин,— промурлыкала колдунья, прижимаясь к нему своим прекрасным телом.— Мы все ощущаем идущую от тебя огромную силу. Разве ты не замечаешь, как теперь держатся твои воины? Они черпают твою силу и становятся все сильнее сами. Они чувствуют твой настрой и сами могут за тебя горы свернуть. А то, что грозный Хардар, признал в тебе не только соратника, но и своего ярла, тоже о многом говорит. Мне не нужно восполнять силы, но я хотела бы разделить с тобой сегодняшнюю ночь.

— Ты спрашиваешь позволения? — изумился Алексей.— Раньше ты не нуждалась в этом.

— Ты ведь наш господин,— хитро улыбнулась девушка.— Знаешь, что я услышала у костров гномов?

— Что? — насторожился Алексей, встревожившись.— Надеюсь, они не затосковали по своему дому и мирной жизни?

Эльви рассмеялась:

— Ничуть не бывало. Они ворчат по поводу того, что Герндол не принес тебе вассальную клятву раньше Хардара или хотя бы одновременно с ним.

— Даже так? — изумился Алексей.— Но для чего им это? Я и от Хардара этого шага не ожидал. Он же так почитает свою свободу. И не понимаю, что это ему дает. У меня нет владений, которые я мог бы даровать своему вассалу. Я себя-то не помню.

— Теперь я понимаю, что ты действительно не вспомнил себя. Я же говорила, что свобода — ценность не сама по себе, а для чего-то. Для того, чтобы исполнить свое Предназначение. И разве не ты дал им надежду на то, что они сумеют-таки его исполнить, а не просто умереть, сражаясь с теми, кто не дает им сделать это?

Алексей медленно кивнул. Похоже, до него действительно начало доходить, что именно составляет истинные ценности этого мира. Мира, в котором никто не сомневался в существовании и Создателя, и Князя лжи. Мира тех, кто жил не только среди людей, различающихся между собой лишь цветом кожи и обычаями, но и среди других рас, видов и пород разумных существ и даже нежити. И кто тем не менее тратил свои силы не на достижение максимального комфорта тела и усыпление вплоть до полной атрофии собственного разума, а на то, чтобы, рвя жилы и надрывая мышцы, рискуя жизнью и подвергая опасности саму свою Суть, стремиться вверх, еще на одну ступеньку лестницы, путь по которой открыл Создатель, дав неразумным разум и свободу воли. Ибо в чем, как не в этом, и состояло Предназначение человека...

— И разве не служа великому господину, он сможет в полной мере исполнить свое Предназначение? — продолжала между тем Эльви.— Ведь недаром слова «Господь» и «господин» имеют один корень. И разве он сделал выбор не по своей воле?

— Да,— кивнул Алексей.— Да, так оно и есть... Но, о господи, это какую же ношу я взваливаю на свои плечи?!

Эльви обвила его шею руками и тихо произнесла:

— Ты возвращаешься, мой любимый господин, я вижу это, ты возвращаешься.

Спалось Алексею этой ночью настолько спокойно и крепко, что он проснулся, только когда солнце поднялось уже высоко. Эльви заглянула к нему в шатер вечером, после пира, но, как всегда, ускользнула с поля боя, в которое превратилось их ложе, едва только он был повержен и обессилен. Зато, вволю выспавшись, Алексей опять ощутил в себе столько сил, что готов был голыми кулаками разрушить любую крепость. Он неторопливо умылся, оделся и вышел из шатра. Лагерь, в отличие от своего владыки, пробудился уже давно. Воины успели не только приготовить завтрак, но и беспощадно этот завтрак истребить. Теперь в лагере занимались тем священнодействием, которым любой воин может заниматься все свободное время, если, конечно, уже не в состоянии спать — все холили и ласкали свое оружие, чистя, точа, подгоняя. Увидев стоящих вместе всех своих друзей, Алексей направился к ним. Судя по жестам и взглядам, собравшиеся обсуждали озаренную яркими лучами солнца цитадель. Заметив приближающегося Алексея, все повернулись к нему, встречая владыку улыбками.

— Воины готовы, мой господин! — подал голос первым свирепый Хардар, по-новому назвав Алексея.— Нам стоит прямо сегодня предать эту крепость огню и мечу.

Алексей только улыбнулся, бросив взгляд на крепость. Похоже, вчерашняя победа над охотником и его свитой не прошла бесследно для бесхитростного и отважного орка. Хардар действительно уверовал в то, что вот сейчас его ярл взмахнет дланью, посылая свирепое воинство в бой, и враг падет вместе с неприступными стенами. Алексей задумался, подбирая слова подипломатичнее, чтобы объяснить орку и остальным, что это не так просто сделать, как им сейчас кажется. Он даже открыл рот, решившись, когда его опередил вскрик Зура:

— Смотрите! Там, у ворот цитадели! Они идут сюда!

Все, как один, развернулись к крепости и действительно увидели приближающийся быстрым шагом отряд из двух десятков воинов. Вскоре этот отряд оказался так близко, что Алексей рассмотрел, что воины окружают троих торопливо семенящих старцев в длинных балахонах. Краем глаза он заметил, как, подчиняясь неслышной команде, вокруг появились стрелки из Лиирса. Их длинные луки были опущены, но тяжелые стрелы уже наложены — столь опытные стрелки спустить стрелу могут быстрее, чем враг успеет глазом моргнуть. Чолон и сам держал в руке свой черный лук, без тени эмоций рассматривая врага. Эйра своих воинов не сзывала, но сама мгновенно очутилась рядом с Чолоном, готовая, если потребуется, проделать те же чудеса стрельбы, которые они показали на пиру в доме Хардара. Откуда-то возникли несколько оборотней, а Зур сместился к самому плечу Алексея и замер в напряженном ожидании на полшага позади. Из такого положения он мог опередить любую стрелу,

любое заклинание, закрыв своего господина своим могучим телом, смяв, разорвав любого, кто попытается приблизиться к владыке. С другой стороны встала Эльви, уже ощупывающая приближающихся своим магическим взглядом, высматривающая быстрые боевые заклятия или другие подвохи. С удивлением Алексей заметил позади девушки обоих оркских колдунов, готовых вступить в бой по любому жесту колдуньи. Щелкнул двуручный меч Хардара, освобождаясь от замка ножен. Сам Хардар неприступной скалой возвышался в шаге по правую руку от Алексея, но его лучшие воины, которые не раз служили личной охраной командиру орков, уже окружали подходящих врагов. С момента обнаружения идущего от крепости отряда минуло всего несколько минут, но Алексей неожиданно ощутил себя окруженным такой стеной верных воинов, о которую разбилась бы и иная армия.

— Мир тебе, великий! — закричал издали один из старцев.— Мы спешим к тебе с миром и просим отнестись как к посланникам доброй воли!

— Великовато охранение для парламентера,— заметил Алексей.— Но слишком мало для боя с моими воинами. Чего ты хочешь, пришедший с миром? Тебя не тронут, покуда ты или твои сопровождающие не проявите агрессию или неуважение. Говори!

— Помилуй, великий, как можно мне проявить неуважение! Совет гноров просит тебя удостоить чести своим посещением. Мы хотели бы обсудить многие вопросы...

— Что ты говоришь? — остановил его жестом Алексей, хмурясь.— Я не понимаю течения твоей мысли.

— Он говорит, что они надеются поторговаться, мой возлюбленный господин,— пояснила Эльви.

— Мне неинтересен торг,— решительно отмел предложения Алексей.— Сегодня я уничтожу ваше осиное гнездо.

— Смилуйся, великий! — взмолился старец, и Алексею показалось, что он готов упасть на колени.— Мы не ведали, на кого поднимаем руку. Гордыня застила нам глаза. Но теперь мы увидели твое истинное обличье, когда ты покарал заблудшего охотника. И молим тебя со всем смирением сохранить нам наш мир.

— Со всем смирением? — переспросил Алексей, внимательно глядя в глаза старца.— Я подумаю над твоими словами. А теперь возвращайся в крепость. Мы снимемся с лагеря и к тому моменту, когда мое войско подойдет к стенам крепости, ворота должны быть открыты. А совет ваш пусть ждет. Я не намерен оставаться здесь надолго и хочу быстро решить нашу проблему.

Старец не стал больше ничего говорить. Он низко склонился и, пятясь, отступил, все так же сопровождаемый своей свитой.

— Я просто потрясен, Лексар! — прорычал Хардар с таким видом, словно ему неожиданно перепало палицей по крепкому черепу.— Ты только что взял цитадель гноров, мой господин!

Он, все так же изумленно тараща глаза, повернулся в сторону стоящего в тревожном ожидании войска, и вдруг заревел так, что вздрогнули ближайшие скалы, а с деревьев полетели листья.

— Слава великому Лексару! Слава нашему ярлу!

Его крик подхватили множество крепких глоток, и этот восторженный рев взметнулся к самому солнцу.

— Мы уповаем только на великодушие и справедливость победителя,— повторил один из собравшихся в огромном зале колдунов совета гноров.

— То-то вы были великодушны с народом таров,— зло улыбнулся Алексей, обводя свирепым взглядом сидящих за огромным круглым каменным столом.

Внутри цитадель гноров оказалась не менее величественной и великой, чем снаружи. Просторные залы, украшенные сложнейшей мозаикой из цветного стекла, громадные гобелены, покрывающие стены, утонченные украшения и оружие, развешанные и расставленные повсюду. Своим внутренним убранством город-крепость гноров напомнил Алексею лучшие образцы католических храмов с примесью излишне роскошной обстановки богатейших замков. А зал, в котором заседал совет гноров, и вовсе выделялся великолепием среди других помещений города. Даже огромный круглый стол был инкрустирован каменной мозаикой с вкраплением россыпей драгоценных и полудрагоценных камней. А любое из каменных с высокой спинкой и удобными подлокотниками кресел, на которых восседали члены совета, запросто могло сгодиться любому монарху Забытого мира в качестве трона.

Сейчас в этом зале гноры все еще надеялись отделаться малой кровью. Но Алексей был непреклонен и неумолим. А молча стоящий за его спиной Хардар и вовсе горел желанием вырезать весь совет, а потом и всех остальных принадлежащих к роду гноров. Правда, Эльви, тоже присутствующая наблюдателем на этих переговорах, была настроена не столь кровожадно, и Алексей это отлично чувствовал.

— А то, как вы отнеслись к живущим в вашем мире гномам и оркам,— это тоже проявление гуманизма, великодушия и справедливости? — продолжил он.—

Каждый вполне заслуживает такого к себе отношения, как сам он относится к другим. Вы сами, своими руками создали как раз такую ситуацию, когда верхи не могут, а низы не хотят. Так о чем теперь умоляете?

— Но мы готовы на любую контрибуцию,— напомнил другой член совета.— К тому же те, кто более всего ответственны за эти злодеяния, были вчера повержены твоим гневом, о Ужасающий. Именно тем, что нам вновь пришлось избирать совет и его глав, и вызвана досадная задержка, выразившаяся в том, что мы приветствовали тебя лишь утром.

— Ну что ж,— согласился Алексей,— тогда нам и спорить не о чем. Я ведь не нянька, чтобы битый час укорять вас, открывая вам глаза на неправедные поступки. Мои условия просты. Мне нужен народ таров. Весь, до последнего его представителя.

— Мы согласны,— торопливо закивали члены совета.— Немедленно все тары до последнего будут освобождены и отпущены с миром.

— Это не все,— огорчил их Алексей.— Вы дадите вольную всем оркам и гномам этого мира. И они будут вправе в любое время покидать этот мир. И никаких больше податей и оброков с их стороны в вашу пользу.

— Согласны,— после непродолжительной паузы простонал один из членов совета.

— А также для тех из других народов, кто захочет уйти из-под вашей власти.

На этот раз пауза длилась гораздо дольше.

— Ты не оставляешь нам выхода, о Ужасающий.

— И последнее,— жестко закончил Алексей,— вы откроете для меня свои сокровищницы.

— Воля победителя,— гораздо поспешнее, чем ранее, склонили головы главы гноров.

Похоже, их заминка с его приветствием была вызвана не только трудностями с выборами нового совета, но и кое-чем другим. Ну да и пес с ними.

— Отлично. Значит, нам больше не о чем рассуждать и спорить,— заключил Алексей, поднимаясь.— Надеюсь, вы не забудете о нашем соглашении. Иначе мне придется вернуться по зову моих вассалов и предать обидчика огню и мечу. И больше никогда между нами не будет переговоров и соглашений.

Не оборачиваясь и не взглянув на поникших членов совета гноров, Алексей быстрым шагом покинул зал, чувствуя, как за ним следуют орк и колдунья.

— Мой господин! — встретил его возбужденный чем-то Оторок.

— Надеюсь, ничего плохого? — спросил Алексей.

— Ничего плохого,— улыбнулся гном.— Тебя ждут на центральной площади. Это очень важно, мой господин.

— Сегодня удачный день,— пожал плечами Алексей.— Надеюсь, это не изменится. Веди.

После выхода из зала совета настроение у Алексея был такое, что хотелось запеть или выкинуть какую-то глупость. Впрочем, стоило ли этому удивляться, когда вместо кровавой бойни у стен цитадели все обратилось во вполне успешные переговоры, на которых полно и исчерпывающе решены абсолютно все вопросы данного периода? Он выполнил обязательства перед тарами и теперь мог без зазрения совести требовать от них в ответ необходимую ему информацию.

Всю центральную площадь занимали воины из войска гномов. Они образовали в своих рядах широкий проход, по которому Алексей прошел в центр собравшейся толпы. Отчего-то он даже не удивился, обнаружив на свободном от воинов пятачке терпеливо дожидающегося Герндола. Гном волновался, не отрывая

взгляда от приближающегося Алексея. Когда тому осталось пройти не более трех шагов, гном рухнул на колено, словно сил стоять прямо больше не осталось, и протянул к Алексею сомкнутые в ладонях руки:

— Прими, великий Лексар, меня и весь род, стоящий за моей спиной. Прими со всем, чем владею я и мой род. Без принуждения, с надеждой и радостью я вверяю тебе себя! Будь моим господином и сюзереном!

Теперь Алексею было значительно легче, ведь он недавно уже участвовал в такой церемонии и сделал все верно. Да и слова Эльви о настроениях в рядах гномьего воинства не раз возвращались в его мысли. Словом, теперь Алексей был вполне готов к происходящему. А самое главное — за последние дни и часы он намного больше уверовал и в свои собственные силы. Алексей принял в свои ладони руки гнома.

— Клянусь в верности и преданности тебе, Лексар, мой господин и сюзерен. Клянусь во всем без сомнений и колебаний почитать тебя и твои интересы. Приношу тебе, мой господин, оммаж и клянусь в верности. С этого дня для всего нашего рода мы признаём тебя ярлом, мой господин. Я являюсь по твоему зову со всей мощью моего рода. Я клянусь защищать тебя, мой господин, и все, что связано с именем твоим, не щадя своей жизни.

— Я принимаю твой оммаж, Герндол,— ответил Алексей, помогая гному подняться.— Клянусь, как твой ярл, помогать и покровительствовать тебе во всех делах. Клянусь уважать твою честь и твою свободу. Клянусь защищать тебя от твоих врагов и дорожить твоею жизнью и жизнью тех, кто придет по моему зову под твоей рукой.

Собравшиеся на площади гномы радостно завопили, бряцая оружием. Этот радостный шум прокатился

по ведущим на площадь узким улочкам и выплеснулся за пределы цитадели, где осталась не вместившаяся в пределы крепости часть войска.

— Теперь все легенды гномов здешнего рода действительно полностью сбылись! — прокричал появившийся рядом с Алексеем Оторок.— Ты не только даровал им свободу, но и объединил всех. Гноры не решатся теперь пойти против твоих вассалов, мой господин, а в этом мире нет больше никого сильнее объединившихся под твоей дланью орков и гномов.

— На все воля Господа,— ответил неожиданно для себя Алексей.— Нам больше нечего здесь делать, друг. Собери наш отряд. Мы немедленно возвращаемся в мир таров. Пусть Хардар даст нам своих зоров и пару воинов, которые заберут их, когда мы достигнем портала.

— Ты хочешь прокатиться или действительно забыл про меня? — поинтересовалась слышавшая последнюю фразу Эльви.— Я могу создать портал к городу таров прямо с этой площади, если ты возжелаешь, мой возлюбленный господин.

— Я немного не в себе после стольких событий,— улыбнулся ей Алексей.— Оторок, мы устроим сегодня пир во славу нашей победы, а утром уйдем в мир таров через созданный Эльви портал.

— А что делать нашим отрядам, господин? — уточнил Оторок, вспомнив про всех, кто пришел к ним на помощь из своих миров.

— Они нам могут еще пригодиться,— ответил Алексей, задумавшись на минуту.— Пусть все двигаются своим ходом к порталам и дальше, в мир таров. А мы пойдем впереди. Мне не терпится встретиться со всезнающими хозяевами Тарграда.

Город таров даже из-за стены стал выглядеть иначе. Он заметно ожил — в прозрачных рукавах транспортной системы горстями бисера проносились крошечные фигурки прохожих. По воздуху сновали причудливые аппараты. На стенах зданий расплескались рекламные образы и бегущие информационные строки. Город превратился в бурлящий жизнью муравейник.

Неожиданно Алексей заметил приличного размера походную суму из тонкой кожи, перекинутую через плечо колдуньи. По сравнению с ней даже армейский вещмешок выглядел бы довольно скромно. Алексей совершенно точно помнил, что ничего подобного в руках или на плечах девушки раньше не было.

— Что это за рюкзак? — спросил Алексей, поймав взгляд колдуньи.— Ты решила набрать побольше еды перед долгой дорогой?

Девушка весело рассмеялась и тряхнула гривой великолепных волос:

— Нет, мой возлюбленный господин, мне не требуется так много еды. Это добровольное пожертвование колдунов совета гноров в счет репарации.

— В счет репарации? — Алексей не смог сдержать улыбки.

— Точно, мой господин,— заверила Эльви.— Колдуны собрали всякую ненужную им мелочь. Мелочь, не стоящую твоего внимания. Особенно в тот момент, когда нас уже ждет этот всезнайка Лийни.

Алексей моментально забыл про большой кожаный мешок, содержимое которого колдунья явно не собиралась ему показывать. Он впился взглядом в городскую стену и рассмотрел несколько тщедушных фигурок таров, дожидающихся возле квадрата городских ворот.

— И как только они узнали? — недоумевал Алексей.

— Что же в том странного? — пожала плечами колдунья.— Наверняка у них есть система контроля доступа в город, которая заметила нас сразу при выходе из портала. А уж быстро добраться до нужного места с помощью их транспортной системы не составляет никакого труда.

Тщедушный тар был совершенно счастлив. Его безгубое лицо просто сияло, как начищенный самовар. За спиной Лийни скромно выстроились еще несколько таров, будто две капли воды похожие друг на друга.

— Мы счастливы приветствовать тебя, друг, в нашем Тарграде,— залепетал, не прекращая счастливо улыбаться, Лийни, и все остальные тары в такт его словам закивали своими огромными головами, словно китайские болванчики.— Я хочу заверить тебя в нашей дружбе. Народ таров никогда никому не принадлежал...

Лийни осекся, поняв, как глупо звучат эти слова, в то время когда весь народ таров едва только вернулся из настоящего рабства у ненавистных гноров. Да еще и обращены они к тому человеку, который спас весь народ, подарив ему свободу, которой тары всегда дорожили больше всего. Несколько минут панически размышляя над приготовленными заранее словами, Лийни махнул ручкой и продолжил, импровизируя на ходу:

— Народ мой никогда ни перед кем не преклонялся. Но ты всегда останешься для любого представителя моего народа и для всего мира таров желанным гостем и дорогим другом. Наш дом всегда будет и твоим домом.

— Отлично сказано, друг,— развел руками Алексей.— Я действительно исполнил свою часть нашей с тобой договоренности. Теперь настала твоя очередь выполнять свою часть договора.

— Свою часть договора? — испугался Лийни.— Я готов отдать за избавление моего народа от гнета все, что только имею. Но что из этого малого сможет заинтересовать тебя?

— Пока мне нужна информация,— решительно ответил Алексей.— Просто информация, но в доступном и достаточном количестве. Не история создания Вселенной, а история событий в обитаемых мирах. Мне нужна библиотека, в которой хранится все, что происходило, компьютерная база, содержащая летопись бытия, или хотя бы полная подшивка новостных газет. Что угодно, что дает информацию. Я спас твой народ, а ты должен дать мне источник знаний. Я рылся в вашей библиотеке и нашел упоминание о том, что у вас есть нечто гораздо более мощное...

— Я понимаю тебя, друг,— склонил голову тар.— И такой источник знаний действительно у нас есть. Но не желаешь ли ты сначала отдохнуть?

— Нет,— решительно отказался Алексей.— Пусть твои спутники разместят моих друзей со всем возможным комфортом, и они отдохнут и за меня. А ты должен немедленно отвести меня к источнику знаний.

Путь, прошедший через добрую половину города, завершился в зале, к которому пришлось спускаться на скоростном лифте в течение нескольких долгих минут. Прикинув ускорение лифта и время спуска, Алексей предположил, что они спустились на добрые две-три сотни метров под землю. Покинув зеркальную кабину лифта, Алексей, ведомый таром, очутился в гигантском зале в форме полусферы, стены которого сплошь покрывали совершенно одинаковые квадраты тепло-белого цвета, напоминающие банковские ячейки. Только располагались эти ячейки на такой высоте,

что достать до них совершенно не представлялось возможным. Посередине этого зала стояла сфера, стены которой тоже состояли из таких же белых ячеек. В диаметре сфера достигала метров четырех. Подойдя ближе, Алексей понял, что сфера не касается пола, а парит в воздухе.

— Здесь собраны все знания, доступные тарам,— пояснил Лийни, показывая рукой на сферу.— Управлять просто. Надо просто подумать... представить...

— Так же как в ваших кафе принимают заказы на любую еду? — догадался Алексей.

— Точно! — обрадовался тар.— Раз ты справился с автоматом-официантом, с этой библиотекой ты точно найдешь общий язык.

Часть ячеистой стены сферы подалась вверх, словно дверца автомобиля, созданная по конструкции, именуемой «крылом чайки». Внутри оказалось удобное массивное кресло, вызвавшее у Алексея воспоминания о креслах-массажерах. Едва Алексей опустился в него, как кресло подалось, с готовностью принимая наиболее удобную для сидящего форму, заботливо укладывая, расслабляя.

— Надеюсь, ты отыщешь здесь все, что так долго искал,— пожелал тар напоследок и поспешил к лифту.

Дверь сферы бесшумно скользнула на свое место, свет померк, плавно, словно в современном театре, переходя в полную тьму. Алексей ощутил легкое покалывание в мозгу. Вспышками во тьме замелькали образы. Многое оставалось для него неизвестным, и он просто пролистывал информацию, словно перематывая на ускоренном воспроизведении фильм. Другое казалось знакомым, и тогда Алексей останавливался, более подробно изучая события. Перед ним пролетали эпохи и миры, и память постепенно оживала, позволяя все увереннее идти по следу. Только от интенсивности

нахлынувших чувств и образов начинало казаться, что голова его вот-вот взорвется, разлетевшись бисером мелких разноцветных осколков. Такое количество информации, которое сейчас вливалось в его сознание, было явно чрезмерным. Алексей уже перестал четко понимать то, что выдавала ему сфера. Неожиданно на него обрушился поток информации о разгоревшейся войне. Черный ангел возмездия восстал против своего господина, подняв за собой огромную армию. Он усомнился в своем суверене, и война залила кровью многие миры. Еще недавно, замороченный смыслами Забытого мира, который ввел в абсолют продление существования именно животной составляющей человека, Алексей содрогнулся и ужаснулся бы всем увиденным, но теперь, зная и понимая то, что он выяснил, он лишь сумрачно хмурился, узнавая многие события. Он явно воевал в той страшной войне. Вот только кем он был? Подстегнутые сферой собственные воспоминания замелькали с частотой кадров фильма. Он увидел и вспомнил образы своих соратников. Среди них и те, кто сейчас шел с ним, служа верой и правдой потерявшему память господину, и многие другие, принадлежащие к разным народам, павшие, канувшие в небытие, осужденные... Почувствовав критическое напряжение, сфера отключилась, осветив все приглушенным светом и открыв дверь. Алексей какое-то время неподвижно лежал, осознавая то, что увидел, и то, что вспомнил. Наверняка он был командиром какого-то подразделения, раз уж ему подчинялись столь разные создания. Например, командиром отделения, как в армии Забытого мира, а то и целого отряда. Или даже группы специального назначения, коль скоро смог справиться с ужасным и могучим охотником, а его друзья прикончили тем временем всю свиту охотника. Но где же искать ему того черного ангела воз-

мездия, под рукой которого он воевал? Где его владыка? Мысли и догадки метались в лабиринте черепной коробки, но не перерождались в целостную событийную картину. Образы былых событий и после отключения сферы оставались достаточно яркими и четкими, но при этом были все еще обрывочными и разрозненными. Они ускользали, словно кусок мыла из мокрой руки.

Алексей выбрался из удобного кресла-сферы и поднялся на лифте на поверхность. Лийни терпеливо ждал его в холле и не стал мучить вопросами. Он лишь посмотрел внимательно Алексею в глаза и, сделав приглашающий жест рукой, повел его туда, где в удобных и технически совершенных апартаментах разместились его друзья. Отказавшись от еды и общества, Алексей закрылся в своем номере и, едва упав на кровать, провалился в тревожный полубредовый сон. Ему снились сражения и великие походы.

Проснулся Алексей уже вечером, вернее даже глубокой ночью. Идти куда-то в столь поздний час не имело смысла, и он просто лежал, размышляя.

Не оставалось сомнений, что войну они проиграли. И те, кто не погиб, были осуждены победителями. Вот потому-то охотник, умирая, и назвал его преступником. А если есть преступник, осужденный на заключение в Забытом мире, то должны быть и судьи. Должны быть и те, кто приговоры судей приводит в исполнение. И возникает извечный вопрос: а судьи кто? Надо найти тех, кто судил, и тогда, возможно, удастся отыскать своего сюзерена, попавшего в беду. Ведь он теперь знает, что есть высшая ценность в том, чтобы служить великому господину. Как это делали его друзья, служа ему. И что, признавая кого-то своим господином, ты не теряешь ни своей свободы, ни права иметь друзей и любимых, зато приобретаешь

возможность исполнить свое Предназначение. Главное — отыскать такого господина, служить которому стало бы честью и смыслом жизни. Ибо очень немногим улыбается такая удача. Именно поэтому и Хардар, и гномы изо всех сил вцепились в такую возможность. В отличие от просто сильно испугавшихся гноров. Вот только сам Алексей до сих пор не был уверен, что когда-нибудь сможет стать таким господином. И одним из того, что могло бы утвердить его в этом, было — сумеет ли он отыскать *своего* господина и помочь ему...

Едва дождавшись утра и так и не заснув, Алексей заставил Лийни вновь вести его к сфере архива знаний. На этот раз тар сразу остался в верхнем холле, а Алексей самостоятельно спустился вниз и забрался в приветливо распахнувшуюся сферу. Образы замелькали со вчерашней частотой, но никакой информации о судьях или системе исполнительной власти отыскать не удавалось. И только когда голова опять оказалась на грани взрыва, а сознание колебалось перед пропастью психологического шока, вдруг всплыла короткая информация о хранителях Забытого мира. Ангелы-хранители следили за Забытым миром, оберегая, храня, помогая. И сами они обитали в странном мире. Алексей старательно запомнил все то немногое, что выдала сфера о странном мире ангелов-хранителей. А после того как запомнил, решительно отключил сферу. Теперь он чувствовал, что нащупал след. Или еще не след, но признак следа, по которому можно определить хотя бы грубое направление.

— Сегодня ты раньше, чем вчера,— констатировал удивленно Лийни.

— Я должен покинуть ваш хлебосольный город, друг.

— Ты отыскал свой путь? — спросил с надеждой маленький тар.

— Еще нет, друг, но чувствую, что скоро отыщу его. У меня настоящее предчувствие, и оно зовет меня в дорогу.

— Я мог бы пойти с тобой и попытаться...— начал было тар, но Алексей жестом остановил его:

— Нет, друг. Со мной столько верных друзей, что мы и без того создаем очередь перед порталами. Не хватает нам еще начать драться за место в этих очередях или продавать номерки. По дороге я расскажу тебе, куда мне нужно попасть, а ты проводи нас до портала туда, если только он у вас есть...

Ни единого дуновения ветерка не тревожило чистую прохладу хрустального воздуха. Все вокруг укрывал сверкающий снег, но холодно совсем не было. Яркое солнце заливало все своим светом и наравне с синим, высоким небом делало картину окружающего мира просто идиллической.

— Вот это действительно морозная свежесть,— пробормотал Алексей, осматриваясь и прислушиваясь к своим ощущениям.

— Здесь никого нет,— сообщил Оторок, словно все остальные не видели столь очевидного.— Ты уверен, господин, что это именно тот мир?

— Именно его я видел в своих видениях, навеянных сферой,— ответил негромко Алексей, чувствуя что-то необычное вокруг.

— Здесь кто-то есть,— зашептала Эльви, и по ее виду несложно было догадаться, что девушка не просто не шутит, но и напугана, хотя скрывает свои эмоции.

— Я тоже чувствую присутствие,— подтвердил Алексей, явственно ощущая на себе чей-то посторонний взгляд.— Мы не одни в этом чистом мире.

— Может быть, надо позвать их, господин? — предположил Оторок, крутя по сторонам головой.— Покричать. Или сказать, что мы не несем с собой зла.

— Может быть, надо сказать что-то секретное? Какое-то тайное слово,— в свою очередь предположила Эйра, касаясь ладонью своего лука.

Алексей собрался было возразить обоим и даже повернулся в их сторону, но слова застряли у него в горле. В двух шагах от них стоял облаченный в белые ниспадающие одежды мужчина. Он просто стоял, безразлично наблюдая и дожидаясь, когда его заметят. Высокий и стройный, с гривой белых как снег волос и пронзительно-голубыми глазами. По внешности его невозможно было определить возраст — возможно, тридцать лет или пятьдесят, а еще скорее многие сотни лет.

— Я приветствую вас,— заговорил Алексей, справившись со своим изумлением.— Я хочу только поговорить...

Белый человек поднял ладонь в останавливающем жесте, и Алексей покорно замолчал. Человек жестом пригласил следовать за собой, и все молча пошли за ним.

— Простите, уважаемый,— еще раз попытался Алексей, не чувствуя в облике белого человека не только заинтересованности, но и хотя бы толики сочувствия.— Лишь пара вопросов, и мы...

Белый человек остановился, но не ответил, а вытянул в требовательном жесте руку. Там, куда указывал властно его перст, колыхалось зеркало портала.

— Он что, просто изгоняет нас? — проворчал растерянно Оторок.

— Похоже на то,— согласился Алексей и, обращаясь уже к белому человеку, спросил: — А если я откажусь уходить?

Ни один мускул не дрогнул на лице белого человека, словно это было не живое существо, а бездушный механизм. Рука повторила требовательный жест, и Алексей понял, что в этом мире не будет ни драки, ни противостояния, что бы он ни предпринял сейчас. Их выдворят отсюда каким-то бескровным способом. Выдворят без лишних эмоций и нервов. Эти создания многие века хранят покой Забытого мира, а возможно, и других миров, и решать самые различные вопросы, оставаясь вне эмоций, умеют очень хорошо. Иного выхода из сложившейся ситуации, как подчиниться настойчивому требованию белого человека, Алексей не видел. Поэтому он кивнул негостеприимному хозяину и, больше не мучаясь сомнениями, шагнул в портал.

— И это ангелы-хранители?! — возмущался Оторок.— Как же они могут помогать, спасать, предостерегать, если не способны на понимание и гонят мирных путников из своего мира только что не силой?!

— Мы для них не мирные путники,— возразила Эльви, видя, что Алексей задумчиво молчит, глядя в костер.— Они знают о каждом из нас много больше, чем мы знаем сами о себе. И счастье еще, что они просто изгнали нас, не возжелав общаться с недостойными такого общения. Подумай лучше, что было бы, если бы они воспылали к нам праведным гневом. Ты готов сражаться против отряда ангелов?

Ее вопрос повис в воздухе. Каждый задумался о том, как нелегко пришлось бы им, если бы пришлось вступить в противоборство с грозными ангелами. Хотя правильнее было бы сформулировать вопрос иначе: была бы в этом случае хоть доля шанса кому-нибудь из них уцелеть?

Пойдя на поводу у какого-то неясного предчувствия, Алексей решил остановиться на ночлег прямо возле портала, из которого они вышли, покинув белоснежный мир ангелов-хранителей. Вполне возможно, что это было даже не предчувствие, а несбыточная надежда на то, что их все же удостоят хотя бы короткого разговора. И теперь, съев приготовленный Отороком ужин, все следили за танцем огня, думая каждый о чем-то своем.

— Тебя уже совсем видно, мой возлюбленный господин,— проговорила негромко Эльви, склонив голову на его плечо.— Теперь для нас наступило самое опасное время. Ты еще не стал самим собой, но видим почти для всех.

— Почему я ничего не вижу ни в ком из вас? — задал Алексей вопрос, который интересовал его уже давно.

— Ты еще не умеешь смотреть,— улыбнулась девушка.— Давай я тебя научу. Ты помнишь, как разглядывают детские картинки, на которых за пестрой мозаикой рисунка скрывается объемное изображение?

— Примерно,— припомнил Алексей.— Мне всегда казалось глупым пялиться на эти картинки, в то время как множество действительно достойных творений доступны глазу и радуют душу.

— Это не совсем то, но принцип...— постаралась она объяснить попроще.— Просто надо запомнить, как ты это видишь, и в следующий раз будет легче увидеть, а еще после нескольких попыток ты станешь легко различать изображение.

— И как же ты меня научишь? — недоверчиво поинтересовался Алексей.— Если даже объяснить на словах этот процесс затрудняешься.

— Я не буду тебе объяснять,— рассмеялась тихонько девушка.— Я просто покажу. Смотри на Зура.

С этими словами Эльви поднялась и, зайдя Алексею за спину, положила обе свои ладошки на его виски. Сначала ничего не происходило, но потом неожиданно изображение чуть расслоилось, словно появившаяся на глазах Алексея слеза преломила картинку. Одновременно с этим поплыл и цвет. Алексею показалось, что на изображение Зура наложили еще одну картинку. Он почти выхватил эту картинку разумом, но рассмотреть не успел. Эльви, вздохнув, разомкнула руки, и все вернулось к привычному виду.

— Тяжело так показывать,— пожаловалась колдунья.— Попробуй теперь сам.

Алексей пытался вернуть те ощущения, которые чувствовал под руками девушки. Он пытался сфокусировать глаза и так и эдак. Долгое время у него ничего не получалось. Он уже начал отчаиваться, когда вдруг заметил неясный всполох над фигурой оборотня. Обрадовавшись, Алексей сбил фокусировку и еще битый час искал ее вновь. Наконец, несмотря на усталость глаз, у него стало получаться. Над Зуром возникло сначала размытое, призрачное пятно, а потом Алексей рассмотрел формы того самого монстра, в которого превращается оборотень. Верхняя часть фигуры казалась смытой, но вскоре Алексей понял, что видит нити, короной уносящиеся куда-то вверх, истончающиеся до невидимой толщины, но существующие.

— Я вижу,— прошептал он и перевел взгляд на Чолона.

Стрелок остался почти таким же, как и был, только, как показалось Алексею, вытянулись и стали острее уши. Оторок вовсе не претерпел изменений, за исключением возникновения такой же, как и у остальных, «короны». Алексей обязательно рассмотрел бы всех, но глаза уже слезились от напряжения.

— Не заработай косоглазия, господин,— усмехнулся Чолон.— Будет неудобно стрелять.

Алексей оставил свое новое умение до лучших времен, чувствуя, что все же хочет быстрее взглянуть по-новому на Эльви. В душе шевельнулся страх, что он увидит древнюю старуху-колдунью, надевшую личину молодой девушки. Именно этот страх помог ему успокоиться и не насиловать больше свои глаза попытками рассмотреть все и сразу. Его спутники укладывались спать. Лишь Оторок, чья очередь дежурить выпала первому, старательно натирал кусочком какой-то ветоши лезвие своей секиры. Алексей тоже улегся на свое походное одеяло. Он устал, поэтому сон быстро отыскал пути к его разуму. Уже засыпая, Алексей лениво подумал, что, волнуясь о том, что увидит в Эльви, он ни на миг не задумался над тем, что теперь Эльви и все остальные видят в нем. А в следующую секунду сон окончательно отогнал все мысли и тревоги, вступая в свои владения.

За спиной гнома, любующегося отражением луны на лезвии секиры, совершенно беззвучно возникло свечение и в следующую секунду, погаснув, оставило под светом луны стройную женскую фигуру. Женщина куталась в одеяние, напоминающее паранджу восточных женщин. Только было оно столь легким и прозрачным, словно состояло из сгустившегося лунного света. Женщина медленно подняла руку, и с ее ладони сорвался кружащийся хоровод мельчайших искорок. Будто мелкие снежинки, отсвечивая в лунном свете, полетели в сторону сидящего гнома. Оторок едва заметно вздрогнул, когда искорки коснулись его затылка, и безвольно завалился на бок.

Женщина, не скрываясь, но двигаясь при этом совершенно бесшумно, медленно прошла мимо спящих путников и остановилась рядом с Алексеем. Опустившись перед ним на колени, она осторожно коснулась его руки, прогоняя сон. Алексей открыл глаза и сразу встретился взглядом с прекрасными, бездонными глазами.

— Кто ты? — прошептал он, боясь, что чудесное видение исчезнет, оказавшись лишь игрой лунного света с сонным сознанием.

— Ты действительно жаждешь вспомнить все, что забыл? — зашептала незнакомка, и от одного ее шепота Алексей ощутил горячую волну желания.— Готов ли ты рискнуть пойти за этими знаниями в одиночку? Решишься ли довериться мне?

— Готов,— заверил Алексей, одним движением оказываясь на ногах.

— Тогда молчи и следуй за мной, мой господин,— поманила гостья, так же бесшумно отходя в сторону от спящих спутников Алексея.— Сегодня ночь, в которую сбудутся желания.

Отойдя от лагеря на несколько шагов, прекрасная незнакомка очертила ладонью круг в воздухе, на месте которого мгновенно возникло то же тусклое сияние, из которого она появилась в этом мире. Ухватив Алексея за руку, она решительно шагнула в мерцающее пятно. Сияние исчезло, на этот раз не оставив на своем месте никого...

Холодный ветер кольнул кожу. Алексей, не отпуская руки молодой женщины, огляделся по сторонам. Такая же ночь, такая же огромная луна. Только холодно, будто они мгновенно переместились в северную осень, когда уже морозно, но нет еще снега и черные ночи особенно холодны.

Алексей поежился и в тот же миг увидел массивную громаду дома. Несколько окон, разбросанных в беспорядке по этой темной массе, светились неярким светом, кажущимся в морозной темной ночи особенно уютным. Женщина решительно потянула Алексея к дому, так и не проронив больше ни слова. Он послушно шел, ощущая, что и сам великолепно ориентируется в пространстве, видит в темноте, не мерзнет на студеном ветру... Ему показалось, что он стал совсем своим во всех этих мирах. Своим, даже несмотря на то что все еще не обрел свою Суть.

— Мы пришли, мой господин,— зазвенел прекрасный голос, который Алексей готов был слушать вечно.

Миновав массивные деревянные двери, они очутились в полутемном, просторном зале. Здесь было тепло и уютно, несмотря на большие размеры высокого помещения. В длинные витражи, из которых состоял потолок, заглядывала луна. В дальнем конце зала Алексей отчетливо заметил отблеск лунного света на водной глади. Впрочем, это мог быть зеркально отполированный пол. Массивный стол, освещенный несколькими толстыми свечами, ломился от странных фруктов и винных кувшинов. Изящные бокалы отражали теплый свет свечей, отбрасывая на стол причудливые дрожащие пятна.

Незнакомка едва заметно повела плечом, и ее одеяние спало тяжелой волной на пол, словно это была лишь накинутая на плечи шаль. Алексей невольно окинул ее взглядом, удивляясь, насколько совершенным может быть тело. «Наверняка силикон»,— мелькнула где-то на задворках рассудка мысль из Забытого мира. Нисколько не смущаясь своей наготы, красавица обошла стол и наполнила бокал темным, как кровь, вином.

— Глоток вина, мой господин? — предложила она, протягивая бокал Алексею.

Он принял, подивившись своему странному состоянию,— кажется, налила бы она сейчас в бокал яду, он и тогда безропотно выпил бы. «Мой господин»,— запоздало повторила память. Эта красотка называла его точно так же, как все друзья, которые окружали его с момента выпадения из Забытого мира. А судя по тому как складываются его отношения с женским полом в этих мирах, аскетом он никогда не был. Значит, логичнее всего предположить, что это еще одна его пассия из прошлого, которая явилась напомнить о себе и помочь. Немного необычно явилась, но встреча с Эльви тоже не вписывалась в образ банальных встреч. И объяснить ночной визит незнакомки с почти воровским проникновением в лагерь становится несложно — не всякая придет средь бела дня, если знает, что одна из конкуренток уже обосновалась рядом с господином. Совершенно некстати в памяти всплыли слова Эльви, сказанные с насмешливой улыбкой в ответ на вопрос Алексея о том, должен ли он знать Эйру: «Уж ты-то лучше других». Но девушка-воин никаких попыток сближения не предпринимала, и Алексей забыл было эту фразу. «А я, похоже, еще тем плейбоем был»,— мысленно удивился Алексей. Учитывая то, что и с различными служанками отношения складывались весьма вольно, можно было невооруженным глазом заметить собственную озабоченность.

Женщина медленно отступила от стола, и Алексей, поставив бокал на стол, шагнул следом. Через несколько шагов он рассмотрел, что половину зала в самом деле занимает огромный бассейн, наполненный водой до самых краев.

— Я тебя совсем не помню,— едва слышно произнес Алексей, чувствуя, как витающие в воздухе аро-

маты неведомых трав и благовоний начинают кружить голову.

Незнакомка сделала еще пару шагов назад и, оказавшись на самом краю бассейна, едва заметно призывно повела плечом. Обнаженное тело ее, облитое светом заглядывающей в потолочные витражи луны, казалось совершенством, созданным талантливейшим из скульпторов. Оно было слишком прекрасно для простой смертной.

— Когда ты отбил меня у Рокоса, ты говорил, что никогда не забудешь,— шептали чувственные, чуть припухлые губы.— Не сдерживай себя. Позволь мне напомнить все то, что ты забыл. Ты ведь сейчас желаешь меня столь же сильно, как и раньше. Отбрось беспочвенные тревоги...

Желание действительно уже стучало в висках, но вырваться наружу ему мешало какое-то смутное, еще не сформировавшееся чувство. И даже природу этого чувства Алексей сейчас затруднялся определить — чувство опасности, память того, что нельзя делать. Может, это были просто совершенно посторонние эмоции, улавливаемые его обострившимися от возбуждения чувствами и принадлежащие совершенно чужим людям...

— Как тебя зовут? — спросил Алексей, делая шаг вперед.

— Ты должен сам вспомнить,— улыбнулась она, показывая ровные жемчужины красивых зубов.— Я помогу, и ты вспомнишь все.

— Многие говорили так,— делая последний шаг, ответил Алексей.— Только никто так и не помог мне действительно все вспомнить.

Слова о том, что эта восхитительная женщина не будет ничего говорить, а лишь постарается напомнить все, что он забыл, неожиданно успокоили Алексея.

Ему почти каждый в этом мире говорит примерно такие же слова. И ситуация, подобная сегодняшней, тоже не внове. Знакомство с Эльви начиналось еще более экстремально. А что может настораживать сейчас, когда прекрасная обнаженная незнакомка зовет его поплескаться в бассейне, постараться в утехах вспомнить былое... Вспомнит не вспомнит, а хороший секс еще никому во вред не шел. А он ведет себя как испуганный девственник.

Отбросив последние сомнения, Алексей подался вперед и обнял пока еще незнакомку. Она затрепетала, подаваясь, оплетая его нежными, тонкими руками, даря волнующие поцелуи и даже своим участившимся дыханием добавляя искры в и без того предельное возбуждение Алексея. Она играла, то змейкой выскальзывая из его объятий, то прижимаясь, касаясь, лаская. Она сама сняла с него одежду, стараясь не разрывать взглядов. Алексей чувствовал, что совершенно не в состоянии противиться этой сладкой паутине неги, в которую закутывала его красавица. А когда, совершенно обезумевший от этих ласк Алексей попытался схватить ее покрепче, чтобы, уже не спрашивая имен и паролей, овладеть, гибкая женщина вновь вывернулась, мгновенно разрывая объятия, и, весело рассмеявшись, спрыгнула в разукрашенную лунными лучами прохладу воды. Алексей ласточкой прыгнул следом, мельком представив, как зашипит и взметнется паром вода от его разгоряченного возбуждением тела. Но пара и закипающей воды не было — Алексей почти без всплеска вошел в воду и, рассмотрев в освещенной луной воде прекрасное тело, в два гребка оказался рядом. На этот раз девушка не ускользала, а лишь увлекла Алексея туда, где скошенное дно бассейна образовывало совсем мелкий лягушатник. Алек-

сей схватил ее, больше не собираясь играть, подмял, распял в мелкой воде...

Когда почти что болезненное возбуждение спало, Алексей позволил прекрасной незнакомке делать то, что она сама считает нужным. И не ошибся — с умением опытной гетеры она мгновенно вернула возбуждение в его расслабившееся было тело. Но перехватить инициативу Алексей не успел — женщина, ловко опрокинув его на спину, взобралась на него верхом, будто атакующая амазонка на своего коня. Прикрыв глаза от наслаждения, Алексей полностью отдался во власть незнакомки, имя которой так и не вспомнил до сих пор. Да и не старался особенно. Только чувствовал, как уходят его силы, оставляя тягучую расслабленность, из которой почти невозможно выбраться. Он готов был вновь забиться в судорогах удовольствия, когда хлестнувшее чувство опасности заставило одним движением сбросить с себя прекрасную наездницу и вскочить на ноги. Вернее, попытаться вскочить, потому что, едва приподнявшись, Алексей был мгновенно сбит с ног и увлечен на глубину. Его ухватили сразу несколько пар крепких мужских рук, тяжелые тела давили сверху, не позволяя вынырнуть за глотком воздуха. Его даже пытались бить, но в воде удары значительно ослабевали, тем не менее отнимая силы, которых оставалось все меньше и меньше. Легкие рвались из груди, пытаясь заставить тело инстинктивно сделать вдох, впуская в грудь убивающую воду. Перед глазами поплыли кровавые круги...

— Клариния! — булькая водой, вдруг взвыл Алексей, действительно вспомнив имя.— Коварство красоты и предательства!

Он вспомнил ее — женщину-суккуба, верную подругу охотника за головами Рокоса. Никогда она не принадлежала Алексею, помогая Рокосу собирать его

кровавые жертвы. И именно потому, что была суккубом, противиться ее чарам и ласкам, забирающим силы и даже саму жизнь, было почти невозможно. И еще Алексей вспомнил, почему таким знакомым показалось ему лицо поверженного охотника. Это Рокос, умирая, назвал Алексея преступником. И Клариния решила воспользоваться тем, что Рокос разбудил какую-то часть Алексея, но тот еще был слишком слаб, чтобы противиться ее чарам. Это была не месть. Клариния, как, впрочем, и Рокос, не испытывали ни к кому ни жалости, ни сострадания, ни любви. Это был голый расчет. Она сама собиралась убить его, высосать его без остатка, растворить в своей безумной неге, прибавив его силу к своей и став одной из самых могущественнейших в этом мире. Но она была слишком опытной охотницей, чтобы не подстраховаться на случай, если он вырвется из-под ее чар. Однако она просчиталась...

Ярость — обжигающая, ревущая пробудившимся вулканом — стремительно захлестнула все его существо. И существо это стремительно изменилось, уступив всепоглощающей мощи этой ярости. Мускулы, вмиг вспухнув громадными валами на удлинившихся руках, легко разорвали путы чужих рук. Могучий торс разогнулся, разметывая в стороны повисших на нем врагов. Черные крылья, взрывом взметнув воду, вырвали Алексея из водяного плена, подняв к самым витражам, изливающим лунный свет. Воздух ворвался в раздавшуюся грудную клетку, и над бассейном разнесся устрашающий хохот.

— Клариния, ты решила повторить свое вероломное предательство? — спросил гигант, лениво взмахивающий могучими крыльями под потолком зала, мгновенно ставшего совсем небольшим.— Тебе это больше не удастся. И никому из вас сегодня не уйти отсюда.

Он видел в темноте ничуть не хуже, чем на свету, отлично замечая панические попытки недавних охотников отползти и скрыться от его беспощадной мести. Кто-то негромко заскулил, попытавшись открыть дверь, но не в силах сдвинуть незапертую створку. Алексей не собирался наслаждаться пылающим внизу пламенем страха. Он не хотел никого сейчас мучить. Только отомстить за вероломство нынешнее и прошлое. Он не вспомнил еще всего, но и того, что вспомнил, доставало для вынесения приговора и приведения его в исполнение.

Огромная крылатая тень рухнула вниз, превратив тьму зала в калейдоскоп из пятен лунного света. Крики ужаса, предсмертные хрипы, страшные звуки разрываемой плоти... Последней он убил прекрасную Кларинию, без мучений, быстро и умело, даже не испортив ее божественной красоты.

— Как ты мог уснуть?! — спросила Эйра с горечью разочарования в голосе. Она задавала этот вопрос десяток раз, совершенно не слушая оправданий гнома и не нуждаясь в ответе.

Эльви молча ходила вокруг лагеря, прислушиваясь и приглядываясь к чему-то невидимому остальным. Зур носился по зарослям в надежде отыскать след и с ужасом осознавал, что не может найти пропавшего господина в тот момент, когда, возможно, тому жизненно необходима его помощь.

Оторок устал оправдываться, сам совершенно не понимая, как мог заснуть на посту. С ним никогда еще такого не происходило — только что любовался древними рунами, волшебно мерцающими на лезвии секиры в свете луны, а в следующий миг проснулся от поднятой Зуром тревоги.

— Я ощущаю чужую магию. Всполохи от порталов,— сообщила громко Эльви.— Кто-то вошел вон у того дерева, забрал господина и ушел вот здесь.

— Ты не можешь узнать, кто это был? — поинтересовался Чолон, до побелевших костяшек сжимающий свой черный лук.

— Нет. Кто бы это ни был, он не оставил никаких следов,— покачала головой Эльви.— Только это вселяет в меня надежду.

— Что? — не поняла Эйра, оставившая наконец Оторока в покое.

— Я не вижу следов никакой магии, кроме той, которая открывала порталы,— пояснила колдунья, возвращаясь к костру.— Это значит, что против господина магию не использовали. Борьбы тоже не было, иначе бы мы все проснулись. И не требуйте невозможного от Оторока. Вот на нем-то как раз и видна сонная магия. Его усыпили заклинанием.

— Я так и знал! — возопил гном.— Я чувствовал, что против меня было применено подлое заклинание! Иначе я ни за что не заснул бы на посту!

— Успокойся, Оторок,— одернул гнома Чолон.— Так вот оно что. Раз господин ушел без борьбы и магии, по доброй воле, значит, вполне вероятно, что это не враги. Ты это хотела сказать, Эльви?

— Совершенно верно,— кивнула колдунья.— Мы не знаем, куда был проложен портал. Поэтому нам остается только одно — сидеть и ждать.

Зур, отчаявшийся и тоже вернувшийся к костру, вдруг взвился, словно ему в задницу впился огромный скорпион. При этом взгляд у него был таким, что Чолон, разворачиваясь, уже натянул лук, а Оторок подхватил секиру.

В двух шагах за спиной Эльви стоял Алексей. Не появлялись порталы, не отворялись двери — мгнове-

ние назад там ничего не было, а теперь стоял их господин и улыбался, глядя на замерших друзей. Только Эльви даже не обернулась, каким-то образом ощутив, что это именно он.

— Ты заставил нас здорово понервничать, мой возлюбленный господин,— улыбнулась она так, словно он всего лишь вышел из соседней комнаты, чтобы пожелать ей, пробудившейся ото сна, доброго утра.

— Вы просто не поверите, как я рад всех вас видеть,— признался Алексей.— Только не спрашивайте, вспомнил ли я себя. Я все так же слеп, хоть и вспомнил некоторые свои трюки. И еще я хочу сказать, что мне нужно кое-куда наведаться. И я пойду туда один. Так надо. А вы возвращайтесь в мир таров и ждите меня там. Обещаю, что очень скоро вернусь. Возможно, даже быстрее вас.

Зур собрался было возразить, сказать господину, что должен всегда быть рядом, защищать, сторожить сон... Но слова его так и не слетели с уст, потому что Алексей, сделав рукой прощальный жест, просто исчез, бесследно растворившись в воздухе.

— Что же делать? — огорченно спросил оборотень, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Повиноваться,— ответила Эльви.— Господин изъявил свою волю. Господин возвращается к Сути.

Черный песок, гонимый ветром, все так же тек тонкими струйками по черным камням площадки. Алексею больше не нужны были порталы, но он мог попасть только в то место, которое мог себе представить. Поэтому сейчас он оказался на этой странной площадке. Песок, как и в первое посещение, шелестел по камням, исполняя вместе с ветром органную симфонию. Черные скалы на фоне чистого неба казались

особенно величественными. Все выглядело так же, но одновременно совершенно иначе. В прошлый раз щемящая тоска слышалась Алексею в каждом звуке. Теперь все вокруг приветствовало его радостной песней. И даже тусклое солнце улыбалось, вызывая в сердце ощущение счастья.

Алексею не надо было осматриваться, чтобы узнать, где что находится. Он знал весь этот мир. Вот только память выдавала информацию кусочками. Но стоило ему оказаться на этой площадке, как он не глядя вспомнил и почувствовал и это поле из каменных плит, и невысокие валуны ограды, и каменные башни скал, созданные специально для поющего в них ветра.

Вдыхая свежий воздух этого мира, наполняясь им, как губка водой, Алексей подошел к камням ограды. Несколько мгновений он стоял с закрытыми глазами, ощущая весь этот мир и позволяя миру почувствовать себя. В голове шевельнулось воспоминание, как в далеком крошечном мире, называемом Забытым, старшина запаса пограничных войск вышел из поезда Ереван — Москва и сделал вдох полной грудью, показавшийся тогда особенно сладким. Словно мог душный, мертвый воздух Курского вокзала быть лучше чистого воздуха юга, с которого принес старшину поезд. Но незабываемое и почти неповторимое ощущение возвращения домой после долгой разлуки смогло придать воздуху те свойства, которыми он не обладал, обманув чувства человека. Теперь Алексей ощутил нечто похожее. Только здешний воздух действительно был божественно чист, как и весь этот мир. Алексей, казалось, мог бы вечность простоять на скале, наслаждаясь своими ощущениями, растворяясь в окружающем. Но, заставив себя открыть глаза, он счастливо улыбнулся, а потом, оттолкнувшись ногами, прыгнул в бездну...

Время перестало существовать. Алексей мчался над своим миром, вспоминая, узнавая. Видения и воспоминания уже штормовыми волнами накатывали на его сознание, разрушая все барьеры, сметая препоны. Он весело рассмеялся, вспомнив, что действительно воевал в той великой войне. Только не был он ничьим солдатом или сержантом. Не руководил отделением, ротой или группой спецназа. Он был в той войне тем, за кем эти солдаты и сержанты шли в бой. Он был тем, кто начал великую войну. Он... нашел своего господина. И этим господином был он сам.

Алексей поднялся высоко в чистое небо и, рассмотрев в далекой дали тонкий шпиль гигантской башни, помчался к ней. Черный шпиль, созданный из неведомого металла еще в те времена, когда жили в мирах многочисленные и могущественные боги, источал древнюю энергию такой силы, что Алексей сумел бы отыскать к нему дорогу из самых далеких миров. Опустившись на верхнюю площадку, Алексей спустился по отполированной лестнице, благоговейно касаясь пальцами стен. Сделав два оборота, лестница выпустила его в просторный зал, заполненный ровными рядами стеллажей. Эльви, как и любой другой маг, не задумываясь, отдала бы, наверное, полжизни за возможность оказаться здесь хоть ненадолго. На стеллажах покоились, дожидаясь своего часа, многие сотни свитков, амулетов, разных магических артефактов, которые соседствовали с древними статуями и украшениями. Но ничто в этом зале не интересовало Алексея сейчас. Только задержавшись у свободного стеллажа, он аккуратно снял и положил на него подаренные Хардаром наплечники.

— Спасибо, друг, но мне они пока не понадобятся.

Без сожаления отвернувшись, он решительно шагнул на новые ступени, ощущая, как энергия этого мира и этой башни переполняют его.

Зал, в который привела его следующая лестница, выглядел абсолютно пустым, особенно по сравнению с предыдущим. Но именно здесь хранилось одно из сокровищ, равное найденному в Абидосе черному мечу. Даже оформлен этот зал был точно в таком же стиле — тот же красный отполированный мрамор, от пола до потолка покрывающий стены и чередующийся с золотыми полуколоннами. Такие же черные статуи, изображающие крылатого человека с различными выражениями лица. Такая же вязь надписей на золотых украшениях статуй и на золотых полуколоннах. И массивный брус из темно-шоколадного гранита в центре зала. Только не меч хранился на этом мраморном постаменте. Здесь покоились усыпанные рунами черные доспехи из точно такого же бездонного, как космос, материала, что и меч.

Алексей наложил доспехи на плечи, слыша торжественную песню. Только теперь он понимал тот древний язык, который звучал сейчас в сагах о былых войнах и подвигах великих героев. Песня ревела победным гимном, и Алексей, как и при встрече с мечом, потерял счет времени и связь с реальностью. А когда песня стихла, черные доспехи исчезли. Но теперь это не волновало Алексея. Он все знал и все решил для себя. Быстро поднявшись на крышу, он прыгнул в чистое небо. Битва не проиграна, пока проигравший не сдался. Он черный ангел возмездия, и впереди великая битва, которая обязательно закончится победой.

Алексей летел над своим миром и счастливо пел песню на древнем, давно умершем языке.

Тарград представлял сейчас странное зрелище. Сверхсовременный и сверхтехнологичный город взмывал хрустальными пиками небоскребов к чистому, теплому небу. А за городской стеной на большом поле раскинулся огромный лагерь. Походные шатры, дымы костров, воины, равнодушно поглядывающие на город и ежеминутно холящие свое оружие.

Испуганные появлением из порталов нескончаемого войска тары посылали своих парламентеров. Вид грозных орков, увешанных оружием, совершенно деморализовал послов доброй воли. Тем большим оказалось их счастье, когда они, дрожа и заикаясь, сумели все же выяснить, что это воинство их спасителя и друга — великого сюзерена орков и гномов Лексара Бесстрашного. Первоначально у таров даже мелькнула мысль расквартировать воинов в самом городе. Но порталы пропускали все новых и новых солдат, и хозяева города поспешно предложили гостям просторное поле, засеянное шелковой декоративной травой, на которое выходили одни из ворот Тарграда. О судьбе травы никто даже не задумывался, понимая, что из двух зол выбирать надо меньшее. Вряд ли город был готов принять такое количество гостей, давно отвыкших от путешествий по мирам, вырвавшихся наконец из своего заточения, да еще и сплоченных единым ратным духом.

Как и подобает радушным хозяевам, для которых свято понятие «друг моего друга — мой друг», тары выделили с десяток устроителей, в обязанность которым вменили пребывать наблюдателями в лагере воинства. Да еще не просто наблюдать, а решать возникающие бытовые проблемы и оказывать всяческую иную организационную помощь. К счастью для этих наблюдателей, несмотря на совершенно ужасающий вид свирепых воинов, опасения относительно «звери-

ного лика простой солдатни» не оправдались. В воинстве оказалась железная дисциплина и жесточайшие правила субординации. Все это строжайше поддерживалось несколькими командирами от гномов и орков, которыми в свою очередь командовал жуткий и громадный орк по имени Хардар.

Почти одновременно с объединенным войском, пришедшим под рукой Хардара, через портал в Тарград вернулся отряд верных спутников Алексея. Лийни, обрадованный тем, что теперь появились знакомые ему герои, способные послужить дополнительной связью между тарами и раскинувшимся в полевом лагере войском, сразу предложил им расположиться в тех же гостиничных апартаментах, где жили они вместе со своим господином. Однако, узнав, что Хардар уже привел войско, все единогласно решили довольствоваться полевым шатром, чтобы дождаться господина всем вместе. Лийни не испытывал восторга от перспективы провести ночь в столь некомфортных условиях, но и покидать своих спасителей не хотел. Поэтому он решил провести время до возвращения Алексея с ними и теперь, слушая их разговоры, сидел на одном из положенных вокруг костра бревен.

— Слишком быстро он возвращается к Сути,— покачал головой Оторок, проверяя, как запекаются куски мяса от принесенного Зуром оленя.

— Что же в том плохого, ведь одновременно он обретает и силу? — удивился Хардар, который вместе с Гердолом пришел разделить со своими новыми друзьями ужин.

— В том и опасность,— пояснила Эльви вместо гнома.— У него уже достаточно сил, чтобы суметь наломать дров, но нет еще полного понимания былого и грядущего.

— Ты считаешь, что я столь неосмотрителен, что могу наломать дров?

Все невольно вздрогнули, когда рядом с сидящими у костра неожиданно возник Алексей. Он присел на бревно возле Зура и окинул замолчавших друзей внимательным взглядом.

— Я хочу еще раз поговорить о будущем и прошу не воспринимать мои слова как попытку оскорбить кого-то из вас. Отнеситесь к моим словам как к должному и хорошенько подумайте, прежде чем озвучить свой ответ.— Несколько мгновений Алексей молча смотрел на пляску языков пламени, подбирая слова, а затем, еще раз окинув всех взглядом, продолжил: — Я многое вспомнил за последние часы и даже минуты. Память моя, как горный обвал, выдает все больше и больше из того, что раньше для меня не существовало вовсе. Теперь я знаю, кто я такой и где мой настоящий дом. Теперь я помню, что явилось причиной моей ссылки в Забытый мир. Но мы не проиграли нашей битвы, ибо битва не проиграна до той поры, пока кто-то из сражающихся не признал себя побежденным и не сдался. Я иду в новый поход. И теперь я буду мудрее, сильнее и тверже, чем в том сражении, о котором все мы вспоминаем с горечью. Пришло время все изменить. Мое время. Но у многих из вас жизнь ушла в иное русло. Новые обстоятельства, новые условия, новые обязательства... Ведь я покинул вас надолго, и никто из вас не мог быть уверенным, что я вернусь. Поэтому я объявляю вам, что беспрекословно и с пониманием приму выбор каждого. Я возвращаю тем, кто решит сегодня уйти, все обязательства и клятвы, принесенные мне как вашему сюзерену, или иные узы, налагающие на них какие-либо обременения в мою пользу. Битва не будет легкой, и риск велик. Поэтому каждый из вас сейчас волен принять решение

идти за мной и разделить мою участь в победе или поражении или пойти своей дорогой. Сражаться и, возможно, пасть или уйти в свой мир и жить счастливо и безоблачно.

Алексей опять замолчал, переводя дух и позволяя всем слушающим его понять сказанные им слова. Все неотрывно смотрели на него, молчаливые и серьезные. Никто не отводил взглядов, не фыркал недовольно. Все прекрасно понимали, что настоящий хозяин не мог не позволить им в такую минуту самим сделать свой выбор. Вот только сумеет ли кто-то из них, оставив своего господина, остаться счастливыми в своих мирах? И что значит смерть, временная, да и вечная, по сравнению с потерей верности господину и собственной чести? И пусть даже об этом никогда и никто не узнает...

— Я предоставляю вам весь сегодняшний вечер и грядущую ночь на размышления,— не дождавшись возражений или всплесков эмоций, продолжил Алексей.— Но завтра утром все вы должны разойтись по мирам — кто-то чтобы жить с миром, кто-то чтобы поднять на битву всех, кого только удастся.

— Мой господин,— заговорил негромко Хардар,— мне больше некого поднять, ведь все, кто верит в меня, и без того с оружием стоят под твоей рукой. Да и обдумывать и решать мне нечего. Я присягнул тебе не в момент неги и благоденствия. И тогда мы все могли начать свой новый путь, оставшись в рабстве. Да и какой еще счастливой жизнью можно меня соблазнить, если есть возможность свободным и под рукой великого Лексара снискать себе славу на поле боя? Пусть содрогнутся древние — мы посрамим их славу!

— Спасибо, друг,— кивнул с улыбкой Алексей.— Ты все ж подумай, прежде чем уснуть. А завтра, если

решение твое останется непоколебимым, поднимай все войско и веди их...

Алексей задумался, как объяснить Хардару про тот мир, где состоялась былая битва и где намеревался он взять реванш. На помощь ему неожиданно пришел молчавший до этого тар.

— Если ты возжелал послать их в мир Великих Битв, Высочайший, то я могу и в этот раз послужить проводником для твоих слуг,— предложил Лийни торопливо, радуясь выпавшей возможности послужить Алексею.

— Ты мне очень поможешь,— кивнул Алексей благодарно.— Тогда утром, Хардар, ты отведешь войско в тот мир, дорогу к которому покажет тебе Лийни. Там дождешься меня и тех, кто примет решение идти со мной до конца.

— А ты уверен, Высочайший, что там будет и кто-то кроме тебя? — негромко спросил маленький тар.

Алексей отлично понял мысль, столь скромно высказанную Лийни. Ведь не было, как, впрочем, и в день минувшей битвы, ни посланных противной стороне ультиматумов, ни обменов вызовов, ни каких бы то ни было переговоров. Да что греха таить, Алексей наверняка даже не знал, кто именно окажется его противной стороной в том мире, что был создан лишь для битв. Одно он знал наверняка — противник видит его теперь. Видел, возможно, и раньше, когда сам Алексей тыкался носом в неприятности, словно слепой котенок. Противник будет в мире Великих Битв, и он будет готов...

— Уверен,— коротко ответил Алексей, не собираясь разъяснять природу своей уверенности.— А теперь я оставлю вас наедине с вашими мыслями, дабы не мешать принятию единственно правильного для каждого решения.

Зур повернулся, собираясь попросить господина позволить сопровождать его. Верный оборотень даже не задумывался над тем, как он сумеет это сопровождение осуществить. Но когда он уже открыл рот, то место, где на расстоянии вытянутой руки от Зура сидел Алексей, оказалось пустым.

Алексей наслаждался произошедшими с ним переменами и тем могуществом, которое продолжало лавиной вливаться в его тело. Он мчался сквозь многообразие миров, пронизывая их, словно игла умелого портного прошивает несколько слоев сложенной в будущий шов материи. Калейдоскоп пейзажей и неведомых народов, города, страны, времена... Теперь он мог переместиться из одного мира в другой так же легко, как в Забытом мире переходил из одной комнаты своей квартиры в другую. После посещения его родного мира это стало столь же простым, как щелчок пальцев — даже знать, куда он желает попасть, стало излишним. Он мог просто мчаться в неведомое, исследуя, узнавая, вспоминая...

Удар оказался настолько сильным, что Алексей рухнул в глубокий снег, вздыбив белоснежный, искрящийся фонтан. Только мгновение назад он очутился в этом мире, где царствовала зима. Бескрайняя, сверкающая льдом и снегом равнина в лучах низкого солнца казалась залитой золотом. Именно из-за низкого солнца и его золотого света, отраженного снегом, Алексей просто не увидел опасности. Он, несомненно, должен был почувствовать появление врага, но ощущение всемогущества и опьянение свободой полностью отключило все чувства. По сути, Алексей стал на время беспечным, восторженным идиотом.

Разбросав снег, Алексей метнулся в сторону, стараясь занять позицию между слепящим светилом и вероломно напавшим врагом. Он увидел целый отрад, состоящих из разномастных тварей. И все они безмолвно, но очевидно подчинялись высокому худощавому человеку в каком-то подобии длинного плаща. Вот только черты этого человека Алексей не мог рассмотреть — столь стремительно, почти неуловимо, перемещался тот, делая лишь короткие остановки.

— Глупцы,— бросил Алексей, и меч скользнул в его руку.— Ищущий смерти да обрящет.

Он бросился в бой, рубя налево и направо, взмывая в воздух и падая камнем вниз. Белоснежный покров долины окрасился кровью. Очередной монстр, похожий на гориллу с головой саблезубого тигра, бесстрашно ринулся вперед, словно не замечая взметнувшегося черного клинка. Алексей обрушился на противника всей тяжестью, и в этот миг в спину ударила огромная масса. Понимая, что не успевает дотянуться мечом даже до саблезубой гориллы, Алексей рухнул в окровавленный снег, стараясь упасть спиной. На него накинулись все вместе, и врагов оказалось так много, что он не видел даже света. Лишь ощущал рвущие его плоть клыки и когти. Невидимые доспехи спасали от страшных ран, но взамен забирали силы. Алексей переборол навалившуюся тяжесть и поднялся, раскидывая врагов, как лев накинувшихся на него гиен. И неожиданно в его мозгу метнулась предательское сомнение в достаточности своих сил. Он отбросил эту подло закравшуюся мысль и, зарычав от ярости, вновь кинулся в атаку.

Несколько раз еще Алексей падал и поднимался вновь, потеряв счет отбитым атакам и сраженным им врагам. Вместо ярости и бесконечной самоуверенности пришло чувство неимоверной усталости и тяжести во

всем теле. Вдруг прямо перед ним возник человек в плаще — серьезное, напряженное лицо, злые, прищуренные глаза, плотно сжатые губы. Алексей вскинул меч, вернее, попытался вскинуть, но движение уставшего тела получилось бесконечно долгим. Худой человек стремительно подался навстречу, и узкий, длинный клинок в его руке, сверкнув игривой рыбкой, ударил Алексея в грудь. И черный доспех не выдержал — боль раскаленным прутом стеганула в груди. Алексей все же рубанул мечом, но разрубил лишь воздух. Словно призрак, человек в длинном плаще, ушел с линии удара, а на Алексея с новой силой кинулись его слуги. Впечатавшись спиной в лед равнины, Алексей ощутил, что больше не в силах подняться. Черный меч все так же оставался верен хозяину, но руке недоставало сил держать его. Его уже держали по рукам и ногам, буквально распяв на красном от крови снегу. Алексей увидел над собой чистое небо. А в следующий миг в этом просвете показалась фигура худого человека. В лице его не было торжества, как и каких-то иных эмоций. Скорее всего, он не испытывал к Алексею ничего, кроме желания и необходимости исполнить свою работу.

«Вот и все,— промелькнуло в голове Алексея.— Как глупо». И он припомнил слова Эльви: «Ни одна вещь не может сделать тебя сильнее. Даже самая могущественная и магическая. Ибо ты *силен* только тем, что можешь *сам*. А пока в схватке именно меч ведет тебя, а не ты его. И пока будет так — ты будешь слаб. Сильным ты сможешь стать, если сам будешь вести силу». А он позволил *силе* вести его. Он позволил *силе* обмануть его своим всемогуществом. И проиграл. Проиграл тому, кто лучше него самого знал, что у любой, в том числе и этой силы есть пределы...

Худой поднял меч, целя острием Алексею в грудь и примеряясь, как одним ударом без хлопот и мучений побежденного закончить бой. Клинок уже дрогнул, отправляясь точно в сердце Алексея, когда что-то вокруг изменилось. Словно само время загустело, сделав любое движение, кроме движения мыслей в черепных коробках, невыполнимо сложным. Крепкие захваты, прижимавшие Алексея к земле, разжались. Все почтительно расступились, подчиняясь кому-то невидимому для Алексея. И даже худой человек неуловимым движением опустил свой клинок: только что целил его острием с решимостью быстро убить — и вот уже стоит почти расслабленно, с опущенным в землю мечом, и смотрит спокойно, но чуть настороженно куда-то в сторону. Собрав остаток сил, Алексей повернул голову в том же направлении. Там, шагах в десяти от него, стоял, печально глядя Алексею в глаза, тот самый белый человек, который с оскорбительным безразличием выпроводил недавно Алексея и его спутников из мира ангелов-хранителей.

— Ты не можешь завершить начатое,— сказал он тихим голосом. Бездонно-синие глаза с полным равнодушием продолжали смотреть на Алексея.

— Но мне остался всего один удар,— возразил худой.— Я должен закончить свою работу.

— Нет,— ответил беловолосый так же тихо, но в его словах крылась такая сила, что одним словом он мог бы сейчас сровнять горы.— Не здесь и не теперь вершится высший суд. Его время еще не пришло, и ты не вправе. Подчинись.

Алексей не мог оторвать взгляда от пронзительной сини холодных глаз. Поэтому он не видел, как, почтительно склонив голову, худой человек сделал шаг назад. Его узкий меч исчез в тонкой ладони. Взмахнув, словно крылом, полой длинного плаща, худой человек

исчез, оставив на своем месте лишь маленькие, стремительно угасающие смерчики из поднятых в воздух снежинок. А вместе с ним исчезли и остатки его когда-то многочисленного отряда.

Белый человек, не проронив больше ни слова, медленно повернулся. Его одеяния и грива белых волос слились со снегом. Ушей Алексея коснулся тихий голос, пробудивший новые образы и воспоминания:

— До встречи...

А в следующий миг Алексей понял, что остался один в этом мире. И, поняв это, он позволил себе обессиленно потерять сознание.

Просторная равнина с удивительно густой, словно выведенной лучшими селекционерами травой легко вместила бы любое по своим размерам войско. Вокруг равнины, словно канаты гигантского ринга, высились непроглядной стеной заросли многовековых деревьев. С одной стороны равнины устремлялась в небо удивительная скала, напоминающая торчащую из земли гигантскую руку с раскрытой ладонью. Позади этой скалы, почти у самой кромки леса, темнели круги многочисленных порталов, ведущих во множество разных миров. Противоположная сторона равнины повторяла эту, как зеркальное отражение — точно такая же скала, и ряды порталов позади нее.

Алексей стоял на раскрытой каменной ладони, размышляя обо всем, что происходило с ним и в последние дни, и в прошлом. Получив хороший урок от худого человека, едва не забравшего и саму его жизнь, Алексей не метался больше по мирам, как расшалившийся пацаненок по теплым летним лужам после дождя. Отлежавшись и придя в себя, он скользнул в мир Великих Битв и теперь дожидался своего воинства,

чувствуя, как возвращаются силы. Тело стремительно восстанавливалось после тяжелого боя. Вот только разум не находил былого спокойствия. В ушах Алексея все звучал эхом голос: «До встречи...» Он слышал этот голос раньше, вот только теперь не мог вспомнить — где и когда. И еще этот беловолосый вмешался только в самый последний момент, хотя — Алексей знал, чувствовал — мог бы сделать это раньше. Почему? *Какой* урок он хотел ему преподать?

Когда из порталов начали появляться первые отряды воинства, Алексей спустился навстречу, с волнением всматриваясь в ряды пришедших воинов. Все, что он сказал своим друзьям при последней встрече, оставалось неизменным, но теперь для Алексея вдруг стало жизненно важным узнать, все ли они остались ему верны. Первым из порталов появился громадный Хардар в сопровождении десятка своих телохранителей. И только потом начало выбираться остальное объединенное войско орков и гномов. Не успел орк достигнуть скалы, как со стороны других порталов показался многочисленный отряд могучих черноволосых воинов, идущих налегке и одетых лишь в простые кожаные одежды. Впереди, мгновенно отыскав хозяина глазами, торопился Зур. И Алексей вдруг успокоился. Нет, он не нашел ответов на все кипящие в его голове вопросы, не понял до конца самого себя и своего места в этом мире. Но ему вдруг стало спокойно, как человеку, ощутившему рядом плечи верных друзей. Алексей скользнул со скалы, направляясь навстречу друзьям и успевая еще с высоты заметить, как выходят из порталов могучие воины в кожаных юбках, ведомые стройной «амазонкой»...

Весь день через порталы приходили все новые и новые отряды. Уже все первые помощники Алексея пришли в мир Великих Битв, наполнив сердце его

щемящей радостью, а созванные ими со всех миров войска все шли и шли. Но уже давно они не были одиноки в этом мире — с противоположной стороны долины столь же стремительно росло другое войско. Алексей вместе со своими друзьями поднялся на ладонь скалы. Он не боялся грядущей битвы, но все это время в его душе разгорался еле заметный огонек сомнения. И не в силе своей и своего воинства Алексей сомневался сейчас, а в своей правоте, что было для него намного худшим. Он ведь так и не вспомнил, *почему* отказал в верности своему суверену.

На противоположной скале виднелись несколько точек. Алексей напряг глаза, приближая изображение. Полыхнули белым пламенем над черным камнем скалы белые крылья. Алексей невольно вздрогнул, увидев, как только что приземлившийся на далекой скале человек спрятал свои крылья, слившись в одном ряду с несколькими такими же белыми людьми. Алексею показалось, что он узнает одного из них. «До встречи...— зазвучал в голове голос, обретя вдруг новый смысл.— Не здесь и не теперь вершится высший суд. Его время еще не пришло, и ты не вправе. Подчинись».

Алексей перевел взгляд на войско, растущее вокруг скалы с белыми людьми. В его рядах стояли самые разные воины, как и в рядах войска Алексея, и точно так же оно не выглядело войском, порожденным Злом.

— Ты готов, мой возлюбленный господин? — прошептала неслышно для остальных подошедшая совсем близко Эльви.

— Что? — переспросил Алексей, до которого не сразу дошел смысл вопроса колдуньи, настолько он был занят своими мыслями.

Ибо он так и не вспомнил, почему все началось. Но он уже знал, что неуверенность неменьшая беда, чем самоуверенность. И если он проявит сейчас то

либо другое, он просто предаст тех, кто поверил ему и пришел сюда по его зову. И потому он тряхнул головой и, повернувшись к своим друзьям, сказал:

— Пора начинать. Мы не станем ждать ни утра, ни дополнительных сил. Такой чудный вечер тоже отличное время для битвы. Решим все сейчас и здесь.

Обрадованные тем, что тревожное ожидание закончилось, все заторопились вниз, чтобы встретить опасности битвы в рядах своих воинов. Алексей остался совершенно один на высокой скале, под которой грозно заревели боевые трубы. Войско строилось, сосредоточивалось, готовилось умереть или победить...

А Алексей напрягся и в последний раз попытался проникнуть в глубины своей памяти, вспомнить, что послужило причиной его бунта. И почему столь многие из разных миров пришли сюда по его зову. Он попытался еще раз нырнуть в глубины того, что все вокруг называли Сутью. Его Сутью...

Неожиданно что-то большее, чем войны отдельных сущностей, коснулось Алексея. Он вздрогнул от неожиданности, замерев и прислушиваясь к своим ощущениям. Он почувствовал себя ребенком, на которого смотрит большой и бесконечно мудрый отец. Он почувствовал, что действительно стоит сейчас над бездной. Только это бездна той ошибки, которую он готов совершить.

И вдруг Алексей понял ВСЕ. Словно великое озарение вдруг нашло на него. Все вдруг стало простым и понятным настолько, что лишь осознание бескрайнего величия этого нового знания удержало его от удивления своим глупым непониманием.

Нет божества, кроме Создателя. Ибо Суть есть благодать его, простершаяся над великим множеством миров. Благодать всеобъемлющая, всепоглощающая. А все сущее лишь частицы ее. И Алексей, и все другие

живущие, разумные или нет, и даже нежить,— все это лишь проявления Сути. И бесконечна жизнь в единстве с Сутью. И бесконечно число миров, в которых простерлась Суть. И тот, кто повелевает, должен уметь и повиноваться. Тот, кто повинуется с достоинством, заслуживает права повелевать в будущем.

— Слава Богу, Господу миров, милостивому, милосердному, держащему в своем распоряжении день суда,— зашептал Алексей неожиданно пришедшие в голову фразы.— Тебе поклоняемся и у Тебя просим помощи...

Он ВСПОМНИЛ! Да, он восстал, но не против своего господина. Он восстал против тех, кто олицетворяли Его порядок в этом мире. Против своих сородичей, раз и навсегда разложивших все миры и расы в незыблемом Порядке и определивших каждой расе и виду разумных свое место в строгом порядке миров. Да, наверное, когда-то только они, те, кого потом назвали ангелами, и могли считаться разумными в этом мире. Но с того времени прошли сонмы веков и тьмы тысячелетий. И многие из тех, кто сейчас выходил на битву в его войске, в том, столь давно установленном Порядке чувствовали себя задыхающимися. Они уже поднялись по лестнице разума и духа достаточно высоко, но Высшие отказывались признавать за ними даже шанс на то, что они когда-нибудь станут если не равными, то хотя бы не столь ничтожными. И потому Черный ангел выступил против порядка, установленного его же собственными сородичами. И вздыбил в смертельной схватке тысячи миров и миллиарды разумных существ. И... проиграл. Проиграл, но зародил у тех, кто противостоял ему в той войне, сомнения в абсолюте собственной правоты. Поэтому, даже восстановив Порядок и жестоко покарав отступника, многие из них задумались над мерой его

вины и своей правоты. Другие же посчитали его не просто отступником, но тем, кто гораздо опаснее,— смутьяном, не только покусившимся на незыблемое, но и сбивающим с толку других. И потому даже после его изгнания некоторые не оставили попытки раз и навсегда избавиться от предателя...

Алексей поднял голову к высокому небу, не видя его восхитительной чистоты, как когда-то в другом мире, в другой жизни. Так вот что пытался заставить его вспомнить беловолосый... Алексей улыбнулся. Он вспомнил и его настоящее имя. Тогда он был главой его противников, а на суде неожиданно для всех стал главой его защитников. И именно ему он обязан тем, что наказание было не столь суровым, как требовало большинство его сородичей... А в последний вечер перед ссылкой он пришел к нему. Они долго говорили друг с другом. И не только словами... И тот, кто потом получил в Забытом мире имя Алексей, услышал тогда напоследок:

— Да, это наказание, друг мой. Но вспомни: и «наказание», и «наказ» несут в себе один и тот же корень.

А он не исполнил своего наказа...

Взгляд коснулся сознания Алексея. Он мог поклясться, что вновь испытал это ощущение. Как ребенок, почувствовавший внимание наблюдающих за ним исподтишка родителей. Все эти охотники, спутники, события последних дней — все это имело значение лишь для того, чтобы привести Алексея к пониманию. Не от них он бежал все это время, а от собственной гордыни и непримиримости. И именно для избавления от этого его и отправили *учить урок* в Забытый мир...

Алексей выпрямился, только крылья сейчас не полыхнули черным пламенем за его спиной, как и меч, покоящийся в ножнах смирения где-то глубоко внутри. И даже за подданных своих не просил он сейчас,

ибо знал — не будет им наказания за верность и любовь к своему господину. И лишь ему отвечать и за себя, и за поступки тех, кто действовал под его рукой...

— Я готов! — четко выговорил Алексей, ни на миг не сомневаясь, что будет услышан.

Мир качнулся, как будто Алексей соскользнул в бездну, начав стремительное падение. Все слилось в бесконечный тоннель, в который он неудержимо проваливался. Мысли замедлились, растворяясь в мерцающих стенах тоннеля. А в следующий миг свет погас...

Алексей стоял в ночной тьме, пялясь на освещенную огромной луной стену деревьев, охраняющих покой Битцевского парка. Покрутив головой, он постарался вспомнить — что же здесь привлекло его внимание? Но отчего-то это воспоминание никак не находилось в его усталой после тяжелого трудового дня голове.

— Да и пес с ним! — махнул рукой Алексей, так и не вспомнив причины своей парковки в столь странном месте в столь странное время.

Он развернулся и, неторопливо достав из кармана пачку «Парламента», побрел к сыто урчащему у обочины дороги «ауди». Надо поменьше работать — не ровен час, крыша потечет. А у него еще планов громадье в этой жизни. Слишком многое надо успеть. «Ауди», глухо рыкнув, сорвался с места, словно нетерпеливый рысак, дождавшийся хозяина. И через минуту ничто больше не нарушало покоя ночного леса.

Алексей склонился над кроваткой, с улыбкой глядя на своего крошечного сына. Это, несомненно, самый

замечательный и самый красивый малыш во всем мире. Правда, движениями он сейчас больше походил на перевернутого на спину майского жука.

Где-то за окном, у соседей, громко пел Шевчук:

Дождь, звонкой пеленой наполнил небо майский
дождь.
Гром, прогремел по крышам, распугал всех кошек
гром.
Я открыл окно, и веселый ветер разметал
все на столе —
Глупые стихи, что писал я в душной и унылой
пустоте.

— Любишь его? — спросила незаметно подошедшая жена Надюха.

— Как его можно не любить? — ответил вопросом на вопрос Алексей.— Он просто чудо.

— Знаешь, иногда мне кажется, что он все понимает и знает, только сказать ничего не может. Как будто взгляд такой, совершенно осмысленный. А иногда так взглянет, словно нас всех просто ненавидит,— сформулировала свои наблюдения Надя.

Грянул майский гром, и веселье бурною, пьянящею
волной
Окатило. Эй, вставай-ка и попрыгай вслед
за мной!
Выходи во двор и по лужам бегай хоть
до самого утра.
Посмотри, как носится смешная и святая
детвора.

— Он не может нас ненавидеть,— усмехнулся Алексей, расслышав последние слова известной песни.— Он сейчас еще святой. В нем нет зла. А нашу любовь он тем более должен чувствовать. Должен видеть, что

мы его любим. Может быть, это маленькие дети лучше взрослых чувствуют.

— Ты прав,— кивнула согласно Надюшка, обнимая мужа и чувствуя себя совершенно счастливой рядом с этими двоими мужчинами.— Он ангел. Наш любимый белый ангел.

Тихий шелест работающего в четверть силы гибридного двигателя убаюкивал, навевая дрему. Да и дорожные повадки «Лексус LS-650» не добавляли бодрости. Словно межконтинентальный лайнер, этот большой автомобиль со всем возможным комфортом нес пассажира по суетливым московским улочкам. Алексею Борисовичу почему-то вспоминались давным-давно ушедшие годы.

— Старею,— буркнул он едва слышно, пытаясь сконцентрировать внимание на прихваченной из офиса перед уходом свежей газете.

Внимание не концентрировалось, вновь и вновь блуждая по прошлому. «Старею» — уже не кокетство перед самим собой. Ведь шестьдесят без малого. Правда, добрые эмоции возвращают молодость. А как эмоциям не быть добрыми, когда жизнь удалась. Дочка в МГУ, отличница, вот-вот закончит. Сын в спорте имя себе заслужил — наград полон дом. Да и с семейным бизнесом отцу оба помогают побольше замов. Алексей Борисович улыбнулся, вспомнив, какими молодыми и счастливыми они с Надеждой были, когда Бог подарил им первенца. Да и сейчас сил хоть отбавляй. Многое сделано, но не меньше еще сделать надо. И планов громадье.

— Эх ты! — охнул Алексей Борисович от неожиданно стеганувшей боли под левой лопаткой.

В глазах зарябило, поплыло...

— Алексей Борисович, что с вами?! — испугался водитель Миша и резко бросил машину к обочине.— Алексей Борисович, вам плохо?!

«Как жаль»,— подумал Алексей Борисович, не находя уже сил, чтобы просто ответить своему водителю: «Так рано. Я еще столько всего не успел сделать».

Он в последний раз коротко вздохнул, медленно заваливаясь влево, в приветливые объятия кожаного сиденья. Мир потух, оставив все хлопоты и переживания по ту сторону темноты. И только одна мысль выплыла из темноты внезапно и вроде как несвоевременно: «Я возвращаюсь...»

Свежий ветер едва ощутимо коснулся щеки, донося волнующие запахи ночного леса. Серебром, чистым, словно свет огромной полной луны, зазвенели колокольчики волнующего смеха.

— Я ждала тебя, мой возлюбленный господин. Хочу разделить твой первый глоток свободы...

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!
Издательство просит отзывы об этой книге и Ваши предложения по серии «Фантастический боевик» присылать по адресу: 125565, Москва, а/я 4, «Издательство АЛЬФА-КНИГА» или по e-mail: mvn@armada.ru
Информацию об издательстве и книгах можно получить на нашем сайте в Интернете: ***http://www.armada.ru***

Литературно-художественное издание

Фантастический боевик

Роман Валерьевич Злотников,
Олег Владимирович Маркелов
КРЫЛО АНГЕЛА

Фантастический роман

Заведующий редакцией
В. Н. Маршавин

Ответственный редактор
Т. А. Стельмах

Художественный редактор
Н. Г. Безбородов

Технический редактор
А. А. Ершова

Корректор
Н. А. Карелина

Компьютерная верстка
Т. А. Рогожиной

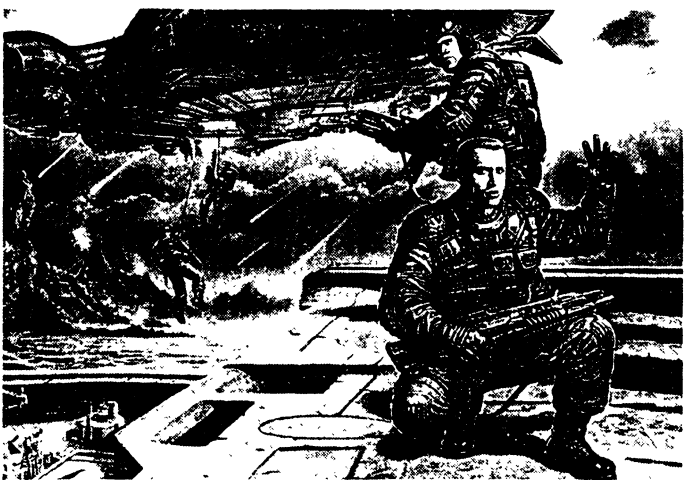
Подписано в печать 06.07.07. Формат 84×108/32.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бумага газетная. Усл. печ. л. 23,52. Тираж 40 000 экз.
Изд. № 4555. Заказ № 1370

ООО «Издательство АЛЬФА-КНИГА»
125565, Москва, а/я 4; ул. Расковой, д. 20
Изд. лицензия ЛР № 066460 от 30.03.99
СЭЗ № 77.99.02.953.П.001254.08.03

Отпечатано в ОАО «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ПРЕДСТАВЛЯЕТ



Роман ЗЛОТНИКОВ,
Антон КРАСНОВ

ЛЕННАР. СКВОЗЬ ТЬМУ И... ТЬМУ

Он потерял семью, страну, веру, любовь и вот-вот потеряет свой мир. Но он готов спасти всех, кто ему поверил, и повести их за собой. Сквозь Тьму и... Тьму. Сквозь заполненные мраком бездны космоса и сквозь мрак ненависти, властолюбия, злобы и косности. И никто не знает, удастся ли ему это...

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Роман ЗЛОТНИКОВ,
Антон КРАСНОВ

ЛЕННАР. КНИГА БЕЗДН

У древних пророчеств есть замечательное свойство: они непременно сбываются. И потому так боятся их негодяи и узурпаторы, подлецы всех мастей, рьяно оберегающие свои тепленькие, уютные местечки. Отчего-то они знают, что, сбудься пророчество — и им, объявившим себя блюстителями веры, носителями Чистоты, ревнителями Благолепия, первым не сносить головы. Поэтому и бросают они в молох войны с «еретиками» все новые и новые тысячи одураченных, обманутых ими людей. Есть ли сила, способная остановить это безумие? Спасти мир, находящийся на грани гибели? Да, есть. Леннар, глава Обращенных, берет на себя эту трудную миссию. У него есть план, есть верные сторонники... Впрочем, все ли они верны ему? Но мудры, мудры древние пророчества — они предугадали даже предательство. Предначертание свершится!

Издательство
Альфа-книга
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

Грон

Трилогия в одном томе

Павший жертвой квартирных стяжателей, ветеран госбезопасности Казимир Пушкевич в последний момент дотягивается до подаренного ему старым корейцем Люем шлема. Он избежал смерти и оказался в другом мире в новом, молодом и пока непослушном ему теле, еще не зная о том, что преображение ввергнет его в борьбу за достижение верховной власти и бескомпромиссный конфликт с могущественной тайной организацией, управляющей в этом мире.

Издательство
Альфа-книга
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Роман Злотников

Берсеркер

Дилогия в одном томе

Мощным ударом из космоса уничтожены Лондон, Париж, Вашингтон, Москва. На Землю вторглись канскеброны — высокоорганизованные роботы, умеющие анализировать, логически мыслить, но не имеющие имен...

Мрак опустился на планету Земля. Мрак бесправия, насилия, голода, подавленных желаний, строго регламентированного устройства существования человеческой особи.

Но жизнь продолжается, как вода течет подо льдом. В глубине, в толще потаенной Земли зреет и набирает силу новое племя людей — берсерки...

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Павел КОРНЕВ

ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ

Чем может пожертвовать человек, чтобы остаться самим собой? Честью, добрым именем, любовью? Кейн рода Лейми поставил на кон все — и теперь у него нет другого выбора, кроме как любыми средствами добиться заветной цели. И пусть за ним по пятам идут охотники за скальпами, инквизиторы и чернокнижники, он не из тех, кто останавливается на полпути. Вот только не слишком ли высокую цену Кейну в итоге придется заплатить?

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Наталья ИГНАТОВА

ПЫЛЬ НЕБЕС

Имя — Тир. Порода — демон. Род занятий — убийца.

Он бежал из родного мира только для того, чтобы в мире чужом оказаться в той же самой ситуации, оказаться под угрозой смерти. И что же делает беглец? Правильно, ищет покровителя. Хозяина.

Его хозяином стал Эрик фон Геллет, человек, которому не нужен был демон и убийца. Ему был нужен талантливый пилот. Для Тира же небо — родная стихия, а земля — лишь пересадочная станция.

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Наталья ИГНАТОВА

ВОЛЧЬЯ ВЕРНОСТЬ

У мира под названием Саэти есть два смертельных врага: драконы и демоны. И тех, и других принято убивать без раздумий, без предварительных переговоров. Не подозревающий об этом дракон включил Саэти в список пунктов своей увеселительной прогулки. А ничего не знающий о других мирах демон вообще не думал о том, куда попадет,— он просто искал выход из преисподней.

Их пути пересеклись во враждебном им мире, перед ними встала задача выжить. А перед обитателями Саэти встал вопрос гораздо более сложный: может ли гениальность послужить оправданием беспросветному злу? Имеют ли право на жизнь враги всего живого, одаренные уникальными талантами? И если нет, кто возьмет на себя ответственность их уничтожить?

КРЫЛО АНГЕЛА

РОМАН ЗЛОТНИКОВ,
ОЛЕГ МАРКЕЛОВ

9 785935 569150